МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

Г.Ф. Быконя

Избранные труды

Том 6

ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКА
Документы и материалы XVII–XVIII веков

Издание 3-е, дополненное и переработанное

КРАСНОЯРСК
2018

ББК63.3(253.5)
Б 953

Составитель, автор Введения, обзорных статей и комментариев
доктор исторических наук, профессор
Г.Ф. Быконя

Р е ц е н з е н т:
Кандидат исторических наук, доцент
В.В. Буланков

Быконя Г.Ф.

Б 953 Избранные труды. Т. 6: История Красноярска. Документы и материалы. XVII – XVIII веков / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 3-е изд., доп. и перераб. – Красноярск, 2018. – 473 с.

ISBN 978-5-00102-223-7

Сегодняшний Красноярск перешагнул рубеж своего 390-летия. За это время город прошел славный исторический путь от деревянного острога-крепости до крупнейшего в Восточной Сибири индустриального и культурного центра.

История города, его становления и развития интересна и дорога красноярцам. В 1981 году вышел сборник документов «Город у Красного Яра», в котором впервые довольно широко и обстоятельно была представлена социально-экономическая, политическая и культурная жизнь Красноярска за два столетия – XVII и XVIII века. Он мгновенно разошелся и давно стал библиографической редкостью.

В 2000 году в связи с 370-летием Красноярска он с аналогичным сборником за первую половину XIX века вышел в работе «История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX вв.». Красноярск: Офсет, 2000. 848 с.

Это издание с дополнением нового материала составило данный шестой и следующий седьмой тома юбилейных «Избранных трудов», которые начали выходить с 2015 года.

ББК 63.3(253.5)

За помощь в издании благодарю земляков –
братьев Г.А. и Ю.А. Сиротининых

ISBN 978-5-00102-223-7

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018
© Быконя Г.Ф., составление, 2018

Введение

Данная публикация предназначена дать по мере возможности полный и сопоставимый материал по первым двум этапам истории Красноярска с момента его возникновения до начала разложения феодализма в стране. Эта задача определила структуру сборника, объем основных его частей, содержание комментариев, приемы археографической обработки публикуемых документов и материалов.

Включены документы многих центральных и местных архивохранилищ, музеев и библиотек страны. Помимо архивных документов, привлечены рукописные или малоизвестные научные труды, мемуары, публицистика русских и иностранных ученых и путешественников, письма, проза, стихи и изобразительные материалы литераторов и художников. Многие из этих работ являются библиографической редкостью и почти недоступны массовому читателю.

При подготовке документов за основу взяты «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1972). Документы и материалы расположены в сборнике в хронологической последовательности. В заголовках сохранены названия делопроизводственных видов документов соответствующего периода: «отписка», «челобитная», «сказка», «прошение». Даты в заголовках и в тексте документов даны по старому календарю, то есть сохранено старое летоисчисление. В делопроизводстве XVII века цифры, обозначающие тысячи, опускались, например, вместо 7139 писалось 139. Если документ написан в Красноярске, то это в заголовке не указывается.

Документы XVII–XVIII веков воспроизводятся с учетом орфографических особенностей эпохи. Пунктуация дана с учетом требований современного русского языка. Опубликованные прежде материалы помещены в сборнике с сохранением особенностей первой публикации.

Документы и материалы, опубликованные в извлечении, а также пропуски в документах отмечены многоточием (…). Осо-

бенности текста, орфографические и смысловые мелкие уточнения даются в тексте документа под обозначением *(Г.Б.)* или оговариваются в подстрочном примечании, ссылка обозначается звездочкой*. В комментариях оговариваются отступления от делопроизводственной нормы, археографические сведения, фактические ошибки, приводятся сведения, раскрывающие историю появления документа и углубляющие его содержание.

Отсылка к сложному комментарию дается над строкой цифрами в документе (1, 2, 3…).

Документы сборника сопровождаются справочными данными: место хранения документа или первая его публикация, шифр архива. В конце сборника дается терминологический словарь, где раскрываются устаревшие понятия и термины.

До 1 января 1700 года исчисление времени в России велось от «сотворения мира», то есть от 5508 года. Указом Петра I от 15 декабря 1699 г. было установлено начало нового года не с 1 сентября, а с 1 января и введена западноевропейская эра, ведущая летоисчисление от рождения Христа (Р.Х.), то есть после 31 декабря 7208 г. от «сотворения мира» шло 1 января 1700 г. нового летоисчисления. Но календарь остался юлианский, который отставал от более точного григорианского в XVII веке на 10 дней, в XVIII – на 11, в XIX – на 12, в XX – на 13 дней. Это время следует прибавлять, чтобы перевести приводимые в сборнике даты на новый стиль, введенный в нашей стране в 1918 году.

Первая часть «Острог у Красного Яра» посвящена XVII – первой четверти XVIII века, когда Красноярск был прежде всего порубежной крепостью, важным опорным пунктом присоединения и освоения русскими Южной Сибири. Она подверглась определенной переработке, содержит по сравнению с прежним изданием несколько новых документов и хронологически расширена.

Вторая часть «Город уездный» охватывает события второй четверти XVIII – конца XVIII века, когда Красноярск превратился в видный центр земледельческой округи, где медленно складывалось собственно городское ядро торгово-ремесленного населения. Тогда же город стал, пожалуй, самым крупным опорным пунктом научного изучения всей Восточной Сибири.

Составителем и автором комментариев данного издания является доктор исторических наук, почетный профессор КГПУ им. В.П. Астафьева Г.Ф. Быконя.

В выявлении документов к первому изданию и археографической их обработке, кроме составителя, принимали участие бывший директор Государственного архива Красноярского края А.Н. Карлова, заведующая отделом научной информации и публикации С.А. Минина и археограф В.А. Михайлова.

В научно-вспомогательной работе по подготовке документов и материалов и составлении терминологического словаря участвовала археограф крайгосархива В.А. Михайлова.

Путевые записки Д.Г. Мессершмидта и И.Г. Гмелина, включенные в сборник, переведены на русский язык старшим преподавателем Сибирского технологического института (ныне университета) Л.Б. Гардером и Г.Ф. Быконей.

В сборнике даны фотографии из фондов Государственного Эрмитажа, Красноярского краевого музея и личного архива Г.Ф. Быкони.

Составитель приносит глубокую благодарность за помощь Красноярскому краеведческому музею, Государственному архиву Красноярского края, заслуженному архитектору РФ, почетному гражданину г. Красноярска Э.М. Панову, архитекторам В.Ф. Савиной и Е.В. Ямщиковой (Гевель), архивисту Т.И. Баженовой, музейному работнику Л.А. Сысоевой.

Сборник документов по истории г. Красноярска XVII–XVIII веков рассчитан на широкий круг читателей: преподавателей вузов и техникумов, учителей истории средней школы, краеведов, студентов и старших школьников – на всех тех, кто интересуется историческим прошлым города и родного края.

Он также может быть использован как учебное пособие по региональному компоненту программ высшей и общеобразовательной школы.

Печать Красноярского острога, приложенная к грамоте 1644 г.

Часть I. ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ ЖИЗНИ КРАСНОЯРСКА

Красноярск играл видную роль в ходе присоединения Сибири к России. В его ранней истории отразились многие важные общероссийские события и явления.

Город, как и многие сибирские города, начинал свой путь деревянным острогом-крепостью. Он надежно прикрывал пашни и деревни русских поселенцев по Среднему Енисею, а также город Енисейск и отчасти Томск с Кузнецком от постоянных набегов воинственных местных киргизских князей, за спинами которых стояли северомонгольские алтын-ханы и джунгарские (камыцкие) правители. Почти сто лет Красноярск оставался преимущественно приграничным форпостом-крепостью. Отряды енисейских киргизов совершали чуть ли не ежегодные набеги на окрестности Красноярска, осаждали сам острог, истребляли и угоняли в плен коренное и русское население, уничтожали посевы (см. № 3, 6. 7, 10, 16, 17, 19. 23, 24).

К первому десятилетию XVIII века острог как крепость достиг своего наивысшего развития. Его гарнизон в 859 казаков стал одним из самых многочисленных по всей Сибири. Разросся поставленный

в августе 1628 года сыном боярским Андреем Ануфриевичем Дубенским малый острог, представлявший собой в плане неправильный прямоугольник 100х120 м, обнесенный деревянной тыновой стеной, земляным валом, рвом, надолбами и рогатками (см. № 7). У западной стороны его укреплений (ул. Каратанова) со временем сложился новый укрепленный «большой» город, состоящий более чем из 300 дворов и деревянной Покровской церкви (ул. 9-го Января, у территории краевого суда). Всего в 1713 году в Красноярске насчитывался 371 двор, где проживало 1295 душ мужского пола и 1217 душ женского пола (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2242. Л. 1–32).

В первый век существования города социально-сословный состав горожан и их хозяйственно-бытовой уклад тоже определялись военно-административными функциями.

Первыми и довольно долго почти единственными жителями «Новокачинского, или Красного, острога», как тогда нередко называли Красноярск, были казаки (в 1713 г. – 80 % жителей). Они, как и все сибирское казачество XVII – начала XVIII века, одновременно были и воинами, и чиновниками, и работными людьми. Красноярские служилые бились, не щадя живота, на стенах острога и несли на них караульную службу, «тайгами» и «степными сакмами» ходили походами на «немирные землицы», собирали ясак, по году маялись на гарнизонной службе в отдаленных Канском (г. Канск основан в 1636/37), Ачинском (1641, перенесен в 1683 на место совр. г. Ачинска), Караульном (1675), Абаканском (1707) и Саянском (1717–1718) острожках, часто бывали в дальних приграничных дозорах и караулах; на городском торгу и по уездным заставам собирали таможенные пошлины с проезжих и местных торговых людей; в качестве приказчиков надзирали за пашенными крестьянами; отводили поселенцам пахотные и сенокосные угодья; сидели в канцелярии пищиками, счетчиками «товарной и денежной казны» и толмачами; были у «оценки пушной казны»; на казенные нужды закупали различные припасы и «хлебный провиант»; отвозили деньги и пушнину в Москву; конвоировали ссыльных и ловили беглых. Нередко казакам приходилось откладывать в сторону пищаль, копье, саблю и браться за топор, тесло или весло, чтобы обновить или заново срубить городские укрепления, на-

вести мост, «изладить» дощаник или лодку, сплавить лес или хлеб. Им же приходилось обслуживать казенные мельницы, кузни, городские часы, проезжие ворота, настенную артиллерию и выполнять другие всевозможные «службы». За все это шло «государево жалованье», которое нередко существовало только на бумаге, ибо казна и «своевольно своим лакомством» воеводы выдавали его нерегулярно и не в полном объеме (см. № 10, 17).

Естественно, что в таких условиях казаки и члены их семей вынуждены были обращаться к охоте, сбору на ближних островах дикого хмеля, к торговле с ясачными, к ремеслу и, наконец, хлебопашеству (см. № 14, 31). Со всех этих занятий казна брала налог в 1/10 общего дохода. С заведенной пашни каждый пятый сноп, или 1/5 урожая, надлежало тоже отдать казне. Этот так называемый «отсыпной», или «пятинный», хлеб не взимался лишь в том случае, когда казак отказывался или не получал хлебного жалованья. Но в те беспокойные десятилетия XVII века лишь отдельные казаки-красноярцы (в начале XVIII в. – 43 чел.) решались обрабатывать положенные при этом 15 десятин безоброчной земли. Ведь даже в окрестностях города в одно мгновение можно было потерять все – и затраченные на ниву труды, и даже собственную голову. Поэтому многие красноярцы, по неточному выражению первого советского сибиреведа, члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, жили для войны и войной.

Надежды на «ясырь» и «пограбленные животы» приводили в отряд идущих в поход казаков добровольцев из числа неверстанных в службу казачьих детей и просто разных пришлых людей.

Ярче в приграничном Красноярске проявлялись и особенности социального развития Сибири, этой восточной окраины крепостнической России. Различные социальные слои пришлого населения пытались в Сибири жить по-своему.

Казачья и имущая верхушка изо всех сил стремилась де-факто и де-юре стать дворянами-крепостниками с правом свободного распоряжения людьми и землей. В Красноярске, как и в других сибирских городах, широко бытовали купля-продажа людей, «похолопливание» бедняков, поземельные сделки. Однако установлению в Сибири частнопомещичьих крепостнических отношений, которые

с принятием в 1649 году Соборного уложения окончательно утвердились в Европейской России, препятствовали не только «снизу», но и «сверху». Казна ни с кем не желала делиться огромными доходами от Сибири. Ведь одна пушнина в лучшие годы давала около 1/5 всего государственного дохода (см. **Павлов П.Н.** Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 104). Пестрое социальное происхождение верхушки местного сибирского общества было удобным поводом для феодального правительства не предоставлять ей привилегий российского дворянства. Вместе с тем власть старалась не допускать в Сибирь и российских помещиков, желая монопольно присваивать доходы от богатейшей Зауральской окраины. Присылаемые в сибирские города царские воеводы выступали как бы доверенными приказчиками казны – корпоративного помещика-крепостника. Это придавало поистине безграничные масштабы типичному для феодализма административному произволу, а Сибирь делало своеобразной казенной вотчиной (см. № 5,8, 31, 33, 40).

Вместе с тем нельзя считать, что административный гнет в Сибири стоил крепостного права (см. **Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония. Спб., 1882. С. 296). Жизнь вносила существенные поправки. Центральная власть мало доверяла воеводам, почти ежегодно их сменяла, поощряя челобитчиков, «наряжала» строгие «розыски» по жалобам на воевод. Сами воеводы подчас и шагу не могли ступить без поддержки местных служилых людей, из которых формировался низовой аппарат управления. Тесно связанное с казачеством трудовое население Сибири XVII века, по сути дела, представляло собой вооруженный народ, который через мирскую общинную организацию активно противодействовал крепостническим замашкам властей и местных богатеев, стремясь жить по принципу «вольный человек на вольной земле», право на которую обусловлено личным трудом. Но трагизм народных выступлений в феодальную эпоху заключался в том, что объективно крестьянство не могло сломить существующий строй. В случае успеха могла бы произойти смена лиц в верхах и низах.

Являясь одновременно и тружеником, и, в основном мелким, собственником, феодальный крестьянин, а казак во многом был «вооруженным крестьянином с земельным наделом», не мог вы-

работать цельную позитивную социальную программу, не мог достичь нужной степени организованности в борьбе. Труженики феодальной эпохи в основной своей массе не могли подняться выше обыденного самосознания. Мало того, горожанин, тоже, как и крестьянин, являясь мелким собственником, готовым при благоприятных условиях стать эксплуататором-мироедом, нуждался и, в известной степени, поддерживал и сотрудничал с властью, охранявшей его собственность, его личность, но в качестве эксплуатируемого он постоянно боролся со злоупотреблениями властей. Не случайно К. Маркс сравнивал феодальных крестьян с мешком картофеля – они все вместе, и каждый сам по себе.

Классово-сословный дуализм тогдашнего труженика обусловил преобладание таких пассивных, «тихих» форм классовой борьбы и социального протеста, как неплатеж налогов, сокрытие доходов, самовольные переселения, жалобы на притеснения или, по К. Марксу, «бунт на коленях». Сложной формой социального протеста является неприятие догматов официальной церкви, этой, по В.И. Ленину, «верной служанки самодержавия». Раскол и сектантство – как тупиковые пути социального протеста – были довольно широко распространены в Сибири.

К активной же вооруженной форме классовой борьбы трудовое население прибегало тогда, когда накапливались «горы злобы, ненависти и отчаяния». Не случайно наиболее массовые народные движения в России начинаются с формирования общегосударственной системы крепостного права, этой худшей для тружеников крайней стадиальной формы феодализма.

Среди повстанцев наиболее последовательными борцами были те, кто в силу обстоятельств (голытьба) или сознательно высвободился из частнособственнического плена. Последние, если позволяли их личные качества и одаренность, становились вождями движений, какими были, например, Степан Разин и Емельян Пугачев.

Но не каждый нищий являлся последовательным борцом за справедливость. У истоков любой формы социального протеста лежит морально-нравственное неприятие отдельной стороны или всего существующего социального прядка, его идеологии. Только тот, кто общечеловеческие, вытекающие из трудового начала стимулы

жизни (потребность труда и человеческого общения, стыд, чувство родства, забота о больных, детях, снисхождение к слабому, отвращение к насилию), только тот, кто моральные и нравственные правила жизни не подчинял до конца частнособственническому началу, не разменивался на житейские пятаки, только тот становился рано или поздно в ряды активных борцов за «общую волю», за волю для всех тружеников. Чистое дело нельзя делать грязными руками, свое счастье нельзя строить на несчастье других – вот их лозунг.

Прочие же, у которых имеется глубокий разрыв между общечеловеческим трудовым и сугубо собственническим началами, сопротивляются лишь из чувства самосохранения, крайне непоследовательно участвуют в вооруженной борьбе, преследуя узкоэгоистические цели. Из этих обычных тружеников – мелких собственников состояло подавляющее большинство феодального общества. Из-за противоречивых социальных и нравственных метаний, темноты и невежества, вызванных непосильным трудом и огромными лишениями, труженики не всегда понимали глубоко прогрессивную роль своего протеста. Безысходность сословно-классовой борьбы крестьянства в феодальную эпоху, о чем много толковали буржуазные идеологи и историки, была только кажущейся. Ведь чем активнее и мощнее развертывалось сопротивление господствующему несправедивому социальному порядку, тем быстрее он исчерпывал свои потенциальные возможности развития и быстрее приходил к логическому концу.

Красноярцы обращались ко всем отмеченным пассивным и активным формам сословно-классового протеста. Город к рубежу XVII столетия из опорного пункта властей превратился в центр самого длительного в Сибири вооруженного движения. «Государевы слуги» – красноярские казаки – надолго получили прозвище бунтовщиков. Знаменитая Первая «Красноярская шатость» длилась почти целых пять лет (1695–1700). Возмущенные произволом царских воевод, жители Красноярска выгоняли их из города. Один из них, Семен Дурново, даже чуть не поплатился жизнью. Восставшие взяли власть в свои руки. На общих сходках выбирали доверенных «судеек», которые управляли городом и уездом, судили, собирали налоги, ясак и различные платежи. Велось обычное для

воеводских приказных изб делопроизводство. При этом восставшие просили у Москвы хороших воевод и исправно отправляли в столицу собранные казенные суммы и пушнину (см. № 30, 34).

В этом типичном для феодализма народном восстании его участники непосредственно вели борьбу не против всей феодальной системы и ее политической структуры, а против ее крепостнических черт и злоупотреблений властью. Сказывалась двойственная социальная природа феодальных тружеников – мелких собственников, из которых состояло подавляющее большинство населения. Вместе с тем это движение при всей его стихийности, слабой организованности и непоследовательности носило в известной степени антифеодальный характер, так как было направлено против неизбежного при феодализме произвола местных властей.

Аналогичной Первой была малоизвестная Вторая красноярская шатость 1717–1722 годов, когда нежелание казаков строить новый острог в в северном Присанье и нести там службу переросло в открытую борьбу против злоупотреблений местного воеводы и его приспешников (см. № 36–42).

Материальная культура и бытовой уклад красноярского казачества в XVII веке, моральные и нравственно-этические нормы поведения во многом тоже определялись обстановкой военного лагеря, постоянным смертельным риском, преобладанием в городе мужского населения, возможностями легкой наживы и иноплеменным окружением. Казакам как людям того сурового времени более всего были присущи мужество, стойкость, сильно развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине и семейным обязанностям. Бывали даже случаи, когда казак, отправляясь на годовую службу либо в какую-то «дальнюю посылку», сдавал свою жену в «кортом», то есть в аренду другим лицам за определенную плату.

После разгрома енисейских киргизов, ухода части их князцов в предгорья Тянь-Шаня, строительства Абаканского, Саянского острогов и подписания в 1728 г. Кяхтинского мира с Маньчжурией мирная жизнь навсегда пришла на берега Енисея. Начался второй, мирный этап в жизни города (см. ч. II).

ДОКУМЕНТЫ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII вв.

№ 1. 1587/88 г. Владимир. – ДАННАЯ ВАСИЛИЯ, ИВАНА И ВОЛОДА АФАНАСЬЕВЫХ ДЕТЕЙ ДУБЕНСКОГО И АННЫ НИКИТИНОЙ ДОЧЕРИ МАРТЮШОВА – ВДОВЫ ОНУФРИЯ ПИМИНОВА СЫНА ДУБЕНСКОГО, С ДЕТЬМИ ИВАНОМ БОЛЬШИМ И ИВАНОМ МЕНЬШИМ АРХИМАНДРИТУ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОНЕ С БРАТЬЕЮ НА д. РОМАНОВУ В КОЛПСКОМ СТАНЕ ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА

Се яз, Василей, да яз, Волода, (да) Иван Офонасьевы дети Дубенского, да яз, Анна Микина дочь Мартюшова, Анофреева жена Дубенского, да с своими детми с Ываном Большим да с Ываном с Меньшим дали есмя по приказу Онофрея П[и]минава сына Дубенскова, а прозви[ще] Комакина, по его духовной грамоте в Володимерском уезде в Колпском стану Он[уфре]евы матери Огрофеньину Ивановы дочери Симанова приданую вочи[ну–пу]стошь деревню Романово с пашнею и с луги и со всяким угодьем, куды ходила соха и коса и топор истари по тяглу[1], в Володимере в манастырь в дом Рожества Пречистые Богородицы и святаго чудотворца благовернаго и великого князя Олександра Невскаго при архимарите при Иене да строителе старце Серепиене Маркове з братьею по Онофрееве отце по Пимине, а прозвищо по Комаке, да по Онофрееве матере по Огрофене, да Онофрееве брате по Федоре, да его, Онофрееве, душе, и по его родителях душях в вечных благ впрок без выкупу, а по приказу Онофрееву и по его духовной грамоте в Рожественом манастыре в дому Рожества Пречисты Богородицы и великого чудотворца свята благовернаго великого князя Александра Невскаго архимариту Иене да строителю старцу Серепиену Маркову з братьею Онофреева отца Пимина, да матерь его Огрофену, да брата его Федора, да его, Онофрея, во имя его родителей за ту даную вочину написати в литейной и в суботной сенаник и братью кормити однова в году на паметь преподобнога отца Пимина августа в 26 день, а та отчина из Пречисты дому не продати, ни променити, ни роду, ни племяни на выкуп не дати, а хто ся покусит ту пустошь деревню Романову из Пречистые дому продати, или променити, или на выкуп дати роду или племяни, или

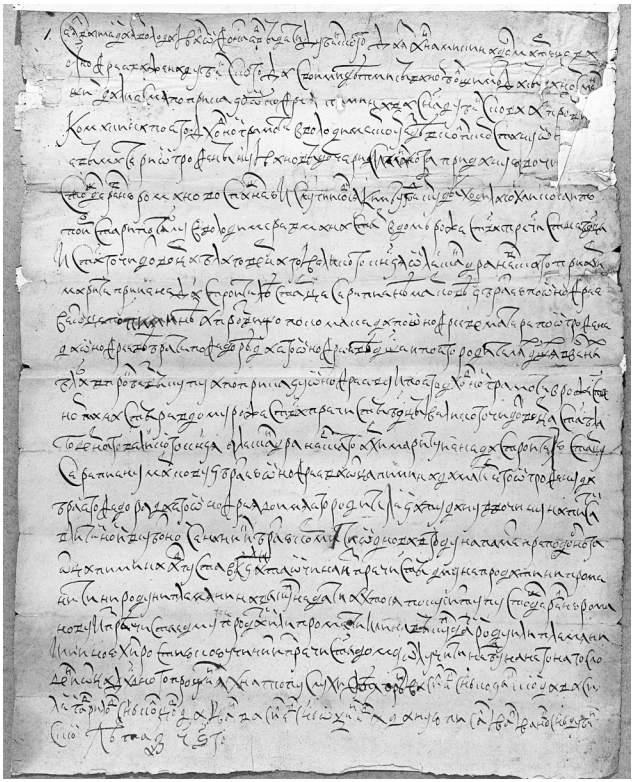
иною хитростию кою учинит из Пречисты дома отлучити, не будь на него благословенья и отца духовного прощенья.

А на то послухи: Федор Васильев сын Козынской да Василей Гаврилов сын Кольцов, да Иван Васильев сын Оксеньев.

А даную писал Иван Иванов сын Дубенской лета 7096-г.

На обороте: К сей даной Володимер Офонасев сын Дубенской, и в брата своево место Иваново, руку приложил. К сей даной Иван Дубенской руку приложил. Послух Василей руку приложил. Послух Иван руку приложил. Послух Федор руку приложил.

РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 90/1867. Подлинник. Первая публикация с переводом (см. Кистерев С.Н. // Русский дипломатарий. М., 2001. № 6. С. 129).

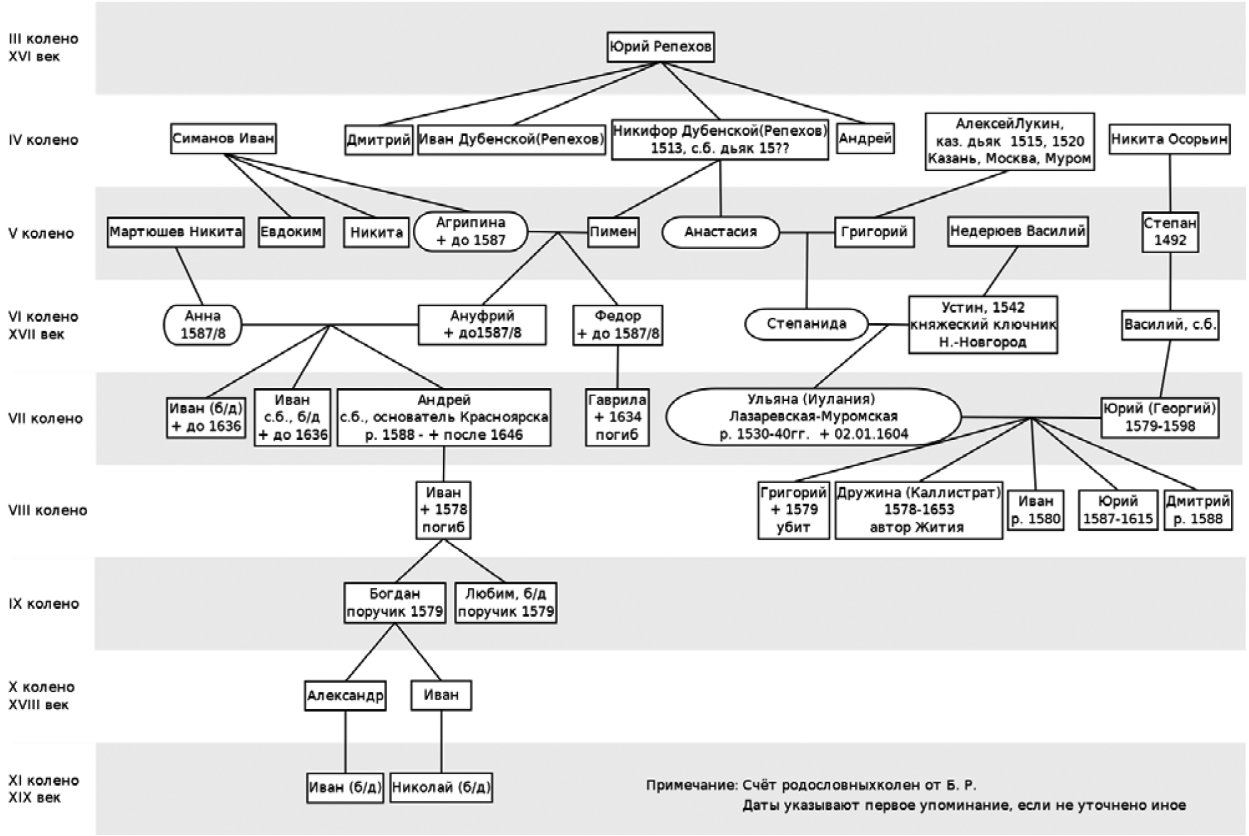
Подлинник документа № 1

Комментарий

Некоторые историки в России и за границей ошибочно полагали, что в 1628 году деревянный острог-крепость Красный яр основал выходец из Польши Анджей Дубенской. Однако Андрей Ануфриевич Дубенский в трех поколениях был потомственный русский дворянин.

Его дед Пимен женился на Агриппине Симоновой, а отец – на владимирской же дворянке Анне Мартюшевой из соседних поместий в Колпском стане. Клан Симоновых с конца XV века с Дубенскими жили бок о бок и общались по-родственному. По отцу бабушка Андрея, О(А)графена Ивановна Сима(о)нова, происходила из обширной дворянской фамилии, которая соседствовала с Дубенскими. В том же Колпском стане, по писцовым книгам Владимирского уезда, во второй половине XVI века насчитывалось четыре поместья Симоновых, да в соседнем Лиственничном стане столько же. Встречаются дворяне-землевладельцы Симоновы и в Орловском уезде (1579, 1586) и в Каширском с городом (1575, 1586) (см. Писцовые книги XVI века / Изд-во ИРГО; под ред. Н.О. Калачова. Спб.,1873. Ч. 1, отд. 2. С. 867–868, 1302, 1358, 434). Во Владимирском уезде они были явно старожилами. Так, в 1636–1643 годах писцы отметили три поместья Симоновых. Память о них дошла до начала XX века. В 1905 году в Покровском, Владимирском и Александровском уездах Владимирской губернии находились три одноименные деревни (см. Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 331). Приданое бабки Агриппины – запустевшую деревню Романову – отец Андрея завещал перед смертью в главный монастырь во Владимире за помин души родителей, своей и брата. Поскольку земля быа вотчинной, то данную написали от имени всех потенциальных наследников пустоши – родных братьев Ануфрия. Почему-то родной брат Ануфрия Самойло отсутствует в данной. Либо он находился в дальней службе, либо умер, либо по воле деда Никифора или отца обязан был «не вступаться» в родовые земли (см. № 2. Схема. Родословная Андрея Дубенского и его близких»). Интересно, что среди вкладчиков показана се-

Родословие Андрея Дубенского и его родных. Схема

мья Онуфрия – вдова Анна с детьми. Андрей же в данной не назван, поскольку еще не родился, но он был от Онуфрия, иначе Анна бы отсутствовала в документе. Отсюда следует, что Андрей родился в 1587/88 году и ему было 40 лет, когда основывал Красноярск.

Корни Родословия Андрея Дубенского уходят в Новгородскую землю XV века. Предком оказался посадский города Старая Русса, около Новгорода, Юрий Репехов – соловар и владелец нескольких населенных деревень. Известный своим умом, энергией и колючим независимым характером, Юрий был выбран на вече, собрании всей Новгородской земли, одним из наместников в Новгороде архиепископа Феофила с 1472 года (возможно, и раньше Ионы) для управления центральной частью огромного владычного хозяйства, называемого Домом Св. Софии. Вместе с частью бояр-нобилей и богатых купцов – «житьих людей» во главе с боярской семьей Борецких он активно противился подчинению Москве. Вопреки воли простых людей они даже были готовы на автономных условиях войти в Великое княжество Литовское, находящееся в личной унии с католической Польшей.

С ликвидацией в 1478 году самостоятельности Новгородской боярской республики московский государь Иван III взял под стражу (арестовал) 8 своих главных политических противников во главе с известной Марфой Борецкой и конфисковал их владения. Среди них был Юрий Репехов. Остаток жизни они провели в различных монастырях.

В отличие от суровой практики того времени, дети Юрия (Иван, Никифор и Андрей) избежали печальной участи отца. Иван III, один из ярких представителей династии Рюриковичей, был дальновидным стратегом, гибким дипломатом, мастером политического компромисса и поклонником древней тактики «разделяй и властвуй». Он массовыми перекрестными переселениями политической и имущей верхушки новгородцев и части правящего сословия центральных районов Московской Руси навсегда связал воедино северную и центральную ветви русского народа, заложив основу будущей русской нации.

Дети Юрия Репехова в конце XV века оказались в центральных уездах Московии в массе «переведенцев», всего до 1500 семей и более 8000 чел. новгородских бояр, дворян, купцов и других «житьих людей». Грамотные молодые братья с помощью братьев князей Кривоборских и Ряполовских (первые служили владычными боярами у новгородских архиепископов) со временем определились в основном в приказную, а также в военную службу и получили поместья. Они стали заметными при Василии III и особенно при регентстве его вдовы, литвинке великой княгине Анне Глинской. Дьяк в одном из приказов Никифор заимел вотчину, а его сын, дьяк же Иван, по прозвищу Одинец, оказался близок ко дворцу и даже породнился с видной московской боярской фимилией Челядниных. От Никифора и пошел род Андрея – дед Пимен по прозвищу «комак» и отец Онуфрий.

Прадед Никифор получил или купил вотчину село Зяблово (Заболотье) в Колпском стане Владимирского уезда. По местоположению этой вотчины, находившейся в бассейне р. Дубна, притоке Волги, дети политического преступника приняли новую фамилию. Прежняя напоминала о политической антимосковской оппозиции (антимосковской деятельности) отца. Эта разумная мера запутала многих историков, поскольку в Москве жили другие Дубенские.

Из служб Никифора известно, что сыном боярским в 1525 году он присутствовал на свадьбе великого князя Василия III, а через 22 года в том же звании нес караул у Фроловских ворот Московского Кремля во время свадьбы его сына Ивана IV Грозного. У него было три сына: Пимен, Афанасий и Иван. Средний, Афанасий, скорей всего, был записан в службу по г. Владимиру, в уезде которого в «Колпском стану» у их отца Никифора была небольшая выслуженная вотчина (с. Заболотье, или Заболово, на Суходоле) (см. № 13).

О службе провинциальных уездных дворян деда Пимена и отца Андрея О (А) нуфрия не удалось найти сведений. Возможно, они несли прказную службу у кнзей Кривоборских или Ряполовских и поэтому не попали в разрядные книги. Из «поколенной росписи», приложенной потомком Афанасия в седьмом колене, губерн-

ским регистратором Павлом Андреевичем Дубенским, к прошению о записи в потомственное дворянство в 1839 году, узнаем, что Афанасий Никифорович в 1579 году был записан в дворянских книгах по Владимиру сыном боярским первой статьи. Этот «дворянский помещик» за земельный оклад в 450 четей (225 десятин) и 14 рублей «сверстных денег» должен был «быть на службе на коне, в пансыре (панцире. – *Г.Б.*), саадаке (с луком. – *Г.Б.*), с саблей, да (вывести с собой. – *Г.Б.*) три человека на конях с копьями, да коня простого, да человека на мерине». Его сын Иван в 1599 году числился в «старой десятне» отца, считался «сыном боярским дворовым», имея минимальный поместный оклад земли в 300 четей и 9 рублей денег. Если судить по должностям и размерам поместья (заселенной земле, которой пока служили-владели), старшие владимирские Дубенские относились к «выборным», то есть лучшим «по породе» дворянам уезда. Их периодически призывали в столицу, где они с «московскими дворянами» несли разнообразную службу.

Андрей Дубенский был последним сыном в семье. Он рано осиротел, судя по тому, что треть его прадедовской вотчины в с. Заболотье им унаследована, как отмечалось, не от отца, а от бездетного старшего брата Ивана. Нет точных сведений, где и как это произошло. Не исключено, что он вырос у московских родственников Дубенских или Хрипуновых, которые издавна играли видную роль в Казанском приказе, ведавшем до 1637 года Сибирью. Возможно, Андрей служил в этом приказе, хотя архивиста Н.Н. Оглоблина можно понять двояко. Неясно, считал ли он А.А. Дубенского приказным человеком до посылки в Сибирь, или «приказчиком», то есть человеком для приказов и посылок при Я.И. Хрипунове. Правомерной будет и другая гипотеза: он остался с братом. Если верно второе предположение, то Андрей Дубенский уже смолоду прошел богатую жизненную школу в условиях приграничья, постоянной угрозы внезапного набега из-за Суры крымских татар, регулярного хозяйственно-бытового и многонационального общения с поселенными литовцами, поляками, татарами и особенно с «черемисами» (территория Курмышского уезда входит сейчас в современную Чувашию). Когда же его взял

с собой в Сибирь Я.И. Хрипунов, то, по всей видимости, на попечении брата он оставил свою семью, которой, скорее всего, уже обзавелся (сын Иван родился, судя по косвенным данным, где-то в начале 20-х годов XVII столетия).

Проект герба Дубенских, поданный в 1788 г. Составлен отставным гвардии прапорщиком Григорием Львовичем Дубенским с двоюродными братьями, премьер-майорами Порфирием и Ксенофонтом Гавриловичами Дубенскими

"Въ щите, имеющемъ голубое поле изображено древо золотый дубъ с гремя желудками. Щитъ увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой виденъ дубъ съ желудками. Наметъ на щите голубой, подложенный золотомъ."

Герб Дубенских, утвержденный Герольдмейстерской конторой Сената после 1788 г. Общий российский гербовник. Часть VI. № 89

«Герб рода Дубенских, потомство Никифора Дубенского». Общий российский гербовник. Часть IX. № 20

Реконструкция. А.А. Дубенский. Художник В. Бахтин

После разбирательства в Москве основатель Красноярска из детей боярских, если историк В.А. Александров писал именно о нем, стал дворянином, но, скорее всего, в том же 1630 году вновь оказался в захолустном Курмыше, где в 1636 году унаследовал после смерти бездетного брата «Ивана Онофриевича» его владения. Согласно писцовым книгам дворян Владимирского уезда 1636–1643 и 1647

годов, он являлся, как отмечалось, курмышским дворянином и мелким вотчинником Владимирского уезда, владея третью родового села Заболотье (см. № 13). Опытный и много повидавший красноярский воевода сразу занял видное место среди местных служилых людей. Так, летом 1641 года он выступает от имени семи дворян против бесчинств, которые творили расквартированные в Курмыше для пограничной охраны «солдаты» частей «иноземного строя». Сохранилось подлинное, поданное им самим челобитье курмышскому воеводе на имя царя Михаила Федоровича (см. № 13).

Дубенские отличались религиозностью демократичного новгородского типа. Выборность населением всех звеньев духовенства, вплоть до архиепископа, придавало идее спасения души и светскую направленность. То есть спасать себя от греха и замаливать чужие грехи можно не только монахом в монастыре, а в миру через жертвенное служение другим людям, независимо от их сословия. Вот почему троюродная сестра Андрея, святая Иулания Муромская-Лазаревская (в миру Ульяна Осоргина), воспитанница бабушки Анастасии, родной дочери Никифора, не в монашестве, а в светской жизни истово (строго) следовала 10 христианским заповедям.

Икона «Святая Иулания Муромская-Лазаревская»

В Смутное время все дворянское имение она израсходовала на спасение голодающих и умерла нищей. Ее признавали и сей-

час признают святой все православные, даже староверы, в современной России и в русском зарубежье.

Андрей родился в 1588 году сразу после смерти отца. Он, скорее всего, воспитывался в семье бездетного старшего брата Ивана. От него Андрей унаследовал треть вотчинных земель в Заболотье и поместье в Курмышском уезде (область Средней Волги).

Андрей прибыл в Сибирь как помошник первого енисейского воеводы Якова Игнатьевича Хрипунова, имея самый низкий разряд для дворян – «сын боярский». Сорокалетний сын боярский, возможно, подьячий Казанского или Посольского приказов (центральных учреждений территориального и ведомственного типа), смог стать основателем Красноярска благодаря, вероятно, протекции московских дворян Хрипуновых и князей Кривоборских с Ряполовскими, а также незаурядным личным качествам.

Он командовал отрядом в 303 человека, собранным из добровольцев казаков, стрельцов и прочих свободных в различных западносибирских уездов. Было очень трудно получить все необходимое из Тобольска и Енисейска для строительства нового острога. Он оказался творчески умелым строителем укреплений и срубил не предписанный, а самый рациональный тип крепостных стен. Андрей Дубенский, выбрав прекрасное место для строительства крепости, проявил себя как эстетически одаренный человек. По градостроительным же возможностям оно, по признанию и современных архитекторов, оказалось просто уникальным.

Дубенский был хорошим тактиком и стратегом. Усиливая российское положение в районе Среднего Енисея, он умело сочетал силу и дипломатию. Никто из первых красноярцев не обвинял его в произволе. В 1630 году он был призван обратно в Москву, несправедливо обвиненный новым енисейским воеводой в ненужности Красноярска. Хотя правда была скоро установлена с помощью Томска и Кузнецка, царь Михаил Романов и Боярская дума были рассержены недостаточной суммой налога в виде ценных мехов, который поступил из Красноярска в его первые годы.

В результате Дубенский послан служить на южную тогда окраину в Курмыш на место умершего брата. Его одна из последних известных служб – участие в обороне Москвы в 1633 году. Он отвечал

за защиту одной из башен Покровских ворот (между Покровскими и Яузскими воротами. В случае набега крымских татар А.А. Дубенский, уже не взятый в полевую походную службу под Смоленск, а значит, пожилой или «увечный», отвечал за оборону одной из башен между Покровскими и Яузскими воротами, имея под своим началом отряд стрельцов и народных ополченцев (см. № 9).

Герб г. Курмыша Симбирской губернии. Уездный

В последние десятилетия историческая несправедливость по отношению к основателю города стала преодолеваться. За Стрелкой по террасе под Качей идет улица, названная в его честь. Осенью 1997 года на круглом левобережном яру около медицинского университета в новом одноименном сквере был воздвигнут ему во весь рост памятник. Однако вряд ли можно согласиться с официальным мнением, что красноярцы выполнили свой долг перед основателем города. Памятник, во-первых, стал не на своем месте – он по всем правилам должен быть на Стрелке, на месте, где был срублен начальный Красноярский острог. Критические замечания от специалистов и общественности были сделаны по поводу архитектурного и общехудожественного исполнения памятника (подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 5: Родословие Андрея Дубенского – основателя Красноярска. 304 с.

1. Традиционная формула «куды соха и топор ходила» отражает устойчивые особенности агротехники средневековой Руси в лесной зоне, где пашня неразрывно связана в подсекой и сенными росчистями.

№ 2. 1624–1625 гг. Курмыш. – ВЫПИСКА ИЗ ПИСЦОВОЙ КНИГИ КУРМЫШСКОГО УЕЗДА ПОДГОРОДНОГО СТАНА О ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЛЯХ ИВАНА ОНДРЕЕВА ДУБЕНСКОГО

За Иваном Онофреевым сыном Дубенским в поместье по государевой грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева 124 (1616) году, что владели курмышеня Богдан да Осип Шипиловы, да невестка их, Вревская, жена Шипилова, пустошь Бурцова по речке на Салае, то преж сего было в поместье за Василием Ермоловым сыном Самойлова, а в нем семь мест дворовых пустых, а непаханые добрые земли наездом – пятнадцать четей, да перелогу – двадцать пять четей; да дикого поля и дубравы – десять четей. И обоего пашни – пятьдесят четей в поле, а в двух – потому ж; сена на подречке по Салаю и по оврагам и по дубраве – пятьдесят копен, лесу хоромного и дровяного – вдоль на версту, а поперек – на полверсты.

Да за ним же, по памяти с Приказа Казанского дворца за приписью дьяка Ивана Болотникова 126 (1618) году, что у него примерено сверх его дачи в пустоши Бурцова, а на примерном (промеренном. – *Г.Б.*) жеребье пашни паханые добрые земли, наездом – пятнадцать четей; да перелогу – пять четей, да дикого поля и дубравы – десять четей. И обоего пашни добрые земли – тридцать четей в поле, а в двух – потому ж; сена по заполью и по дубраве – пятьдесят копен; лес – воопче у всех пустошь Бурцова.

Да за ним же жеребей – пустошь Созоновская на речке на Сундовике, что преж сего было за Михаилом Самойловым, а два жеребья той пустоши в поместье за курмышаны ж, за Замятнею да за Осипом Шипиловыми, а на его, Ивановом, жеребье – восемь мест дворовых. Пашни паханые, добрые земли, наездом – двадцать четей, да перелогу – тридцать четей, да дикого поля, лесом поросло, – пятьдесят четей. И обоего пашни паханые наездом и перелогу, и дикого поля, лесом поросло, – сто четей в поле, а в двух – потому ж; сена по речке Сундовику и по заполью, и по дубравам – сто копен; лесу хоромного и дровяного – вдоль на версту, а поперек – на полверсты.

И всего за Иваном Дубенским в поместье пустошь да жеребей пустоши, а в них шестнадцать мест дворовых пустых. Пашни паханые наездом – пятьдесят четей, да перелогу – шестьдесят четей, да дикого поля лесом поросло – семьдесят четей, и обоего пашни паханые наездом и перелогу и дикого поля, лесом поросло и с примерною землею – сто три чети в поле, а в двух – потому ж, сена – двести копен.

Из сошного письма в пусте полчети к пол-полчети и пол-полполтрети сохи, и не дошло в сошное письмо три ж чети с третником пашни.

(Далее идет описание меж. – *Г.Б.*)

…Первое владение: живые границы – соседи Василия Дубенского (налево от пустоши Бурцовой), Андреевская пустошь, а справа – речка… деревни Суворова, деревня Тихомирова, земли вязьмичей Озерова и Гритцкова. Недалеко большая Лысковская дорога, которой ездят в Мурашково с Лысково. (Интересно, что между сел недалеко указан «дуб виловатый с тремя гранями». Одна, первая грань, указывает границу угодий Василия Дубенского и пустоши Офанасьевской – *Г.Б.*).

…(Вторая) от Черетвинова оврага на березе кудрявату, покляпу на полдник, а не ней две грани: которая береза писана в сей межевой вестию: направо земля Ивана Дубенского, пустоши Бурцевой, а налево земли Василия Дубенского Ондреевской пустоши.

…Второе владение: (пустошь Созоновская) с Федором Юрьевым с братом есть мельница у Ивана Дубенского на ручье Сундовик пополам с Замятней да Осипом Шатиловыми. (Дорога недалеко, что у деревни Семеновки в село Воскресенское… недалеко от села Лысковская дорога.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 227. Л. 541–544 об., 545–545 об., 547, 548.

Комментарий

Ивана, судя по частично сохранившейся писцовой книге 1624–1625 годов, «испоместили» до 1618 года именно в Курмышском уезде, где после «Смуты» начала XVII века на свободных приграничных землях поселяли многих дворян из раззоренных польско-

шведской интервенцией центральных и западных уездов. Из службы брата Андрея Ивана известно немногое. В 1615 году он был в городе Санчюрске стрелецким головой. По указу от 14 июня Иван во главе отряда из 285 черемисов, из коих 25 были крещены в православие, должен был вместе с отрядом из других понизовых волжских городов, которые собирал воевода Степан Иванович Исленьтьев, поступить в подчинение знаменитому освободителю Москвы князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и «идти на Лисовского и на польских и на литовских людей» для оказания помощи городу Брянску. Земли Дубенских лежали по левому берегу Суры, у дороги из села Мурашково, и числились в «Завоцском стане по селу Варавскому и пустошам Бурцевой за Сазоновской».

Важно отметить, что Иван, которому было около 40 лет, поместье получил не от отца, а от бывших других владельцев. После Смутного времени земли были основательно разорены, так что Андрей Ануфриевич позже получил вряд ли богатое наследство от бездетного брата. Пахотных земель в трех местах едва набиралось на минимальный оклад сыну боярскому – 100 четей (50 дес.) в одном поле, причем половина – залежь – «дикое поле, лесом поросло». Крестьян вообще не было – разбежались. Их семь мест дворовых показаны пустыми.

Важно отметить, что сосед Василий Дубенский отмечен в Большой Родословной и был сыном Афанасия, соответственно, дядей Ивана и Андрея.

Интересно, что между селами недалеко отмечен, как живая граница, примечательный «дуб виловатый» с тремя гранями. Первая грань указывает границу угодий Василия Дубенского и пустоши Офанасьевской (см. РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Кн. 227. Л. 541–544 об.).

Как легко заметит дотошный читатель, одна и та же пустошь в одном и том же документе называется то Андреевская, то Офанасьевская и принадлежит она Василию Дубенскому, у которого других пустошей восточнее не было. Логично сделать вывод, что пустошью поочередно владели Андрей и Офанасий (Афанасий).

Следует также отметить, что сосед Ивана Дубенского, Шатилов, был среди жалобщиков, от имени которых выступал Андрей Ануфриевич Дубенский (см. № 10).

Судя по поместным землям, Иван, а после него его брат Андрей, имел минимальный земельный оклад, который получали служилые люди по отечеству – 300 четей в трех полях, то есть 150 десятин различных угодий. Чересполосица земельных держаний была тоже типичной для дворян того времени. Запустелые дворы – это результат Смутного времени и ситуации приграничья. Из этих мест в первую очередь могли уходить в казаки, либо их разоряли крымские татары. «Живущие», то есть хозяйственно используемые земли, облагались налогом. Их включали в так называемое сошное письмо. Соха как единица обложения для господских хозяйств составляла 800 четей в одном поле, а для крестьян она равнялась 600 четей.

Из описания межей видно, что в соседях были «вязьмичи» Озеров и Грицков. Налево от Бурцевской пустоши лежала «Андреевская пустошь», недалеко проходила «большая Московская дорога, по которой ездили в торговые села Мурашково и Лысково».

№ 3. 1625 г., ранее марта 6. Енисейск. – ОТПИСКА ЕНИСЕЙСКОГО ВОЕВОДЫ ЯКОВА ХРИПУНОВА ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ ЮРИЮ СУЛЕШОВУ О ПОСЫЛКЕ АТАМАНА ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВА В ТЮЛЬКИНУ И ТУБИНСКУЮ ЗЕМЛИЦЫ

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князю Юрью Еншеевичу Яков Хрипунов[1] челом бьет. В нынешнем во 133-м году генваря в 1 день посылан был из Енисейского острогу в Тюлькину землицу по государев ясак Енисейского острогу атаман Васька Алексеев с товарыщи да в Тубинскую землицу по государев ясак Енисейского острогу десятник стрелецкой Мишка Шорин, Ивашка Казанец, а велено им, Ваське с товарыщи, в Тюлькиной землице и в Тубинской с тюлькинских и с тубинских людей государев ясак на нынешней на 133-й год збирати. И марта в 6 день Енисейского острогу атаман Васька Алексеев с товарыщи пришел в Енисейский острог и государев ясак с тюлькинских людей 99 соболей взял; а в Тубинскую де землицу тюлькинские люди Мишку Шорина, Ивашку Казанца не пропустили, а сказали тюлькинские люди, что де Тубинской землицы князьцы и лутчие люди со всеми своими людь-

ми откочевали в Киргизы и ныне де живут все тубинцы в Киргизах; а тюлькинские люди о государевых лошадях атаману Ваське сказали, что де у нас продажных лошадей для государевы пашни не будет, да и служивых бы людей к нам для государевы лошадиные покупки из Енисейского острогу не посылали. А в Енисейском остроге для государевы пашни лошадей купить негде. Да Ваське ж с товарищи велено проведать о Тюлькиной землице…

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22 Л. 13–14; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. Приложения. № 224. С. 318.

Комментарий

Документ – одно из первых свидетельств о попытке русских властей из Енисейска поставить под свой контроль часть владений енисейских киргизов. Тюлькина (она же Аринская) землица лежала в бассейне Качи и окрестностях будущего Красноярска и была киштымской. Тубинцы же, обитавшие в бассейне Тубы, были союзниками тюркоязычных киргизов и считали своими киштымами почти все правобережное население Среднего Енисея вплоть до Кана. Скорее всего, казаков дезинформировали о массовой откочевке тубинцев на левобережье Енисея. Не исключено, что именно атаман Василий Алексеев во время сбора ясака в целях безопасности поставил где-то на Каче ясачное зимовье. В пользу этого предположения говорит тот факт, что острог, поставленный А. Дубенским, первоначально называли «новым Качинским», что подразумевало наличие какого-то старого строения на Каче.

По мнению первого енисейского губернатора А.П. Степанова, первыми Тюлькину землицу пытались объясачить еще казаки Кетского острога, основанного в самом начале XVII века (см. **Степанов А.П.** Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 184–185. Частичное переиздание и комментирование этого труда, вышедшего впервые в 1835 году, выполнено Г.Ф. Быконей к 175-летию учреждения Енисейской губернии. Полное же переиздание вышло в 2017 году в издательстве «Растр»).

Г.Ф. Миллер же отмечает, что «князец Кобыта, Тюлькин сын, сам прибыл к русским с двумя сороками (80 шкурок) соболей».

Действия А. Хрипунова показывают, что эта землица в 1625 году еще считалась немирной.

1. Яков Игнатьевич Хрипунов (?–1629) – первый с 1623 года присланный из Москвы воевода Енисейска. Он показал себя умным, дальновидным и рачительным администратором. Воевода начал значительно расширять укрепления Енисейска. Для обеспечения его безопасности и успехов русского проникновения на Средний Енисей первым ставит перед Москвой вопрос о необходимости строительства Красноярска. Прибыв в столицу после воеводства, Я.И. Хрипунов добился своей посылки на Ангару во главе большого отряда для организации выплавки серебра, добычи слюды и других полезных ископаемых Приангарья. Трудности пути и первичного обустройства, возраст и ожесточенное сопротивление, вплоть до оружия, подчиненных навсегда оставили этого пионера горнорудного освоения нашего края на берегах Средней Ангары.

Герб Хрипуновых

№ 4. 1626 г., марта 4–8. Туринск. – ОТПИСКА ТУРИНСКОГО ВОЕВОДЫ ИВАНА БАКЛАНОВСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ АНДРЕЮ ХОВАНСКОМУ О ПРИБОРЕ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЫ В КАЧИНСКОЙ ЗЕМЛИЦЕ

Господину князю Андрею Андреевичу Иван Баклановской челом бьет. В нынешнем во 134-м году марта в 4 день писал ты из Тобольска в Туринской острог, что по государеву цареву и велико-

го князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено в Качинской землице на Красном Яру вновь поставити острог, а для того острожного ставленья в Тобольску и в иных сибирских городех велено прибрать казаков 500 человек, а прибрав велено их государевым денежным и хлебным жалованьем поверстать против тобольских казаков; и мне б в Туринском остроге велети кликать бирючю и не по один день, чтоб вольные всякие люди вновь в государеву службу в казаки в Качинскую землицу для острожного ставленья прибрались, а государева им жалованья на платье и на пищали велети из казны дати: атаману денег по 30 рублев, пятидесятникам по 5 рублев с четвертью, десятникам и рядовым казакам по 5 рублев, да хлеба атаману по 10 чети ржи, по 4 чети круп и толокна, пятидесятникам и десятникам и рядовым по 5 чети муки да круп и толокна: женатым по 2 чети, а холостым по чети человеку. И я в Туринском остроге велел бирючю кликать кличь и не по один день. А которые люди учнут в службу прибиратца, и я, тех людей имена написав в список, сколько человек приберу и по сколько рублев денег и хлеба и по сколько чети учнут просити, договорясь с ними допряма, и отпущу к тебе в Тоболеск подлинно.

Такова послана с пашенным крестьянином с Игнашкою Лыжиным марта в 8 день.

ЛАО РАН. Ф. 21. Оп. 4. № 5. Л. 193 об., № 169. Миллер Г.Ф.; История Сибири М.; Л., 1941. Т. II. Приложения. № 234. С. 327.

Комментарий (см. № 5)

№ 5. 1627 г., июня 1. Тобольск. – НАКАЗ ТОБОЛЬСКИХ ВОЕВОД КНЯЗЯ АНДРЕЯ ХОВАНСКОГО С ТОВАРИЩАМИ АНДРЕЮ ДУБЕНСКОМУ, ОТПРАВЛЕННОМУ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ОСТРОГА НА КРАСНОМ ЯРУ

Лета 7135-го июня в 1 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воеводы князь Андрей Андреевич Хованский, Иван Васильевич Волынский да дьяки Иван Федоров, Степан Угодцкой велели Андрею Ануфриевичу Дубенскому ехати на государеву службу в Качинскую землицу, вверх по Енисею реке, на Красной Яр. Для того, указал государь

царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, в той Качинской землице, вверх по Енисею реке, на Красном Яру, вновь поставить острог, для того острожного ставленья велено послать ево, Андрея Дубенского, а с ним, с Андреем, служивых людей – указал государь – прибрати вновь в Тобольску и в иных сибирских городах атаманов и казаков. И свое государево денежное и хлебное жалованье велел им оклады учинить и давати свое государево денежное и хлебное жалованье на 2 года. А дав денежное и хлебное жалованье ему, Андрею, с теми служилыми людьми с нарядом велел идти в Енисейский острог, а из Енисейского острогу в Качинскую землицу, и на Красном Яру на реке на Енисее, острог поставить и рвы покопать, и надолбы поделать, и всякими крепостьми укрепить. И новых землиц людей под царскую высокую руку приводить ласкою и им говорить, чтоб они великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси служили и прямили; и ясак с тех землиц имати велено, как будет пригоже, чтоб их не ожесточить, и пашни завести. А буде к тому Красному Яру, на котором месте острог поставить, прилегли которых землиц люди, а под царскою высокою рукою тех землиц быть не похотят и ясаку с себя давать не станут; и теми будет новоприборными служивыми людьми тех новых землиц под государевую высокую руку привести немочно, – и Андрею Дубенскому велено про те землицы распросить, – сколько тех землиц людей, которые будут непослушны и ясаку давать не учнут. И сколь далече, которая земля стоит от того Красного Яру, на котором месте острог поставить. И сколько в которой землице каких людей и сколькими служивыми людьми те землицы под государскую высокую руку привести мочно и ясак с них имать. А будет к тому Красному Яру подошли многих землиц люди, а под государеву высокую руку быть не похотят и на Красном Яру острогу поставить не дадут, а Андрею Дубенскому с новоприборными служивыми людьми тех землиц под государеву высокую руку привести и острогу на том Красном Яру без прибавошных служивых людей поставить немочно, и ему, Андрею, велено о том о всем писать в Тобольск. И к Андрею для тово из городов голов, а с ними служивых людей велено послать в прибавку. А од-

нолично б на том Красном Яру острог поставить и тех землиц людей под государеву высокую руку привести в прямое холопство, и ясак с них имать. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу для тово нового острожного строения прибрано в Тобольску и в иных сибирских городах 3 человека атаманов, 300 человек казаков. А денежного жалованья учинены им оклады: атаманам по 30 рублей, десятникам по 5 рублей с полтиною, рядовым казакам по 5 рублей человеку. А хлебного жалованья: атаманам по 10 четвертей муки, по 4 четверти круп и толокна, пятидесятникам и десятникам и рядовым казакам по 5 четвертей муки, да круп и толокна по четверти человеку. И то государево им денежное и хлебное жалование давано на 2 года: июня с 1 числа нынешнего 135-го году до июня же по 1-е число 137-го году по окладам их сполна. А кому именем служивым с Андреем Дубенским на государеве службе на Красном Яру велено быть, и ему дан имянной их список за дьячьею приписью. А наряд чинить с Андреем для тое службы послан из Тобольска. И Андрею Ануфриевичу Дубенскому с служивыми людьми идти на государеву службу в Качинскую землицу для нового острожново ставленья Обью и Кетью рекою на Енисейский острог с великим поспешеньем денно и ночно, не мешкая нигде ни часу, чтоб нынешним летним путем полою водою со всеми хлебными запасы и с нарядом в Маковский острог притти до заморозков. А пришед в Маковский острог, государев наряд и зелейную, пороховую и всякую казну и хлебные запасы, которые отпущены с ним из Тобольска, устроить в государевы анбары и в житницы до зимнего пути. А как, даст Бог, зимний путь станет, и ему, Андрею, наряд зелейной, свинец и всякие пушечные и хлебные запасы велеть возить из Маковского острогу в Енисейский острог. А как наряд и зелейную и всякую казну из Маковского острогу в Енисейский острог перевезут, и ему, Андрею, наряд, и зелья, и свинец, и сукна, и всякую казну, что с ним для тое посылки послано, устроити в анбары, а хлебные запасы устроити, где будет пригоже. А как со всем из Маковского острогу в Енисейский острог перевезетца и в Енисейском остроге, где будет пригож, устроетца, и ему, Андрею, под наряд и под пороховую и подо всякую казну, что к ним

послано, и под себя, и под служивых людей, и под хлебные запасы велеть делать кочи теми ж служивыми людьми, которые с ним посланы. И для мастерства плотников человек двух или трех взять в Енисейском остроге у воеводы Василья Аргамакова, а к воеводе к Василью Аргамакову о том писано. А как кочи изготовят, а на Енисее реке лед скроетца, и Андрею по первой полой воде, устроя на суды наряд, и зелье, и свинец, и всякую государеву казну, что с ним послано, и хлебные запасы, прося у Бога милости, со всеми служивыми людьми итти вверх по Енисею реке в Качинскую землицу на Красный Яр. А идучи ему, Андрею, Енисею рекой, посылать от себя в лехких судах покрылек, и наперед себя в подъездах для всяких вестей и велеть проведывать про воинских людей подлинно. А самому Андрею со всеми служивыми итти бережно и осторожливо, чтоб на них тамошних землиц воинские люди безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. А как, даст Бог, придут в Качинскую землицу на Красный Яр здорово, а дурна им от тамошних людей нигде не будет, и ему, Андрею, с служивыми людьми на том месте, на Красном Яру, острог поставить, и башни порубить, и около острогу рвы покопать, и надолбы поделать, и всякими крепостьми укрепить, и пашню и всякие угодья отыскать. А как острог поставят и всякими крепостьми укрепят, и ему, Андрею, о том отписать в Тобольск тотчас.

А будучи ему на государеве службе в новом остроге потому ж жити с великим береженьем, чтоб на них Качинской землицы и иных орд люди безвестно не пришли и дурна никакого не учинили. А тамошних землиц людей, которые наперед сего государю были не послушны, под государеву высокую руку призывать ласкою, велеть говорить новых землиц людем, чтоб они великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси служили и прямили, ясак с себя давали, а великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, царское величество, их своим царским жалованьем пожалует и велит их держать в своем царском милосливом призренье, и от иных землиц велит их во всем оберегать. Да будет которые землицы учинятца вновь под царскую высокую руку и ясак с себя учнут платить и Андрею тех людей к шерти приводить,

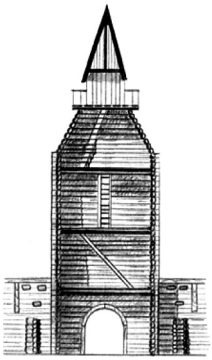
и ясак с них имать, смотря по тамошнему делу. И от обид их беречь, чтоб их вдруг не ожесточить, и давать им государева жалованья, сукна – смотря по людям – кому что доведетца, и напоить, и накормить, и ласку, и привет держать, и от служивых людей, от обид – во всем оберегать. А будет на Енисее реке на походе или в Качинской землице на Красном Яру ево, Андрея, и служивых людей тамошних землиц люди встретят и пропустить ево на то место не похотят, и острогу поставить не дадут и учинят с ним бои, и ему, Андрею, и служивым людям, прося у Бога милости, с ними битца и над ними промышлять – сколько милосердный Бог помочи подаст. А чтоб однолично на том месте, на Красном Яру, острог поставить и новых землиц людей под государеву высокую руку привести. А сколь велик острог поставит, и что к тому острогу каких крепостей учинит, и что пашни и всяких угодий обыщет, и сколько каких землиц под государеву высокую руку приведет и ясаку с них сберет. И мочно ль в том новом остроге теми людьми, которые с ним посланы из Тобольска, вперед быти. И не будет ли от иных землиц государевым людем какова утесненья, и что вперед учнет в том новом остроге делати и ему, Андрею, о том о всем писати в Тобольск почасту, чтоб про то про все в Тобольску было ведомо. А будет к Красному Яру, на котором месте острог поставить, прилегли которых землиц люди, а жити будет тех землиц люди под государевою высокою рукою не похотят и ясаку давать не учнут, и теми будет служивыми людьми, которые с ним ныне посланы, под государеву высокую руку привести немочно, и Андрею про те землицы распросить, сколько тех землиц людей, которые будут не послушны и ясаку давать не учнут, и сколь далече которая землица стоит от того Красново Яру, на котором месте острог поставить. И сколько в которой землице каких людей, и сколькими государевыми служивыми людьми те землицы под государевувысокую руку привести мочно и ясак с них имать, а распрося, подлинно отписать для вспоможенья о людех в Енисейский острог к воеводе Василью Аргамакову, да в Томской город к воеводам – ко князю Петру Козловскому да к Грязному Бартеньеву, а по государеву указу к ним о тех людех писано ж. А велено им по Андре-

евым отпискам Дубенского для вспоможения в Качинскую землицу послать голов с служивыми людьми.

А идучи Андрею Дубенскому дорогою и на государевой службе в Качинской землице в новом остроге над служивыми людьми смотрети и беречь того накрепко, чтоб они меж себя не дрались, и грабежу никакого не чинили, в зернь и карты не играли[1], и государева денежного и хлебного жалованья не проигрывали, и никаким воровством не воровали, и насильства и продажи никому не чинили, да в посылках, как их для государева ясаку пошлют, ясашных людей не грабили и не побивали. А будет учнут каким воровством воровати или зернью и карты играти, или грабить, и в чем каково государю будет челобитье, и Андрею от тово ото всего их унимати, и управа на них давати и наказание чинити, смотря по винам, чтоб однолично в них никакова воровства и зерни, и блядни, и душегубства не было. А однолишно Андрею тем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси послужити, в Качинской землице на Красном Яру острог поставить, и всякие крепости учинить, и пашни и всякие угодья отыскать, и иные землицы под царскую высокую руку привесть, и ясак взять. А служивых людей напрасно не бить, и для своей корысти ни к кому ничем не приметыватца, и посулов, и поминков – ни у кого ничево не имать, никотороми делы и никакова насильства никому не чинить, чтоб их, служивых людей, не ожесточить, и расправа меж ими чинить во всем в правду по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси крестному целованью. Да и во всем ему, Андрею, будучи на государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси службе, государево дело делать по сему государеву указу, смотря по тамошнему делу, как ево Бог вразумит, как бы государеву делу было прибыльнее, чтоб острог поставить и землицы под государеву высокую руку привесть, а себя б и служивых людей на стенах и на приходе от немирных землиц людей уберечь. А что с ним, с Андреем, послано каково наряду и зелья, и свинцу, и сукон, и одекуев, и олова, и для иноземцев вина и меду, и хлебных запасов, и железа, и замков, и всяких снастей, и тому всему роспись дана ему, Андрею, за дьячей приписью особно.

Малый острог Красного Яра

Спасская проезжая башня малого острога (западная сторона)

Да как аж, даст Бог, в Качинской землице на Красном Яру острог поставить и всякие крепости укрепить, и тутошних землиц людей под государеву высокую руку приведет. А приходу будет к острогу от иных землиц людей не почает, и ему, Андрею, выбрати из тутошних из старых ясашных людей, которым мочно верить, человека или дву, а выбрав, послать их в киргизы к киргиским князцам и к лучим улусным людям и велети им, кригиским людем, говорить, что по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу в Качинскую землицу на Красный Яр пришли государеву многие служивые люди с нарядом и со многим с огненным боем. И на том людей под государеву высокую руку привели и иных землиц многие люди, слыша про царского величества к ним, к иноземцам, многую милость и призренье, и оборону, и заступление, сами под ево государскую высокую руку приклонились. А царское величество велел их держати в своем милостивом призренье и от иных землиц их оберегать, да их киргиских князцов, и лутчих улусных и ясашных людей. Потому ж царское величество велел своим государевым людям, которые ныне в Качинскую землицу и на Красный Яр присланы, во всем

оберегать и обид им никаких чинить не велел. И оне б, киргиские люди, были во всем на государеву милость надежны, и жили б по своим юртам в благоденстве и в покое, и в тишине и немирных землиц от людей ни от ково не боялись, потому что стали их от тех немирных землиц государевы многия ратные люди оберегать, да и ясак бы с себя в Томской город давали по-прежнему. Да будет киргиские люди к государю обратилися и в винах своих добили челом, и в Томской город ясак учнут давать и под Томской город войною ходить не учнут и Андрею Дубенскому их, киргиских людей, отнюдь ни в чем обидеть не велеть, и ласку и береженье к ним держать, и задору с ними никакова не чинить. А будет киргиские люди по ся места от воровства своего не отстали, и государю не добили челом и в Томской город ясаку не дают, а пойдут будет войною к ним под острог, и ему, Андрею, с ними битца так же, как с иными неприятели, и над ними промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст. А будет киргиские люди пойдут под Томской город, собрався войною, а ему, Андрею, про то весть будет или сам про то подлинно проведает, что пошли войною под Томской город, и ему, Андрею, в остроге, укрепя осаду накрепко и оставя осадных людей сколько пригоже, смотря по тамошнему делу. Только будет к себе под острог от каких людей в ту пору приходу не почаят, итги с служилыми людьми на киргиские улусы их воевати, а самих киргисцов побивати и жон, и детей их в полон имати, и во всем их разным обычаем смиряти, чтоб однолично их тех под государеву высокую руку привести в прямое холопство по-прежнему. Да сколько киргиского полону поемлет в полон, и ему тех полоненников всех переписать на роспись и держати у себя в остроге, а крестить и продавать до государева указу не велеть, а писати о том в Тобольск тотчас.

Да будет Андрей своим нерадением или оплошкою нынешним летом со всеми служивыми людьми и с нарядом, и с запасом до Маковского острогу не дойдут, или, дошед, зимою через волок с нарядом и с запасом в Енисейской острог не перевезутца, или кочевым делом и ходом опоздает и острогу в Качинской землице на Красном Яру не поставит, и тутошних землиц людей под государеву высокую руку не приведет, или учнет служивых людей

для своей бездельной корысти не по делу бить и посулы, и поминки с них имать, и Андрею за то от царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси быти в великой опале.

Дьяк Иван Федоров, дьяк Степан Угодцкой.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–7; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. С. 330–333.

Комментарий

Русской сохе земледельца и топору промысловика путь в самые благоприятные для хозяйственной деятельности места Приенисейского края преградили сабля и аркан воинственных кочевников. Почти целое столетие киргизские князья, которые возглавляли четыре княжества (Езерское–Исарское, Алтысарское, Алтырское, Тубинское), подстрекаемые южными соседями – военно-кочевыми государствами северных монголов и ойратов-калмыков (Джунгария), – упорно сопротивлялись проникновению русских на юг. Они насильно втягивали в борьбу рядовых киргизов тюркоязычного происхождения и киштымов, то есть подчиненные иноязычные кето-самодийские, тунгусские и угорские племена, которые обитали в бассейне Енисея от Казачинского порога до Саян.

Енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов оказался крестным отцом Красноярска. Посланный им в 1623 году сын боярский Андрей Ануфриевич Дубенский выбрал место для нового острога в четырех днях конного пути от Енисейска у северного рубежа собственно киргизских кочевий, на высоком плоском ровном мысу (Стрелке), образовавшемся между устьем речки Изыр-су (Кача) и Енисеем. С юго-запада Стрелка ограничивалась Черной сопкой, поросшей, как и сам мыс, сосновым лесом. Левый – высокий из красных мергелей берег Качи круто поднимался вверх, образуя живописную гряду. Около десятка островов с заливными лугами и кустарниками находились близ устья Качи. По правому берегу Енисея против выбранного под острог урочища, названного Дубенским «Красным» по цвету обрывистого берега и красивому месту, тянулись Куйсумские горы, покрытые лесом. Речная терраса Енисея между горами и берегом тоже была благоприятна для хлебопашества и разведения скота.

Сделанный Дубенским чертеж был отправлен в Тобольск, а вскоре с его копией в Москву отбыл и сам автор. Хрипунов, посылая своего дальнего родственника в столицу, правильно рассчитал, что в случае положительного решения вопроса о строительстве острога лучшего исполнителя, чем Дубенский, трудно будет найти. Так оно и вышло. Хотя «городчиками» обычно назначали более знатных дворян, но царь Михаил Федорович Романов с думными боярами в нарушение местнического порядка определили к новому «острожному ставлению» на Енисее наиболее сведущего в этом вопросе Дубенского. Но только в 1627 году, то есть через два года после указа Москвы, его экспедиция выступила из Тобольска. Вместо назначенных 500 (позже 400) служилых людей удалось набрать по сибирским городам лишь 303 человека, в том числе 3 атамана, 6 пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых. Добравшись из-за «замороза» с большими трудностями и лишениями до Енисейска, экспедиция после весеннего ледохода с 17 мая 1628 года (здесь и далее даты по старому стилю) стала подниматься вверх по Енисею.

После изнурительного двухмесячного плавания в один из июльских дней 1628 года целая флотилия тяжело груженных речных судов (16 дощаников, пять лодок и один струг) пристала к широкой песчаной отмели у правого крутого обрыва мыса Стрелки, образовавшейся при впадении Качи в Енисей. К 18 августа, по словам основателя Красноярска Андрея Дубенского, «на угожем месте, на Красном Яру… где мест пахотных и сенокосных изобильно» выросла небольшая деревянная крепость с тыновыми стенами и рубленными на столбах пятью башнями. В плане этот острог стоячий представлял собой неправильный четырехугольник, умело вписанный в обрывистый высокий мыс (по периметру 191 сажень, или около 411 метров). По направлению с севера на юг изначальный Красноярск занимал территорию между современным высотным зданием около Концертного зала. По месту южной Быковской башни прошла входная лестница Концертного зала. Там, где были две северные башни, Качинская и Угольная, ныне находится двухэтажная пристройка высотного здания. На стык восточной и южной острожных стен приходится место

спуска с верхней платформы Концертного зала к автомобильной дороге. Проезжая Спасская башня в западной острожной стене находилась примерно в 100 метрах от фасада левого крыла девятиэтажного дома на Стрелке.

Наказ был типичным и содержал обширную программу действий. Воеводам в это время принадлежала вся полнота исполнительной, военной и судебной власти на местах. Они даже обладали законодательной инициативой и могли определять сословную принадлежность пришлых людей. Отвечали за все стороны жизни населения на подчиненной им территории. У А. Дубенского была еще более сложная задача. Крепость стала центром нового уезда, территорию которого ему следовало определить объясачиванием «инородцев» ближних мест и обеспечить вместе с томскими, кузнецкими и енисейскими воеводами сплошное объясачивание всей Средней Сибири. Показательно, что Москва вследствие острой нехватки людей рекомендовала действовать не только и не столько оружием. Большое внимание предписывалось уделять сбору сведений о данных землицах, необходимых русским властям для организации дальнейшего продвижения по Сибири.

1. В России игральные карты были известны с XVI века, но были запрещены законом, картежник приравнивался к татю. По Уложению предписывалось с картежником поступать как с мошенником – бить кнутом и обрубать пальцы рук (см. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 385–386). По именному указу Петра 1717 года игра в карты запрещалась под угрозой денежного штрафа. Исключение он сделал только для кабаков, причем проигрывать разрешалось не более одного рубля медью (см. Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 65). Лишь в 1761 году императрица Елизавета Петровна установила различие между азартными и коммерческими играми (см. **Зотов В.Р.** История карточной игры // Новь. 1886. № 12. С. 357–370; № 13. С. 1–18).

В Европе карты появились в Средневековье. Первое упоминание о картах – в Италии в 1379 году (тарок). Игральные дома назывались «шпильгаусы».

Старинной азартной игрой была игра в кости – «зернь».

№ 6. 1628 г., октября 15 – ОТПИСКА АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО В ТОБОЛЬСК О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ КАЧИНЦЕВ И АРИНЦЕВ

Воеводам князю Алексею Никитичу, Ивану Васильевичу Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136 годе июля в 26 день изменили качинские и аринские татаровя, князцы и лутчие люди, отъехали в Кыргызы и у острогу служивых людей побивали и к острогу приступили. И в прошлом де во 136 годе августе в 16 день посылал я на качинцев и аринцев войною атамана Ивана Кольцова и с ним служивых людей 140 человек, и Божьей милостью и государя царя и Великова князя Михаила Федоровича счастьем, атаман Иван Кольцов кыргызских, и качинских, и аринских татар повоевали, многих побили и жены их и дети в полон поймали, а взяли их кыргызскую княгиню Кулера, стара гораздо. И яз посылал в кыргызы, чтоб оне ехали к государеву жалованью в Красной острог. И они, кыргызы, говорят: «Ехать де мы не смеем к вам для того, (что. – *Г.Б.*) каких де людей в острог возьмете, тех и уморите». Да сказывают на Томской город, что де многих наших людей поморили в Томском городе и для того в острог к вам нашим людем нельзя ехать. Кору де у нас взяли в Томской город да и уморили, и за то де у нас война стала[1]. А поить ее и кормить теперь государевым нечем, потому что нет ни жиру, ни масла. И о том как укажите.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 20. 1–7; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. С. 340.

Комментарий

С приходом русских киштымы енисейских киргизов оказались как бы между молотом и наковальней. Каждая сторона требовала уплаты ясака только себе. Поэтому в зависимости от ситуации киштымы нередко меняли свою политическую ориентацию. Однако со временем данники енисейских киргизов все больше понимали, что русские несут им мир, а степняки – войну.

1. Кара, алтысарский князь, был взят в 1620 году в аманаты с сыновьями Сенту и Бахтирем и женой Анакой. В 1625 году томские воеводы И. Шаховской и М. Радилов, отпустив его жену с Бахтирем, четырежды взяли с его улусных людей выкуп, хотя в живых к этому времени остался только сын Кары (см. **Бутанаев В.Я.,**

Абдыкалыков А.А. Материалы по истории Хакасии. XVII – нач. XVIII вв. Абакан, 1995. С. 37, 53–54).

№ 7. 1628–1629 гг. – ОТПИСКИ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО ТОБОЛЬСКИМ ВОЕВОДМ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ ТРУБЕЦКОМУ С ТОВАРИЩАМИ ОБ АРИНСКОМ КНЯЗЦЕ ТАТУШЕ И О ПОКОРНОСТИ КАЧИНЦЕВ

1. Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичи), Семену Васильевичи), Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году изменили аринские и качинские татаровя и отъехали в Кыргызы. И в прошлом во 136-м году аринской князец Татуш государю добил челом и вину свою покрыл, и в оманаты сына своего дал и лутчева мужика Кубеянова сына же своего в оманаты дал; и на нынешней на 137-й год тобе государю ясак тот Татуш с своими людьми дали, и качинцы под твою государеву высокую руку приклонились же и ясак дали, и иные под город прикочевали. А и достальные качинские люди сроку прошали до травы, как будет корм конем, оне будут все под острог кочевать. И впредь качинские и аринские люди хотят государю ясак давать по вся годы полна и без недобору, а сего де году мы были в побегах.

2. Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичи), Семену Васильевичи), Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году по государеву указу поставили острог к Качинской землице, на Красном Яру, и Божьею милостию и государевым счастьем аринские и качинские люди под государеву высокую руку приклонились и ясак с себя дали в новой Красноярской острог; и преже сего те аринские и качинские татаровя давали ясак Алтыну царю. И в съезжей избе аринской князец Татуш сказал: и ныне де нам Алтыну ясак дать же. И я Татушу государскою грозою угрожал и говорил, штоб он, Татуш, с своими людьми впредь Алтыну царю ясаку не давал отнюдь, а давал бы ясак великому государю в Красной острог. И те аринские люди Алтыну царю ясаку не давали, и Алтыновы люди к ним для ясаку не бывали, как стал новой Качинской Красной острог.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. № 17. Л. 126–127 об; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. Приложения. № 249, 250. С. 342.

Комментарий

Алтын-ханы брали албан-ясак через енисейских киргизов, однако в период бескормицы северные монголы прикочевывали в киргизские урочища и непосредственно собирали дань с киштымов киргизских и с них самих. Действия А. Дубенского вполне оправданны и логичны. Следовало в первую очередь надежно подчинить ближние к Красноярску киштымные племена, которым в условиях прежнего двоеданства раньше всех становилось ясно, что именно с русскими их навсегда связывает судьба.

№ 8. 1629 г., не ранее марта. – ОТПИСКА АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ ТРУБЕЦКОМУ С ТОВАРИЩАМИ О НЕУДАЧНОМ ПОСОЛЬСТВЕ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В БРАТСКУЮ ЗЕМЛЮ

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичи), Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет.

В нынешнем во 137-м году писано ко мне из Тобольска, а велено послать в Братцкую землицу послов для государева ясаку, штобы оне братцкие люди были под государевою высокою рукою и ясак бы с себя давали в новопостроенный острог. И в нынешнем же во 137-м году февраля в 13 день посылал я в Братцкую землицу пятидесятника Офоньку Обеднина да толмача Максима Иванова. И он, Офонька с товарыщи, пришли в Кан к канским князьцом к Соту и к Тымаку и учали им говорить, чтоб вожей дали и велиб в Братцкую землицу; и канские князьцы Сот и Тымак им Офоньке с товарыщи вожей не дали, в Братцкую землицу не повели: вожей де дати в Братцкую землицу не смеем, для того што де вас какие люди побиют, а нам де будет худо, станут де говорить казаки, будто казаков мы побили, а мы де государю не хотим изменить, и ваших де казаков потеряти и своих людей потерять не хотим; а братцких де людей толко не воевати, и они де не будут под государевою высокою рукою и ясаку с себя не дадут; а в Братцкой де землице те-

перве нет ни большево ни меньшево, потому што де мы у них убили большево князьца, и у них де ныне война промеж собою третий год; на братцких де людей мы итти войною с казаками вместе готовы, и государю де служить со всеми своими людьми, и ныне де мы под казаков дадим, как на службу итти в Браты.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. № 17. Л. 127–127 об., № 105; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. Приложения. № 260. С. 353.

Комментарий

В соответствии с наказом Москвы А. Дубенский пытается сразу же утвердиться в бассейне Кана. В 1628 году посланный им Ермак Остафьев с отрядом поставил Канский острожек (в районе современного с. Комарово). Тогда же объясачили котовских князцов Темсенека и Тымака, данников тубинских и бурятских князей. Подчинение Котовской и Канской землиц, как правильно считали в Тобольске, открывало новую дорогу на северо-восток. Показательно, что котовские князцы ложной информацией о сильной межплеменной вражде внутри Братской землицы подталкивали Красноярск к вооруженной борьбе против старинных своих сеньоров.

С основанием в 1636/37 году Канского острога борьба обострилась. Тубинцы вскоре сожгли его, но осенью 1640 года атаман Тюменцев восстановил острог «со всякими крепостями». Бурятский князь Оилан, имевший до 500 воинов, тоже не раз раззорял Канскую землицу. Только в 1645 году 330 красноярских казаков с подгородными и канскими ясачными разбили его на р. Оке. В 1647 году Оилан прибыл в Красноярск и после салюта из пушек и «мелкого ружья» дал шерть вечно на верность «белому царю».

№ 9. 1633 г., июня 21. Москва. – ВЫПИСКА ИЗ РАЗРЯДНОЙ КНИГИ О НАЗНАЧЕНИИ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО К ОХРАНЕ ПЕРВОЙ БАШНИ НА ГОРОДСКОЙ СТЕНЕ МОСКВЫ МЕЖДУ ЯУЗСКИМИ И ПОКРОВСКИМИ ВОРОТАМИ В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ НАБЕГА КРЫМСКИХ ТАТАР

В Покровских воротах Петр Тимофеев сын Пушкин да Гаврило Львов, да гость Иван Озеров, да подьячие Ондрей Чюбарев, да Осип Степанов, да Олферий Огарков. А людей в Покровских воротах: гостиные и суконные сотни 15 человек, Покровской сотни

тяглецов 102 человека, и из них на поворот к наряду 22 человека, стрельцов 15 человек, всего 132 человека.

А ведать им по стене по Яужские ворота 4 башни, на 1-й башне Андрей Дубенской, на другой башне суздалец Кирило Кудрявой…

Книги разрядные. Спб., 1855. Т. 2, стб. 524–525.

Комментарий

По выбору Андрей Ануфриевич Дубенский продолжал периодически служить в столице, что отмечалось в особых разрядных книгах.

Они, ценнейший памятник по истории феодального класса – сословия, позволяют нам воссоздать содержание его столичной службы. Во время военных действий такие дворяне могли входить в привилегированный «государев полк», куда являлись «на коне, в пансыре, в саадаке, в сабле». В мирное время их использовали при царском дворе и в центральных учреждениях-приказах. В «цветном платье» они выстраивались при въезде и выезде в Москву иноземных послов. При приеме их царем дворяне стояли в «однорядках нарядных» по крыльцу и у церкви Благовещения на паперти, сидели по лавкам в переходах и сенях Кремля. При царском дворе они входили в караулы, сопровождали царя во всех его поездках в качестве охраны, возниц, ухабничих и т.д.

Откомандированные в приказы выборные дворяне со столичными помогали дьякам и боярам проводить различные обследования, были у денежной и прочей «выимки по росписи». Для предупреждения пожаров в столице они ездили по улицам для «выимки огней». В случае военной опасности городу отвечали за закрепленные за ними участки крепостных укреплений. Их могли назначить письменными головами и товарищами воеводам в различные города страны для устройства или обследования укреплений, особенно острогов и засечных черт в пограничных районах.

№ 10. 1634 г., не ранее октября. – ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ О ВЫДАЧЕ ИМ ЖАЛОВАНЬЯ ВПЕРЕД ВВИДУ ИХ РАЗОРЕНИЯ КИРГИЗАМИ И О ПРИБОРЕ НОВЫХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА «УПАЛЫЕ» МЕСТА

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичи) всеа Русии бьют челом холопи твои, твоей государевы заочные дальные вотчины Качинсково Красноярсково острогу пешие служивые люди: атаманы Милославко Кольцов, Емелка Тюменцев, пятидесятники и десятники и все рядовые служилые люди.

В прошлом, государь, во 142-м году августа 10 дня приходили под твои государев Красноярской острог твои государевы изменники и непослушники киргисские люди, собрався, государь, со многими немирными землицами: с мугалы, и с тубинцы, и маторцами и с точигасами и с иными многим землицами. И пришед, государь, под Красноярский острог в великом собрании, и к острогу, государь, и к слободам приступали накрепко, и табуны хотели отогнати. И мы, холопи твои, с теми с киргисскими людьми бились по многое время, и многих, государь, киргисских людей побили. И те киргизы на том же бою многих служивых людей из нас побили, а иных многих переранили, и по пашням многих, государь, твоих пашенных крестьян побили, а иных многих в полон поимали, и многих, государь, твоих ясашных людей подгородных побили ж, а жен их и детей в полом поимали. И што, государь, у нас у холопей у твоих было посеяно на пашнях невеликой хлеб для ради своей скудности, и тот, государь, хлеб те киргизы выжгли и коньми вытоптали без остатку. И мы, государь, холопи твои, от тово кыргысково приходу и от их розоренья, обнищали и задолжали великими долги. И после, государь, тово кыргысково приходу в нынешнем в 143-м году в октябре приходили, государь, те ж киргисские люди, собрався с теми ж немирными землицами, под Красной острог, и многих, государь, служивых людей побили, и пашенных крестьян и табуны, государь, конской и коровей, отогнали без остатку, и розорили до основанья. И от тех, государь, киргисских приходов стали наги и босы и вконец погибли.

А которые, государь, твои государевы ясашные подгородные и канские татары, слыша от иных землиц людей, что те кыргызы и тубинцы собираютца со всеми немирными землицами к весне в великой скоп, и хотят быть под Красноярской острог и похваляютца Красноярской острог взять и твоих государевых ясашных людей всех порубить, и тепере, государь, те твои ясашные подго-

родные и канские татара, от киргисские похвалы убояся и слыша их киргисское великое собрание и многие в Кыргызы и в Тубу отъехали. А которые из нас холопей твоих посыланы по ясак по твоему государеву указу в Кану по разным землицам, и тех, государь, служивых людей канские мужики побили. А видят, государь, те иноземцы на нас киргисское разоренье и што, государь, их от кыргыз оберегчи некем, служивых людей в городе мало.

А указано, государь, по твоему государеву указу на Красном яру быть 300 человекам служивым людем[1]. А тепере, государь, по твоей государеве грамоте велено брать из 300 из пеших 100 человек в конные, а 200, государь, велено быть в пеших, и теперь, государь, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу твои государев воевода Никита Иванович Карамышев выбрал из нас 100 человек в конные. А нас, государь, холопей твоих всево осталось в пеших на Красном яру в городе и на твоих государевых службах и в россылках 148 человек, а упалых, государь, служивых людей, которые побиты и своею смертью померли, 52 человека, а тепере, государь, в те в упалые места не прибран. А нам, государь, холопем твоим, 148 человекам в дальней твоей государеве вотчине твоей государевы службы служить невозможно, потому что Красноярскому острогу прилегли орды немирные многие, а землицы, которые, государь, были под твоею государевою высокою рукою и ясак давали, и те все отложились[2]. А нам, государь, холопем твоим, на твои государевы службы подниматца нечем, потому что, государь, обнищали и задолжали великими долги, от тово от киргисково великого разоренья стали наги и босы.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, для ради нашея бедности и для нашего великого розоренья, своим государевым денежным жалованьем на 144-й год, чтоб нам, холопем твоим, твоей государевы службы не отбыть, и вконец не погинуть и врознь не розбрестись, и вели, государь, в те в упалые места добрать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 381 об. – 383; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. Приложения. № 330. С. 415–416.

Комментарий

В первые годы существование Красного отстрога было поставлено под сомнение. Енисейск видел в нем конкурента в объясачивании местного населения. Не хотели также енисейцы нести обременительную повинность по доставке хебных запасов красноярцам. При этом с учреждением в 1629 году Томского разряда Красный яр переходил в подчинение Томска. Неповоротливость и медлительность всех управленческих звеньев вносила дополнительную путаницу. А. Дубенский не смог набрать добровольцев в сибирских уездах указное число в 400 служилых людей. Эту сотню с августа 1629 по конец 1630 года в Тобольске, Томске и Енисейске пытался набрать по велению новоучрежденного разрядного города Томска энергичный первый официальный красноярский воевода Осип Акинфов для пополнения гарнизона Красного острога. Поэтому из Тобольска на 1630 год было отправлено хлебных запасов в Красноярск именно на это количество людей. Историками этот факт оказался незамеченным. Судьба нового острога повисла на волоске. Пока Акинфов месяцами добирался из столицы и заботился о живучести порученного ему острога, злостный навет недальновидного енисейского воеводы Аргамакова достиг до Москвы, которая усомнилась в необходимости закрепляться на Среднем Енисее. Вдогонку Акинфову первого августа 1630 года был послан указ на месте определить судьбу острога. По прибытии красноярский воевода убедился, что старший по отношению к Красному острогу енисейский воевода уже начал расформировывать красноярский гарнизон. Посланный им тобольский письменный голова Василий Кокарев зимой 1630 года забрал в Енисейск 150 казаков-добровольцев. Сменивший его воевода князь Семен Шаховской быстренько разослал их, кроме семейных, по отдаленным острожкам. Осипу Акинфову при активной поддержке заинтересованного в усилении своей юго-восточной границы томского разрядного воеводы пришлось восстанавливать прежнюю численность красноярского гарнизона. Несмотря на протесты Енисейска, он вынужден брать взамен переведенных красноярцев-добровольцев даже находившихся в кабале у купцов гулящих и промысловых людей. Мало того, воевода получил в го-

довую службу образованную из добровольцев Тобольского гарнизона особую «томскую сотню». Ведь в разрядном Томске из-за ухода с Андреем Дубенским 90 казаков оказалась острая нехватка служилых людей. До того сотня, в которой состояли среди «литвы и черкас» Андрей Сирота с сыном боярским Дементием Злобиным, несла годовую службу в беспокойном Притомье, числясь особым подразделением в Тобольске. Это была обычная практика, когда казаки-годовальщики нередко годами жили вне своих официальных мест приписки и проживания. Например, сургутские казаки Темира Иванова, по данным Н.Н. Оглоблина, долго ждали смены, надеясь, что «государь их за их службы и за терпение пожалует своим великим жалованием и перемену на их место к новому году пошлет и отпустит их» (см. **Оглоблин Н.Н.** Описание столбцов и книг Посольского Приказа. М.,1897. Кн. 1. С. 24–32). Через год часть томских годовальщиков перешла к красноярскому воеводе О. Акинфову, а при воеводе Карамышеве их поверстали в конную службу. Вот почему Тобольская приказная изба несколько лет не могла разобраться, кто и где в конце концов записан. Например, в тобольской окладной книге на 1 января 1637 года показан среди «польской литвы» Андрей Михайлов Сирота с окладом в 7,25 рубля (см. РГАДА. Ф. 214. Кн. 62. Л. 101–113 об.; **Соколовский И.Р.** Тобольская служилая литва … С.181. Примечание 281. С. 201). Между тем в красноярской же окладной книге тоже за 1637 год в конной сотне атамана Дементия Злобина среди получавших оклад в 6,25 рубля показан «Ондрюшка Михайлов Сиротина» (см. РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн. 70. Л. 120).

Таким образом, получается, если только это не полные тезки, кроме прозвища Сироты, Андрей с другими казаками формально считался в Тобольском гарнизоне. Вместе с тем в 1630 году в пешей сотне атамана Дементия Злобина он участвовал в походе против тубинских моторских «князцов», которые «учинились непослушны» и по «Кану-реке» стали собирать на себя ясак с котовских ясачных людей. После боя моторцы дали аманата и ясак. На следующий год енисейские киргизы вновь подчинили себе моторов, разорили под острогом пашни и хотели идти войной на Томск. В ответ на судах сотня Д. Злобина поднялась до «Саян-

ского камени» и в двухдневном бою нанесла поражение киргизским князьям (см. ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 189–190; Д.134.

С первых дней Красноярску пришлось оружием и дипломатией утверждать право на свое существование. В «бунташном» XVII веке царское правительство еще не имело в Сибири значительных военных сил. Поэтому оно часто ограничивалось активной обороной, организуя на границе с «немирными киргизскими землицами» цепочку укрепленных острогов-крепостей, которая постепенно передвигалась к югу. Вместе с тем центральные и местные власти проводили политику, направленную на привлечение верхушки киштымов (данников) киргизов и их самих на свою сторону. Гибко использовались противоречия между государствами северных монголов и «черных» калмыков, которые тоже претендовали на господство в районах Среднего и Верхнего Енисея. Киргизские князья, лавируя между монгольскими алтын-ханами и джунгарскими правителями – хунтайджи, долго не хотели даже делить свою власть и албан-ясак еще и с русским, как они называли, белым, царем. Их противодействие чаще всего носило характер грабительских набегов на русские селения и кочевья киштымов, принявших русское подданство. Длительная столетняя борьба России за юг Приенисейского края протекала в часто меняющейся политической обстановке, при различной расстановке сил, велась она разными методами и с неодинаковой напряженностью во времени.

Публикуемый документ отражает начальный этап борьбы за Средний Енисей, который характеризуется наименьшим вмешательством других государств в русско-киргизские отношения. Джунгария еще складывалась в единое государство. Северомонгольские алтын-ханы, главные сеньоры енисейских киргизов, были заняты междоусобицами и происками Маньчжурии. «Золотой царь» Кунакчей рассчитывал опереться на Россию в борьбе с наиболее опасными врагами. Он в 1616 году формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерть» на верность Москве в 1634 и 1636 годах. Русские воеводы использовали эти присяги для обоснования своих прав на объясачивание коренного населения юга Приенисейского

края, хотя алтын-ханы по-прежнему считали енисейских киргизов своими киштымами. Киргизские феодалы, тайно вдохновляемые теми же алтын-ханами, организуют в 1630, 1634, 1635 и 1636 годах раззорительные набеги на Красноярск и ближние деревни. Источники тех лет сообщали, что киргизы побили многих служилых, крестьян и ясачных на пашне, сенокосах, рыбных ловлях, «жен и детей у них в плен поимали… изжатый и насеяный хлеб выжгли и конями вытоптали». В результате ответных походов 30–40-х годов русские упрочили свое положение в ближних к Красноярску ясачных землицах и закрепились в бассейне Среднего Кана и Верхней Уды. Были основаны Канский острог (1636), первый Ачинский острог (очевидно, в устье реки Сереж в 1641 г.) и Нижнеудинский острог на Уде (1646).

В последующее до 1660 года время воеводы Красноярска, действуя более дипломатическим путем, нежели оружием, добились серьезных успехов в объясачивании коренного населения Среднего и Верхнего Енисея. Во многом эти успехи были обусловлены начавшейся ожесточенной борьбой между алтын-ханами и Джунгарией. Не только киштымы, но и многие киргизские рода, как установили историки В.О. Долгих и В.А. Александров, признали над собой власть России и начали вносить ясак. Молодой северомонгольский хан Лоджан в запальчивости не раз грозился развоевать Красноярск и другие сибирские города, но ничего не мог поделать.

1. Первоначально гарнизон Красноярска, образованный из отряда А. Дубенского, состоял из 270 рядовых, трех атаманов, 6 пятидесятников и 24 десятников, всего 303 человека.

2. На просьбу красноярцев увеличить гарнизон Москва отмолчалась. Воевода Никита Карамышев своей властью поверстал в 1635 году в службу 50 «лучших людей» из подгородных татар, однако в новый набег киргизов 1636 года часть их «изменила», поэтому дело о поверстании задержали. Только несколько аринских князей (Татуш, Абытай, Кузей и Шинбирей) получили оклады: Татуш – 7 рублей и по 5 рублей – остальные (подробнее см. **Бахрушин С.В.** Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 65–66, 69).

№ 11. 1636–1643 гг. Владимир. – ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЦОВЫХ КНИГ ПО ВЛАДИМИРСКОМУ УЕЗДУ О ВОТЧИННОЙ ЗЕМЛЕ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО

За курмышенином, за Андреем Анофриевым сыном Дубенским, брата его Иванова вотчина – треть села Заболово на Суходоле, а две трети того села в вотчине за Иваном Ивановым сыном Дубенским, за Иваном Володимеровым сыном, да за Афанасьем Савиновым сыном Дубенским, да за Мирославовыми дочерьми, за девками, за Настасьею с сестрами; в нем та его треть: место дворовое вотчинниково, да крестьян (дворы. – *Г.Б.*): (во дворе. – *Г.Б.*) Мишка Игнатьев да дети его Ерофейко да Малафейко, да Павлик; (во дворе. – *Г.Б.*) Якушко Ефимов, да дети его Ондрюшко, да Трофимка, да Андрюшко, да Мартынко; да бобылей – (во дворе. – *Г.Б.*) Трофим Федотов, да братья его Таврило да Лукашко, да Васька; (во дворе. – *Г.Б.*) Данилко Иванов, да дети его Калинко, да Спиридонка; (двор. – *Г.Б.*) пуст бобыля Сеньки Федорова, бежал во 139 (1631. – *Г.Б.*) году. Пашни паханые на его треть: худые земли пятьдесят две чети, да лесом поросло сорок семь чети в поле, а в двух потому ж. И всего за курмышенином, за Кандратием (так в тексте. – *Г.Б.*). Анофриевым сыном Дубенским в вотчине треть села, а в нем место дворовое вотчинниково, да два двора крестьянских, а людей в них девять человек, да два двора бобыльских, людей в них семь человек, да двор пуст бобыльский. Пашни паханые и лесом поросло: худые земли сто чети в поле (50 десятин. – *Г.Б.*), в двух – потому ж. В живущем – полосьмины с получетвериком пашни (около 13 соток. – *Г.Б.*), а в пусте сошного письма пол-пол- трети сохи, дошло в сошное письмо с полчетвериком пашни.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 608. Л. 232–235 об.

Комментарий (см. № 13)

№ 12. 1638 г . Москва. – ПИСЬМО КРАСНОЯРСКОМУ ВОЕВОДЕ ФЕДОРУ МЯКИНИНУ ИВАНА СТАРИНСКОГО

«Pisalie па tebie is Tobolska knias Michailo Temkin s towarischu u prislali putosznie u rosprosnue reczi krasnoiarskich biegluch kosakow dwatcat czelowiek, a u rosprosnuch reczach ich napisano, szto oni

biesali ot twoei isgoni, y to sie sdelalo milostiu bosia y pomoczy y bereseniem Mikifora Iwanowiecza (дьяка Сибирского приказа), weleno is nich czeterech czelowek povisit, a dostalnych, biw knutom soslat w Kuznetckou w pahatne. Boga radi, Fedor Michailowiz, – прибавлял корреспондент, – ziwi beresno beso wsiakowo durna y oglaski, stobi czelobitczykow na tebie nikakich liudi ni w czem nie bylo; a sdiesie na Moskwie goworiat pro sibirskich woiewod, na kowo budit czelobitziki y sysczetsie, kotoroia ich nieprawda, y im w Sibire ukasano budiet slusit. Dla boga oto wsiego oberegaysie».

Перевод

«Писали на тебя из Тобольска Михайло Темкин (тобольский воевода. – *Г.Б.*) с товарищи и прислали пыточные и роспросные речи красноярских беглых казаков, 20 человек, а в роспросных речах их написано, что они бежали от твоей изгони, и то ся сделано милостию Божьею и помощью Микифора Ивановича (дьяка Сибирского приказа. – *Г.Б.*); велено из них четырех человек повесить, а достальных, бив кнутом, сослать в Кузнецкой в пахатные[1]. Бога ради, Федор Михайлович, живи бережно, безо всякого дурна и огласки, чтобы челобитчиков на тебя никаких людей ни в чем не было; а здесь на Москве говорят про сибирских воевод, на кого будут челобитчики и сыщется которая неправда, и им в Сибири указано будет служить. Для Бога ото всего оберегайся».

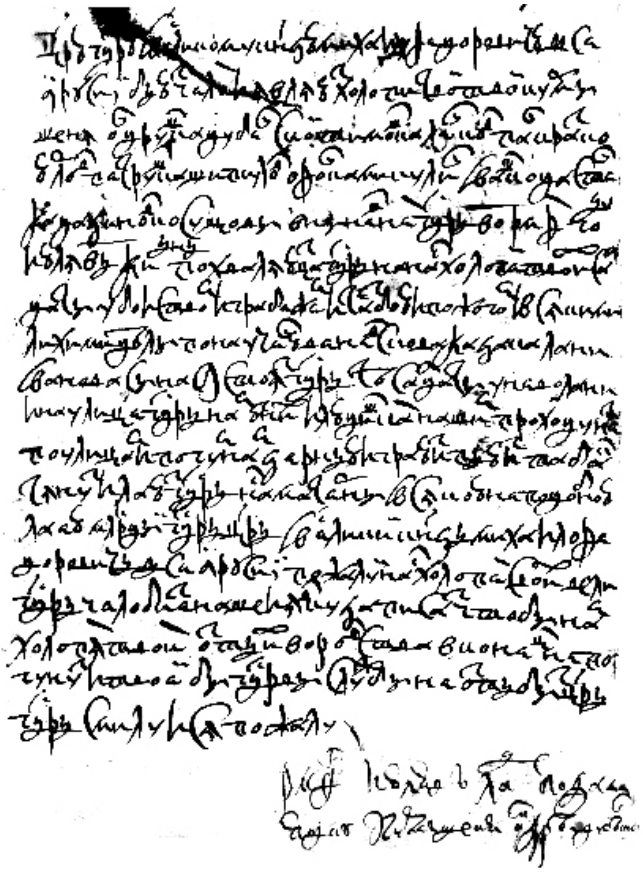
РГАДА. Отдел дворцовых фондов. Стб. 41764. Л. 38–40.

Комментарий

Тесть воеводы Иван Старинский в целях конспирации прибегнул к латинской азбуке, чтобы конфиденциально предупредить Мякинина о последствиях жалобы на него красноярцев. Правительство поощряло челобитчиков, чтобы хоть как-то ограничить произвол сибирских воевод. Федор Михайлович Мякинин был не из числа самых худших красноярских воевод. Красноярцам запомнились такие «разорители и грабители», как Данило Загряжский, Герасим Никитин, Григорий Шишков, отец и два сына Башковские, Семен Дурново (**см. Бахрушин С.В.** Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 152–178.

1. О пахотных крестьянах – см. № 15.

№ 13. 1641 г., июля 18. Курмыш. – ЧЕЛОБИТНАЯ ГРУППЫ КУРМЫШСКИХ ДВОРЯН ВО ГЛАВЕ С АНДРЕЕМ ДУБЕНСКИМ ЦАРЮ МИХАИЛУ РОМАНОВУ О БЕСЧИНСТВАХ МЕСТНЫХ СОЛДАТ ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ

Перевод документы № 13

«Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьем челом и являем, холопи твои курмышеня Ондрюшка Дубенской, Тимошка Ланков, Панкратко Юрлов, Петрушко Шипилов, Офонка Микулин, Ивашко да Станка да Киновко Сущовы.

В нынешнем, государь, во 139 (1641. – *Г.Б.*) году, июля 18 дня похваляютца, государь, на нас, холопей твоих, солдаты убийством и грабежом, и татьбою и пожогом, и всякими лихими делы по наученью веневского казака Лани Иванова сына. А стоят, государь, те солдаты у него, Лани, и на улице, государь, нам быть и людишкам нашим, проходу нет. По улицам и по гумнам зернью играют и пьют, и табак тянут, и лают, государь, нас матерны и всяким неподобным лаем. Милосердствуй государь-царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели государь, челобитье наше и явку записать, чтобы нам, холопьям твоим, от тех (солдат. – *Г.Б.*) и воровства вконец не погибнуть и (от. – *Г.Б.*) твоей бы, государь, службы не отпасть бы, отстать бы. Царь-государь, смилуйся, пожалуй.

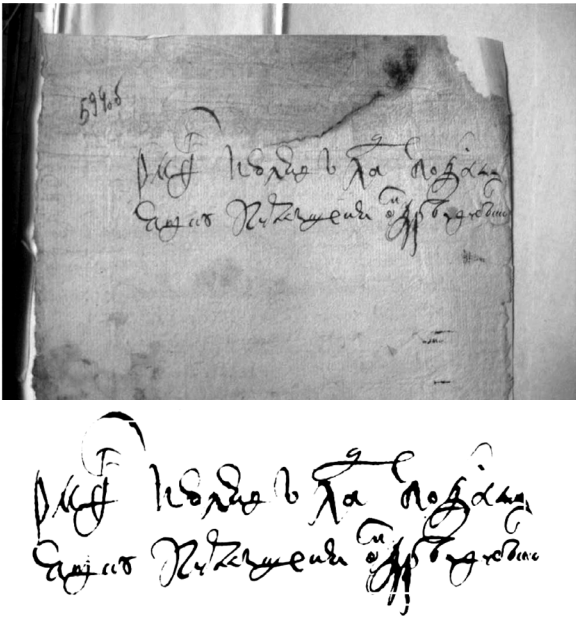
(Далее рукой Дубенского. – *Г.Б.*) 139 году июля в 21 подал явку курмышеня Ондрей Дубенской».

РГАДА. Ф. 210 (Приказной стол Разрядного приказа). Оп. 13. Ч. I. Д. 278. Л. 594–594 об.

Комментарий

Эта коллективная челобитная поступила в Приказной стол Разрядного приказа, но письменной резолюции (и реакции) на нее не последовало. По крайней мере, архивисты начала XX века, описывая дела этого ведомства, дали такую краткую аннотацию: «Челобитья курмышенина Андрея Дубенского с товарищи на солдат, которые угрожают им всякими “лихие делы” и притесняют их» (см. ОДиБ МАМЮ. М., 1908. Кн. 15. С. 308).

После Смутного времени, показавшего слабость русских вооруженных сил, правительство первого Романова стало перестраивать их по образцу западноевропейских наемных регулярных армий. Кроме дворян, служивших с населенных земель, на военную службу стали «прибирать» местных дворян и прочих «охочих людей», включая и выходцев из крестьян. Они получали регулярное денежное жалованье и в пеших полках назывались солдатами, а в конных – рейтарами и драгунами (при необходимости они могли действовать и в пешем строю).

Автограф А. Дубенского: «139 году июля в 21 подал явку курмышеня Ондрей Дубенской»

В пограничных уездах эти части появились в первую очередь и расквартировывались по домам обывателей. Утверждение о том, что солдаты появились при Петре I, ошибочно. Термин «солдат» стал употребляться в России с 30-х годов XVII века.

Интересно, что данная челобитная еще не содержала развернутой титулатуры царя, которая стала обязательной после Соборного уложения 1649 года. Так, полный, обязательный к употреблению в документах титул второго из царей Романова, Алексея Михайловича, в правильном изложении в те времена звучал следующим образом (орфография и пунктуация сохранены в порядке исключения для максимально возможного погружения читателя в ту эпоху):

«Божию милостию, Мы, Великий Государь, царь и великий князь Алексей Михайловичъ, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержецъ, Московский, Киевский, Владимирский, Новго-

родский; царь Сибирский, государь Псковский, и великий князь Тверский, Югорский, Перьмский, Вятский, Болгарьский и иныхъ государь, и великий князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, и вся северныя страны повелитель и государь, Иверские земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинские земли, Черкасскихъ и горскихъ князей, и иных многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ и севернымъ отчичъ и дедичь, и наследникъ и государь и обладатель». Концовка титулатуры Алексея Михайловича «… и земель восточных и западных и северных… отчич и дедич и наследников государь и обладатель» почти полностью совпадала с титулом Сигизмунда Августа III и особенно Владислава IV с такой разницей: «…король польский и литовский, наследный король Шведский… и прочая» (см. Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов 1600–1766 гг. Киев, 1848. Т. I. С. 192; Киев, 1848. Т. II. С. 223; Киев, 1852. Т. III. С. 65). Это является лучшим подтверждением приоритетов Московии в признании и утверждении своих прав на древние земли русские, принадлежащие в то время Речи Посполитой (Великому княжеству Литовскому – в унии с Польшей) и Швеции.

При этом большое значение царь и государь Московский придавал своим владениям Сибирским «за-Каменным» (зауральским), упоминая их порой сразу вслед за первыми тремя своими большими владениями – Великия, Малыя и Белыя России.

Это последнее по времени свидетельство в документах об основателе Красноярска. Судя по тому, что в конце 50 – начале 60-х годов поместье его умершего до 1636 года родного брата Ивана в разных налоговых документах Курмышской приказной избы уже закреплено за единственным сыном Андрея Иваном, основатель Красноярска умер где-то к концу 50-х годов XVII века. Его два внука, Богдан и Любим, по косвенным данным, с тех же курмышских земель, служили в пешем полку «иноземного строя». К 1679 году каждый из них имел офицерский чин поручика. Любим умер бездетным, а от старшего брата Богдана остались два сына – Иван да Александр. Сам Богдан в петровское время, в 1704–1709 годы, служил воеводой в городах Валуй-

ки и Хатмыжске. Воеводские же должности во времена Елизаветы Петровны занимал и его сын Александр. По прямой мужской линии род Андрея Дубенского пресекся в конце XVIII века, так как сыновья Ивана и Александра – соответственно Николай и Иван – умерли бездетными (см. родословная Дубенских).

В целом судьба Андрея Ануфриевича Дубенского – это типичная для эпохи феодализма жизнь человека, который пытался побороться со своей судьбой, преодолеть узкосословные местнические ограничения и препятствия, мешавшие занять достойное место в обществе талантливым и энергичным, но недостаточно знатным или богатым людям.

Красноярцы всегда хранили память об основателе своего города. Без малого через столетие старожилы «Прокофей Замятин, Петр Свищев, Савва Станковский с товарищами по присяжной должности в сказке показали: слыхали де они, Прокопий с товарищи, от отцов и дедов своих (что. – *Г.Б.*) для строения оного Красноярского острога был прислан из Тобольска в 7135-м году (1628 г. – *Г.Б.*) Андрей Онуфриев Дубенский, и оной острог строен разных городов людьми от Соли Вычегодской и от Соли Камской из Верхотурья и из Тобольска и из других городов рейтарами и копейщиками и казаками». Еще через сто лет просвещенный губернатор Александр Петрович Степанов, отдавая должное исторической памяти красноярцев, велел одну из поперечных улиц в старой части города назвать в честь А.А. Дубенского. И в новом XX столетии, когда новая власть максималистски отрицала все и вся, красноярцы помнят, чье имя носила нынешняя улица Парижской коммуны.

№ 14. 1644 г. мая 17. – ДАННАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ БАСКАКОВА СЛУЖИЛОМУ РОДИОНУ КОЛЬЦОВУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ ПОД ДВОР И ПАШНЮ В УСТЬЕ БЕРЕЗОВКИ

В 7152 году мая в 17 день бил челом государю царю великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, в Красноярском остроге в съезжей избе воеводе Олферию Петровичу Баскакову подал челобитную Красноярского острогу служивой человек Родька Иванов Кольцов. А в челобитной ево писано, чтобы ево государь пожаловал, велел дать место на устье Березовки по нижнюю сторо-

ну под двор и под пашню, и под сенные покосы, и под поскотинной выпуск вниз подле Енисея реки до бору до сосновово, а с бору до Атамановские речки, Злобина пашни и до ево межи.

И по государеву цареву великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу Родьке Кольцову та земля отдана, а в пусте не держать.

К сей данной государеву царевой великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли сибирския Красноярского острогу приложил воевода Олферий Петрович Баскаков.

РГАДА. Ф. 281. Кн. 6172. Л. 1.

Комментарий

Многие служилые люди Красного Яра вследствие острой нехватки хлеба обращались к хлебопашеству. В 1635 году служилые люди заняли и частично распахали 843 десятины, в 1671 году из 378 служилых людей Красноярского острога 167 жили в своих деревнях и занимались хлебопашеством, приезжая в город только на службу.

Первоначально земельные владения служилых людей в приграничном Красноярске образовывались путем простого захвата пустопорожних участков, которые затем санкционировались администрацией, выдававшей заимщикам по их просьбе особые «данные» на занятую ими землю. Условие ставилось одно: угодья должны хозяйственно использоваться. Такой упрощенный порядок получения земель вводился только в новоколонизуемых районах и, по существу, являлся разновидностью права на «росчисть», по которому любой мог нетронутые целинные земли без всякой платы использовать 49 лет. Обычно же все земли в Сибири объявлялись государственной собственностью и их отводили при определенных условиях. Служилые люди могли получить угодья либо вместо хлебного жалованья (по 15 десятин в трех полях рядовому казаку и до 50 десятин – казачьей старшине), либо в аренду, внося каждый десятый (позже пятый) сноп с пашни, с сенокосов – деньгами при периодической переоброчке, а с промысловых угодий – одну десятую полученной продукции натурой или деньгами по казенной низкой оценке. Эти правила, естественно, постоянно нарушались, и казаки, как и члены

других сословий, самовольно, втайне от властей, использовали земли и ничего не платили с них. В последнем случае держатели «утаенных угодий» выступали не только пользователями или владельцами, но и полными собственниками земли (см. подробнее: **Быконя Г.Ф.** Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1979. Гл. IV.).

На занятых землях ставили балаганы или небольшие избушки с пригоном для скота, где жили в страдное время члены казачьих семей, а со временем на такую заимку переходила вся семья. Возник целый ряд деревень, названных по именам их основателей: Милославская (атамана Милослава Кольцова), Торгашина, Мезенина, Тюменцева и др. Размеры земельных владений служилых людей были небольшими. Лишь более экономически крепкие служилые люди приобретали крупные участки земли. Так, атаман Дементий Злобин захватил 40 десятин, атаман пеших казаков Милослав Кольцов – 60 десятин. Хозяйство этих состоятельных служилых людей велось преимущественно при помощи труда пленных и «купленных» аборигенов «мугальской, калмыцкой и братской породы». Родион Кольцов являлся влиятельным в Красноярске атаманом. Отец его, атаман Иван Кольцов, был сподвижником Андрея Дубенского, участвовал в постройке Красноярского острога и в военных походах. Земельные угодья, полученные Р.И. Кольцовым по указанной «данной», находились несколько ниже с. Ясаулово по Енисею. Здесь возникла деревня, принадлежавшая атаманской семье Кольцовых. По соседству с землями Кольцовых находились владения Красноярского Введенского монастыря, которые были расположены по р. Березовке. В конце XVII века деревней владел атаман Федор Кольцов с родными братьями. В 1701 году в состав их владений входило 4,5 чети пашни, сенных покосов более 40 десятин.

№ 15. 1649 г. апреля 15. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В. АКСЕНОВА О ПРИСЫЛКЕ ЕГО ЖЕНЫ ИЗ ТОМСКА

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом сирота твой, пашенной крестьянин Васька Оксенов. Женился я, сирота твой, в Томском (и жил. – *Г.Б.*) у вос-

кресенского попа Левонтия Пантелеева во наурошные лета на восемь лет. И в прошлом, государь, во 145 году (1637. – *Г.Б.*) прислан я, сирота твой, ис Томского в Красноярской острог с отцом своим Оксеном в пашню.

И с тех, государь, мест со 145 году и по нынешний по 157 год апреля по 15 число женишко моя в Томском, а строшные, государь, годы отошли, сироте твоему, женишка моей он, Левонтей, не отдает, держит у себя на постеле за сроком два года.

Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, пожалуй меня, сироту твоего, вели, государь, женишко моево Левонтью отдать, а прежние, государь, воеводы в Томск писывали многожды, а женишка моево не присылывали, а меня, сироту твоего, для женишка моево в Томской не отпустят от твоей, государь, пашни. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 380 (1). Л. 6.

Комментарий

В условиях острой нехватки хлеба и русских людей в новоколонизуемые районы Сибири обычно переводили людей из старожильческих мест, как это сделали с семьей Оксеновых. Эта практика могла вызвать серьезные отклонения в семейно-брачных отношениях. Документ позволяет предположить, что Василия томский священник либо женил на своей дворовой девке, либо, скорее всего, помог жениться с обязательством прожить у него восемь лет. Молодоженам не повезло, ибо вскоре, судя по приводимым годам, Василия перевели в Красноярск, а его жену священник задержал на вполне «законных» основаниях. Таким образом, духовное лицо, заботясь о своих хозяйственных интересах, отдало предпочтение светским гражданским нормам, а не церковно-профессиональным установкам, которые исходили из того, что брак заключается на небесах и грех разлучать супругов. Правда, Василий обвинял попа Левонтия лишь в нарушении договорных условий (передержал два года). Сложившаяся ситуация была вызвана и тем, что Оксенов был пашенным крестьянином, а эта категория сельского трудового населения была наиболее бесправной и подвергалась самой грубой эксплуатации казенно-крепостнического типа в XVII – на-

чале 60-х годов XVIII века. У пашенных крестьян непосредственно присваивалась часть рабочего времени через обязанность обрабатывать десятинную пашню и разнообразные натуральные повинности. За каждые 4,5 десятины «собинной», то есть своей, пашни они должны выполнять все виды сельскохозяйственных работ на одной десятине, урожай с которой шел в казенные амбары.

До 1728 года, когда десятинную пашню заменили в Енисейском и Мангазейском уездах хлебным оброком, пашенные крестьяне составляли подавляющее большинство. Государева десятинная пашня в плодородном Красноярском уезде сохранялась до 1762 года, до замены ее повсеместно рублевым денежным оброком. Пашенные крестьяне были связаны и с другими формами социально-экономических отношений, помимо крепостничества. Они имели право сдать свое хозяйство, а с ним и тягло другим лицам и перейти в другое сословие, могли переселиться в город (подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1979. Гл. IV).

№ 16. 1653 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ ССЫЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ОБ ИХ ТЯЖЕЛОМ ПОЛОЖЕНИИ И С ПРОСЬБОЙ О ВЫСЫЛКЕ ИХ НА РОДИНУ

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии… бьют челом сироты твои… Красноярсково острогу ссыльные людишки Федька Балакин, Олешко Косой, Иванище Старец, да промышленной человек[1] Васька Антонов. В нынешнем, государь, во 161 году на Вербной неделе, в понедельник, Красноярсково острогу конной казак Микита Кочергин говорил твое государево слово негораздо[2]. А мы, сироты твои, слышали у него твое государево слово, известили на нево, Микиту, в Красноярской острог в съезжей избе воеводе Михаилу Федоровичу Скрябину. И тот Микита в твоем государевом слове заперся, и мы, государь, сироты, в том слове привожены к пытке.

А я, Федька Балакин, пытан дважды… И в сыску бедности терпели. И в нынешнем же, государь, во 161 году он, Микита, перед тобой, государь, повинился, принес повинную в съезжую избу во-

еводе Михаилу Федоровичу Скрябину. И нас, сирот твоих, велено выпустить на поруки до твоего государева указу.

Да он же, Микита, с братиею своей и с родней нам, сиротам твоим, угрожает убийством, и нам, государь, сиротам твоим, от их угрозы жить в Красноярском остроге немочно.

Милосердный государь и великий князь Алексей Михайлович, пожалуй нас, своих сирот, вели, государь, нас в том деле свой царский указ учинить, чтоб, государь, нам, сиротам твоим, в том деле в конец не погинуть, и вели, государь, нас, сирот своих Федьку да Олешку, ис Красноярсково острогу выслать к Руси, к женишкам нашим, а меня, государь, нищего своего богомольца Иванища Старца, вели, государь, выслать за мое терпение в Галич, в Пасеев монастырь…

РГАДА. Ф. 214. Кн. 380 (1). Л. 37–39.

Комментарий

Ссылка занимала довольно видное место в формировании постоянного русского населения в городе и всем уезде. По словам С.В. Бахрушина, «невольные колонисты были не только из Приморья, но из самых разнообразных углов государства. Здесь выходцы из центра гораздо многочисленнее, чем в других сибирских городах, где, благодаря вольной колонизации, они терялись в общей массе поморов. Мы встречаем на Красном Яру уроженцев Москвы и ближайших к ней городов: москвитян, коломлетян, ростовцев; из Поволжья – романовцев, ярославцев, казанцев, нижегородцев, арзамасцев, балахонцев, тетюшан, астраханцев, наконец, с западной и южной окраин – смольнян, воротынцев, путивльцев, комаричан, курян и др.» (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 93–94).

Через ссылку в Приенисейском крае появились донские, яицкие и терские казаки. Довольно значительную группу составляли «черкасы», то есть украинцы. Из них в городе была образована даже специальная полусотня (см. № 21). В Красноярском гарнизоне встречались также люди под названием «польские и литовские люди», «шляхта», «иноземцы», «немчины» (немцы) и даже выходец из Брабанта Савва Француженин.

1. Промышленные люди – специфическая категория населения Сибири начального ее освоения. Они профессионально занимались пушным промыслом и платили казне промысловый налог в размере 10 % добытой пушнины (с каждой девятой шкурки десятую). В Приенисейском крае в начале XVIII века их насчитывалось до 1000 человек. На долю края пришлось в целом каждые четыре соболя из 10 добытых во всей Сибири за XVII век соболей и каждые 3 руб. 50 коп. из 10 руб. их общей стоимости (подробнее см. **Павлов П.Н.** Пушной промысел в Сибири в XVII – начале XVIII вв., Красноярск, 1972).

2. «Государево слово» («Слово и дело государево»). Сам термин предполагал, что тот, кто произносит его, знает что-то важное о замыслах на государево здоровье, царскую честь, о подготовке бунта.

Процессы по «слову и делу государеву» наложили яркий отпечаток на тогдашнюю политическую жизнь России.

Он начинался обычно «изветом» – устным или письменным. Изветчик кричал, что он знает «слово и дело», или сообщал об этом представителям местных властей – воеводам, дьякам. Последние были обязаны допросить о содержании «слова и дела» изветчика, а затем, по его указанию, ответчика. В необходимых случаях применялись пытки. После выяснения обстоятельств дела и вины воеводы писали о нем в соответствующий приказ. Исходя из существа дела, московские власти выносили окончательный приговор, нередко процессы тянулись месяцами, а то и годами.

Эти слова, произнесенные в толпе горожан или деревенских жителей феодальной России, вызывали немедленную реакцию – все, кто их слышал, со страхом разбегались (см. **Марьин В.И.** Слово и дело государево // ВИ. 1966. № 3. С. 215–218).

№ 17. 1654 г., октябрь. – СКАЗКА КРАСНОЯРСКОГО СЫНА БОЯРСКОГО СЕВАСТЬЯНА САМСОНОВА, ПОДАННАЯ ВОЕВОДЕ Д.Х. МОТОВИЛОВУ О СЛУЖБЕ

Лета 7163-го году в… день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и государя, благоверново царевича великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и бе-

лыя Росии в Красноярском остроге, в съезжей избе, воеводе Данилу Харитоновичу Мотовилову подал скаску сынчишко боярской Севастьянко Самсонов.

Дед мой, Ондрей Прокопьев Кубенин, из Великого Новагорода переведен Устьянских волостей в Пежемскую волость, а отец мой, Самсон Ондреев Кубенин, родился в Пежемской волости и жил в тягле. И судом Божьим отца моего литовские люди убили, а я, Севастьянко, остался после отца своего 17 лет и сошел охотою своею в полк к боярину, к князю Борису Михайловичу Лыкову к Вологде, и с Вологды боярин, князь Борис Михайлович Лыков, послал нас з детьми боярскими, с костромичи и с арзамасцы, на Белоозеро. А головою у нас был Иван Полозов, и мы за Белым озером на Хорголе побили черкес и языков взяли 6 человек, да мы ж з Белоозера в другой ряд ходили за Белоозеро в кемские села, и в кемских селах грабили казаков, баловщину, и взяли атамана Федора Ослововского, а с ним взяли 4-х человек казаков с языки и привели к Вологде, к боярину, князю Борису Михайловичу Лыкову. Да после тово боярин, князь Борис Михайлович Лыков, послал нас весною с Вологды в стругах по Каргополь, а Каргополь был в те поры в осаде; и как мы пришли в Каргополь, и из Каргополя послал нас воевода князь Мирон Михайлович Шеховский за Каргополь за ледину на казаков, баловщину, и казаков на речке на Сиенге побили[1]. И после тово я, Севастьянко, сошел в сибирские городы во 125-м году (1617. – *Г.Б.*) гуляющим делом, и в Томске городе прибрал Андрей Дубенской на Красный Яр в службу в казаки изо всяких чинов людей, и я в те поры в казачью службу при Андрее Дубенском и приверстан, и шел с Андреем Дубенским на Красный Яр. И пришел на Красный Яр острог ставити, и служил я всякие государевы службы – конные и пешие, и струговые: посылал меня из Красноярского острогу Андрей Дубенской в Киргизскую землю на государевых изменников и непослушников с атаманом с Иваном Кольцовым, и кыргиских людей побили и языков поимали. Да при воеводе Архипе Акинфове посылан я с атаманом з Дементьем Злобиным войною на кыргисково князца Иженея, и кыргиских людей побили, и княгиню Иженееву с сыном с Атаяком и со всеми детьми в полон взяли, и на том

бою я бился явственно – убил мужика. Да при воеводе Архипе Акинфове посылан я в Качинскую землю, на тубинского князца Кояна с атаманом Дементьем Злобиным – и тубинских людей побили, и языков поимали, и на том бою я бился явственно. Да при воеводе Архипе Акинфове я в Камасинскую землю для государева ясашново збору и государева ясаку собрал три сорока; да при воеводе Архипе Акинфове посылан я в новую Мунгальскую землю к князцу Таитулу Икычую, да к ошенскому князцу к Сатагачу для государева ясашново збору, взял с ним государева ясаку 40 соболей. Да при воеводе Архипе Акинфове посылан я в Камасинскую землю для ясашного збору, и государев ясак собрал весь сполна, да приискал вновь 9 человек, а взял я с них 50 соболей государева ясаку. Да при воеводе Миките Карамышеве посылан я в Братскую землю с атаманом Дементьем Злобиным войною, и братских людей побил. Да при воеводе Миките Карамышеве посылан я в кызылы с атаманом Дементьем Злобиным и кызыльских людей побили, да при воеводе ж Миките Карамышеве посылан я на Абакан с атаманом с Милославом Кольцовым войною на качинцов и на котовцов и на той службе убил мужика. Да при воеводе Федоре Мякинине посылан я в Кыргизскую землю, как изменили качинцы и аринцы, отъехали в кыргизы к кыргисцам к Ишею да к Иженею, и тех качинцов и аринцов призывать под государеву высокую руку, чтоб они пришли на государеву землю на старые свои кочевья. И я их призывал, и они при воеводе Олферье Баскакове на старые свои кочевья и великому государю добили челом. Да при воеводе Олферье Баскакове посылан я в Канскую землю для государева ясашного сбору, как они, канские люди, изменили, и в те поры я с них, канских людей, государев ясак взял и вновь приискал Инголоницкую землицу, братцких киштимов 10 человек, Кочея и Шарана для государева ясаку, а взял с них 40 соболей. Да посылан я в Камасинскую землю для государева ясашного збору, и ясак государев собрал, а вновь приискал 20 человек, а государева ясаку взял с них два сорока соболей. Да при воеводе Олферье Баскакове посылан я в стругах вверх по Енисею с товарищем с Микитою Борцом, а с нами было посылано 150 человек служивых людей на всход с конными служивыми людь-

ми, которые посланы изо всех сибирских городов и с Красново Яру в Кыргизскую землю войною. И мы пришли верх Кончины пашни, и ходил я, Севастьянко, в степь 2 дни, а со мною ходило 60 человек служивых людей, изошли вверх Комы реки татар 4 человек, з женами и з детми, и взяв их, послал в Красноярский острог, и они с тех мест и по ся места государев ясак платят. А в те поры кыргизы и тубинцы с конными служивыми людьми дрались и подсмотрели струговых нас служивых людей и, убоясь струговых людей, великому государю били челом и вину свою принести в шерть шертовали. Да при воеводе Олферье Баскакове посылан в Тубинскую землю к князцам к Кояну, и Кунгуру, и Кылину, и к их улусным людем для аманатов, и я у них в аманаты взял Коянова сына Кирму, и они, тубинцы, князцева роду сидят попеременно в аманатах и по сю пору. Да меня ж посылал воевода Петр Протасьев в Камасинскую землю для государева ясашного збору, и ясак я с них взял весь сполна, да вновь приискал 6 человек, а государева ясаку взято с них 20 соболей. Да я же посылан при воеводе Петре Протасьеве в Тубинскую землю приводить к шерте тубинских князцов и улусных людей, и тубинские князцы, и улусные люди великому государю шерть свою шертовали на том, что быть им под государевою высокою рукой в вечном холопстве. Да при воеводе ж Петре Протасьеве посылан я, Севастьянко, на государеву службу в браты с атаманом с Милославом Кольцовым, да с Елисеем Тюменцевым на братцких людей, на князца на Иланка. И на той службе я был явственно, и мужика убил. Да воевода Петр Протасьев посылал меня в тое ж Братцкую землю призывать братцково князца Иланка к царской милости, и я, Севастьянко, ходил, и князца Иланка призвал, и привел в Красноярской острог. Да в прошлом во 158-м году (1650. – *Г.Б.*) посылал из Удинсково острогу атаман Елисей Тюменцев для государева ясашного збору в Братцкую землю к князцам Кузунуку, и Чиначию, и Термичек», и к Абакану девяти человек служивых людей. И они, братцкие князцы, служивых людей, побили, и казну государеву соболиную, и оружье взяли. Да в прошлом во 159-м году посылал меня воевода Андрей Бунаков в Братцкую землю, в Удинский острог для государева ясашново збору. И я в Удинском остроге государев ясак

собрал весь сполна, без недобору. Да вновь приискал Югденскую землицу и взял с них 6 соболей, и по сю пору с той Югденской землицы ясак государев платят, да братцкого князца Иланка призвал и ружье побитых служивых людей взял. Да во 160-м году посылал Андрей Бунаков с Кирилом Бунаковым на государеву службу – на государевых непослушников и изменников, на братцких людей, и на той службе был я у канских, и котовских, и у корчюнских, и тубинских татар головою. Да меня ж, Севастьянко, посылал Кирило Бунаков наперед в тою Братцкую землю в Удинский острог. Изъехал я в подгорных юртах и поймал братцкого мужика, и тот мужик был у нас в вожаках на братцких людей.

Да я же, Севастьянко, при прежних воеводах учинил прибыль в ясашном государеве зборе в Камасинской и в Качинской землицах 14 сороков соболей; да в Ингалоцкой и Мунгальской я, Севастьянко, учинил прибыли 2 сорока соболей, да в Югденской новой землице 8 соболей[2].

И за те де мои службишка, и за ясашных збор, и за прибыль великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя Росии самодержец и государь, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всея великия и малыя и белыя Росии пожаловали меня, холопа своево, велели дать свою государеву грамоту за приписью дьяка Третьяка Васильева к воеводе к Михаилу Скрябину.

А по той государевой грамоте велено мне в Красноярском остроге государеву службу служить в детях боярских, а оклад мне учинен на Москве государева жалованья 7 рублей денег, да хлеба 7 четвертей ржи, овса 7 четвертей, соли указано против иных красноярских детей боярских. В том я и скаску дал за своею рукою.

Скаску писал площадной подьячишко Бориско Ульянов.

ЛОА РАН. Ф. 24. Оп. 4. Д. 18. Л. 80–84; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 539–541.

Комментарий

Документ раскрывает практику перехода из рядовых казаков в начальные люди. За отличие и выслугу лет подавались через воеводу в Сибирский приказ аналогичные сказки, в которых рас-

писывались все службы претендента на командные должности, почетные звания дворянина или сына боярского и индивидуальный оклад деньгами и хлебом. Особо ценились непосредственное участие в боевых действиях, полученные раны и принесенные казне выгоды через объясачивание немирных «инородцев».

Судя по небольшому денежному и хлебному окладу (максимальный оклад доходил до 18 руб.), С. Самсонова за более чем 40-летнюю службу вознаградили довольно скромно. Звание «сын боярский» было лишь низшим разрядом казачьей старшины и не давало статус русского дворянина.

Поскольку специально не было оговорено, что Самсонов был не московского, а сибирского списка, он не имел прав потомственного дворянства, в том числе на населенные земли. Возможно, уже сказалось его низкое происхождение: отец был не служилым человеком, а тяглецом – налогоплательщиком.

В службу Севастьян пошел добровольцем в связи с мерами правительства Михаила Романова против многочисленных разбойных отрядов, которые, пользуясь интервенцией и политической неразберихой, грабили всех подряд.

1. На севере России и Вологодчине особенно активными в этом плане были казачьи отряды атамана Баловня. С. Самсонов верно указал, что руководил от имени Москвы борьбой с разбойниками князь Б.М. Лыков. Баловня, рискнувшего пойти даже к Москве, в 1615 году разбили и повесили (см. **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1990. Т. 9–10. С. 26–29).

В Красноярском уездном казачьем войске до штата 1725 года детей боярских было больше, чем в любом другом уезде Восточной Сибири – 60 чел. По новому штату в Сибири оставили только 100 чел. детей боярских, в том числе 54 чел. в Приенисейском крае (Красноярском уезде – 30, Енисейском – 20, Мангазейском – 4). В последующие годы их число уменьшилось: по штату 1763 года– 36 чел., а в 1765-м – 26 чел. (соответственно в Красноярском уезде – 25 и 15, Енисейском – 9 и 11, Мангазейском – 2 и 2).

Как сословное звание перестало употребляться со второй четверти XIX века. По сравнению с XVII веком функции детей боярских значительно изменились. Так, в 1751 году «для поручений

при воеводских канцеляриях» их числилось 39 чел., в том числе в Красноярске – 22, Енисейске – 14 и Мангазее – 3 чел.

Оклады хлебного, соляного и денежного жалованья нередко были индивидуальными и зависели от выслуги. Денежный оклад колебался в XVII – нач. XVIII века от 7 до 18 руб., земельный надел вместо хлебного жалованья не превышал 50 дес. в трех полях, то есть не достигал размеров минимального поместья у российских детей боярских, который равнялся 150 дес. Дети боярские (Галкины, Гоголевы, Посниковы, Елисеевы, Абалаковы и др.) имели незаконно населенные земли, крепостных крестьян и дворовых людей и по социальной сути являлись феодалами. Большинство же относилось к служебному слою населения, то есть были министериалами, не игравшими самостоятельной роли в реализации классовых установок верховной власти.

2. В сказке содержатся интересные сведения об ясачной политике. В зависимости от степени замирения «инородцев» и близости их кочевий от Красноярска брали от символической дани в 1–2 соболя с охотника до 12 соболей.

№ 18. 1666 г., декабря 5. – ПОКАЗАНИЯ КРАСНОЯРЦЕВ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПОДЬЯЧЕГО В. ЕРЕМЕЕВА

1. Лета 7175 года декабря в 5 день по указу великих государей допрашивал томский сын боярский Кулаковский, да служивой человек Пантелей Тимофеев Красноярского уезда села Ясаулова[1] спасского священника Дмитрия Григорьева про ссыльного вора про подьячего Ваську Еремеева. И священник Дмитрий Григорьев сказал: «Все воинство от него плачет… воровски на домы нападает, разоряет, сидит у государева дела, посулы и поминки большие емлет, и нам, священному чину, от него вора изтеснение немалое. Научал воевод на домишко мой напасти и разорити умышлением своим воровским, и от их изгони хотят уезжать с Красного Яра…»

2. 175 году декабря в 5 день сказал в допросе томскому сыну боярскому Матвею Иванову сыну Кулаковскому да служивому человеку Ваське Тимофееву Красноярского острога пашенной кре-

стьянин Яков Стефанов сын Сорочка про ссыльного вора Ваську Еремеева. (Я. – *Г.Б.*) был от Якуцка в Братцкой земле толмачом и прибыль великим государем чинил, приберя вновь соболей по полусорока и по сороку, и Васька умыслел, воровски захотел меня извалять посулами, загонял меня в пашню[2], умысля с воеводой, грозил мне кнутом и огнем… да он же, Васька, с воеводою Герасимом Петровичем (Никитиным. – *Г.Б.*) ограбили меня, отняли полтрети сорока соболей…

РГАДА. Ф. 214. Кн. 380. Ч. II. Л. 109, 132.

Комментарий

Василий Еремеев был подьячим Посольского приказа в Москве, затем его отправили в ссылку в Красноярский острог. В 1650 г. красноярский воевода Андрей Бунаков взял его на службу в съезжую избу. Еремеев занимался ясачным сбором, судебными и другими делами. Подьячий по просьбе врагов атамана Родиона Кольцова написал на влиятельного красноярца челобитную, назвав его в ней «изменником». Атаман не остался в долгу и отомстил Еремееву, отправив в Москву соответствующую челобитную. В 1666 году из Томска, по указанию из столицы, для производства следствия по делу красноярского подьячего был прислан томский сын боярский Матвей Кулаковский. Воевода Герасим Никитин встал на защиту Еремеева. Он писал, что Еремеев «сидит у государева дела со всеми воеводами 18 лет и о твоей, великого государя, соболиной ясачной казне и о ясачных людях радеет и работает беспрестанно, а проделки его ни в каких делах нет…». Василий Еремеев был очень опытным, хитрым и небескорыстным приказным дельцом, сумевшим добиться большого влияния на красноярских воевод, их безграничного доверия. Он бесконтрольно хозяйничал в съезжей избе и злоупотреблениями, произволом вызвал жгучую ненависть красноярцев.

1. Село Ясаулово возникло в 1632–1633 годах на правом берегу Енисея и позже разместилось по речкам Холуеватой, Толконе и Батою. Оно прикрывало Красноярск с востока и было сразу укреплено тыном с установленной пушкой. Обилие плодородных и промысловых угодий, положение на сухопутной зимней доро-

ге в Канский острог и на Ботойские промыслы довольно быстро превратили это поселение в самый крупный населенный пункт уезда. Взрослое мужское население, по переписи 1671/72 года, составляло 67 человек, из них двое духовных, 27 крестьян, трое посадских, 26 служилых людей, 8 холопов и один неизвестный; в 1701 году – 86 человек, в том числе один священник, 42 пашенных крестьянина, трое посадских и 40 служилых людей. В 1713 году в нем числилось 122 двора, в которых проживало 408 душ мужского пола и 411 душ женского пола. Интересно, что неподатные преобладали среди жителей, соответственно 73 двора с 219 душами мужского пола и 227 душами женского пола.

В селе имелся постоялый двор и бойко торгующая квасная. В Ясаулове обосновалась служебная городская верхушка, в частности дети боярские Саломатовы, Михаил Ярлыков и другие. Некоторые крестьяне Ясаулова занимались помимо пашни кузнечным делом, торговлей, сбором хмеля и рыболовством. Общая запашка к началу XVIII века составляла 211 десятин, считая государеву пашню, причем хлебопашеством занимались представители всех сословий.

Позже, с интенсивным освоением юга края в XVIII веке, село стало терять свое население: в 1722 году там числилось 117 дворов, а в 1795 году – 84, в которых проживало 290 душ мужского пола и 297 душ женского пола (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 39, 82, 90, 103, 112; **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука. СО, 1981. Табл. 37, 38. Третье издание, дополненное и доработанное см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Красноярск, 2015 Т. 1.

2. В превращении Якова Сорочки из служилого человека в пашенного крестьянина не было ничего необычного. Сословные рамки в Сибири были нечеткими. Воеводы до конца XVII века могли с санкции центра верстать в служилые люди лиц податных сословий и, наоборот, переводить их в тягло. С другой стороны, посадские и крестьяне имели право передать другим лицам свое тягло и записаться в другое состояние.

Жалоба Якова Сорочки достигла цели. По подворной переписи 1671/72 года среди пеших служилых людей показан «Якунька Степанов Сорочка, (который. – *Г.Б.*) живет в деревне против Кану

реки» (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. М., 1959. Т. IV. Приложение. С. 221.

№ 19. 1667 г., март – август. Енисейск. ЧЕЛОБИТНЫЕ ЕНИСЕЙСКОГО ВОЕВОДЫ К. ЯКОВЛЕВА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ О НАБЕГЕ КАЛМЫКОВ (ДЖУНГАРОВ) И КИРГИЗОВ НА КРАСНОЯРСКИЙ УЕЗД И ОБ ОСАДЕ ИМИ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА

I. Господину Алексею Михайловичу Кирило Яковлев челом бьет. В нынешнем в 175-м (1667. – *Г.Б.*) марта в 5 день писал ты, господине, ко мне в Енисейский острог с красноярским казаком с Поликой Ефремовым: Сенга де тайша магульского царя Лоджана взял з женою и з детьми, и людьми, а стоит де он, Сенга, с воинскими людьми на Киргизской и на Тубинской земле от Красноярского острогу в восьми днях, а по Абакану и по обе стороны Енисея реки. Да ты ж, господине, писал ко мне, в отписке своей: прислал де к тебе на Красный Яр Сенга тайша послов своих Чеченя и с товарыщи, а велел де им, чтоб де им взять ясак с государевых ясачных людей, а как ясак с них возьмет и их по улусам разведет, и он де с киргизские земли пойдет в свою землю. Да с ними ж де прислал он, Сенга, бухаровцов трех человек, да калмыков трех человек, да с торгами бухаровцов человек с десять, а говорили де они тебе посланцы, чтоб им поволно торговать торгами своими в Красноярском остроге, а будет де которые товаров своих не продадут, и им бы де итти с теми товары в Енисейский острог. Да они же тебе сказали: есть де от Сенги тайши в Енисейской ко мне письмо, и с того письма прислал ты, господине, ко мне под отпискою своею список. И те, господине, вести по твоей отписке ведомы, и против, господине, твоей отписки по воинским вестям послал к тебе из Енисейска на помочь служивых людей со всею службою и с полными запасы сего ж числа…

II. Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя Росии самодержцу холоп твой, Кирюшка Яковлев, челом бьет.

В нынешнем, государь, во 175 году в разных месяцах и числах писал ко мне, холопу твоему, в Енисейский острог с Красного Яру

воевода Алексей Сумароков про приход воинских калмыцких людей Сенги тайши с товарыщи под Красноярской острог, и чтобы мне, холопу твоему, прислать к нему, Алексею, в помочь енисейских служилых людей и пушечных запасов. И по тем, государь, воинским вестям послал я, холоп твой, на Красный Яр енисейских служивых людей двадцать человек, да кузнеца Кондрашку Моисеева… И в нынешнем же, государь, во 175 году мая 23 день писал ко мне, холопу твоему, в Енисейский острог с Красного Яру воевода Алексей Сумароков, а в отписке его написано: в нынешнем де, государь, в 175 году мая в 13 день пришли под Красноярской острог калмыцкие воинские большие люди, в 17 день били челом тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея великия и малыя и белыя Росии самодержца ему, Алексею, в съезжей избе говорили красноярские дети боярские и всяких чинов люди, чтоб де он, Алексей, отпустил из Красноярского острогу калмыцких людей. А в сборе, де государь, было красноярских детей боярских и служивых, и посадских людей, и пашенных крестьян, и промышленных, и гулящих людей триста человек, да качинских татар семьдесят человек.

И он де, Алексей, по их челобитью отпустил их против калмыцких людей, послал он, Алексей, с ними двух атаманов. И отошли де ратные люди от Красноярского острогу с версту, нашли калмыцких людей на таборы и бой с ними учинили, и волею де, государь, Божиею красноярских служивых людей, пашенных крестьян, и качинских татар, и енисейских служивых людей, которые, государь, посланы из Енисейска на Красный Яр для сбережения от неприятельских людей приходу, – побили и многих переранили, да в полон взяли красноярского атамана Родиона Кольцова. После того бою стоят под Красноярским острогом и присылают же калмыцкие тайши к Красноярскому острогу, и просят киргизских аманат двух человек, да киргизских де, государь, аманат, просят двух человек, которые посажены в воровстве киргизского князца Еренека Ишеева при воеводе Герасиме Никитине. А буде тех де, государь, киргизских аманат не отдадут, и им де, калмыкам, под Красноярским острогом стоять лето и зиму, и хлеб де себе в запасы станут жать красноярские и енисейские пахоты. А в Красноярском де, го-

сударь, остроге людей, и пушек, и пищалей, и пушечных запасов мало, и чтоб по твоему, великого государя, указу мне, холопу твоему, прислать из Енисейска к нему на Красный Яр в помочь ратных людей, и пушек, и пищалей, и пушечных запасов. И о присылке же, государь, на Красный Яр о пушках, и о мушкетах, и о пушечных запасах, и об ратных людей для защищенья от неприятельских людей писать бы мне в Томской…

ДАИ. Спб., 1855. Т. 5. С. 164-170.

Комментарий

Самый тяжелый для русских этап борьбы за Северное Присаянье приходился на 60–90-е годы XVII века. В начавшейся в 170–171 (1661–1667) годы войне с Джунгарией Лоджан терпит поражение. От былой заносчивости не остается и следа. В 1661 и 1664–1665 годах он шлет послов в Москву, чтобы получить военную поддержку. По мере успехов джунгар Лоджан предлагает России поставить острог то на Кемчике, то на Абакане, то на Тубе. Русское правительство за помощь требует присяги на подданство и официального отказа от прав на албан с землиц, которые уже платили ясак в царскую казну. Посольству Зиновия Литоса (1663), вероятно, удалось заключить русско-монгольское соглашение о сферах влияния на Верхнем Енисее. Россия добилась ликвидации двоеданства для 300 «луков» обитателей правобережья Енисея. Это была крупная дипломатическая победа, так как русские согласились признать подданными монгольских ханов только правобережных енисейских киргизов Исарской и Алтысарской землиц, которые после событий 1662–1663 годов «изменили» алтын-хану и отложились к Джунгарии. В исторической литературе обедняется содержание этих переговоров. Учитывается только то, что Лоджан-хан принял подданство и согласился дать своих и киргизских аманатов, правда, хакасский историк К.Г. Копкоев считает все это фикцией со стороны хана. После посольства Литоса Лоджановы послы прибыли в Москву и принесли присягу на вечное подданство России. Затем в 1665 году томские служилые люди Роман Старков и Степан Баборыкин после переговоров с Лоджа-

ном сами обследовали место предлагаемой постройки острога и передали особый чертеж для исполнения в Томск. Однако для реализации достигнутого соглашения не хватило времени. Пока воеводы Томска и Красноярска готовились к строительству острога для защиты Лоджана, хунтайджи Сенге, вероятно, узнав о русско-монгольском договоре, действуют быстро и энергично. Джунгарские войска вторгаются в Хакасию и в 1667 году наносят сокрушительный удар по силам Лоджана. Сам хан с семьей попадает в плен и подвергается обдуманному тяжкому бесчестью: ему отрубили по плечо правую руку, подписавшую договор с Россией, а в рот, произнесший подданическую клятву Москве, положили собачье мясо. Так Сенге для всей Киргизской земли символически объявил Лоджана политическим мертвецом, а его соглашение с Россией – недействительным.

Затем хунтайджи начинает открытые военные действия против России, добиваясь монопольного права на сбор албана с енисейских киргизов и их киштымов. 13 мая того же 1667 года соединенные силы джунгар, киргизов и тубинцев осадили Красноярск, требуя выплаты албана со всех русских ясачных. Красноярцы отбились с большим трудом, потеряв 194 человека убитыми. Окрестные деревни были сожжены, многие женщины и дети попали в плен, скот угнан. Затем почти ежегодно с 1670 по 1680 год начальный киргизский князь Иреняк продолжал водить киргизско-джунгарские отряды в набеги на Томск, Красноярск, остроги, деревни и юрты русских и ясачных. Особенно тяжелым был набег в сентябре 1679 года, когда Красноярск оказался на волосок от гибели, а в уезде сожгли 16 деревень. Положение спас опытный черниговский полковник Василий Многогрешный, который был сослан в Красноярск и содержался в тюрьме (см. ч. I, док. № 21, 22). Тем не менее Россия сделала в эти годы еще один шаг в присоединении юга Приенисейского края. Упорное сопротивление русских, внутренние распри и тяжелые затяжные войны с киргиз-кайсаками и Маньчжурией вынудили нового хунтайджи Галдана отказаться от притязаний на полное господство в бассейне Верхнего Енисея. Начиная с 1680 года он пытается добиться от России соглашения на установление двоеданства.

С этого года после тридцатилетнего перерыва енисейские киргизы стали давать аманатов и ясак в Красноярск, хотя делали это крайне нерегулярно.

В 1685–1690 годы на юге Приенисейского края наступило затишье. Джунгария ведет войну с казахами, мобилизовав для этого все силы Киргизской земли. Гибель в 1687 году в ожесточенном четырехдневном сражении у Телецкого озера почти всего джунгарского войска и 300 енисейских киргизов во главе с Иреняком еще более разрядила обстановку. В 1690 году сын Иреняка Корчун подтвердил договор 1685 года и обязательство вносить ясак с киргизов по одному соболю с человека. Однако вассальская зависимость Киргизской земли от Джунгарии еще сохранялась.

№ 20. 1667 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СВЯЩЕННИКОВ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ О ПРИБАВЛЕНИИ ИМ ЖАЛОВАНЬЯ

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержавцу… бьют челом ваши государевы богомольцы Красноярского острогу Преображенской церкви соборныя священники – Артамонище Степанов, да Иванище Дмитриев, да дьякон Яковище Никифоров… Служим мы в Красноярском остроге у церкви боголепного Преображения во все дни, и за вас, великих государей, Бога молим беспрестанно. А вашего, великих государей, жалованья идет нам: руги на год по шести рублев денег, а хлеба по шести четвертей с осминою ржи, по четыре четверти овса, по полутора пуда соли; и тою нам, богомольцам, ругою стало прокормитца нечем. А Красноярской острог стал украиной, и в нынешнем во 175 году от прихода колматцких воинских людей и от киргиз, и от тубинских татар Красноярской острог стал разорен и в осаде сидят. И села, и деревни, и хлеб вызжены, и скот всякой отгонен без остатку, и нам стало прокормитца нечем. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович, пожалуйте нас, своих государевых богомольцев, велите нам в Красноярском остроге своего государева жалованья, руги, денег, и хлеба, и соли прибавить…

РГАДА. Ф. 214. Д. 380. Ч. 1. Л. 58–59.

Комментарий

Строительство храмов, их ремонт, содержание клира лежало на плечах прихожан. Однако в новоприсоединенных и пограничных районах для обслуживания религиозных нужд малочисленного русского населения и для распространения православия среди ясачных государство брало на себя все эти расходы. Казенное содержание духовенства называлось ругой, а приходские церкви – ружными. В порубежном Красноярске даже в конце XVII века около 80 % жителей составляли казаки. Строители острога еще в Тобольске поднимали вопрос о церкви и священнике, но встретили, как пишет С.В. Бахрушин, «полное равнодушие как со стороны светской, так и со стороны духовной администраций». После строительства Красноярска гарнизон вновь просит о храме и присылке «церковного строения» (икон, книг, колоколов и церковной утвари). В результате Москва со священником Дмитрием Клементьевым прислала 33 иконы, трое царских врат, богослужебные сосуды, книги, ризы и прочее. Первая церковь о двух пределах была посвящена празднику Боголепного Преображения в честь дня закладки Красноярска. Со строительством в посаде Покровской церкви Преображенская стала собором и «государевым богомольем». По штату в соборе было два попа, дьякон, дьячок, пономарь и просвирница. Руга даже у священников равнялась окладам рядовых казаков, что было явно недостаточно для имеющих семью. Дьячок и пономарь получали еще меньше, соответственно 5 и 3–4 рубля. В этих условиях клирики нередко обращались к земле, пахали, сеяли, заводили скот, занимались мелкой торговлей. Это делало их близкими к трудовому населению. С увеличением постоянного населения казенная руга снималась. Во времена Петра I в 1700 году красноярское духовенство перестало быть ружным.

№ 21. 1671 г., сентября 30. – СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА НА 1671 г.

Лета 7180-го году сентября в 30 день по указу и по грамоте великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича и государя благоверного царевича и великого князя

Федора Алексеевича, и государя благоверного царевича и великого князя Иоанна Алексеевича книги переписные Красноярского острогу и уезду детем боярским и подьячим, и иноземцам, и полякам, и атаманам, и пятидесятникам, и десятникам, и рядовым служивым людем конным, пешим, и пушкарям, и затинщикам, и трудникам, и оборочникам и братьям их, и племянникам, и захребетникам, и посадским, и новокрещенным, и пашенным крестьянам, и всяких чинов людям, где кто живет в городе, и у кого кто живет – и то писано в сей книге порознь да по статьям.

Дети боярские: Михайло с. Ярлыков, а у него с. Михайло 10 л. да людей у него – Ивашка Иванов, да купленные его мугальские Стенька да Петрушка, новокрещенные; Григорий Никитин с. Ермолаев, а у него брат Ивашка 12 л., да детей у него, Григория, – Мишка 11 л., Федька 6 л., да купленной ево мугальской малой Петрушка новокрещен.

Съезжей избы **подьячие:** Михайло Семенов с. Каменев, а у него Ивашко новокрещен 10 л.; Борис Ульянов, а у него ж-т племянник ево казачей с. Петрушка Фирсов 8 л., Семен Яковлев, а у него два сына – Ивашко 10 л., Кирилко 7 л.; ссыльный подьячий Посольского приказу Василий Еремеев.

Иноземцы: Петр Рачковский; Парфен Дорожкеев, а у него пасынок ево, Федька Степанов с. Толмачев 7 л., да скорм(л)енник ево же, Степанов, с. Мишка 15 л.; Савва Шуплев, а у него детей – Фролко 14 л., Микитка 6 л., Иван Колзмин с. Собачевский, а у него пасынок казачей Петрушка Петров с. Черкашин 12 л.; Юрье Остафьев с. Соковский; Роман Григорьев с. Скворский; Иван Яковлев с. Андросов; Степан Пыховский; Михайло Вороблевский; Андрей Любимский; Василий Войтохов с. Метельской, а у него детей – Пашка 18 л., Лешка 15 л., Гришка 12 л.; Яков Васильев с. Метельской.

Конная сотня: пятидесятник Иван Андреев с. Сиротинин, да с. у него Родька 8 л.; Ивашко Ошаров, а у него детей – Гаврилко 14 л., Васька 12 л., Ивашко 6 л., да у него ж, Ивашка, ж-т казачьи дети – Ивашко Ярафеев 16 л., Микитка 6 л.; Митька Юрьев с. Кошель, а у него детей – с. Алексейка 14 л., не в службе; Петрушка

Пятков Сидоров; Федько Борисов; Ивашко Кирилов с. Лебедев, а у него с. Наумко 16 л., не в службе; Андрюшка Михайлов с. Шахматов, а у него сын ево Петрушка 15 л., не в службе, да купленой ево малой мугальской Блеска новокрещен; Ларька Тарасов с. Ростовец; Жданко Степанов с. Шиленок, а детей у него – Матюшка 14 л., не в службе, Ивашко 12 л.; десятник Григорий Иванов с. Гаврилин, а у него детей – Сергушка 18л., не в службе; Тимошка 10 л., Ивашка 9 л.; Федька Семенов с. Черкашин, а детей у него – Алешка 13 л., Микитка 6 л.; Федька Меркушка с. Курбатов; Васька Юдин; Семенка Емельянов с. Плотников, а у него малой ево купленной мугальской Митька, новокрещен; Андрюшка Васильев с. Терсков; десятник Алексей Давыдов, а у него с. Ивашко 8 л.; Тимошка Иванов с. Потылицын; Петрушка Павлов с. Черкашенин; Коземка Елфимов с. Соловьев; Гришка Григорьев с. Черкашенин; Мишка Титов; Ивашка Емельянов с. Плотников; десятник Василий Трифонов с. Терской, а у него детей – Филька 18 л., не в службе, Васька 12 л., Фомка 10 л.; Еремка Ильин с. Ковригин; Семейка Григорьев с. Ковригин; Гришка Иванов с. Черемново, а у него два брата – Прохорко 18л., Ивашко 14 л., оба не в службе; Матюшка Васильев с. Терсково; Ерошка Иванов с. Потылицын; Пашко Григорьев с. Пучиглазов; Онисимко Игнатьев с. Путимцев, а детей у него – Стенька 12л., Андрюшка 9 л.; Афонька Мосеев; Андрюшка Поликарпов с. Скрынщиков, а у него с. Федька 8 л., да у него живет казачей с. Елфимко Иванов 19 л., не в службе; Пронька Иванов с. Петлишной; Ивашко Осипов с. Скры- пщиков; десятник Панкрат Семенов с. Лалетин; Кирилко Григорьев с. Косово, а у него три брата – Афонька 15л., не в службе, Антонко 11 л., Митрошка 10 л.; Андрюшка Яковлев с. Попрядухин; Ивашка Прокопьев с. Майковс- кий; Тишка Сергеев с. Черкасов, а у него два брата – Петрушка 16 л., не в службе, Артюшка 7 л.; Замятия Селиванов, а у него с. Пронка 8 л.; Семейка Иванов с. Потылицын; Ивашко Никитин с. Шахматов, а у него братья –Прохорко 18 л., Ивашко 14 л., оба не в службе; Васька Иванов с. Тунгус; Андрюшка Семенов с. Лалетин; Гришка Алексеев с. Лалетин, а у него сын Мишка 6 л.; Стерька Иванов с. Трофимов, а у него с. Митрошка 10 л.;

Данилко Федоров с. Толоконников; десятник Лазарко Федоров с. Лалетин, а у него человек его купленной мугальский Исачко, новокрещен; Тимошка Яковлев с. Лалетин; Федька Ананьин с. Зырянов; Ивашко Иванов с. Шувайко; Гришка Федоров с. Волченок, а детей у него – Андрюшка 12 л., Ивашко 6 л.; Коземка Петров с. Чагин; Пронька Федоров с. Чанчиков.

Пешие служивые люди: пятидесятник Ларион Иванов с. Турчанин, а у него Васька 6 л.; Максимко Степанов с. Внуков; Минька Федоров с. Зырян; Федька Ларионов с. Турчанинов; Мишка Дементьев с. Зыков; Пронька Елфимов с. Шошин; десятник Григорей Иванов с. Фотиев, а у него с. Митька 8 л.; Харька Мартынов; Ярофейко Петров с. Надежка; Мартынко Степанов; Игнашка Елфимов с. Шошин; Митька Григорьев с. Ременников; Васька Онтонов с. Вятка, а у него ж-т пасынок ево, казачей с. Митька Иевлев 16 л., не в службе; Васька Микитин с. Шахматов, а у него живут два пасынка, казачьи дети Алешка Петров 10 л., Илюшка 6 л.; Микитка Иванов с. Ошаров; Евдокимко Харитонов; десятник Василий Селиверстов с. Ревень; Кипрушка Анофреев с. Зырян; Васька Ананьин с. Зырянов; Микифорко Тимофеев с. Мамонов; десятник Митька Елфимов с. Шошин, а у него два брата – Ивашко 10 л., Петрушка 7 л.; Елфимка Аверкиев с. Говорухин, а у него детей – Стенька 15 л., не в службе; Федотко Яковлев; Пашко Федотов с. Засимин; пятидесятник Семен Степанов с. Арзамасец, а у него два сына – Митюшка 20 л., Андрюшка 10 л.; Овдейка Зырян; Васька Агофонов с. Булыгин; Васька Андреев с. Сауров; Ларька Игнатьев с. Колегов; Ортюшка Макаров с. Быкасов; Аврамко Антонов с. Бугаев; десятник Первушина Прокопьев с. Заусай; Стенька Стахеин с. Потылицын; Стенька Трофимов с. Лалетин; Федька Розкащиков; Афонька Иванов с. Шалков, Ефимко Еремеев с. Зырянов; Ивашко Андреев с. Бузунов; Герасимко Иванов с. Ошаров; десятник Оска Афанасьев с. Ярославец; Девятко Данилов с. Ерш, а у него сын Якимко 11 л.; Пашка Юрьев с. Масленников; Федька Яковлев с. Рожа; Остапка Андреев с. Ленивцов; Силка Евсеев; десятник Роман Иванов с. Рыдар; Федька Титов с. Толоконник; Пашко Антонов с. Ковригин; Тромка Елисеев с. Хозин; Ивашко Ми-

хайлов с. Казанец, а у него два пасынка – казачьи дети, Калинка Григорьев 9 л., Коземка 7 л.; Ивашко Иванов с. Пьянков; десятник Иван Абросимов с. Козел; Ивашко Григорьев с. Ременников; Никонко Павлов с. Шураков; Ермак Дорофеев с. Плехан; Семейко Дмитриев с. Каскомельцев; пятидесятник Михайло Климов, а у него с. Гришка 8 л.; Акимка Яковлев с. Даурский, а у него с. Дейко 16 л.; Васька Мекерин, новокрещен; десятник Иван Сергеев с. Чагин; Ивашко Максимов с. Бумашка; Мишка Иванов с. Чагин; Ивашко Олферьев с. Потылицын; Герасимко Емельянов; Трошка Андреев с. Ярышка; десятник Афонька Артемьев с. Черемной; Серга Яковлев с. Путимцев, а у него живет казачий сын Васька Ошанин 16 л., не в службе; Андрюшка Яковлев с. Путимцев; Данилко Иванов с. Белослудов; Васька Асимин с. Даурский; Ивашко Гаврилов с. Шалюков, а у него с. Ивашко 15 л.; Самко Еремеев с. Тарабанов; Конка Елфимов с. Мормышев; Герасимко Поликарпов с. Скрыпощиков; Родька Залесов, а у него с. Васька 12 л.; десятник Васька Иванов с. Тюшев; Кирилко Жданов; Семейко Елфимов с. Черноус; Меркуша Пеперов с. Журжин, а у него с. Мишка 11 л.; Лазарко Ксенофонтов с. Тюменец; Мартынко Романов, детей у него – Ивашко 15 л., Давыдко 13 л.; Алешка Васильев с. Барабанщик; Ларька Андреев с. Вожанин; десятник Богдашка Яковлев с. Вятчанин; Матюшка Яковлев, новокрещен; Савка Григорьев с. Пучиглазов; Митька Васильев с. Юдина; Ивашко Степанов с. Кожюховский, Мишка Скрыпощиков; Ивашко Федоров с. Ваньков, а у него детей – Ивашко 16 л., не в службе, Матюшка 13 л.; Онисимко Леонтьев с. Говорухин; Гришка Костянтинов с. Веселко; Филька Трофимов с. Шахтов; Петрушка Сидоров с. Воротников; десятник Лев Аверкиев с. Говоруха; Пятко Афанасьев; Филька Сидоров с. Песегов; Кипрушка Песегов; десятник Петрушка Кочергин; Костя Олексеев; Максимко Семенов с. Черноусов.

Черкасы: Евся Агаев с. Зырян; Власко Иванов; Микитка Сидоров с. Коптейщиков, а у него пасынок Гришка 7 л.; десятник Пятко Никитин с. Соловьев; Микитка Прокопьев с. Скобелкин; Афонька Осипов с. Киселев; Федька Якимов; Максимка Григорьев Черкашенин; Тимошка Григорьев с. Кожевник; Семейка

Трофимов; Симанко Афанасьев, а у него детей Васька 8 л., Фадейко 6 л.; Спирька Иванов с. Потехин; Костя Васильев с. Черкашенин, а у него детей – Гришка 8 л., Васька 9 л.; Стенька Юрьев с. Тетерин, а у него два брата – Алешка 15л., Пуд 12 л., да у него ж ж-т новокрещенной Алешка Автомонов с. Ишкейко; Дорофейко Трофимов, а у него детей – Данилко 16 л., Максимко 8 л.; Ивашко Васильев с. Жмак; Ивашко Осипов с. Дудка; Гурка Ананьин с. Попков, а у него пасынок, казачей с. Мишка Яковлев Кадцын 8 л.; Петрушка Литвин Глухой; Ивашко Яковлев с. Зырянов; Фарафонко Тютин; Алешка Терентьев, а у него четыре брата – Сергушка 14 л., Ярофейко 13 л., Игнашка 12 л., Петрушка 9 л., десятник Мартынко Яковлев; Серга Титов, а у него пасынок ево, казачей сын Ивашка Андреев 8 л.; Федька Богданов; Дениско Поликарпов, а у него брат Федька Поликарпов 18 л., не в службе; Федька Ильин.

Толмачи: Ивашко Худяков, а у него детей – Савка 12 л., Васька 9 л.; Ивашко Борисов с. Красиков, а у него три пасынка – казачьи дети Тимошка Козмин 13 л., Ивашко 10 л., Потапко 7 л.

Пушкари: Ивашко Белослуд; Елеска Ефремов с. Кузнец; Семейка Иванов с. Крестешников; Матюшка Тухташев; Ивашка Федоров с. Кузнец; затинщик Гришка Осипов.

Кузнецы: Кондрашка Мосеев, а у него с. Мишка 8 л.; Максимко Мосеев, а у него детей – Гаврилко 16 л., Юрка 13 л., Пронька 12 л.

Попы: Автоном Степанов, а у него малой купленой мугальской Сергушка новокрещен; Иван Дмитриев, а у него детей – Гришка 15 л., Данилко 13 л., Якунька 11 л.; дьякон Яков, а у него с. Мишка 8 л.; дьячек Ивашка Авта- монов, а у него с. Семейка 7 л.; пономарь Иванка Яковлев, а у него с. Гришка 16 л.

Острожной **воротник** Оверка Щербак;
съезжей избы **сторож** Тимошка Максимов;
тюремный **сторож** Федька Коровин;
палач Федька Кирилов.

Детей боярских дети: Левка Федоров с. Чанчиков; Кондрашка Савастьянов с. Самсонов. В службу поспели, а ни в какую не написаны. Киевского полковника Семена Третьяка с. Мишка 5 л. Переяславского Фомы Тризнича с. Ивашка 5 л.

Казачьи дети, а отцы их побиты, а у иных собою померли, а в службу они поспели, а не приверстаны, а иные малы, в службу не поспели:

Андрюшка Ситников 20 л.; Коземка Худник 20 л.; Ефимко Иванов с. Медников 19 л.; Лучка Золин 18 л.; Артюшка первово Ошанина 17 л., да брат ево Митька 12 л.; Пронька Микитин с. Куранов 10 л., да брат ево Якунка 9 л.; Савка Микитин с. Кочергин 12 л., да брат ево Лучка 10 л.; Микитка Михайлов с. Мелково 10 л., да казачей племянник Мишка Семенов 10 л.; Стенька Агиев с. Плотников 10 л.; да брат ево Тимошка 7 л.; Ромашка Леонтьев с. Коркин 15 л.; Трифонко Ильин с. Середкин 13 л., да брат ево Стенька 8 л.; Гришка Дмитриев с. Кожевин 12 л.

Посадские люди: Захарко Ошаров, а у него с. Лучка; Васька Федоров с. Смолянинов, а у него с. Артюшка; Никита Иванов с. Гущеед; Васька Спиридонов; Кирилко Максимов; Дрока Стахеев, а у него ж-т пасынки ево, казачьи дети – Ивашко Михайлов с. Кохтуров 17 л., Гришка 15 л., Демка 13 л., не в службе; Васька Кривонос; Гришка Иванов с. Почекуй; Мишка Ефимов с. Темкин, а у него живет пасынок ево казачей с. Микитка Павлов с. Коромыслов 6 л.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 215–230.

Комментарий

Подворная перепись мужского населения Красноярского острога и уезда 1671 года дает более или менее точные сведения. Все русское мужское население уезда составляло 1161, из них в Красноярске жило 590 чел. (вместе с женским населением число русских жителей города составляло около 1200 чел. в 242 дворах). В 1672 году гарнизон Красноярского острога состоял из 523 чел., в 1673 – из 570. К концу XVII века в нем, не считая татар, числилось около 660 служилых людей.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие служилые уже обзавелись семьями. Сравнительное обилие пасынков свидетельствует о прежних значительных потерях красноярского гарнизона, который восполняется присылаемыми холостыми казаками, приходившими в неполные семьи. При этом как в городе, так и в уезде уже появился некоторый резерв для

пополнения рядов гарнизона. Во всех разрядах служилых людей, от рядовых до казачьей старшины, была молодежь (казачьи дети, детей боярских дети и т.д.), которые «поспели в службу», но не были поверстаны в нее из-за отсутствия вакансий. Поэтому казаки все настойчивее при отставке пытались определять на свое место и должность своих детей или других родственников независимо от их личной пригодности. Как установил С.В. Бахрушин, семейно-клановый подход в последнюю четверть XVII века стал определять правила верстания в службу, причем, естественно, раньше всех и особенно ревностно на этом настаивала казачья старшина. Так, должности атаманов конных и пеших казаков Красноярска до конца XVII века замещались только соответственно Кольцовыми и Тюменцовыми. Считалось, что служебные полномочия и доходы с них выслуживало не одно поколение, поэтому они должны являться собственностью их семейных кланов. Государственная служба и ее материальное обеспечение, по сути дела, рассматривались как одна из форм семейно-клановой собственности. Экономические отношения переводились и в правовую плоскость. Поэтому частно-семейное право собственности рассматривалось как право на государственную службу и подменяло право государственной собственности. Такой подход сильно сужал и нередко сводил на нет договорные связи типа «личность – власть». Государство довольствовалось связями типа: «власть – семья – клан – корпорация или община – сословные разряды – целое сословие». Он четко был продекларирован общероссийским кодексом законов – Соборным уложением 1649 года с его ориентацией на жесткую сословную замкнутость.

Принцип закрытости сословий, который исключал вертикальную социальную мобильность, типичен для всех традиционных обществ. В них малочисленная социальная верхушка (аристократия – нобилитет) свое престижное привилегированное положение и доходы с него закрепляли за собой наследственно, через принцип назначения на службу «по породе», то есть по знатности, определяемой степенью родственной близости к носителям верховной власти, причем не только в своей стране. Таким

путем монополизировались властные функции, а значит, и право присвоения львиной доли национального совокупного общественного продукта. Этот принцип во многом мешал поступательному движению общества, прогрессу, ибо противоречил самой природе второй, не эксплуататорской, а публичной функции власти, которая должна была обеспечивать интересы всего общества в целом и быть гарантом гражданских прав и прав личности каждого члена общества.

Соотношение служилых с другими категориями населения убеждает в справедливости слов С.В. Бахрушина, что Красноярск XVII века жил войной и для войны.

Специфичность положения Красноярска как военной крепости обусловило полное отсутствие крестьян и особенно таких категорий горожан, как трудники, оброчники, захребетники, кабальные холопы. Эти обычно из тяглых сословий лица хозяйственно несамодеятельны и средства существования находили у зажиточных людей. Зато их место занимают военнопленные, или «ясырь – девки и парни мунгальской, калмыцкой, брацкой и иной породы». Широко бытовали их купля-продажа, обмен, заклад, выдача замуж и женитьба с последующим разделом между их владельцами потомства. Наличие таких «инородцев» у красноярцев и по всей Сибири, их полное бесправие свидетельствуют о воскрешении за Уралом архаичной этнической эксплуатации, возникшей еще в недрах родового строя. Автор этих строк впервые ввел в специальную литературу эту дефиницию и считает, что ее нельзя отождествлять с отношениями, присущими рабовладельческому или феодальному строю. Ведь, по Энгельсу, отношения «между народами (точнее, этносами. – *Г.Б.*) победителями и народами побежденными» далеко не тождественны классовым антагонизмам рабовладельческого или феодального типа, то есть между социальными верхами и низами одного народа – этноса. Собственно частноклассовый тип отношений, персонифицированный в лице кабальных холопов и дворовых людей русского происхождения в Красноярске еще не зафиксирован подворной переписью 1671 года, однако их появление уже не за горами. В 1713 году лиц с рабским типом зависимости на-

считывалось 32 души мужского и 41 душа женского пола (правда, это с «инородцами»). Во всем Приенисейском крае через кабалу потеряли свободу к этому времени 355 русских людей (см. **Быконя Г.Ф.** Крестьяне помещичьи. Дворовые люди // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 156, 328). Красноярский посад был незначительным и не играл заметной роли в жизни города. Экономическое положение посадских людей было незавидное. Хлебопашество и различная черная работа по найму были их основными занятиями. Лишь незначительное меньшинство занималось ремеслом. В торговле посадские люди почти не участвовали. Число посадских росло очень медленно. В 1671 году было всего 46 чел. посадских людей, из них 8 жили в городе, в 1684 – 54 чел., из них в городе – 6, в 1693 – 55 чел., в городе – 9. На малочисленной и маломощной экономически посадской общине лежали различные налоги, натуральные повинности.

№ 22. 1672 г., августа 24. – ИЗ ДЕЛА О ПОЖАЛОВАНИИ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ ЗНАМЕНЕМ

Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичю Всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу бьют челом холопи твои красноярские конные всяких чинов и служилые люди. Служим мы, холопи твои, в Красноярском украинном городе всякие твои государевы степные службы, а твоего Великого Государя жалованья знамени у нас нет, а нам за бедностью завести нечем.

Милосердый Государь Цари и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, Государь, послать ис твоей государевы казны с Москвы к нам, холопем своим, в Красноярской знамя, чтоб нам, холопем твоим, было щем служить твоя Великого Государя служба, Царь Государь смилуйся, пожалуй.

Против сей челобитной выписано.

В государеве казне в Сибирском приказе знамя 171(1663) году дорогильное красное, опушено дорогами белыми, мерою длина четыре аршина с четью, поперег три аршина с четвертью ж, цена

на серебряные деньги четыре рубли. Указу Великого Государя послать знамя на Красной яр с красноярскими челобитчики и велеть им росписатца.

Приказал окольничей Родион Матвеевич Стрешнев.

180 (года) августа в 24 по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца указу велено послать с Москвы из Сибирского приказу в Сибирь в Красноярской знамя 171 (1663)году дорогильное красное опушено дорогами ж белыми, длина четыре аршина с четью, поперег три аршина с четвертью, цена на серебряные деньги четыре рубли с челобитчиком, с красноярским казачьим пятидесятником с Ываном Сиротининым с роспиской Великого Государя.

Такова Государева грамота послана с красноярским конным пятидесятником с Ывашком Сиротининым.

Государеву грамоту Ивашко Сиротинин взял.

Тюменской пятидесятник Васька Бусыгин руку приложил.

Подьячему Василью Грамотину.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца в Сибирь в Красноярской воеводе нашему Алексею Ивановичю Суморокову. Били челом нам, Великому Государю, красноярские всяких чинов конные служилые люди, служат они нам, Великому Государю, в Красноярском украинном городе всякие наши государевы степные службы, а нашего Государева жалованья знамени у них нет, а за бедностью им завести нечем и нам бы, Великому Государю, пожаловати их, велеть послать в Красноярской знамя, чтоб им было с чем служить наша государева службы.

И по нашему, Великого Государя, указу велено с Москвы в Красноярской для наших государевых службе знамя дорогильное красное опушено дорогами ж белыми, мерою длина четыре аршина с четью, поперег три аршина с четью с челобитчиком пятидесятником с Ывашком Сиротининым. И как к тебе ся наша Великого Государя грамота придет, ты б то знамя у Ивашка велел принять для наших, Великого Государя служеб […]

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 814. Л. 304–307. (Впервые выявлен историком П.Н. Бараховичем.)

Комментарий

Сиротинин Иван Андреевич (ок. 1628/33 – после 1703), потомок, вероятно, первых донских или украинских казаков, называвшихся черкасами и литвой, стал «сибиренином». Так называли себя красноярские старожилы в 1679 году, отличая себя от вновь присылаемых служилых людей. Возможно, намекая на дворянское происхождение, первым взял полную производную от прозвища-фамилии (Сирота – Сиротина – Сиротин – Сиротинин) деда Михаила и отца Андрея. Как и отец, Иван служил в конной сотне, которой наследственно командовали Злобины, ставшие, начиная с Дементия, детьми боярскими. В 1663 году он – десятник конных казаков в сотне сына боярского Ивана Злобина, а скорее всего, после гибели отца в 1667 году, дослужившегося до пятитидесятника, унаследовал его должность. Был женат, по переписи 1671 года показан восьмилетний сын «Родька», который родился в 1663 году. Кроме военных походов, пятидесятник выполнял хозяйственно-фискальные поручения, хотя не владел грамотой. Выбор его красноярцами для почетного поручения свидетельствует об авторитете и полном доверии горожан Ивану Андреевичу.

№ 23. 1680 г. – ДОНЕСЕНИЕ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ О НАБЕГЕ КИРГИЗОВ И ОСАДЕ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, бьют челом холопи твои дальние, сибирские украины, бедные и разоренные до конца от кыргызских воинских людей, красноярские детишка боярские и атаманишка и пятидесятничишка и десятничишка и все служилые люди конные и пешие казачишка.

…И в прошлом, государь, в 187 (1679) году, в июле в 15 день прежней изменник кыргызский князец Ереначко собрався со многими своими воинскими людьми, пришел войною под Красноярской, и на уезды безвестно изгоном и на отъезжих караулах служивых людей побили, и Красноярской осадили, и подгородных служивых татар и ясашных людей качинцов и аринцов

и ястинцов и бохтинских татар з женами и з детьми в полон взяли, и скот всякой – лошади и коровы и овцы – отогнали, и подгородные деревни Матовскую и Кубековскую выжгли, и служивых людей и пашенных крестьян побили, и жен и детей в полон поимали, и скот всякой отогнали же.

Да в нынешнем, государь, в 188 году, сентября в 14 день тот же изменник кыргызской вор Ереначко собрався со многими ж воинскими людьми с кыргызами, и с езерцами, с тубинцами, и с алтырцами, и з байкотовцами, и моторскими татары приходил под Красноярской и на уезд войною в другоряд одново лето и Красноярской и уезд по обе стороны Енисея реки осадили, и деревни и заимки многие выжгли, и хлеб всякой жатой на полях и сена пожгли, а не жатой хлеб на полях затоптали и затолочили, и кони, и коровы, и овцы отогнали, и все разорили до конца без остатку седши от кыргызских воинских людей в осаде в большем разорены и в погибели.

А как, государь, под Красноярской воинские люди кыргызы войною приходили в прошлом, во 1679 году, и твой, великого государя, воевода Данило Григорьевич Загрязской ис Красноярского послал в Томской с вестовою отпискою красноярских служивых людей к стольнику и воеводе ко князю Петру Лукьяновичу Львову да дьяку Федору Леонтьеву, и ис Томского в Красноярской пришли красноярские служивые люди, Данилко Толоконников в десять недель и ис Томского, государь, столник и воевода князь Петр Лукьянович Львов да дьяк Федор Леонтьев писали в отписке в Красноярской к воеводе Данилу Григоревичю Загрязскому, по твоему де, великого государя, указу хотели было ис Томского августа з десятого числа послать на кыргыз войною томского сына боярского Романа Старкова, а с ним томских служивых людей и томские де служивые люди ныне на кыргыз войною не посланы и нам, холопям твоим, отказали, да по твоему же, великого государя, указу и по грамоте велено из Енисейска посылать в Красноярской по скорым по воинским вестям служивых людей на выручку, и из Енисейского служивых людей в Красноярской не прислали.

РГАДА. Ф. 214. СП. Стб. 702. Л. 118–119.

№ 24. 1681 г. – ЖАЛОБА КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЦАРЮ НА КРАСНОЯРСКОГО СЛУЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА К. АКАРАКОВА ОБ ЕГО ПЕРЕХОДЕ НА СТОРОНУ КИРГИЗОВ

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем бьет челом холопи ваши и сироты красноярские детишки боярские, и атаманишки, и пятидесятничишки, и десятничишки, и все рядовые конные и пешие казачишки, и посацкие людишка, и пашенные крестьянишка жалоба, государи, нам, холопом вашим и сиротам, на вора и на изменника, на Киличку Акаракова.

В прошлом, государи, во 187-м (1679) году при прежней воеводе Даниле Загряцком посылан был он, Киличка, в Кыргыскую землю, х кыргыскому князцу Еренячку Ишееву для проведываня всяких вестей и с ним посылан был служилой человек Сергушка Ковригин. И будучи они, Сергушка с ним, Киличкою, у Еренячки в улусе и жили пять дней. И он де вор Киличка с ним, Еренячком, в те дни советовал и жил у него, Еренячка, в юрге, а ему де, Сергушке, ни каких вестей он, Киличка, не объявлял. И в те дни, ему, Сергушке, не явился, а приехав к Красноярской они, Сергушка с ним, Киличкою, и он вор и изменник Киличко в Красноярском ни каких вестей не объявил.

С того ж лета, в те ж числа, после ево, Киличкина, из кыргыз приезду, спустя в тринадцатой день пришел вор и изменник Еренячко Ишеев с своими улусными людьми и со всеми алтырцы и езерцы под Красноярской и на уезды с войною. И он вор и изменник Киличко ево, Еренячков, под Красноярской приход с войною ведал, а в Красноярском не объявил. И тот вор Еренячко пришедши под Красноярской войною и многие порухи вам, великим государем, учинил, ясашных людей: каченских и аренских, и ястынских, и бохтинских из под Красноярска в полон к себе взял. А русских служивых людей на отъезжих караулах побили, а в уездах всяких русских людей мужеска полу и женска многих побили и в полон поимали.

Да в прошлом же, государи, в 188-м (1680) году будучи он, вор и изменник Киличка с товарыщи в Кыргыской земли подозвали

в двугорожды ево, Еренячка Ишеева, и всех кыргыз: алтырцов и езерцов и тубинцов под Красноярской с войною. А хто с ним, Киличкою, были и подзывали товарыщи, про то он, Киличка, ведает. И он, вор Еренячко, надеючись на прежную свою воровскую удачу пришел под Красноярской и под Красноярские уезды, по обе стороны Енисея реки со всеми кыргызы: алтырцы и езерцы, и тубинцы, и с каченцы, и с аринцы, и со всеми своими киштыми. И будучи он, Еренячко, под Красноярским и великим приступом под Красноярской приступал. И из Красноярска против ево, вор Еренячко, была высылка на выласку. И на выласке ево, Еренячка, пеший казак Пронка Шошин из пищали с коня сшиб, а до смерти ево не убил и хотя ево добить пищалю стволом. И он, вор и изменник Киличка, да с ним такой же вор и изменник каченской татарин Отрочко, забыв вашу, великих государей, хлеб соль, а ему, вору Еренячку, хотя выслужить прибежав, недопустя ево, Пронку, до него, Еренячко, скололи ево, Пронку, а ево, Еренячка, выручили. И в то же время и их служивых людей поскололи, Григоря Шарворостова да Ивана Лебедева, а иных переранили. И тем они, воры и изменники Киличка и Отрочка, ему, Еренячку, по той своей выслуге стали верны, и за их выслугу он, Еренячко, дарил их по коня. А которых он, Еренячко, посылал вниз по Енисею реке по обе стороны под Красноярские уезды, под село Ясаулова и под Частоостровскую деревню, и под село Бузимское, и под иные малые деревни и под Бузимом были тако ж приступы великие сощитили, а скот от сел и деревн весь отгонили без остатку. А в которых в малых деревнях не было острошков, и те деревни зжгли и разоряли, и людей били, и в полон имали. А как он, Еренячко, пошел от Красноярска и из- под уездов, а которой был руской полон у него, Еренячка, и он, Еренячко, тот полон хотел отпустить в Красноярской, и те воры и изменники, Киличка да Отрочко с товарищи, которые подзывали, разговоря ево, Еренячко, чтобы их не отпустить. И тот полон они, воры и изменники Киличка с товарыщи, едучи в Кыргыскую землю взяли и мучили не по ево, Еренячкову, велению. Да он ж, вор и изменник, Киличка, приезжал под Красноярской острог с кыргызами, и ухватил под Караульным острожком служивого человека Семена Ко-

сова, и увезли в Кыргыскую землю и, держав у себя, били и мучили насмерть, и голодною смертью морили, и муча отпустили в Караульной острожек. Да в том же Караульном острожке был приказным человеком конной казак Григорий Волченок, и вышел он, Григорей, за острог не в дальное место. И он, вор и изменник Киличко, наехав на него, Григория, с кыргызами и почал из лука стрелять, и обранил и луком на него, наметывал на шею. И он, Григорей, почал кричать и в то время услышали служивые люди и вышед из острогу отбили ево, Григория, у них воров и изменников. А как был в полону каченской татарин Акбуруско, и он, Акбуруско, помня вашу, великих государей, хлеб соль побежал в Красноярской из Кыргыз з женою и з детми. И узнав Еренячко, про ево, Акбурусков, побег, послал ево, вора и изменника Киличку, за ним, Акбуруском. И он, ево вор и изменник Киличка, ево, Акбуруска, постиг и убил, а жену ево привез к нему, Еренячку. Да в полону ж был аринской ясашной татарин Муйначко, хотел из Кыргыз в Красноярской бежать, и он, вор и изменник Киличка, про тот ево, Муйначков, побег уведав и сказал Еренячку. И он, Еренячко, его, Муйначка, велел роспинать до смерти. И иные многие каченцы, которые не хотя вам, великим государем, изменить и побежать из Кыргыз в Красноярско, и он, вор Киличка, за ними с кыргызами гонялся и у них коней и всякой скот отбивал. И тем скотом Еренячко ему, Киличку, поступался и за те своим воровством он, Киличка, в Кыргызах жил, вор и изменник, тринадцать лет. А в Красноярско ехать не смел, а ныне он, вор и изменник, приехал в Красноярской не ведомо с какими воровским вымыслом и добра от него, вора и изменника, чаят нечево.

Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, пожалуйте нас холопем и сирот своих велите, государи, того вора и изменника Киличку в том воровстве и в измене в застенке у пытки распросить: с кем он, вор и изменник, в Кыргызской земле думал и подзывал в двугорожды под Красноярской и на уезды ево, вора Еренячка, с войною? А распрося ево, велите, государи, по своему, великих государей, указу и по Соборному уложению за ево измеческую вину свой, великих

государей, указу учинять и чтоб нам, холопем вашим, от такова вора и изменника вконец не разоритца. Великие государи, смилуйтеся, пожалуйте!

РГАДА. Ф. 214. СП. Стб. 1317. Ч. II. Л. 3; 9–32.

Комментарий (см. № 23, 24)

Это коллективное донесение было направлено против властей Томска и Енисейска, которые не помогли в критический момент Красноярскому острогу. Его инспирировал, желая оправдать свою трусость и недальновидность, воевода Д.Г. Загряжский. При этом он сознательно умолчал о том, что почти безнадежное из-за его поведения положение Красноярска спас брат левобережного украинского гетмана Демьяна Многогрешного Василий Игнатович. Приговоренный с братом за сепаратистскую политику к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь, Василий содержался с 1674 года пять лет в красноярской тюрьме. Но в 1679 году, когда Красноярск осадили джунгары и енисейские киргизы и положение казалось безвыходным, опытного воина казаки самовольно выпустили из заточения «за малолюдством и для устройства» обороны. Многогрешный «урежал полки… бился явственно не щадя головы своей», руководил действиями стенной артиллерии. Когда опасность миновала, то красноярцы направили в Москву челобитную с описанием заслуг Многогрешного и просили поверстать его «в красноярское казачье войско». Так Василий стал красноярским сыном боярским, а когда «устарел», то его место заступил сын Дмитрий. Другой его сын, Петр, тоже был поверстан в дети боярские (см. **Гоздаво-Голомбиевский А.К.** Из сибирских актов о Демьяне Многогрешном // Чтения ОИДР. 1888. Т. I. Материалы. С. 1–10; ДАИ. Т. VI, № 95. **Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.** Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1990. С. 28).

Воеводу сместили, но его тактику подхватили служилые люди. Очередной набег Иреняка в следующем году дал повод всю ответственность за резкое ухудшение русско-киргизских отношений переложить на измену служилого человека из «инородцев… Киличку Акаракова». Этот Киличка в организованной коллектив-

ной жалобе выглядит сущим демоном, которого слушается даже верховный князь киргизов «Иренячко». Он, очевидно, прибыл на переговоры, но его схватили и, желая снять с себя ответственность за возможное из-за этого обострение отношений с Киргизскою землицей, запросили задним числом разрешение на захват и дознание обстоятельств «воровства» Акаракова.

№ 25. 1689 г., позднее 4 июля. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ ИГНАТИЯ БАШКОВСКОГО ЦАРЯМ ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О КАЛМЫЦКИХ И БУХАРСКИХ ПОСЛАНЦАХ

Великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне, великой княжне Софие Алексеевне… холоп ваш, Игнашка Башковской, челом бьет. В нынешнем, государи, во 197 году июля в 4 день пришли в Красноярской от калмыцких тайш Бошухтухановых двоих родных братьев от Хандуна да от Тарыптана Жоргала с письмами калмык, да двое бухарцов, а в письмах, государи, их написано: о вашем, великих государей царского величества, многолетнем здоровье, и привели с собой они, калмыки и бухарцы, в Красноярской полоненного мугальского ясырь шестьдесят человек и подвели мне, холопу вашему, от тех мугальских тайш двоих малых робят, а тот, государи, полоненной ясырь, привели в Красноярской продавать, и я, холоп ваш, против их мугальских писем тому калмыку и бухарцам от вашего, великих государей царского величества, сказали: Вы, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, великая государыня благоверная царевна, великая княжна София Алексеевна… на Московском государстве на своих царских высоких престолех Божию милостию здравы. Знатно, государи, что те бухарцы пришли с тем полоненным ясырем в Красноярской ваших, великих государей, красноярских ратных людей подсматривать и сколько на степях скота, и они б, бухарцы, под Красноярском калмыков и киргизов воинов не поднял б, а которой государи, киргизских мужик Яранячкова улусу ясаул Конженачко на ваше, великих государей царского величества, на вечное подданство вышел,

а сказал, что идут де на Киргизскую землю две тысячи калмыков и от них де, калмыков, ничево не чаять доброво. Нечево и знатно, государи, что они, калмыцкие тайши, и люди их развоеваны, потому, государи, что Бошухту-хана посланцы и писем не приносят, а приносят посланцы от братей его Бошухту-хановых от Хандуна да от Тарыптана, а имени иво Бошухту-ханова в письмах не воспомянулось. И от них, калмыцких тайшей, и я, холоп ваш, тех подарных робят принял, а и не принять, государи, у них калмыка и бухарцов тех робят, чтоб они, тайши, не поставили себе во озлобление и послал холоп ваш к ним, калмыцким тайшам, подарков своих и в гостинцы сукна своего… Я, холоп ваш, от прихода воинских людей с великим опасением и с отъезжими караулы и с проезжими станицами и от подведенных тех подарошных робят от них, мугальских тайш, мне, холопу вашему, в почесть.

РГАДА. СП. Д. 1052. Ч. 1. Л. 110–113.

Комментарий

В документе говорится о том, что калмыки и бухарцы привели с собой в Красноярск «полоненного мугальского ясыря» 60 человек, чтобы продать их. Данный эпизод не был случайностью. В XVII веке Красноярск был одним из пунктов торговых сношений с соседними азиатскими народами, со Средней Азией и Китаем. Бухарцы привозили в Красноярск китайские ткани, драгоценные камни, жемчуг, лисий мех. Красноярцы ездили для торговли в Киргизскую землю. Занимались торговлей служилые люди, ездившие в улусы монгольских тайшей. Из частных лиц торговлю с Китаем вел, например, житель Красноярска Ф. Истопников. Он регулярно возил в Китай пушнину и другие товары, а оттуда привозил китайские ткани. Спрос красноярцев на европейские товары удовлетворялся торговыми людьми из русских городов. Красноярск был местом оживленной торговли лошадьми и рогатым скотом, что объясняется его соседством с кочевыми народами. Весьма важной отраслью местной торговли в Красноярске были рабы («ясырь»), которых привозили из Монголии, и пленники, взятые красноярцами в сражениях с кочевниками. Красноярск являлся пограничным городом, что привело к созданию здесь оживленного невольничьего

рынка. После каждого похода против киргизов или тубинцев в Красноярске появлялись пленники, которых продавали. Часть купленного «ясыря» использовалась в городе и уезде в качестве слуг и работников служилыми людьми, духовенством и др. (см. РГАДА. СП. Стб. 380. Л. 49; Кн. 1172. Л. 12–29; Стб. 802, 1384).

№ 26. 1689 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО КАЗАЧЬЕГО СЫНА МАКСИМА ПОТЫЛИЦЫНА ЦАРЯМ ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧУ, ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О ЗАЧИСЛЕНИИ В КОННЫЕ КАЗАКИ

Великим государям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу… бьет челом холоп ваш, красноярской казачий сынишко Максимко Исаков сынишко Потылицын. В прошлых, государи, годах по вашему, великих государей, указу отец мой Исаак Карпов сын Потылицын служил вам, великим государям, в Красноярском и Тобольской присылке в конной службе пятнадцать лет всякие ваши государевы службы и на многих боях бывали. А как под Красноярской приходили воинские калмыцкие и киргизские люди с войною и против Красноярска за Енисеем рекою те воры и изменники деревни жгли, а как они пошли назад, и отца моего посылали за ними, за изменниками, с атаманом Михаилом Злобиным и служивыми людьми. И на том бою отца моего ранили и Божьим изволением отец мой помер, а я, холоп, в то время был мал. А ныне я, холоп ваш, в вашу государеву службу поспел.

Милосердные великие государи цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, пожалуйте меня, холопа своего, за службы отца моего и за раны, велите, государи, меня пожаловать вместо отца моего, поверстать в вашу государеву в конную службу с вашим, великих государей, денежным и хлебным соляным окладом и велите, государи, в Красноярском в приказной избе отца моего службы выписать и велите, государи, сию мою челобитную в Красноярском в приказной избе стольнику воеводе Льву Мироновичу Поскочину принять и послать к вам, великим государям, к Москве с выпиской под отпиской. Великие государи, смилуйтесь, пожалуйте.

РГАДА. СП. Д. 1052 (1) Ч. 5. Л. 376.

Комментарий

Исаак и Максим Потылицыны – представители очень влиятельной и многочисленной служилой семьи Красноярска. В конце 60-х годов XVII века в красноярском гарнизоне служили 13 человек из этой семьи, в том числе двое занимали командные должности. Многочисленность и крепкая сплоченность рода Потылицыных создавали им видное положение и влияние в городе. Это отлично сознавали они сами. В 1667 году, например, одновременно двое Потылицыных были: Перша Михайлович – пешим десятником, а Иван Михайлович – пятидесятником у «черкас»; позже Ульян и Лука Потылицыны были пятидесятниками у «тобольских присыльных конных людей».

В период Красноярского восстания 1695–1700 годов Потылицыны были в числе главных руководителей движения. Десятник Тимофей Потылицын, например, при образовании восставшими управления города был выбран в состав «судеек» (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. Т. IV. С. 63, 71–72, 181).

Документ пронизан мыслью законности и естественности наследственного замещения должностей на государевой службе. Даже рядовой казак считал, что за ним сохраняется право занять место своего отца, когда он сможет ее выполнять. Клановый-сословный подход сквозит и в просьбе «отца моего службы выписать», то есть дать справку о его служебной деятельности.

№ 26. 1690 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ ЛЬВА ПОСКОЧИНА ЦАРЯМ ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ, ПЕРЕСТРОЙКЕ И УКРЕПЛЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА

Великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Росии самодержцам холоп ваш, Лев Поскочин, челом бьет. По вашему великому государеву указу и по грамоте и по наказу, каков мне, холопу вашему, дан из Сибирского приказу, и велено мне, холопу вашему, быть на вашей, великих государей, службе в Сибири, в Красноярском. И в прошлом, государи, во 7197 году августе в 27 день приехал я, холоп ваш, в Красноярской, у прежнего воеводы Иг-

натия Башковского малой и большой остроги принял, осмотрел. И малой и большой острог со всей стороны погнил, а в иных местах острог повалился. Да в прошлом, государи, в 196 году в вашей, великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и всея великия и малыя и белыя Росии самодержцев, грамоте писано: в Красноярском степную сторону острогу прибавить и вновь острог поставить и всякими крепостьми укрепить. И до моего, холопа вашего, в Красноярской приезду при Игнатие Башковском поставлено того нового острогу только двести девяносто девять сажен, а не поставлено, государи, того нового острогу во степную же сторону и от Енисея реки и от Качи речки ста двенадцати сажен. И в нынешнем, государи, во 198 году в Красноярском я, холоп ваш, во степную сторону и от Енисея реки и от Качи речки нового острогу сто двенадцать сажен поставил, и около того острогу ров выкопал и надолбы поставил; все переставил и сделал, и крепостьми укрепил, и к новому острогу башню старую, подрубя, поднял, и на новой башне верх зделать велел же.

Да с приезду ж моего, холопа вашего, в Красноярской месяца сентября в первых числах в малом острогу ваши, великих государей, зелейной и винной погребы обвалились, и я, холоп ваш, те зелейной и винной погребы вновь построил и удвоил, проезжих ворот караульни новые велел поставить. Я ж, холоп ваш, велел красноярским служилым людям для прихода воинских людей и вылоски во всех пятидесятнях зделать рогатки, и те рогатки сделаны наготово, да у полковых у шести пушек станки были ветхи и изломаны, и те станки зделаны и окованы железом совсем наготово.

РГАДА. СП. Д. 1052. Ч. 5. Л. 358–359.

Комментарий

К 80-м годам XVII века Красноярский острог стал ветхим. При воеводе Игнатии Башковском началась его реконструкция, обновление: было поставлено «нового острогу» 299 сажен. Лев Поскочин, ставший красноярским воеводой после Башковского в августе 1698 года, закончил постройку нового острога и оборонительных крепостных сооружений. В 1698–1699 годах раз-

меры малого города в окружности составляли 190 сажен. Малый город, расположенный на мысу Енисея и Качи, имел форму неправильного четырехугольника, стены которого следовали естественным очертаниям мыса. Въезд в город был через шестигранную Спасскую башню, на которой находились часовня и колокольня с вестовым колоколом, присланным из Москвы. В 1693 году на Спасской башне при воеводе П.С. Мусине-Пушкине были установлены «часы боевые». В малом остроге находились административные здания (амбар для хлебных запасов, съезжая (приказная) изба, двор воеводский, тюрьма), соборная церковь, пороховой погреб, амбар для соболиной казны. В течение всего XVII века малый острог оставался укрепленной резиденцией воевод. Возникшая возле малого острога слобода (посад), где находились дворы служилых людей, была окружена острожной стеной с двумя угловыми башнями и называлась «большим острогом», или «нижним городом». В 1699 году окружность большого города с трех сторон составляла 838 сажен. Больше всего была укреплена южная сторона. Центром всей жизни в большом остроге была «площадь, что на торгу», на которую выходили Спасские ворота малого острога. На площади стояли «гостиный двор» и таможня. На этой площади красноярцы собирались на мирские сходки. Для защиты от врагов Красноярск был снабжен артиллерией. Таким образом, к началу XVIII века Красноярск окончательно представлял собой крепость в виде двойного острога, сложившегося в результате постройки стены вокруг посада (см**. Бахрушин С.В.** Научные труды. Т. IV. С. 100–106**; Кочедамов В.И.** Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 49–51).

№ 27. 1690 г., сентября 15. Москва. – ГРАМОТА ЦАРЕЙ ИОАННА АЛЕКСЕЕВИЧА И ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРАСНОЯРСКОМУ ВОЕВОДЕ ПОСКОЧИНУ О ПОМЕЩЕНИИ ССЫЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ НА ДЕСЯТИННУЮ ПАШНЮ

От великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержцев в Сибирь, в Красноярской, стольнику нашему и воеводе Льву Мироновичу Поскочину.

В прошлом в 196 году писана к нам, великим государям, ис Красноярска от воеводы Игнатия Башковского отписка, а в отписке его написано: по нашему, великих государей, указу присылаются в Красноярской ссыльные люди в нашу, великих государей, указную десятинную пашню, и велено их селить на пашню великих государей десятинную. И в прошлых годах прежние воеводы тех ссыльных людей на пашню селили, и подмогу им давали, и лошадей покупали из нашей государевой казны. И те ссыльные люди подмогу и лошадей испроворовали и бежали ис Красноярска и селить де их, ссыльных людей, на пашню непрочно, потому что де те ссыльные люди многие присылаются без жен, а пашенные крестьяне дочерей своих за ссыльных людей и своих братьев за крестьянских детей на дают; дают де они за казаков и казачьих детей, и от того в Красноярском наша, великих государей, десятинная пашня запустела. И ссыльные же люди, и крестьянские дети холостые из Красноярска бегают, покиня нашу, великих государей, десятинную пашню, и по сибирским городам женятся и селятся на нашу, великих государей, десятинную пашню. А в прошлом во 189 году по нашему, великих государей, указу, велено в Красноярском воеводе Дмитрию Корсакову разобрать красноярских всяких чинов служивых людей… В Красноярском при прежних воеводах поверстаны в казачью службу многие из гулящих людей, а те гулящие люди в русских городах, покиня свои тяглые жеребья, в Красноярской приходили, и женились, и поселились, и им, гулящим людям, в казачьей службе быть незаобычно, а естли де по нашему, великих государей, указу таких людей селить на пашню, и в том нам, великим государям, будет прибыль и хлеба напахать мочно немалое число. А в тех гулящих людей места в казачью службу в Красноярском – недорослей и казачьих детей, и братьев, племянников верстать есть ково… И как к тебе вся наша, великих государей, грамота придет, и ты б писал и прислал роспись – кто имяны гулящие люди, и в которых городах, и при которых воеводах в казаки поверстаны, и каких они городов, и каких были наперед сего чинов.

РГАДА. СП. Д. 1052 (1). Ч. 1. Л. 87–89.

Комментарий

Москва из-за огромных затрат и трудной доставки хлеба за Урал была заинтересована в развитии хлебопашества в Сибири. Поэтому одной из главных задач воевод было посадить на пашню вольных пришлых и присылаемых людей. Для обзаведения крестьянским хозяйством требовалось 60–75 руб., поэтому для этих целей казна разрешала выдавать севшим на пашню безвозмездную помощь (подмогу) и ссуду. Пашенных крестьян старались селить особыми слободами для удобства административно-полицейского надзора и обслуживания государевой пашни. Однако перспектива тяжкого крестьянского труда под бдительным оком воеводы или приказчика из служилой старшины мало кого привлекала. Люди старались определиться в другие сословия, особенно в казаки. Поэтому стали проводить «разборы» служилых людей, чтобы исключить из их числа гулящих и других лиц из непотомственных казаков. Исключение преследовало две цели. С одной стороны, высвобождался контингент для десятинной пашни, причем обжившихся уже людей, с другой – освобождались вакансии для казачьих детей, которых с каждым дсятилетием становилось все больше.

№ 28. 1690 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ СЛУЖИЛЫХ, ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ И ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТРОИТЬ ОСТРОГ НА р. АБАКАНЕ

Великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу бьют челом холопи ваши дальние сибирские украины – красноярские детишки боярские, и атаманишки, и пятидесятничишки, и десятничишки, и все рядовые конные и пешие казачишки, и сироты ваши – посадские людишки, и пашенные крестьянишки. Кочуют близ Красноярска вороги и изменники – киргизы, алтырцы и тубинцы, а мы, холопи и сироты ваши, ходим вверх по Енисею реке для своей нужды на рыбные ловли и на хмелевые промышлишка; и нам, холопям и сиротам вашим, рыбы ловить, хмель промышлять не дают, – грабят и раззоряют и побивают до смерти. Да они же, вороги и изменники киргизы и тубинцы, ездят в Канскую и Камасинскую землицы, и что бывает у ваших великих государей ясашных иноземцев бьют, и грабят, и раззоряют

без остатку; и скот по вся годы отгоняют, а как мы, холопи и сироты ваши, пашнишки свои пашем небольшие и сено косим. И они, воры и изменники киргизы и алтырцы, и тубинцы, нам, холопям и сиротам вашим, пашен пахать и сена косить не дают, по вся годы угрожают войною; и по тем их угрозам мы, холопи и сироты ваши, на пашнишки свои и сена косить вдаль ездить не имеем, а в ближних местах около города пашен и сенных покосов нет… Пожалуйте нас, холопов и сирот своих бедных, и от воинских людей разоренных, велите, государи, вверх по Енисею реке на Абакане реке поставить острог новоприбыльными людьми.

РГАДА. СП. Д. 1052. Ч. 1. Л. 2–3.

Комментарий

С 90-х гг. XVII века начинается решающий этап в борьбе России за включение Северного Присаянья в свои пределы. Рост населения восточных уездов Сибири вызвал острую нехватку продовольствия. Ленско-Илимский земледельческий район не всегда обеспечивал служилых и промысловиков хлебом. Енисейский земледельческий район часто не мог дать нужное количество продовольствия, поскольку наиболее благоприятные в земледельческом отношении земли не были освоены. В Красноярском уезде по-прежнему не хватало своего хлеба. Не случайно в конце XVII века начался в крупных масштабах сдвиг русского населения Енисейского края на юг и юго-восток.

С другой стороны, в России к концу XVII – началу XVIII века возросла потребность в пушнине. Из-за перепромысла зверя ее поступление все сокращалось, а «заморская торговля», Азовские походы, Северная война и хозяйственные предприятия Петра I поглощали громадные средства. Правительство настойчиво требует от сибирских воевод упорядочения сбора ясака и «приискания новых землиц». По-новому в это время пытается подойти Петр I к рудным богатствам Урала и Сибири. Так, в 1697 году на севере Киргизской землицы на речке Каштак, притоке Кии (ныне это территория Томской области), обнаружена была серебряная руда. По именному указу Петра там поставили Каштацкий острог и в течение двух лет пытались наладить выплавку серебра. Для обеспечения безо-

пасности родознатцев правительство потребовало активной борьбы с енисейскими киргизами. Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири также диктовала необходимость активизации России. Неоднократные переговоры и соглашения с главой енисейских киргизов Иреняком и затем с его сыном Корчуном в 70–90-х годах XVII века показали бесперспективность мирного исхода русско-киргизских территориальных споров при зависимости князей от Джунгарии. Ведущие же киргизские князья, не желая видеть реальной расстановки сил, продолжали ориентироваться на Джунгарию, бесплодно истощая тем самым силы своего народа. Так, в 1692–1693 годах князья совершили несколько набегов на Красноярский и Томский уезды. Тревожно было в 1698–1699 годах. В сентябре 1700 года несколько киргизских отрядов одновременно напали на Кузнецк и Красноярск. В 1700–1701 годы в результате ответных походов на Абакан объединенных красноярских, томских и кузнецких отрядов во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым (всего 728 служилых) и томским сыном боярским С. Лавровым (515 человек) были разгромлены основные силы енисейских киргизов. Удар был нанесен главным образом по улусам наиболее сильных и в то же время наиболее послушных Джунгарии князей. Это усилило прорусскую ориентацию трудового коренного населения Среднего и Верхнего Енисея, видевшего в подданстве России конец разорительной системы «двоеданства» и возможность мирного труда. Усилились разногласия среди киргизских феодалов относительно их дальнейшего политического курса. В этих условиях джунгарский наместник в киргизских улусах Аба-Зайсан пошел на мирные переговоры с русскими властями, пытаясь успокоить недовольных князей, а с другой стороны – получить передышку в борьбе с Россией. Переговоры, проходившие с перерывами с первого июля до конца сентября 1701 года, окончились согласием всех киргизских князей дать аманатов езерцев и тубинцев, платить ясак с их улусов, с 300 луков по соболю с человека, причем для сбора ясака они готовы были допустить «из Красноярска в киргизы добрых людей». Было достигнуто соглашение в обмене пленных и возвращении захваченного скота и имущества. В знак нерушимости заключенного договора «киргизские князцы все шертовали со

всеми улусными людьми, а калмыцкий Аба-Зайсан вместо Корчуна шерть пил сам». Таким образом, только в 1701 году Джунгария признала русско-монгольский договор 1663–1665 годов о сферах влияния на Верхнем Енисее. На территории современной Хакасии вновь официально устанавливалась система двоеданства. Время однако показало, что киргизские князья не собирались выполнять торжественно принятые обязательства, особенно в отношении выплаты ясака. Не сокращались мелкие набеги на ближние русские селения и «землицы» данников России. Вместе с тем джунгарские зайсаны и киргизские князья стали понимать безнадежность активной открытой борьбы с Россией. Кроме того, Джунгария в это время продолжала вести тяжелую борьбу с маньчжурским государством, с казахами и тянь-шанскими киргизами. В этих условиях хунтайджи с некоторыми киргизскими князьями решает временно отказаться от борьбы с Россией за Енисей. Рассчитывая опереться на нее в борьбе с главным врагом – Маньчжурской династией. Своеобразным выражением этого отказа была попытка переселить енисейских киргизов во внутренние районы Джунгарии. «И приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землицу и киргиз де к себе загнали всех», – сообщали оставшиеся. Однако увидены были далеко не все, но с этого времени русские не встречали на своем пути организованного вооруженного сопротивления местных племен.

В последние годы историки разошлись во взглядах на характер угона енисейских киргизов, роль в этих событиях князей, численность и дальнейшие исторические судьбы увиденных киргизов. До конца 50-х годов советские историки считали, что с ведома князей были уведены почти все киргизы, а на освободившуюся территорию переселились жившие севернее их киштымы. С 1959 года в серии статей и кандидатской дисертации хакасский историк К.Г. Копков выдвинул другую точку зрения об уводе хакасов, которую позже поддержали Л.Р. Кызласов и В.Г. Карцов. Эти ученые считают, что подавляющая часть хакасов не покидала своей родины. Было уведено лишь около 3000 человек, то есть четвертая часть всех хакасов, из которых половина вернулась в ближайшие годы, а другие – в 50-е годы XVIII века. Увод был неожиданным и насильственным не только для рядовых хакасов, но и для многих князей. Выводы К.Г. Коп-

коева и его сторонников вызвали возражения у историков Казахстана и Тувы, которые в целом разделяют традиционную точку зрения. Автор данных строк на основе новых архивных материалов считал и считает, что увода избежала почти половина обитателей юга Средней Сибири: часть киргизов и их улусных людей, кочевавшие по среднему Абакану, 300 луков тубинцев, койбал и моторов, их многочисленные киштымы, 300 ясачных кузнецких бельтир, сагайцев, обитавших по верхнему Абакану, до 700 урянхайских (саянских) кибиток. Правящая верхушка главных землиц была в сговоре с хунтайджи: их улусы «откочевали», а князья прочих улусов и киштымов были «взяты к контайше», то есть уведены насильно. На территории Красноярского уезда многие левобережные киргизы ушли или уведены князьями, а основная масса их киштымов, особенно на правобережье Енисея, осталась на своей родине. Поскольку Россия до конца 20-х годов XVIII века не поднимала вопрос о возврате уведенных, а угон не коснулся правобережья, где числилось 300 луков киргизов и их киштымов, то это еще раз доказывает существование русско-монгольского соглашения 1662–1665 годов о сферах влияния на Енисее, которое признала Джунгария в 1701 году.

После увода части енисейских киргизов кищтымы стали переходить в подданство России. Оставшиеся князья чинили им препятствия. Кроме того, местные власти узнали, что многие уведенные киргизы возвращаются обратно. По мнению хакасского историка К.Г. Копкоева, воеводы решили воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы в корне подорвать военные силы енисейских киргизов. По подсчетам исследователей, из Красноярска, Томска и Кузнецка в 1704 и 1705 годах было совершено пять карательных походов на Киргизскую землю, в результате которых было убито 380 и взято в плен 837 человек.

Центральное правительство, осведомленное о событиях на Среднем Енисее, требует выполнения указа 1697 года о построении острога на Абакане, чтобы закрепиться в данном районе. После именных указов от 6 июля, 22 декабря 1706 года и 29 февраля 1707 года в Томск и Красноярск, а также указов в Енисейск и Кузнецк в уездах развернулась конкретная подготовка к строительству острога. Указы предписывали выделить 1000 человек

служилых людей с «огненными, полковыми и железными припасами к городовому строению» (400 служилых из Томска, 300 – из Красноярска, 200 – из Енисейска и 100 – из Кузнецка).

Пятибашенный небольшой острог со стенами, по периметру в 50 сажень каждая, поставили осенью 1707 года (это старое село Краснотуранское, ныне на дне Красноярского водохранилища). Строителями (всего 972 человека) командовали томский дворянин Илья Цыцурин и красноярский сын боярский Конон Самсонов.

С основанием Абаканска в подданство России были приведены оставшиеся после угона енисейские киргизы из ближайших острогу улусов Тубинской землицы. Судя по значительным масштабам экспедиции, мерам предосторожности в походе и при строительстве острога, правительство считало, что значительная часть киргизов избежала «угона» в Джунгарию.

Местные и центральные власти со строительством Абаканского острога не считали край присоединенным. Поэтому там «…на житье до указу» был оставлен значительный по тем временам гарнизон в количестве 375 человек, в том числе 272 красноярских, 50 енисейских, 48 томских и 10 кузнецких конных казаков. Одновременно в новопостроенный острог разрешили переселиться всем охочим казачьим детям и отставным служилым с семьями. Однако служилые тоже не верили в замиренность Киргизской землицы, поэтому местные власти не смогли выполнить ни эти, ни более мягкие предписания относительно службы и поселения в Абаканском остроге.

Опасения казачества действительно были реальны. Продолжались мелкие набеги киргизов на ясачные землицы. Неспокойно было на границе соседнего Кузнецкого уезда, куда неоднократно приезжали за ясаком киргизские князцы и джунгарские зайсаны. С 1713 года Джунгария вновь заняла открыто враждебную позицию по отношению к России, претендуя на территорию по Верхнему Енисею, Томи и Иртышу. В то же время правительство получало «доношения» из Красноярска и других восточносибирских городов о враждебных военных демонстрациях со стороны Цинской империи. Тревожная обстановка сказывалась и на сборе ясака. В те годы в Красноярском уезде собирали едва половину окладной пушнины.

Судя по выпискам из ясачных книг, в 1717 году вместо 246 сороков и 30 соболей взято 140 сороков и 10 соболей, а в 1718 году из 218 сороков 8 соболей недобрано 135 сороков 21 соболь. Ясачные Кайсотской, Саянской, Канской, Камасинской землиц часто откочевывали за «Камень», то есть за Саянские горы в Монголию (см. **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. Гл. 1. Третье издание, дополненное и доработанное см. Быконя Г.Ф. Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 1, гл. 1.

№ 29. 1694 г. до 1 февраля. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ О ЧАСОВОМ МАСТЕРЕ

Великим Государем Царям и Великим князем Иоанну Алексееви(чю) Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем бьют челом холопи ваши красноярские детишка боярские, атаманишка и сотничишка и пятидесятничишки и десятничишки и все конные и пешие казачишка. В нынешнем государи в 200 году по нашей, холопей ва(ших), заручной челобитной ваш Великих Государей стольник и воивода Петр Савичь Мусин Пушкин построил в Красноярском на Спаской башне часы в наши денежные оклады, а у тех часов мастера в Красноярском, что их водит некому, а каторой часовщик час(ы) строил Бориска Микифоров и он живет в Енис(ейску) в кузнецах, а в Красноярску, Государи, без часов быт(и) невозможно, Красноярско город украинной, стоит на степном карауле безпрестанно днем и ночью.

Милосердые Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белы(я) Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, Государи, тому часовщику Бориску Микифорову быть в Красноярском у часовнаго дела и для той работы велите, Государи, ему, Борис(ку), давать свое Великих Государей жалованья денежной и хлебной и соляной убылой оклад сына боярского Андрея Любим(ского) против енисейскаго часовщика. А ваших, Великих Государей, службу, каторую служил Андрей Любимской служить будем всем полком и велите, Государи, в Красноярску в приказной избе вашему Великих Государей стольнику и воиводе Петру Савичю Мусину-Пушкину сию нашу заручную челобитную при-

нять и послать к вам, Великим Государем, к Москве под отпискою, Великие Государи Смилуйтес(я).

К сей челобитной в место детей боярских Ивашка Собачевского, Матюшки Близневского по их веленью Мишка Офонасиев руку приложил.

К сей челобитной сынчишко боярской Гришка Ерлыков руку приложил.

К сей челобитной городничей Савостька Лисовской в место детей боярских Стеньки Верхотурова, Стенки Манастырщина, Федьки Мосина, Сергушки Мосина, пятидесятников да в место сотника Симонка Беленина по их веленью Савостьянка Хлянской руку приложил.

К сей челобитной в место сына боярского Титка Саламатова да пятидесятника Ивашка Сиротинина по их веленью и за себя пятисотной Федка Сабуров руку приложил.

К сей челобитной в место десятника […] по ево веленью Трошка Баранов и за себя руку приложил.

Ивашко Красиков руку приложил.

К сей челобитной в место пятидесятника Ивашка Поспелова да десятника Мишки Шошина по их веленю и за себя Игнашка Шошин руку приложил.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1317. Л. 197.

№ 30. 1695–1700 гг. – ВЫДЕРЖКИ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О «КРАСНОЯРСКОМ БУНТЕ»

…Красноярцы и служилые люди… Многогрешной, Микула Воробьев с товарищи, да Красноярского ж Введенского монастыря игумен, да соборной церкви протопоп з братею и посацкие люди подали две заручные челобитные, а в тех их челобитных написано:

В прошлом в 203 году ведомые воры и крестоприступники, которые, забыв страх Божий и великого государя превысокую и премногую милость, учинили своим самовольством красноярские служивые люди ведомые воры Тришка Еремеев, Кононко Самсонов, Митька Тюменцев с единомышленники своими учинили в Красноярску бунту, а Алексею Башковскому от воеводства отказали и всякий живот его разграбили, а они, видя такое намерение, к воров-

ской их шатости не пристали, да в прошлом же в 204 году они, воры-красноярцы, надеясь на прежнее свое воровство, Мишка Злобин, Ивашка Поспелов, Симанко Белянин, с единомышленники своими с красноярскими и Красноярского уезда з жителями осадили… Семен, будучи в Красноярску, с людишками своими помирал голодной смертью и от воров Улишка Ермолаева, Кононка Самсонова, Васьки Соломатова, Игнашки Ендаурова, Тимошки Иконникова, Данилка Потехина с товарищи жил в малом городе, запершись, слыша их воровское намерение, что они хотели ево, Семена, и служивых людей Басилья Многогрешного с товарищи, которые сидели с ним, Семеном, в малом городе, побить всех до смерти, и с приезду своего в Красноярск он, Семен, в винном куренье учинил заказ крепкой, чтоб красноярцы, всяких чинов жители в Красноярску и в уезде вин отнюдь никто не курили и не торговали и безъявочно пив не варили, а от винного куренья в Красноярску хлеб покупали – ржи четь по 2 рубли, а после того, как он, Семен, учинил заказ о винном куренье, хлебные запасы закупают ржи четь по 16 алтын и 4 деньги и меньши и, чтоб ево, Семена, от красноярцов, от Гришки Ермолаева, Васьки Соломатова, Данилка Потехина с товарищи, оборонить.

Да Семен же Дурново великому государю бил челом, а в Енисейск к розыскным делам прислал за рукою своею челобитною, что ему, Семену, от тех шалостей и бунтов и в государевых делах непослушание в Красноярску…

РГАДА. СП. Д. 366. Л. 249.

Красноярский бунт. Эскиз В.И. Сурикова (из фондов ККМ)

Комментарий

Первая Красноярская шатость – самое длительное в Сибири вооруженное народное восстание 1695–1700 годов.

Началось в форме «отказного челобития» лихоимцу воеводе А. Башковскому. Казаки, часть посадских и некоторые князцы подгородных ясачных послали в Москву своих выборных просить хорошего воеводу. Когда им назначили родного брата бывшего воеводы Мирона, то красноярцы не приняли его, а затем еще двух воевод. Одного из них, Семена Дурново, чуть не убили. Его посадили в лодку и хотели утопить, забросав камнями. Восставшие установили связи с рядом других сибирских городов, где тоже происходили волнения. Только при многоопытном и умном воеводе П. Мусине-Пушкине, который взял сторону красноярцев, восстание прекратилось.

Движение было направлено не против социального порядка, а против злоупотреблений властей. Власть в городе и уезде длительное время находилась в руках выборных «судеек», которые судили, собирали налоги, оброчный хлеб, ясак и таможенные пошлины. Велось обычное делопроизводство, собранные деньги и пушнина отправлялись в столицу.

Среди руководителей были дети боярские Еремеевы, атаманы А. Тюменцев и М. Злобин[1], пятидесятники П. Муруев и Л. Ростовцев, десятник Т. Потылицын, рядовые казаки Ф. Чанчиков, А. Смольянинов и Д. Старцев, Петр и Илья Суриковы[2].

Видную роль среди красноярского казачества издавна играли Злобины. Основатель клана Злобиных, «Дементий Ондронов сын», происходил из семьи стародубского сына боярского, убитого под Кромами во время похода руководителя Первой крестьянской войны Ивана Болотникова в 1606 году. Вотчиной отца завладел дядя, поэтому Дементий сошел на Дон, где «гулял шесть лет», а затем оказался со своей казачьей станицей на службе у царя Василия Шуйского.

После его низложения и сдачи боярами-изменниками Москвы полякам Д. Злобин воевал против интервентов в составе Первого и Второго народных ополчений. В своей «сказке» от 7 октября 1659 года Дементий отмечал, что дважды находился и под коман-

дой князя Дмитрия Михайловича Пожарского, освободителя Москвы от польских интервентов.

Затем Д. Злобин был послан на службу в Приуралье, откуда он вновь ушел на Дон. Через два с половиной года он был выслан в «тобольскую службу» в Сибирь. В 1629 году вошел в «томскую сотню», образованную в связи выделением Томского разряда и был там год атаманом пеших казаков-годовальщиков. Затем сотню перевели в годовую сужбу в Красноярский острог, гарнизон которого сильно поредел из-за ошибочного намерения снизить его статус до обычного ясачного зимовья.

Опытный воин, энергичный, смелый человек, он пришелся, что называется, ко двору. Через несколько месяцев Дементий организовал доставку хлеба из Енисейска для голодающих красноярцев. В 1632 году он удачно действовал против бурят в Канской землице. В 1634 году при воеводе Карамышеве входит в формированную сотню конных казаков. В середине века он уже занимает престижную должность атамана конных казаков. Не раз возглавлял отдельные присуди Красноярского уезда в качестве приказчика. Это доходное место, помимо подарков и «поминок», позволяло вести меновый торг с ясачными людьми. Скорее всего, Дементий в Красноярске обзавелся семьей. Уже в 1638 году у него жил малолетний новокрещен Василий Емельянов, выходец из подгородной Бохтинской землицы. В 1653 году Дементий имел свою взрослую дочь, которую он выдал замуж за сына боярского Михаила Ерлыкова. Интересно, что в качестве приданого она, в частности, получила воспреемника отца, креeного имоземца Емельянова, которого Дементий десять лет назад определил в казаки. Однако новокрещену не хотелось оказаться холопом Ерлыкова. Он стал утверждать, что к Дементию пошел по своей воле, поэтому волен сам собой распоряжаться и является уже государственным человеком. Дело дошло до Сибирского приказа в Москве, который напомнил о запрете крестным отцам холопить новокрещенов, если они каким-то образом оказались поверстанными на казачью службу, и классифицировал действия Дементия как «воровство».

По тогдашней сословной традиции свою атаманскую должность Дементий Злобин передал сыну Михаилу, служившему под его же

началом конным десятником. Прожил Дементий Андреевич около семидесяти лет. В подворной переписи 1671 года его нет, а хозяином однодворки на речке Березовке показан Михаил с десятилетним сыном Иваном. На долю сына Дементия выпали бурные события 1660–80-х годов. Так, в 1680 году вместе с Михаилом на енисейских киргизов ходил его холоп из новокрещенов, который вместе с шестью такими же, как он, отличился в сражении.

К 1695 году Михаил передал атаманство старшему сыну Ивану, а сам оказался приказчиком над пашенными крестьянами деревни Есауловой. С началом «Красноярской шатости» Михаил Злобин становится одним из главных руководителей движения. После ареста воеводы Алексея Башковского к старшему Злобину, выбранному одним из «судей», переходит вся власть в мятежном Красноярске. Дом Злобиных стал своего рода штабом восставших, и около него даже выставили караул. Здесь обсуждался текст челобитной для отправки в Москву, вырабатывались планы дальнейших действий.

При всем этом отец с сыном со временем оказались в разных лагерях. Престарелый Михаил осторожничал, в конце концов отошел от движения и даже донес новому воеводе Семену Дурново о планах восставших, не пожалев и собственного сына. Последовали массовые аресты. Взяли под стражу и Ивана. Однако воевода рано праздновал победу. Иван вместе с тридцатью арестованными казаками бежал и вскоре со своими сторонниками буквально изгнал С. Дурново из города. Восстание закончилось, по сути, победой красноярцев. Новый воевода П.И. Мусин-Пушкин признал справедливость их обвинений в адрес прежних воевод.

К концу XVII столетия Злобины имели довольно крупное хозяйство. Так, Иван Злобин унаследовал от отца, Михаила Дементьевича, находившуюся близ деревни Овсянки вверх по Енисею по заречной дороге усадьбу, состоявшую из избы на подклете, амбара, бани и повыше избы на Слизневой речке мельницу. Из скота имелось два коня, кобыла, четыре коровы, два теленка и две свиньи. Рабочую силу составляли, кроме хозяина и его сына Прохора, несколько холопов-новокрещенов – Федька, «калмык Андрюшка», который вместе с хозяйским сыном пахал на «Березов-

ской заимке», а также две «девки-новокрещеные», 15-ти и 10-ти лет. Пахали отъезжую пашню в стороне от усадьбы по речке Березовке, где еще Дементий занял сорок десятин земли. Злобины сеяли рожь-ярицу, ячмень, овес и немного пшеницы. Как и отец, Иван приторговывал во время служебных поездок, в частности, скупал или выменивал у ясачных на табак пушнину.

Во время ареста Ивана за участие в восстании против воевод была составлена роспись его имущества, оказавшегося довольно значительным. Приведем ее для характеристики хозяйственного и бытового уклада зажиточного представителя казачьей верхушки. У него имелось «из платья три кафтана китайчатых и два кафтана камчатых; кафтан шубный на белках; два азяма (китайчатый и кумачовый); холодник китайчатый; тулуп беличий под китайской камкой; опушенный кругом ворота выдрой; пять телогрей из камки, кумача и китайки, некоторые очень богатые с кружевом мишурным и пуговицами одукейными (из стекляруса. – *Г.Б.*); два малахая волчьих; два малахая лисьих и семь пар башмаков и сапог женских и мужских (из них пять сафьяновых); кушаки, кокошники, платы шелковые, шитые шелками, подбруски камчатые и атласные; из белья: три полотенца, две рубашки мужские – одна скроенная, шесть рубашек женских, двое портов, штаны пестрядинные, наволока большая с кружевом нитяным и т.д.»; из оружия: сабля – «полоса польской работы, оправа железная, насека серебром», три лука турецких, сулема простая, натруска, лядунка, шитая по черному бархату, бумажник (нагрудный доспех) китайский; саадак со стрелами, два седла, «серебром насеканная» узда и т.д.; из посуды: медный котел небольшой, две глиняные зеленушки; из вещей домашнего обихода: зеркало стенное большое, подголовник окованный «колмогорский», коробья окованные, ножик да вилки, припои медные с финифитом, много ткани в отрезах… И многое другое, что соответствовало тогдашним понятиям о зажиточности.

С XVIII века судьбы отдельных Злобиных сильно разошлись. Одни из них, кто остался в штате, тянули служебную казачью лямку. А кто-то, попав в регулярные части, смог, как Иван Прохорович Злобин, внук Ивана Злобина, дослужиться до офицерского чина.

Он родился в 1719 году, девятнадцати лет попал в «новоучрежденный драгунский полк», знал грамоту и через двенадцать лет по должности полкового адьютанта получил чин поручика, а с ним и потомственное дворянство. Другие Злобины, оказавшись за штатом, были написаны разночинцами и должны были наравне с крестьянами платить налоги и нести натуральные повинности. Занимались они преимущественно хлебопашеством и промыслами.

Со временем представители этой старожильческой фамилии сильно умножились. Так, только в телефонной книге Красноярска за 1998 год указано более пятидесяти Злобиных.

Суриковы – старинный казачий красноярский род, из которого вышел гениальный русский художник Василий Иванович Суриков.

Активное участие в восстании красноярцев принимал пращур знаменитого художника В.И. Сурикова брат Ильи Петр. По этому поводу известный этнограф сибиревед и писатель В.И. Анучин в письме В.И. Сурикову от 14 октября 1901 года писал: «…Ваш пращур Суриков Петр действительно принимал в бунте очень активное участие – это доказывается документально…» (см. **Василий Иванович Суриков.** Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 149–150).

Из всех братьев Суриковых почетное место прямого предка занимал Петр (Илья, как я установил, был братом, а не отцом Петра). Это шестое колено (прапращур) знаменитого художника. Родословные колена считают от пробанда, в том случае от самого художника. Интересно, что так считал и сам художник, опираясь, очевидно, на семейные предания. Петр (1660 – до1743) шестидесятилетним дожил до первой переписи 1720 года, хотя из-за бунтарского характера так и остался пешим казаком и даже высылался из Красноярска. О его дворе под № 123 сохранилась подгоревшая внизу переписного листа, подушная «сказка». Петр жил в городе со своими тремя взрослыми сыновьями: Михаилом, 28 лет, Василием, 19 лет, и Алексеем, 17 лет. Четвертый сын, Лев (род. 1699), жил отдельно, не имел двора, в перепись не попал, правда, «сказку» за неграмотного отца подписывал. Сам Петр и три его взрослых сына, кроме Льва, ненадолго оставались в штате

и после значительного к 1728 году на 119 чел. сокращения штата Красноярского казачьего войска. Ко второй же переписи и ее ревизии 1744–1747 годов конный казак Михаил и пеший казак Алексей (после 1734) уже не попали в штат. Эти дети предка художника с 5 колена дали еще одну ветвь очень многочисленных крестьян и отчасти посадских Суриковых (Михаил с 1775 – в мещанах). Они, вместе с частью потомства Григория, Ильи и Ивана вошли в десятки тысяч сибирских бывших казаков, в ту часть «государевой служилой рати», которую Петр I так «отблагодарил» за приобретение огромной и богатейшей зауральской окраины.

Бывшие казаки и их потомство долго и упорно старались называть себя по-старому, хотя официально были в посадском или разночинско-крестьянском окладе. Например, показательна в том плане сословная принадлежность отвечавшего за почтовое сообщение в сторону Томска, попавшего в крестьяне Льва Петровича Сурикова. В 1734 году он лукаво именовался в рапорте в Красноярскую воеводскую канцелярию как «неверстанный сын боярский, красноярский разночинец», а в 1740 году – уже как «неверстанный казачий сын, красноярский разночинец». Интересно, что он еще в 1767 году называл себя казачьим сыном, хотя официально с первой переписи считался крестьянином.

Про среднего, Василия, неизвестно, выключали ли его из штата, а потом вновь из-за нехватки казаков возвращали в службу. По крайней мере, и предок художника в 5 степени родства(пращур) Василий Петрович (1698/1700–1776) по исповедной росписи 1769 года, а это не налоговый учет, назвался отставным казаком. Доживал этот вдовец в семье взрослого сына Петра (4 колено), отставного же казака (1728–1775), женатого на Александре (Анастасии) Федоровой, которая была старше мужа на шесть лет. У прапрадеда художника Петра было четверо детей: Степан (род. 1747), Иван (3 колено, род. 1752?), Акилина (род. 1757) и Евдокия (род. 1762). Старший сын Петра, 22-летний Степан, уже был женат на 26-летней Евдокии Петровой.

Младший внук Василия Иван Петрович, прадед художника, жил вместе с отцом довольно долго, даже когда женился на Матрене Антиповой (Алимпиевой), которая была моложе его на че-

тыре года и умерла в возрасте 67 лет в 1824 году. Он дослужился до пятидесятника, что тогда приравнивалось к старшему унтерофицерскому чину в регулярных войсках. Его сын Василий (2 колено, 1776–1836) и внук Иван (1 колено, 1807–1859) были соответственно дедом и отцом художника.

Из этой дружной из 10 человек семьи от двух братьев Степана и Ивана и вышли две близкородственные казачьи ветви красноярских Суриковых, которые тесно, по-родственному общались между собой до самого начала XX века.

Таким образом, с отцовской стороны исторические корни ментальности гениального художника Василия Ивановича Сурикова были значительно шире и глубже, чем представлялось. Шесть колен предков этого коренного сибиряка составляли более тысячи человек. Это были представители всех тогдашних сословно-социальных слоев сибирского общества и рода занятий – рядовые и начальные люди, труженики города и деревни, разного рода местные управленцы в казенных структурах и самоуправлении, близкие к феодально-классовым верхам и малоимущие (подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Новое о предках В.И. Сурикова, гениального русского художника // Социокультурное освоение Сибири: матер. Сибирского исторического форума. 2–5 декабря 2014 г. Красноярск, 2014. С. 256–262).

Тема Красноярского восстания привлекла внимание нашего замечательного земляка В.И. Сурикова. Известно, что художник читал работы Н.Н. Оглоблина. Суриков был увлечен мыслью написать картину на тему «Красноярский бунт», но она осуществлена не была. Известны к ней лишь два эскиза. В письме к своему брату Александру В.И. Суриков писал: «Пишу тебе, что в журнале Министерства народного просвещения, май 1901 года, напечатана статья Оглоблина о Красноярском бунте 1695–1698 годов. Тут многие есть фамилии наших казаков, и в том числе имена наших предков с тобой, казаков Ильи и Петра Суриковых, принимавших участие в бунте против воевод-взяточников. В доме Петра и Ильи Суриковых были сборища заговорщиков против воеводы. Здесь бывали Злобины, Потылицыны, Кожуховские, Торгашины, Чанчиковы, Путимцевы, Потехины, Ошаровы, Юшковы, Мезенины,

Суриков (Петр) был в «кругу», где решили избить воеводу и утопить его в Енисее» (см. **Кончаловская Н**. Дар бесценный. Красноярск, 1978. С. 304). Упомянутый В.И. Анучин написал историческую трагедию «Красноярский бунт». Она была закончена автором после Великой Октябрьской революции. Одним из действующих лиц трагедии является Петр Суриков. В РГАЛИ хранится машинописный экземпляр этого сочинения Анучина, а трагедия по неизвестным причинам не была опубликована (см. Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 149–150, 322.

№ 31. 1699 г. – РОСПИСНОЙ СПИСОК КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА с УЕЗДОМ СО СВЕДЕНИЯМИ О ЕГО КРЕПОСТНЫХ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ, ВООРУЖЕНИИ, ХЛЕБНЫХ ЗАПАСАХ И ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДАХ

По росписному списку 207 (1699. – *Г.Б.*) году, присылки 1703 году, малый острог мерою кругом старого строения 71 сажен, да нового 120 сажен, а по тому острогу 2 башни старые проезжие, на башне часовня Спасская, да колокольня крыта тесом, а в той колокольне часы боевые, да колокол вестовой, который прислан с Москвы, весом 19 пудов 32 гривенки. Другая башня крыта драницами, да по этому же острогу 3 башни новые некрыты, в острожной же стене калитка.

Большой острог мерою кругом 324 сажени, да старова погнилова, и местами развалилось, и песком занесло 514 сажен; и по тому острогу 2 башни проезжие, а крыты башни драницами без шатров. По тому же острогу 4 ворот проезжие, да калитка, да бык выводной.

На городе наряду: пищаль медная полторная; 2 пищали медные полковые, да тобольской присылки 178 году 2 пищали медные – ядром 2 гривенки; 2 пищали медные полковые – ядром по гривенки без чети; пищаль медная вестовая – ядром 2 гривенки; 2 пищали медные малые – ядром по полторы гривенки, а ис тех пищалей 2 пищали в Караульном остроге. Да к ним 40 ядер жеезных птщаль поковая чешуйчатая железная в в Удинском остроге, да к ней 40 ядер железных.

Стеновая пищаль XVII века (из собрания ККМ)

По росписному списку 207 году в Красноярску в приходе хебных запасов: по Красноярскому памятному списку, по опыту умолочено красноярской пахоты 206 году – 585 четей с полосминою и полчетверика ржи и ярицы, да сверх опыту примолочено 52 чети без полосмины ржи и ярицы, овса 67 четей с четвериком, да сверх опыту примолочено 6 четей без четверика[1]. Села Ясаулова и села Бузимского на пашенных крестьянах за недопашку государевы десятинной пашни доправлено 12 четей с осминой ржи и ярицы, 5 четей овса…

3 горецких (городских. – *Г.Б.*) и уездных, и Спасской подпорожной слободы с посацких людей, оброчного хлеба сей пахоты взято 48 четей ржи, 14 четей с осминою овса…

В государевом зелейном погребу ружного и пушечного пороху 7 пудов и 38 гривен, да к вышеписанным пушкам и к пищали в казне великого государя 392 ядра больших, 140 ядер малых – всего 532 ядра…

Население

Пешей службы пятидесятник, и десятник, и рядовых 416 человек; оклад им – денег 2107 рублей, ржи 1129 четей, овса 716 четей без полосмины, 11 человек пушкарей и затинщиков, 2 человека толмача; оклад – денег 65 рублей, ржи 36 четей без полосмины, овса 16 четей, соли 23 пуда без чети; служилых татар 28 че-

ловек, да 13 человек служат с пашни… обротчиков 6 человек…[2] Всего красноярских всяческих чинов людей 691 человек; оклад им – денег 4039 рублев, ржи 1955 четей с полосминою, овса 1287 четей с полосминою, соли всем 1403 пуда с четвертью; да 31 человек за хлеб служат с пашни.

Да в росписном списке 207 году присылки 1700 года написано: в Красноярску и в уезде посацких людей 29 человек, – годового оброку с них 34 рубли 2 алтына, да хлеба с их пахоты 48 четей с полосминой ржи, 16 четей с осминой овса[3]. Всего в приходе всяких денежных доходов 812 рублев с четвертью…

В Красноярску жалованных людей по имянным окладным книгам 202 (1694. – *Г.Б.*) году: ружников 25 человек, оклад им – денег 90 рублев, хлеба ржи 41 четь с осминою, овса 19 четей с осминою, 28 пудов без чети соли; детей боярских 37 человек, оклад им – денег 349 рублев, ржи 161 четверть, овса 144 чети с осминой, 91 пуд с честью соли, в том числе 1 человек служит с пашни; приказной избы подьячих 4 человека, оклад им – денег 30 рублев, ржи 16 четей с осминой и с четвериком, овса тоже, соли 6 пудов; городничему оклад – денег 7,25 рублев, ржи 3 чети с полосминою, овса 2 чети, соли 2 пуда…

Конных казаков: атаману – денег 18 рублев, ржи 5 четей с осминой, овса то же, соли 2 пуда; конной службы пятидесятников, и десятников, и рядовых 187 человек, оклад им – денег 1356 рублев, ржи 170 человекам 556 четей без полосмины, овса 343 чети, а 17 человек за хлеб служат с пашни; соли всем 341 пуд с полпудом. Пеших казаков 2 человека атаманов: оклад им – денег 26 рублев, ржи 10 четей, овса 8 четей, соли 3 пуда…

РГАДА. СП. Д. 1354 (6). Л. 287–293.

Комментарий

Росписные списки составлялись при сдаче воеводства. В них включали описи разнообразной движимой и недвижимой казенной собственности; состояние укреплений, состав вооружений, размещение и масштабы казенного сельскохозяйственного производства, численность служилых людей по разрядам и размеры их окладов. К сожалению, в этом документе трудно выделить дан-

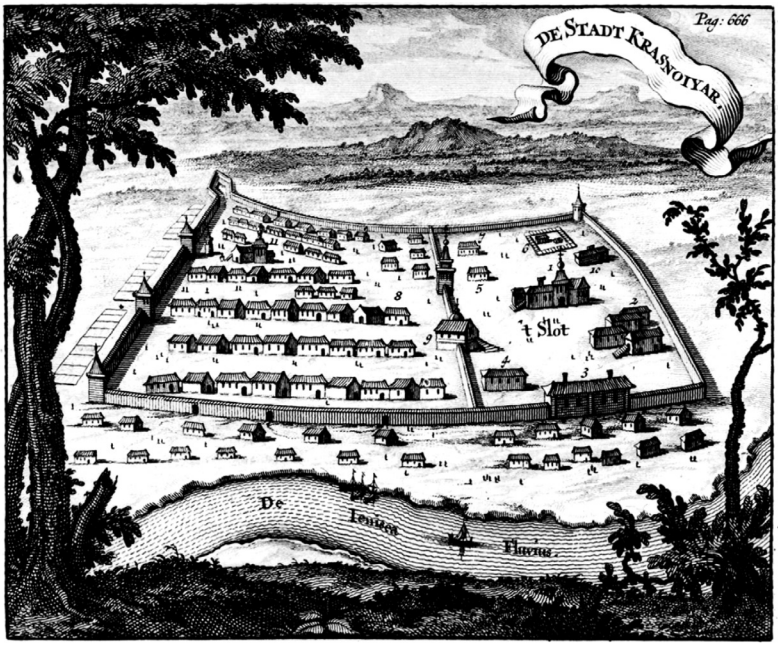
ные о населении и хозяйственных занятиях, относящиеся только к Красноярску.

1. Опытные умолоты являются творчеством сибирской администрации. Поскольку пашенные крестьяне, не отвечая за урожай на государевой пашне, работали на ней, мягко говоря, с прохладцей, то воеводы перестали выделять особые угодья – елани – под казенную пашню. Крестьяне на себя пахали сколько могли, а в период созревания хлебов приказчики объезжали их посевы и назначали отдельные полосы в государеву пашню. С них делали пробные умолоты, чтобы определить тот минимум, который крестьяне после уборки должны засыпать в казенные амбары.

2. «Хлебные оборотчики» – это служилые люди, которые вносили каждый пятый сноп из урожая, собранного с земель, превышающих положенный земельный надел вместо хлебного жалованья. Их немного, всего шесть человек, но они обозначили желание части казачьей старшины обзаводиться крепкими земледельческими хозяйствами, как например, Злобины.

3. Красноярский посад рос медленно. Экономическое положение посадских людей было нелегким. Основное их занятие – хлебопашество и работа по найму. В 1688 году 17 посадских, живших в самом Красноярске, 15 человек кормились работой и занимались хлебопашеством, 2 человека кормились только работой, а «хлеба не пахали». В 1693 году 55 посадских людей города и уезда 45 жили хлебопашеством. Лишь небольшая часть посадских людей занималась ремеслом – кузнечным, медеплавильным, кожевенным, сапожным. Посадские люди почти не торговали. Маломощная посадская община выполняла самые разнообразные повинности: платили высокий денежный оброк, вносили в казну промысловые и хлебные оброки (до 80-х гг. XVII в. оброк отсыпным хлебом брали из расчета пятого снопа, то есть 20 % урожая). Кроме налогов, посадские люди выполняли различные натуральные повинности (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. Т. IV. С. 86–89; РГАДА. СП. Стб. 988. Л. 10).

№ 32. НАЧАЛА XVIII в. – КРАСНОЯРСКИЙ ОСТРОГ ПО ЧЕРТЕЖУ С.У. РЕМЕЗОВА

План Красноярска начала XVIII века.
Копия Н. Витзена с чертежа С. У. Ремезова

Перевод легенды карты: 1. Церковь (Преображенский собор. – *Г.Б.*). 2. Дом воеводы. 3. Приказная изба (?). 4. Зелейный погреб. 5. Соболиный амбар. 6. (Ошибочно, это тюрьма. – *Г.Б.*). 7. Богадельня. 8. Другой город. 9. «Острожные врата с церковью». (Эту цифру следует отнести к соседнему зданию. Это Спасская проезжая башня. У Ремезова главки с крестом на этом здании нет. Скорее всего, это и есть съезжая, или приказная, изба. – *Г.Б.*). 10. Житочный амбар. 11. Церковь в другом городе (Покровская. – *Г.Б.*)

Комментарий

Семен Ульянович Ремезов (1642 – после 1720) – выдающийся деятель науки и культуры Сибири второй половины XVII – первой четверти XVIII века (см. **Андреев А.И.** Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1. (XVII в.). **Гольденберг**

Л.А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М., 1965). Интересен жизненный и творческий путь этого замечательного сибиряка, прославившего своей многогранной деятельностью Сибирский край и обогатившего русскую культуру. Ремезов происходил из семьи тобольских служилых людей. Семья Ремезовых попала в Тобольск в 1628 году со времени ссылки туда Моисея Меньшего – деда Семена Ремезова. Семен Ульянович Ремезов получил воспитание в семье, традиции которой возбудили у него интерес к наукам. Начал как художник, затем перешел к чертежным и географическим работам. Удивительно широким и разнобразным был круг занятий и интересов Ремезова. Он известен как первый сибирский историк, незаурядный картограф и географ, талантливый архитектор и строитель, этнограф и основоположник инженерной графики Урала и Сибири.

В 1697–1711 годах. Ремезов составил первый русский атлас Сибири «Хорографическую чертежную книгу», которая стала поворотным пунктом в истории развития русской географии и положила начало новому периоду ее развития.

В 1699–1701 гг. С.У. Ремезовым была составлена всемирно известная «Чертежная книга» – ценнейший историко-географический памятник.

Картографические работы С.У. Ремезова через дьяка Андрея Виниуса, главу Сибирского приказа, стали известны в Западной Европе. Амстердамский бургомистр Николас Витзен издал «Хореографическую чертежную книгу» С.У. Ремезова отдельным альбомом на немецком языке под названием «Noord en Ost Tatarien» (север и восток Татарии). План Красноярска скопирован, но с рядом ошибок, разобранных еще С.В. Бахрушиным (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. Красноярск, 1959. Т. IV. С. 101. Примечание 180). Атлас наряду с другими картами содержит «городовые» чертежи 18 сибирских городов, в том числе и чертеж г. Красноярска.

Этот чертеж С.У. Ремезова имеет важное значение для выяснения топографии города в XVII веке. Следует отметить, что ценные данные по этому вопросу содержатся также в кратком описании острога в 1699 года (см. № 29). Чертеж Ремезова не во всем совпа-

дает с этим документом, в частности в отношении числа башен. Например, у Ремезова не отмечена Быковская башня, стоявшая в юго-западной стороне острога, которая была обращена к большому городу. С.В. Бахрушин предполагает, что Ремезов ошибся и в обозначении места приказной избы. Видимо, сам Ремезов не был в Красноярске и пользовался данными из вторых рук, а потому и допустил в своем чертеже Красноярска некоторые неточности (см.: **Бахрушин С.В.** Научные труды. Т. IV. С. 101–103; РГАДА. СП. Д. 1288. Л. 135; Д. 1417. Л. 416).

№ 33. 1701 г. – СВЕДЕНИЯ О СБОРЕ ЯСАКА, НАЛОГОВ В КРАСНОЯРСКЕ, О ПРИХОДЕ И РАСХОДЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДА СБОР ЯСАШНОЙ, И ДЕСЯТИННОЙ, И НЕОКЛАДНОЙ

В 207 году при воеводе Якове Бейтонове.

Соболи – 54 сорока 4 соболя, взятых у сборщиков 7 соболей; пупки и с тем, что в соболях – 21 сороков, 34 пупка; лисицы – 383; росомахи – 34; куницы – 1; бобры и ярцы и кошлоки – 32; выдры – 5; всего по сибирской, а иное по примерной цене – 5002 р(уб). 16 ал(тын). 4 д(еньги).

Красноярского города денежный сбор.

Таможенных – 284 р. 17 ал. 6 д.; пива продано и за него денег взято – 132 р. 18 ал. 2 д.; в посадских людей годового оброку – 34 р. 2 ал. 4 д.; с лавок и с сенных покосов, и с рыбных ловель, и с кузниц, и с мельниц, и со всяких людей оброку – 4 р. 21 ал.; мировых и поголовных пошлин, и с площадного писма, и с денщичья хоженого, и с пролубного откупу – 44 р. 23 ал.; с государевых мелниц помолных денег – 45 р. 6 ал. 2 д.; в приказной избе за бумагу и за воск – 17 ал. 2 д.; с квасных дробин, и с квасу, и с дрожжей, и с хмелин, и за хлебное охоботье откупу – 2 р. с полтиною; с явочною питье – 16 р. 16 ал. 4 д.; всего тамошнего сбору денег – 776 р. 4 ал. Пол. 6 д.; и всего в приходе денег и ясаку – 5778 р. 21 ал. пол 4 д.

Красноярского города денежный расход.

Оклад служивым людям, опричь ружников и обротчиков. Выписан из книги, что посланы в канцелярию в 1701 году: денег

4039 руб. 25 ал. И сей оклад написан для ведома, а в первой расходной перечень не положен, а положен в последней перечень.

Ис того окладу на настоящий год и впредь для служб дано: на 208-й – 45 р. 31 ал. 5 д.

В приказную избу, и на воеводский двор, и на иные мелкие расходы – для починки и для смазки часов, и кузнечных мехов, и мельниц смолье и дегти; для винного курения и пивного варения; от починки, и солодовки, и пивоварни; на покупку барабанных кож на сомники укладу и на подмогу им лошадей и коров; для перекручивания пороху и за работу стрелного дела и на посуду. А за расходом в остатке денег будет денег – 730 р. 6 ал. пол. 3 д.; а с ясаком в остатке будет 5732 р. 23 ал. пол. 1 д.; а буде дать полный оклад, и в расход не достанет денег, опричь ясаку – 3263 р. 20 ал. пол. 1 д.

Красноярского города приход ржи, муки, пшеницу, ячмени, крупам, толокну.

С десятинной пашни умолочено – 52 чети без полуосмины; с земель оброчного – 48 четей; по выделу пятинного хлеба – (нет. – *Г.Б.*); с мельницы помолных – 52 чети с осминою без полчетверика; всего в приходе – 254 чети и пол-2 четверика.

Расход ржи, муки, солоду, пшеницу, ячмени, крупам, толокну:

Оклад служивым людям, опричь ружников и обротчиков, выписан из книги, что послана в канцелярию в 1701 году: ржи 1955 четьи с полуосьминою и с четвериком. И сей оклад написан для ведома, а с первой расходной не положен, а положен в последней перечень.

И того окладу на настоящей год и впредь для служб дано: ясачным иноземцом и аманатом на корм и подводчиком для посылок – 45 четей; а расходом в остатке будет – 109 четей, пол-2 четверика; а буде дать полный оклад, и в расход не достанет – 1846 четей, пол-2 четверика.

Красноярского города приход овсу и муки овсяной.

С десятинной пашни умолочено – 67 четей с четвериком; с земель оброчного – 14 четей с осминою; по выделу пятинного хлеба с пашенных крестьян из доимки –14 четей; всего в приходе – 95 четей с осминою и с четвериком.

Расход овсу и муки овсяной:

Оклад служилым людям, опричь ружников и обротчиков, выписан из книги, что послана в канцелярию в 1701 году: овса 1287 четей с полуосминою и с четвериком; а буде дать полной оклад, и в расходе не достанет 1192 чети без полуосмины.

Красноярского города расход соли, которая присылается из Енисейска:

Оклад служилым людям, опричь ружников и обротчиков, выписан из книги, что послана в канцелярию в 1701 году: соли 1409 пуда с четью. И сей оклад написан для ведома, а в первой расход перечень не положен, а положен в последней перечень. И того окладу на настоящий год и впредь для служилых дано: ясачным иноземцам и аманатам на корм и подводчиком для посылок – 17 пуд 15 гривенок и с полугривенкою; а буде дать полный оклад, а в расходе надобно соли – 1420 пуд с полпудом пол- 5 гривенки.

РИБ. Т. 8. Спб., 1884. С. 751–762.

Комментарий

Приведенные сведения раскрывают специфику хозяйственной жизни Красноярска и уезда в XVII – начале XVIII века.

Царская власть получала львиную долю средств не с налогового обложения различных ремесел и торговли горожан, а с собираемого красноярскими казаками ясака. Судя по годовому десятинному сбору с посадских Красноярска, их общие доходы едва превышали 340 руб.

Всех же доходов казны от жителей города и уезда даже в половину не хватало на содержание местных служилых людей и другие нужды.

В условиях первичного освоения Сибири и в целях монопольного присвоения всех доходов складывающееся абсолютистское государство принимает на себя, помимо налоговых и военно-полицейских, разнообразные хозяйственные функции. Вся земля была объявлена централизованной феодальной собственностью государства. Экономическими формами ее реализации, то есть централизованным налогом-рентой, выступали, кроме различных повинностей, промысловый десятинный налог с промышленников и торговцев, оброчный и «отсыпной», или «пятинный»,

хлеб с оброчных крестьян, служилых людей и посадских, отработки вроде барщины пашенных и приписных крестьян, а к концу XVII века и ясак с коренного сибирского населения.

Присылаемые воеводы, во многом напоминая приказчиков крупного многоотраслевого вотчинного хозяйства, активно вмешивались во все сферы хозяйственной жизни. С помощью подмоги, ссуды и просто «государевым» именем они «прибирали» в пашню и посад, заводили казенные кузницы и прочие мастерские, мельницы, винокурни и солеварни, а в XVIII веке металлургические заводы, налаживали регулярные сухопутные и водные пути сообщения. В отдельных случаях набранные местными властями артели даже пытались вести казенный промысел ценной пушнины. В конце XVII века до 90 % всех крестьян Сибири несли своеобразную «барщину на государство». Вместо хлебного оброка эти пашенные крестьяне своим инвентарем и тягловой силой должны были выполнять на «десятинной пашне», составлявшей до 1/4 части их «собинной» запашки, весь цикл полевых работ. Под надзором старост и приказчиков они также сооружали и обслуживали казенные риги, тока, мельницы, крупорушки и хлебные амбары. Советский историк П.И. Малахинов даже считал возможным говорить о «воеводских хозяйствах» в Сибири (см. **Малахинов П.И.** О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962). Несомненно одно – за счет Сибири, увеличившей государственную территорию России более чем в два раза и сделавшую ее самой крупной в тогдашнем мире страной, казенный сектор экономики стал ведущим. Это давало материальные возможности сравнительно отсталой в социально-экономическом отношении крепостнической России приступить к формированию абсолютистского государственного аппарата, технологически однотипного с управленческой структурой передовых стран Западной Европы, вступивших на буржуазный путь развития. Иными словами, бурное развитие российского феодализма вширь в материально-организационном плане заменяло стране развитие феодализма вглубь, что, естественно, сильно замедляло темпы его перерождения в капитализм.

№ 34. 1702 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ С ЖАЛОБОЙ НА РОЗЫСК СЫЩИКА ДУМНОГО ДЬЯКА Д.Л. ПОЛЯНСКОГО

Великому государю царю и великому князю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьют челом холопи твои: красноярские дети боярские, и атаманы, и сотники, и пятидесятники, и все рядовые и конные и пешие казаки, и служивые татара.

По твоему великого государя указу велено розыскать думному дьяку Данилу Леонтьевичю Полянскому про красноярских воевод Алексея и Мирона Башковских, о чем мы, холопи твои, тебе, великому государю, доносили и били челом. Также велено розыскать, о чем они, воеводы, на нас, холопей твоих, к тебе, великому государю, в отписках своих писали и били челом, со всякою правдою никому ненаровя. И он, думной дьяк Данило Леонтьевичь Полянский, розыскивал, а в розысках им, воеводам, во многих статьях поноровку чинил, а на нас, холопей твоих, посягал, – в тюрьмы и за караулы садил, и в кандалах года по два и по три держал, казнил и вешал, и в ссылки ссылал, а иным многую тесноту и разорял многих напрасно. А что, государь, ево к нам посяшки (посягательства. – *Г.Б.*), воеводам поноровки, и то, государь, по розыску столника и воеводы Петра Савича Мусина-Пушкина с товарищи в вершеных делах означилось имянно.

А в твоем великого государя указе из Сибирского приказа, каков прислан под твоею великого государя грамотою за пометою думного дьяка Андрея Андреевича Виниюса, написано, буде по розыску воевод красноярцы, которые по приговором думного дьяка Данила Полянского из Енисейска разосланы в сылки в розные городы безвинно, а в Красноярску вин их не явитца, и красноярцы, лутчие люди всяких чинов, их одобрят, и тех людей, соверша розыск, с тех городов велено взять по-прежнему. И по тому твоему великого государя указу и по приговором столников и воевод Петра Савича Мусина Пушкина с товарыщи дела ево, думного дьяка, перевершены, красноярцов ссылных, которых он, думной дьяк, (сослал), з Березова и ис Сургута и ис Турухана взять велено в Красноярск попрежнему. А что, государь, он, думной дьяк Данило Полянской, розыскивал неделно о смерти сына боярско-

го Степана Иванова, и в том деле одного человека повесил, а четырех человек пытал и бил кнутом, послал в сылки в Туруханской напрасно, потому что было с ним, Степаном, из Удинского острогу два дощеника, и он, Степан, и те казаки, которой повешен и которых розослал в сылку, да женка ево, Степанова, была на другом дощенике. И те казаки были в дощенике под полубою, напився ево, Степанова, вина, спали, а женка ево, Степанова, иноземка, была на полубе не пьяна и все ти дела и ведает, как он, Степан, с своево дощеника сам ли упал или хто ево спехнул в воду, закрычала, что Степан де Иванов тонет. И они, Яков, Щепетов с Иваном Грицковым, бросились в лотку и поехали ево, Степана, перенимать. И как де они, вышеписанные, к нему, Степану, приехали, и он де, Степан, в воде, и у него де на голове и на руках и на стегне кровь и битые места знать. И он де, сын боярский Степан Иванов, ухватился за тое их лотку за край. И он де, Яков, убоясь смерти, чтоб их ис той лотки не вывалил и не утопил, ударил по рукам веслом. И в том он, Яков, трижды пытан и огнем зжен, а с пытки и в роспросех говорил одно. И то, государь, к убивству не прилично. А теми казаками, которые были с ним, Степаном, на одном дощенике и женкою ево, Степановою, хто ево, Степана, бил и з дощеника спехнул, или сам он, Степан, упал в воду, никем не розыскивано, и в том, государь, деле тех людей, хто ево на том дощенике бил и в воду з дощеника спехнул, к убийству приличны, а те не приличны были, которые поехали ево, Степана, перенимать. Да ево ж, Степанова, рубашка да перстень явились в застенке, как пытали Якова Щепетова, на казаке на Евсее Зырянове. И он, Евсей, по тому приличному толко допрашиван, а не пытан. И в том, государь, вышеписанном деле умершего сына боярского Степана Иванова столники и воеводы не розыскивали для того, что Степановы женки в Красноярску нет, потому что он, Степан, будучи в Удинском остроге на годовой службе приказным человеком, с тою вышеписанною женкою жил блудно и родила робенка, и в том блудном деле и в подчеревных денгах тое, ево Степанову женку, взял ис Красноярска и увез с собой в Тоболск митрополей десятилник Василей Лузин. А ныне, государь, где та ево, Степанова, женка живет, про то скажет Василей Лузин сам пото-

му, государь, что писано в твоем велико государя указе, велено те розыски делать без замедления, чтоб тем приезжим воеводам в том лишнего задержания и в тех городех, где им, воеводам, велено быть, их ради отлучения и твоим государским делам и доходом и в людех без правления не учинилось. Да при ево ж, государь, думного дьяка Данила Леонтьевича Полянского бытности в Енисейску били челом ведомой вор Василей Тунгус, который за кражу твоей великого государя соболиной казны по розыскному делу бит кнутом, да по другому розыскному делу, что розыскивали столник и воевода Петр Савич Мусин-Пушкин с товарыщи, он, Василей, за воровство кнутом бит же, которой бил челом на конного казака на Гаврила Лозицкого с товарыщи.

И на очной, государь, ставке он, Гаврило, сказал, что приходил к нему, Василью, он, Гаврило, не для грабежу, присылали де ево, Гаврила, по него, Василья, выборные люди Трифон Еремеев с товарыщи. И по тому, государь, делу, с очной ставки думной дьяк Данило Леонтьевич Полянской велел сыскать, на кого он, Василей, скажет, и сыскивано, а в сыску, государь, сказали все многие люди, не ведают, толко один человек и то, знатно, по значке (? – *Г.Б.*) Федор Смоленской, на которого у нас, холопей твоих, при нем же, думном дьяке, было челобитье, сказал, бутто он, Гаврило с товарыщи, грабил ево, Василья. И по той ево Федоровой скаске он, думной дьяк Данило Леонтьевичь Полянской, что он сказал – видит и ведает, и то указал на нем, Гавриле, доправить. А про что сказал, не ведает, и того указал на нем, Гавриле с товарыщи, взять четвертую долю, и бив ево, Гаврила, кнутом, сослал в сылку. А он, Василей, слался из воли своей, что они, вышеписанные свидетели, то все видели и ведают, а что они выше сего сказали, не видали и не ведают, в том довелось было отказать, а не четвертая доля править, потому что в твоем великого государя указе и в Уложенье напечатано о четвертой доле про разбойников, буде которые разбойники с пыток учнут на себя и на товарыщей своих говорить, что разбоем взяли, скажут, и на них велено против исцова челобитья править, а про что скажут, не упомнят, и с того велено править четвертая доля, а про что скажут, не имывали, и в том исцом велено отказывать и не править.

А в том, государь, деле нихто не пытан и того, что не упомнит, нихто не говаривали, и к разбойным делам то дело стало не прилично, толко в сыску сказал составщик и ябедник Федор Смоленской, не видя и не ведая. И по тому указал четвертую долю, и кнутом бил, и в ссылку сослал. А в твоем же великого государя указе и Уложенье в десятой главе во сто девяносто девятой статье напечатано: буде хто х кому, умысля воровски нарядным делом, приедет на двор и чем обезчестит и убытки учинят, и их велено бить кнутом и убытки править, а ссылки в том твоем великого государя указе не написано. А он, думной дьяк, ево, Гаврилу, сослал в ссылку мимо твоего великого государя указу по воровскому составному челобитью Василья Тунгуса и по воровской скаске Федора Смоленского, не розыскав подлинно. И то ево, думного дьяка, явная на нас, холопей твоих, посяшка, а им, самоволным малого города сиделцом, поноровка и к пущим затейщиком потачка. А ныне, государь, те дела на Москве в Сибирском приказе, а в Красноярску тех сосланых красноярцев не явилось, и красноярских жителей одобрили.

Милосердый великий государь, царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, холопей своих бедных и разореных, вели, государь, для своей великого государя далной украинной службы тех напрасно сосланных из Нарыма сына боярского Данила Свешникова, из Сургута Василья Обухова, из Мангазеи Кирилла Никитина, Ивана Гритцкова, Гаврила Птицына, Алексея Салдатова, Григорья Павлова взять в Красноярск по своему великого государя указу и для наших к тебе, великому государю, непрестанных служеб потому, государь, что они к твоим, великого государя, службам ратные люди знающие и заобычей им, чтоб нам, холопем твоим, было с кем твоя, великого государя, служба служить. Великий государь, смилуйся, пожалуй.

К сей челобитной вместо детей боярских Михаила Бернатцкова, Ивана Ондросова, Якова да Фе(до)ра Еремеевых да атамана Михайла Злобина, пятидесятника Ивана Кожуховскова и за себя Трифан Еремеев руку приложил.

К сей челобитной Петр Рачковской вместо сотника Ивана Поспелова по ево веленью руку приложил.

К сей челобитной вместо атамана Петра Тюменцова по его велению Трифан Еремеев руку приложил.

К сей челобитной вместо Петра да Олексея по их веленью и за себя Иван Красиков руку приложил.

К сей челобитной вместо Павла Худоногова, Ивана Садовскова, Тихона Шарипова по их веленью Трифан Еремеев руку приложил.

К сей челобитной вместо сотника Симана Белянина и вместо конных Лево(н)тья Чанчикова, Ивана Жюржанкова и вместо пеших казаков Сергея да Ондрея Коноваловых, Данила Крестешникова (…) Жюржина, Ивана Черкашенина, Лариона Степанова, Федора Клеме(н)тьева, Семена Чюринова, Павла Навалнова, Ондрея 0(рло?)ва по их веленью и за себя Михайло Иконников руку приложил.

К сей челобитной вместо конных казаков Микиты Шестакова, Пантелея Шестакова, Степана Плотникова, Гурьяна Попкова, Григорья Тропина, Ивана да Павла Лалетиных, Микиты Буднова, Ивана Збрицкова, да пеших казаков Андрея Потылицына, Ивана Кононова, Федора Тропина, Андрея Кудрина, Ивана да Ивана ж да Кирила Горбуновых, Егорья Шестакова, Федора Соловьева, Микифора да Петра Соловьевых же, Петра Мамаева, Алексея Севрюкова, Микиты Стародубова, Бориса Салдатова, Дмитрия Черняева по их веленью Игнатей Шошин руку приложил.

К сей челобитной вместо пеших казаков Данила Саламатова, Ивана Запеследева, Григорья Толстикова по их веленью и за себя Григорий Ковригин руку приложил.

К сей челобитной вместо дядей своих Ильи да Петра да Ивана Суриковых по их веленью племянник их Иван Григорьев сын Суриков руку приложил

К сей челобитной вместо Офонасья да Прокофья да Дмитрея Ошаниных, Федора Рехлова, Афонасья Лалетина, Агея Зубрицкова, Михаила Коврина по их веленью Игнатей Шошин руку приложил.

К сей челобитной вместо Ивана Куварьшина, Семена Байкалова, Ивана Бакулина, Ивана Бугрова, Якова Карьбаколова, Митрея Фатеева по их веленью Прокопей Кураев руку приложил и за себя.

К сей челобитной вместо Ивана Волховитскова по его велению Григорей Баранов руку приложил.

К сей челобитной вместо конново десятника Ивана Хлоптунова, пешево казака Микиты Пузырева, Якова да Ивана да Ивана ж да Андрея Юшковых по их веленью Игнатей Шошин руку приложил.

К сей челобитной вместо Ивана да Феклиса Журжиных, Екима Девяшина по их веленью Иван Суриков руку приложил.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 626. Л. 9–12 об.; Зольникова Н.Д. Челобитная красноярских служилых людей 1702 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 258–262.

Комментарий (см. № 34, 32)

Документ раскрывает ряд существенных сторон хода Первой Красноярской шатости и ее последствия и дает довольно подробный перечень сторонников Первой шатости.

Красноярцы выпроваживают воеводу С. Дурново. Эскиз В.И. Сурикова (из фондов ККМ)

После отказа от воеводства Алексею Башковскому в мае 1695 года до приезда нового воеводы, стольника Семена Дурново в августе 1696 года Красноярском управляли выборные судейки. Однако суровый и властный новый воевода своими действиями только

подлил масла в огонь. Он тайно отпустил Мирона Башковского, не разобрав челобитья против него, арестами и батогами пытался потушить дело, вымучивая показания в пользу прежних воевод. Красноярцы разбились на два лагеря. Только меньшинство, в основном светская и духовная администрация, ссыльные и иноземцы из служилых, поддерживали воеводу. Дурново сел в осаду в малом городе. Восставшие хотели захватить Дурново, но из-за доноса он узнал об их планах. Новые аресты усугубили ситуацию, причем в мае 1697 года зачинщики, всего 30 человек, бежали из-под караула. Часть из них ушла в Енисейск, где ждали со дня на день приезда думного дьяка Данилы Полянского и дьяка Данилы Берестова, которые в это время во главе следственной комиссии расследовали деятельность сибирских воевод. По приезде Полянского красноярцы и ясачные завалили жалобами С. Дурново. Тот оказался в сложной ситуации. С одной стороны, правительство молодого Петра I и глава Сибирского приказа Андрей Виниус пришли к выводу о глобальной виновности сибирской администрации и ожидали суровых мер от него. Но старый думный дьяк, по мнению историка Н.Д. Зольниковой, «воспитанный на подавлении движения Степана Разина, пострадавший от стрелецкого бунта 1682 года», не смог принять такую установку. По отношению к красноярцам он действовал традиционно, в духе сословной корпоративности и солидарности с прежней администрацией. Он вызвал С. Дурново в Енисейск и прислал вместо него замещать воеводу енисейского письменного голову, казачьего полковника Степана Лисовского. Но ожидания красноярцев были обмануты. С. Дурново встречными исками оправдался в глазах Полянского, и 24 июля 1698 года он его вновь назначил воеводой в Красноярск.

С возвращением С. Дурново наступила кульминация Первой Красноярской шатости. Воеводу с позором изгнали, а движение чуть не переросло в погром всей красноярской администрации. Возбуждение было так велико, что присланный на место популярного в городе С. Лисовского Яков Бейтон не смог принять город как полагалось. Прибывший из Москвы новый воевода Петр Саввич Мусин-Пушкин действовал в духе нового петровского правительства, недовольного прежним правлением. Ему поручено расследо-

вать обстоятельства дела вместе с Полянским, но красноярцы в 40 верстах от города, у Айкановой шиверы, на 6 дней задержали дощаник дьяка и в конце концов заставили его вернуться в Енисейск.

После жалоб в Москву на действия Полянского как ревизора его в 1700 году отозвали в столицу и учредили следствие. Его провели П. Мусин-Пушкин с братом, которые «перевершили» дела сосланных думным дьяком красноярских служилых людей, замешанных в антивоеводском протесте. Публикуемая челобитная дает некоторые сведения о результатах последнего сыска. Так, были оправданы и возвращены домой сосланные в Березов, Сургут и Туруханск некоторые видные участники движения. Однако справедливость, по мнению красноярцев, полностью не восторжествовала. Они хотели выручить еще 7 человек, поэтому челобитная представляет собой попытку скомпрометировать действия Полянского против этих лиц. При этом, за исключением одного эпизода, не оспаривается изложенный думным дьяком ход событий, но им дается иная интерпретация. При этом красноярцы продемонстрировали хорошие юридические знания и умелое их использование. Они гибко учли установки петровского правительства в своих интересах. В обстоятельствах гибели удинского приказчика С. Иванова они подчеркивали, что казаки кинулись спасать тонущего, поэтому к «убийству не приличны», что не были допрошены с пытками (!) свидетели, в том числе и главная свидетельница.

Челобитчики надежно скомпрометировали сторонника прежних воевод толмача Василия Тунгуса, указав, что тот был бит кнутом за «воровство» по розыску П. Мусина-Пушкина. Наконец, со ссылками (не очень точными) на Соборное уложение 1649 года красноярцы пытались доказать общую антизаконность действий Полянского.

Челобитная свидетельствует о наступательных настроениях и убежденности в справедливости недавно закончившегося движения. Становится понятным, почему очередной конфликт с воеводской властью окончился Второй Красноярской шатостью (см. **Бахрушин С.В.** Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 183–192; **Зольникова Н.Д.** Челобитная красноярских служивых людей 1702 г. // Общественное сознание, книжность,

литература периода феодализма: сб. к 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского. Новосибирск: Наука, 1990. С. 258–262).

Из того документа также явствует, что в Красноярске с уездом в последней четверти XVII – начале XVIII века было не менее пятерых взрослых казаков Суриковых, связанных родственными узами, из которых четверо были братьями (см. одну из 14-ти подписей под коллективной жалобой-челобитной 1702 года 86 красноярских казаков: «К сей челобитной **вместо дядей своих Ильи, да Петра, да Ивана Суриковых по их велению племянник их Иван Григорьев сын Суриков руку приложил** (выделено мной. – *Г.Б.*)». Причем Суриковых могло быть больше, ибо далеко не все казаки бунтовали, и челобитная была подписана пятой частью штатного состава Красноярского казачьего войска.

Судя по челобитной, Суриковы не пострадали за участие в Первой шатости. Сказались их семейный в отношении власти раскол (Григорий с сыном и братом Иваном держались в стороне), а также умная политика нового воеводы Петра Савича Мусина-Пушкина, вставшего на сторону красноярцев, а не корыстных и жестоких братьев-воевод А. и М. Башковских и С. Дурново (см. **Оглоблин Н.Н.** Красноярский бунт 1695–1698 гг. (К истории народных движений XVII века) // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). 1901. С.41).

Первые Суриковы, судя по их отсутствию в подворной переписи 1671 года, опубликованной еще С.В. Бахрушиным, прибыли в Красноярск с крупным пополнением после сентября 1679 года. Тогда во время осады гарнизон понес большие потери. Судя по приводимым в первой переписи возрастам (Петр родился в1659 г., Илья – в 1663 г., Иван – ?), молодые братья прибыли все вместе с семьей старшего Григория, родившегося в 1649 году. Где-то за 10–15 лет до «Шатости» старшие братья обжились дворами и завели хозяйство.

Пеший казак Григорий вместо части хлебного жалованья служил с пашни. Занимающийся историей приенисейского казачества XVII века П.В. Барахович сообщил, что знакомый уже нам «казачий сын Ивашка Григорьев Суриков», по окладной книге

1700 года, имел в Кинжульской степи под Красноярским острогом рядом с пашнями Ильи и Петра одну десятину пашни – (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 1504. Л. 48, 133). В подворной же переписи 1710 года казак Григорий показан только с сыном Федором и теткой Федора «Овдотьей» 16 лет. В его городском дворе жили также три подворника. По хозяйству Суриковым помогала дворовая девка, что было обычным делом у зажиточных казаков. Наличие Авдотьи и подворников позволяет предположить, что с Григорием жил один из братьев, с которым что-то случилось, и появилась возможность, или необходимость, принять постояльцев. Через девять лет, в 1720 году Григорий, уже отставной, по-прежнему имел двор, в котором ревизской «сказкой» показал трех внучат: Ивана 11-ти л., Федора 8-ми л. да «Ивана меньшого» 3-х л. Отцом внучат, скорее всего, был его сын Иван, а не Федор. Во-первых, в 1718 году Иван Григорьевич был жив и уже сыном боярским вместе в группой дворян и детей боярских московского и сибирского списков подписывал челобитную в защиту воеводы Д. Зубова. Очевидно он, как и брат Федор, умер до переписи (сказку отца подписал уже не Иван, а некто Иван Заборовский) и дети оказались на попечении деда (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2242. Л. 10 об.; Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 15; Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722. Подготовил и издал И.А. Сиротинин. М.: Ломоносовъ, 2014. С. 57 (Л. 14)).

Подчеркиваю, что Илья не мог быть отцом Петра. Мало того, в писцовой книге 1700/01 года числился десятник конных казаков Илья Суриков. Он за часть хлебного жалованья служил по городу с пашни, имея две десятины с третником пашни в одном поле на «Кинжульской степи» да одну десятину покосов в Ладейском лугу. В той же книге, но не в городе, а в деревне Погорельской значился «пеший казак Петрушка Суриков», имевший «две с полутретником десятины пашни в одном поле». То есть братья Илья, Петр с сыном Григория Иваном вместе «раздирали пашенку», поделив затем ее, вероятно по степени трудового участия, на доли-жеребья. При красноярском воеводе Григории Полуэктове в 1709–1710 годах Илья Суриков-Нашивошников четыре раза ездил в Москву с различными отписками, денежными документами и роспи-

сями пушной казны. Примелькавшегося в Сибирском приказе десятника в конце 1710 года произвели в сотники конных казаков с почетным званием «дворянин сибирского списка». По ландратской переписи, сотник Илья уже Нашивошников, показан с сыновьями Иваном, Федором и тремя дворовыми, всего же в его дворе числилось 8 душ обоего пола (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1824. Л. 5 об.–6; Д. 1832. Л. 5 об.; Д. 1954. Л. 1 об.–2 об.; Оп.1. Д. 2242. Л. 2). Он же в 1717 году возглавлял строительство Саянского острога.

Подробнее о наличии у Ильи Сурикова второй фамилии см. № 36, 45.

№ 35. 1717 г., марта 16. Тобольск. – ДОНОШЕНИЕ СИБИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА М.П. ГАГАРИНА ЦАРЮ ПЕТРУ I О ПОСТРОЙКЕ ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ

Всемилостивейший государь!

Повеление мне величества вашего подполковника Ивана Бухольца отпустить. И потому, великий государь, величества вашего повелению его, Ивана Бухольца, отпустил, а к Ямышеву для строения немалой крепости отправляю вскорости. Тако ж, великий государь, и от Ямышева по Иртышу и на Зайсан-озеро и в другие места для строения крепостей пошлю, часа не промедля, как пройдет лед с реки Иртыша.

Еще доношу величеству вашему: по Енисею реке вверх до Саянского камени и за Саянским каменем велел ныне же делать крепости ис Красноярского города и населивать, великий государь, буду из разных городов. И для того строения послал стольника Дмитрия Зубова. Тако ж, государь, и на Косоголе-озере крепость делать из Руцкого (Иркутского. – *Г.Б.*) велел.

И прося, великий государь, помощи от Бога, спешить теми делами по повелению величества вашего буду как возможно. И впредь, великий государь, что чинится будет, о том к вашему величеству писать буду.

Последний вашего величества раб Матвей Гагарин.

РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 32. Л. 118–119; Русско-китайские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1978. Т. I: Материалы и документы. С. 180–181.

Комментарий

Почему правительство намеревалось кроме острога в Северном Присаянье и в устье Хемчика «делать город»? Ведь для того, чтобы перекрыть по Енисею проход через Саяны в Монголию, достаточно одного острога у Большого порога или на Енисее перед «Камнем». Вероятно, не только для того, чтобы создать форпост для дальнейшего продвижения за Саянами. В указах обращает на себя внимание факт требования точных сведений о судоходности Верхнего Енисея, количестве порогов и шивер, времени следования до Хемчика и местоположения р. Кандарь. Если также учесть, что правительству было известно о постоянных еще с XVII века поездках бухарских и монгольских купцов через Саяны в Красноярск, Кузнецк и Томск, то есть основания предполагать, что правительство Петра I рассчитывало через Енисей завязать прочные торговые связи с Монголией и Китаем. «Городу» в устье Хемчика отводилась роль опорного и торгового пункта, каким, например, позже стал в Восточной Сибири Кяхтинский форпост. Проверенные М.П. Гагариным сведения о непроходимости «большими судами и легкими лодками» Большого саянского порога и сопротивление красноярских служилых заставили правительство отказаться от своих далеко идущих планов. Следует отметить, что попытка их реализации по времени сочетается с экспедицией полковника Бухольца в Верхнее Прииртышье и походом Лихарева в Бухару и очень характерна для политики петровской России в Южной Сибири. Но этим планам относительно верховий Енисея суждено было осуществиться лишь в конце XIX века. В итоге же был поставлен только Саянский острог с гарнизоном из 100 казаков-годовальщиков для обеспечения безопасности присоединенного Хакасско-Минусинского края.

№ 36. 1718 г., мая 11. – ОТПИСКА КРАСНОЯРСКОГО КОМЕНДАНТА ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА ЗУБОВА СИБИРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ М.П. ГАГАРИНУ ОБ ОТКАЗЕ ЕМУ ВОЕВОДСТВА И НАЧАЛЕ «ВОРОВСКОЙ ШАТОСТИ»

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Всея Великие и Малые и Белые Росии самодержца его царского

величества губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Дмитрей Зубов челом бьет.

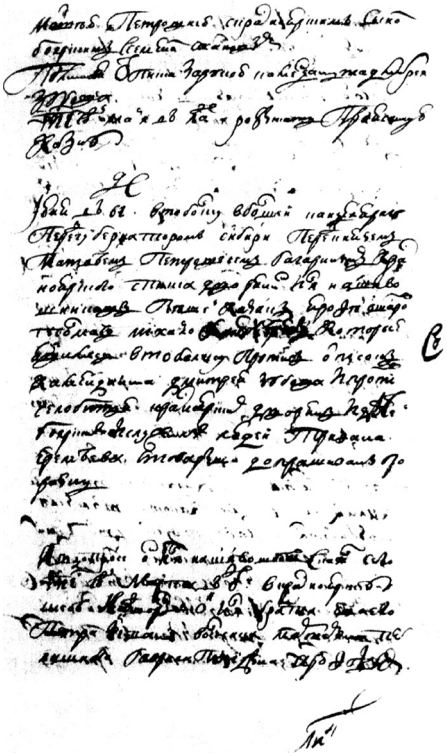
В нынешнем 718 году марта в 3 день красноярского списка дворянин Илья Нашивошников, собрав к себе на двор старых бунтовщиков: брата своего родного Петра, воров Ивана Волченкова, который в прошлых годах явился в зажеге государева двора, а товарыщ ево, Иван Пьянов, созжен в струбе, а ему, Ивану Волченкову, указа никакова не учинено; Мартемьяна Петлишного, Гаврила Птицына, Ярофея Ошарова, которые явились в прежнем бунту (см.: № 28, 32). И за то Гаврило Птицын бит кнутом и сослан был в ссылку, да беглово солдата Андрея Пушкарева, который бежал из Выборгу и Епанчина. И собралось с такими ворами человек в семидесят и больши, и пришли к малому городу, и, став под башнею в малом городе, а иныя на площади и, выбрав меж себя товарищей своих таких же бунтовщиков: Никиту Грытцкова, Романа Скрыпотчикова, да татар Бартака Кожеракова, Табахая Киликина неведомо для какова вымыслу и прислали ко мне на двор, и, пришед они в горницу, постояв не говоря ничево, вышли вон, и за ними пошел фискал Герасим Климовской. И они ево Герасима под башнею удержали и прислали его, фискала, ко мне, и велели ему говорить, чтоб их мне судом и расправою не ведать. И я, видя их такую шатость, велел у малого города ворота затворить, опасаясь себе от них всякого дурна, и, применяясь к прежнему их бунту, чтоб какова мне дурна не учинили.

И по многие дни збирает он, Илья, к себе в дом многих русских людей и иноземцов неведомо для какова злого вымыслу. И призвал он, Илья, к себе в совет енисейского дворянина Семена Надеина человека ево, Михайла Алексеева, который выкупился у него, Семена, ис кабального холопства, а ныне он, Михайло, в Красноярску в толмачах и на него, Михайла, есть в приказной палате многое челобитье с явными уликами. И посылало ево, толмача, он, Илья, по иноземцов в улусы, а иных посылает по уездам по русских людей неведомо для какова совету. И от такой ево шатости и возмущения живу я с великим опасением, а которые дворяна и дети боярские, и служивые люди, не хотя

к такой ево шатости и возмущению и бунту пристать, били челом Великому государю и подали мне за руками челобитную, чтоб тою их челобитною приняв, мне послать к тебе, губернатору Сибири князю Матвею Петровичу, и тою их челобитную, приняв у них за руками, послал с сею отпискаю с красноярским сыном боярским Семеном Айкановым, и велел сию отписку и челобитную за их руками подать, и им явитца в Тобольску в канцелярию Сибирской губернии тебе, губернатору Сибири князю Матфею Петровичу. А о такой их воровской шатости что ты, губернатор Сибири, князь Матфей Петрович, укажешь?

Дмитрей Зубов.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 24–24 об.

Фрагмент следственного дела о Второй Красноярской шатости (начало док. № 36)

№ 37. 1718 г., июня 12. Тобольск. – ДОПРОС РУКОВОДИТЕЛЯ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО ДВОРЯНИНА ИЛЬИ НАШИВОШНИКОВА СИБИРСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ М.П. ГАГАРИНЫМ

Июня в 12 день в Тобольску в большей канцелярии перед губернатором Сибири, перед князем Матвеем Петровичем Гагариным красноярского списка дворянин Илья Нашивошников, пешей казак Ярофей Ошаров, толмач Михайло (Алексеев), которые явились в Тобольску против отписок коменданта Дмитрия Зубова и против челобитья красноярских дворян и детей боярских и служивых людей Трифона Еремеева с товарищи, допрашиваны порознь.

А в допросе он, Илья Нашивошников, сказал:

Сего 718 году марта в 3-й день в Красноярску к себе на двор он, Илья, брата своего Петра и Ивана Волченка, Мартемьяна Петлишина, Гаврила Птицына, Ярофея Ошарова, Андрея Пушкарева ни к какому возмущению не збирывал. И Андрей Пушкарев беглой ли солдат и в Красноярску живет ли, того он Илья не ведает, ево, Пушкарева, не знает, а вышеозначенного марта 3 дня в городе Красноярском у малого города под башнею он, Илья, был, а с ним под башнею и на площади красноярских грацких и уездных жителей было немногое число. А пришед де они в церкви Покрова Пресвятые Богородицы, проводя кресты к соборной церкви, а кто имяны с ним, Ильей, были, того он, Илья, не упомнит. А с вышеозначенным братом своим Петром и Иваном Волченковым, с Мартемьяном Петлишиным, Гаврилой Птицыным, с Ярофеем Отаровым, Пушкаревым в семидесяти человеках и болше нигде не збирывался и в том собрании Никиту Грицкова, Романа Скрыпотчикова, татар Бартана Кошеракова, Табахая Киликина ни для какого вымыслу не збирывал и на воеводский двор к Дмитрию Зубову он де Никиту Грицкова, Романа Скрыпотчикова и вышеозначенных татар не посылывал, а были ли они на воеводском дворе, и кто ихпосылал, и фискал Герасим Климовской на воеводском дворе был ли, того он, Илья, не ведает и ни от кого не слыхал и под башней оного фискала не удерживал. А встретился он, Илья, с ним фискалом у той башни на площади и ему, фискалу, чтоб он фискал сходил к Дмитрию Зубову и сказал, чтоб он,

Дмитрий его, Илью Нашивошникова, судом и расправою не ведал, говорил для того, что де по мирскому выбору едет он в Тобольск на него, Дмитрия, в обидах и в налогах бить челом. А какие налоги и обиды были, о том он подаст челобитную. А иноземцы приходили к нему, Илье, в дом собою, а не по званью яво, Ильину, для челобитья о выборе челобитчиков на него жа, коменданта Зубова. А ни в чем он, Илья, их не возмущал и енисейского дворянина Семена Надеина, человека ево Михайла Алексеева, который ныне поверстан по Красноярску толмачем, ни к какому совету он и я не призывал, и ево, Михайла, по иноземцев в улусы от себя никого по уездам по русских людей не посылывал, и русские люди на двор к нему, Илье, для возмущения не съезжались, и никакова вымыслу-навету у него, Ильи, с ними не было.

И брат его, Петр, ни в каком бунтовстве не бывал. И Иван Волченков в воровстве и в зажеге государева двора был ли, про то он, Илья, не ведает, а которые дворяне и дети боярские и служивые люди написали в челобитье он, Илья, приходил в Красноярску к малому городу и стоял под башнею и на площади в семидесяти человека де и чинил коменданту Дмитрею Зубову всякую противность и возмущение и то де в челобитье своем написали они на него, Илью, напрасно. Про грамоту великого государя, присланную в Красноярск, чтоб воеводам от воеводства, не бив челом великому государю, не отказывать, он, Илья, не сыскал, и в приказной палате такая грамота есть ли, того он, Илья, не ведает, а как де посылан был он, Илья Нашивошников, для строения крепости под Саянским камнем по Енисею реке и по левую сторону вышеозначенного места в двух верстах построил он, Илья, крепость, посланных с ним людей, потому что то место от неприятельских людей удобно и для осмотру против чертежа, на нижеозначенное место, где крепость построить повелено, он, Илья, посылал от себя красноярского сына боярского Тимофея Ермолаева да с ним служивых людей, а сколько человек, сказать не упомнит, а сам в то время не ездил, а ездил на иное означенное место для осмотру, которое место назначил комендант Василий Козлов. И они, служивые люди, сказали, что на назначенном месте по чертежу строить неудобно и в том дали они,

служивые люди, ему, Илье, за руками скаску, и тою скаску подал он, Илья, в Красноярску коменданту Дмитрию Зубову, а чертеж им, служивым людям, сказывал, а построенная крепость мерою в ней, кроме башен, двадцать четыре сажени, а позади крепости двадцать семь сажен, а около той крепости рва и надолб не было сделано за позднеосенним временем. А в доезде он написал, будто ров и надолбы зделаны. По повелению коменданта Дмитрия Зубова, а в той крепости красноярских служивых людей двести человек отпустил он, Илья. По указу, построя крепость, кроме рва и надолб и с годовой служивых людей и с той крепости отпустил, он, Илья, в Красноярск человек с пятнадцать для взятия запасу по прошению их, а за отпуск с них служивых людей взятков деньгами и хлебными запасы никого не бирывал. А что де красноярские дети боярские и служивые люди, которые были с ним для строения той крепости, в скаске коменданту Климовского и конного казака Прокопья Пьянова написано, бутто он, Илья, посылал от себя русских людей и иноземцев и брал с них поборы денгами, и посылал с порохом для продажи, и то написали на него напрасно. А в прошлом де 716 году в Удинской острог для збору с саянских иноземцев великого государя ясашной казны он, Илья, послан был, и из Удинска посылал он, Илья, от себя в Саянскую землицу красноярских служивых людей Ивана Потылицына, Петра Первухина с товарищами. И с саянских иноземцов сколько ясаку собрано и каким зверем, того сказать не упомнит. А собрав зборную казну, всю послал в Красноярск с теми ж вышеозначенными зборщиками красноярскими служивыми людьми с Иваном Потылицыным, Петром Первухиным с товарищи. А что отдано оной зборной казны, явствует о том в Красноярску в приказной палате. А ис той зборной казны одного сорока пяти соболей он, Илья, не угаивал и к себе не бирывал, и в том шлется на красноярских служивых людей и на зборщиков и на целовальников, которые при нем у того збору были. А марта в 29 день в деревню Лодейскую, в которой живут красноярские служивые люди и казачьи дети, он, Илья Нашивошников, приезжал и притом высылки ис той деревни для работы в Красноярск казачьих детей не было, и он, Илья, казачьих детей не удерживал. А как де в Краснояр-

ску камендант Дмитрей Зубов велел собрать к приказной палате красноярских всяких чинов служивых людей и честь их великого государя указа о строении крепости, и в то время он, Илья, у приказной палаты не был, и красноярские служивые люди, кто в том строении отказывались, не ведает и ни от кого не слышал.

У подлинной скаски к сему допросу по велению Ильи Нашивошникова сын его Иван Нашивошников руку приложил.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 16–19.

№ 38. 1718 г. ноября, 26. – ДОПРОС КРАСНОЯРСКОГО КОННОГО КАЗАКА ИВАНА ГРИГОРЬЕВА ВОЛЧЕНКОВА ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ

И в нынешнем же 718 году ноября в 22 день енисейской камендант Василей Михайлович в Красноярск приезжал и против указу великого государя красноярские жители всяких чинов люди, которые надлежали к допросу, сысканы и на съезжем дворе перед ним камендантом допрашиваны, каждый порознь…

Иван, Григорьев сын, Волченков в допросе сказал. Родом де он города Красноярска, служит в конной службе. И в нынешей де 718 году в Великой пост в последних неделях приехали в Красноярск ясашные иноземцы, ясаулы из Качинской Бартан да Табахай, да Тонок и иные того улуса иноземцы. (Они – *Г.Б.*) извещали всем служивым красноярским людям, что де им чинит обиды камендант Дмитрей Зубов, прежде государева ясаку себе с них берет по соболю с человека. И он де Иван и Петр Нашивошников, Мартимьян Петлишной, Гаврило Птицын, Ярофей Ошаров и все грацкие служивые люди пришли в дом к Илье Нашивошникову и писали у него, Ильи, на него, Дмитрея Зубова, в тех иноземских обидах, и в ясаке, и в своих на него обидах челобитную. И, написав, ту челобитную оставили в доме Ильи Нашивошникова и ходили на площади, которая у башни, что в малом городе. И у той башни стояли на площади и говорили меж собой, мы, де о вышеписанном на него Дмитрея Зубова бъем челобитную и о том слове послали они от себя Никиту Грицкова, Романа Скрыпотчикова, да Бартана, да Табахая, велели о том ему, Дмитрею Зубову, сказать вежливо. И они де, Никита с товарыщам, дошед до

церкви, что в городе, назад воротились. А фискала де, Герасима Климовского, к нему, Дмитрею Зубову, они посылали однажды и велели ему доложить, что они за него челобитчики в иноземских и в своих обидах, а чтобы их судом и расправою он не ведал, того говорить ему не велели. И в том де он, Иван, на него фискала шлетца. И во многие дни к нему, Илье, все грацкие служивые и Бартан с иноземцы приходили и советовали, как на него послать с челобитной челобитчиков. И, выбрав Илью Нашивошникова и Ярофея Ошарова, с челобитною послали собою без ево, Дмитреева ведома, в Тобольск. Только де о том сказали фискалу Герасиму Климовскому, что послали челобитчиков.

К сему допросу вместо Ивана Волченкова по яво велению красноярской конной казак Михайло Артемьев руку приложил.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 43–43 об.

№ 39. 1718 г., ноября 28. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ ГРУППЫ УЧАСТНИКОВ «ШАТОСТИ» ВО ГЛАВЕ С КРАСНОЯРСКИМ ПЯТИДЕСЯТНИКОМ ЕФТИФЕЕМ СТАРЦЕВЫМ ОБ ИХ УЧАСТИИ В «ШАТОСТИ»

Ноября в 28 день красноярские служивые люди: пятидесятник Ефтифей Старцев, десятник Григорий Матфеев сын Терской, служивые люди Мартемьян Прокопьев сын Петлишнев, Никита Иванов сын Ошаров, Иван Григорьев сын Волченков, Никита Максимов сын Грицкой, Иван Прокопьев сын Шахматов, Терентий Самойлов сын Лопатин, Данила Кондратьев сын Жданов, он же и Шилов, Григорий Игнатьев сын Шошин, Василий Иванов сын Ошаров, Степан Андреев сын Потылицын, Иван Андреев Малыгаев, Иван Иванов сын Ошаров, Федор Петров сын Черкашенинов, Прокопий Фомин сын Замятин, Алексей Андреев сын Ситников, Фаддей Симонов сын Вычагжанин, Илья Дмитриев сын Одеяков, Петр Григорьев сын Пелымцев, Иван Кондратьев сын Жданов, Прокопий Васильев сын Бутин, Кондратей Кондратьев сын Жданов, Иван Иванов сын Ошаров, Василей Алексеев сын Потехин, Никита Иванов сын Шудров перед стольником Васильем Михайловичем Беклемишевым против отписки каменданта Дмитрея Зубова допрашиваны. А в допросе они, Ефтифей Стар-

цов с товарыщи, сказали. Сего 718 году в Великий пост, а на которой неделе, не упомнят, призывал их всех грацких служивых людей к приказной палате камендант Дмитрей Зубов. И, призвав, у приказной палаты указ великого государя им вычитал о строении в Красноярском уезде, вверх реки Енисея, в Саянском Камене, над Большим порогом крепости, у которой быть велено дворянину Андрею Еремееву. И они де, Ефтифей с товарыщи, выслушав указ великого государя, таких слов ему, каменданту, что им вышеписанной крепости ставить невмочь, не говорили. Только де ему каменданту Дмитрею Зубову били челом вежливо они, все служивые люди, на словах, чтоб он приказал собрать с уездов служивых людей и приказал бы их нарядить с ними же вместе.

И он де, камендант, им сказал, к чему де деревенским, хотя де вы хотите и не хотите и пошел в горницу и до того де времени и после им, что крепости от него, каменданта, наряду и позыву не было, и строить итти готовы и в том де они, что ему, каменданту, таких слов «вышеписанной де крепости им ставить невмочь», не говорили. На фискала Гарасима Климовского, на откупщика Павла Дементьева шлютца, а на Федора де Рачковского, на Прокопья Замятина, на Матвея Близневского, на Ивана Кохтурова, на Федора Иванова, на Кузму Елисеева не шлютца, потому что де они с ним, камендантом, чинят им обиды, в которых обидах и на них каменданта посылали они в Тобольск за руками своими челобитную счелобитчики с Ильею Нашивошниковым с товарищи. И с ним де Ильею против башни, что в малом городе, стояли на площади и к каменданту Дмитрею Зубову Никиту Грицкого, Романа Скрыпотчикова, татар Бартака, Пашина посылали, велели ему, каменданту, доложить вежливо, что де они на него в обидах своих челобитчики, а иноземцы – в своих обидах челобитчики ж. А чтоб он, камендант, судом и расправою их не ведал, говорить не велели и они не говаривали. И челобитчиков деньги на пропитание в дорогу они меж собой збирали с человека, кто по моче своей и по избытку дал, а на иные де сторонние издержки, потому что де и всегда они меж собою на свои такие ж деньги збирали.

К сему допросу вместо Ефтифея Старцова, Григория Терскова, Мартемьяна Петлишина, Ивана Бочкова, Микиты Грицкого, Ива-

на Шахматова, Терентья Лопатина, Данила Шихова, Григория Шошина, Василья Ошарова, Степана Потылицына, Ивана Малыги, Ивана Ошарова по их велению и за себя Микита Ошаров руку приложил. К сему допросу вместо Прокопья Замятина, Алексея Ситникова Фадея Вычегжанина, Ильи Одеякова, Петра Потылицына, Ивана Жданова, Прокопья Бутина, Кондратия Жданова, Василья Потехина, Никиты Шудрова по их велению красноярской казачей сын Иван Семенов Пролушников руку приложил.

РГАДА. Ф. 371. Оп. № 1. Д. 1869. Л. 50–51.

№ 40. 1718 г., декабря 3. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ КРАСНОЯРСКОГО ПЕШЕГО КАЗАКА АНДРЕЯ ПУШКАРЕВА О ПОПЫТКЕ ПРИВЛЕЧЬ К НАРОДНОМУ ДВИЖЕНИЮ ГАРНИЗОН АБАКАНСКОГО ОСТРОГА И МЕСТНЫХ ЯСАЧНЫХ

Дом Нашивошниковых. Старая слобода. XVIII в. Фото 1910 г. (из фондов ККМ)

Пешей казак Андрей Пушкарев на съезжем дворе Василию Михайловичу Беклемишеву сказал: В доме де Ильи Нашивошникова по зову он был, и письмо по ево, Ильину и брата ево Петра, повелению писал в Абаканской острог ко всем служивым

людям из войска от дворянина Ильи Нашивошникова, от Петра Сурикова и от казачьих детей. Ведомо вам – чиним мы воеводе отказ и до нас, казаков, ему дела нет; и вы, какое дело знаете на прикащика Екима Саламатова и вы, нам ведомо (известие. – *Г.Б.*) чините в войско, и какие обиды, и налоги, и гонение казакам, которые татары казакам изветы станут подавати, и вы их крепите» (подписывайте. – *Г.Б.*). И то де письмо написав, он, Андрей, отдал ему, Илье, а он де то письмо послал в Абаканской с пушкарем с Яковом Савиных, которой нонче живет в Красноярску. И вышел де он, Андрей, от него, Ильи, из дому втайне, передал извет в соборной церкви попу Алексею Бугаеву, а что де он в первых допросах про то письмо не сказал, боясь ево, Ильиных, и служилых людей после письма того гроз: а буде де кому про то писмо он, Андрей, скажет, будем де тебе злодея (далее текст неразборчив. – *Г.Б.*).

К подлинному допросу Андрей Пушкарев руку приложил.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 54–54 об.

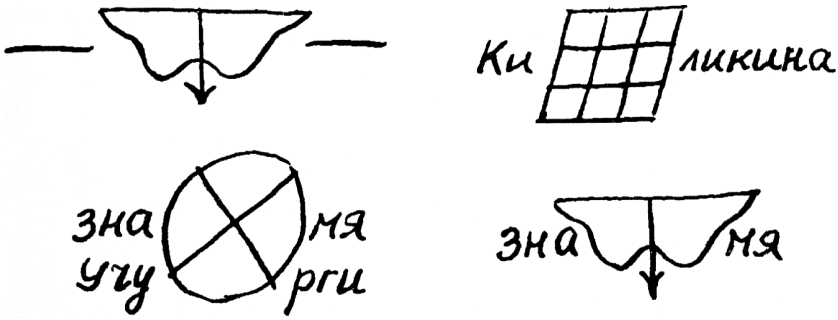
№ 41. 1718 г., декабря 6. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ КАЧИНСКИХ ЯСАЧНЫХ ОБ ИХ УЧАСТИИ В «ШАТОСТИ»

Того ж числа Качинской подгородной волости улусные ясашные иноземцы Торопов, Тонок Устахгулев, Масрок Пытаков, Сарго Ктубаин, Бахан Култажаков допрашиваны чрез толмача красноярского служивого человека Ивана Федорова сына Ананьина.

А в допросе они, иноземцы, сказали. В нынешнем де 718 году в Великой пост из улусов своих они с Бартаном и Табакаем и с иными иноземцы своими в Красноярск приезжали, и в городе всем служивым людям, Илье Нашивошникову с товарищи, и фискалу Гарасиму Климовскому изветы на каменданта, Дмитрия Зубова, подали за своими знамены в том, как приехали де они в Красноярск с платежным в государеву казну ясаком и ему, каменданту, ясак объявили, и он де, камендант, того ясаку смотря, стал лисы чернобурые, которые иманы были прежде всего, за три и за четыре соболя верстать (засчитывать. – *Г.Б.*) за одного соболя. И он де, камендант, стал теснить их, посылает на со-

болиный промысел летом, не вовремя. И за то де взял с них прежде ясашного приему с человека по соболю и по два, и по три, и по четыре соболя. Им, Илье Нашивошникову и фискалу, в тех же известили, и у Нашивошникова в доме сошлись и на него, каменданта, в той обиде, написав челобитную, послали в Тобольск с иноземцы с двумя человеки да толмачом Михайло Алексеевым. И тем де челобитчиком на подмогу они меж собою собрав деньги давали, а не рухлядью. А Нашивошников де с них никаких денег и рухляди не бирывал. И толмач де, Михайло, к ним от Ильи Нашивошникова не бывал и никуда их не высылал, и на площади с Ильею Нашивошниковым и служивыми людьми они стояли. А как де Илья с теми служивыми людьми посылали казаков Никиту Грицкова, Романа Скрыпотчикова, с ними де посылали и они Бартана Колдаракова да Табархая Киликина, да Пашина, велели им ему, каменданту, чтоб у них ясак принял и буде де у них того ясаку не примет, мы де на него напишем челобитную и пошлем в Тобольск. И он де, камендант, ясаку не принял. Для того де они, на него написав челобитную, послали в Тобольск, а изветы казакам и фискалу подали. И после де отсылки челобитчиков он, камендант, ясак у них принимал порозну, кто сколько принес, а не вместе, как прежде принимали.

И во всем де они против указу государева послушны и возмущения ни от кого не слыхали, а иным де их братье, иноземцам, так же и служивыми кому он, камендант, обиды чинил ли, того де они не ведают.

«Знамена» четырех качинских князцов

К подлинному допросу вместо толмача Ивана Ананьина по его велению красноярской пятидесятник Данило Злобин руку приложил. Знамя Маркова, знамя Коково, знамя Сяргова, Знамя Бахоново. Знамя Илягенева. И подписал си знамена по их иноземцевскому велению красноярского пешего полку нарядчик Алексей Черкасов руку приложил.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 58–59.

№ 42. 1721 г. февраля 14. – ЗАРУЧНОЕ ЧЕЛОБИТЬЕ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ И ЯСАЧНЫХ, УЧАСТНИКОВ «ШАТОСТЕЙ», О НАЗНАЧЕНИИ В КРАСНОЯРСК ВМЕСТО Д.Б. ЗУБОВА, БЫВШЕГО У НИХ КОМЕНДАНТОМ, В.Е. КОЗЛОВА

Державный царь, государь милостивейший!

В прошлом 716-м и 717-м годех по твоему, великого государя, указу был у нас, рабов ваших, в Красноярску камендант Василей Елизарьев сын Козлов. И он, камендант, живучи в Красноярску, нам, рабам Вашим, обид и налоги и раззорения не чинил. А в прошлом, государь, 717-м году по твоему, великого государя, указу прислан к нам, рабам Вашим, камендантом Дмитрей Борисов сын Зубов. И оной камендант Дмитрей Зубов чинит нам многия обиды и раззорения, и от ево обид и налог многия ясачные иноземцы бегают по лесам и живут скрытно. И Красноярского присуду Кайбальской землицы ясачные иноземцы убегали от многих ево обид за Саянский камень в Мунгульскую землю, отчего чинитца Вашего величества ясачной казне остановка и недобор, и чтоб нам, рабам Вашим, от иных ево камендантских обид и налог великого государя служеб не отбыть, а ясачным иноземцам ясачного платежу, всемилостивейший государь, просим Вашего Величества. Да повели, Ваше державство, быть у нас, рабов Ваших, в Красноярску камендантом вышепомянутому Василею Елизарьеву сыну Козлову. И сие наше заручное прошение повели, Ваше державство, в Томску на съезжем двору лейб-гвардии сержанту господину Чеботаеву принять и послать в Тобольск и объявить в губернской канцелярии ближнему стольнику и губернатору Сибири Алексею Михайловичу Черкасскому с товарыщи.

Вашего Величества нижайшие рабы, города Красноярска дворяне и дети боярские, сотники и пятидесятники, конного и пеших полков служивые люди и каченские служивые и ясачные татара 721 году, февраля в 14 день.

К сему прошению вместе дворянина Ивана Потылицына, да вместо детей боярских Андрея Самсонова, Дементья Скварского, Микиты Максимова, Федора да Павла Рачковских, Федора да Прохора Злобиных, Григорья Моисеева, Ивана Дорошкеева, Федора Ильина, Ивана Щуплева, Ивана Садовского, Григорья Садовского, да вместо сотника Ивана Вертикулакова, пятидесятников Степана Терского, Ильи Бугаева, Дмитрея Юшкова, да вместо служивых людей Григорья Терского, Григорья Толстикова, Микиты Грицкова, Прокопья Мякинина, Алексея Чанчикова, Савы Григорьева, Мартемьяна да Петра Петлишиных и за себя красноярской сын боярской Иван Нашивошников руку приложил. Знамя Балиша Карачакова, знамя Табахая Киликина, знамя Учурги Тинигирева, знамя Четана Корочакова по их велению подписал красноярский сын боярский Иван Нашивошников.

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 65–67.

Комментарий (см. № 35–42)

В Сибири красноярцев XVII века называли бунтовщиками и ябедниками. Ученый-натуралист И.Г. Гмелин, который почти 1,5 года прожил в нашем крае, в первую очередь объяснял это прозвище склонностью жителей Красноярска жаловаться на местные власти. Историки же вполне справедливо вспоминают так называемую Красноярскую шатость – самое крупное в Сибири конца XVII века восстание красноярцев против воевод, которое длилось три, а по мнению некоторых историков, целых пять лет, с 1695 по 1700 год. Публикуемые впервые новые архивные материалы убеждают, что у местного прозвища наших предков имелось еще более солидное обоснование. В истории Красноярска в 1717–1722 гг., то есть в конце правления Петра I, оказывается, была еще одна «шатость». На нее первым автору этих строк указал ученый из Новосибирска Николай Николаевич Покровский, замечательный историк, археограф, знаток старопечатной книги, академик Российской акаде-

мии наук. Документы взяты из объемистого в 326 листов архивного дела страшного в петровское время Преображенского приказа, этого главного сыскного ведомства, которым долго заведовал преданнейший Петру I князь-кесарь Ф. Ромодановский. Это архивное дело почти целиком было составлено из копий и экстрактов различных материалов следствия по поводу обстоятельств строительства нового острога в Северном Присаянье и отказа красноярцев ставить еще одну деревянную крепость в самих Саянах у Большого порога.

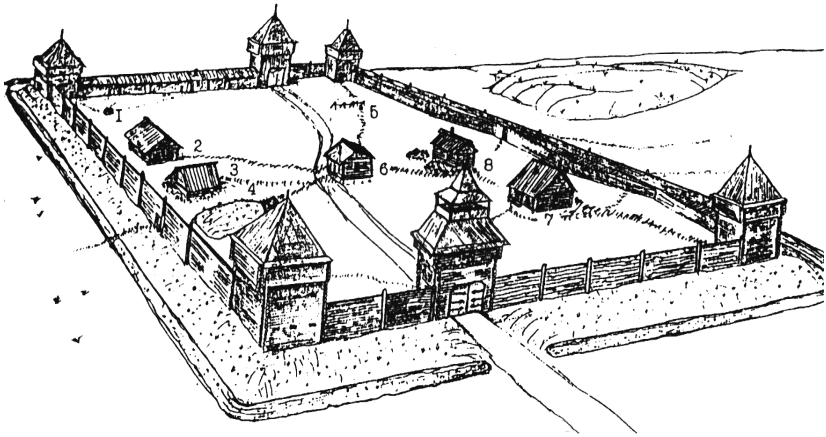
Заселение русскими Приенисейского края носило сложный характер и затянулось на целое столетие – с XVII по первую четверть XVIII века. В северных приполярных и таежных районах землепроходцы и промысловики, а также шедшие за ними воеводы с казаками не встретили организованного вооруженного сопротивления со стороны кетоязычных и самодийских племен, еще живших родовым строем.

Со временем перевес России оказался настолько явным, что в 1703 году Джунгария попыталась увести в свои земли все население Киргизской землицы. Однако до полного замирания население Северного Присаянья было еще далеко.

Джунгарские зайсаны и часть уведенных в Казахстан киргизских князцов постоянно бряцали оружием, по старинке заезжая за ясаком и албаном в приграничные районы Кузнецкого и Красноярского уездов. Некоторые ясачные Кайсотской, Саянской и Камасинской землиц иногда откочевывали от прежних хозяев и русских за «Камень», то есть за Саянские горы в Северную Монголию и Туву. В этих условиях правительство Петра I в 1715–1718 годах пытается пресечь откочевки и территориальные претензии маньчжурских и джунгарских правителей. Для политического закрепления в верховьях Енисея и восстановления давных торговых связей через Западный Саян с Монголией, Китаем и Средней Азией правительство предписывает Красноярску поставить два новых острога. Согласно указам первого сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина коменданты И. Козлов и сменивший его в 1717 году Д.Б. Зубов должны были «проведать про реку Кандарь» и наметить по Енисею места

под город, рубленый или земляной, вблизи Саян и город за «Камнем» в устье реки Кемь, то есть Хемчика. Реконгсцировка и описание под остроги намеченных мест проводились в 1716–1717 гг. красноярскими детьми боярскими Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. Опасаясь новой обременительной службы и поселения за Саянами, красноярцы выступили против строительства острогов, особенно в устье Хемчика. Споры затянулись до осени 1717 года. В Красноярск даже заехал сам М.П. Гагарин, которого жители почтили драгоценными «древними вещами» из могильных курганов, а губернатор отдарил горожан 25-ю ведрами «простого вина». Алчного и властного хозяина тогдашней Сибири, которого Петр I вскоре повесит за лихоимство, возможно, больше убедили щедрые подношения, чем доводы, но он разрешил ставить два острога, причем самый южный – у Большого порога. Однако эта уступка красноярцев мало устраивала. Местный комендант, как называли воевод приграничных уездов, Дмитрий Борисович Зубов еще подлил масла в огонь, настояв, несмотря на осень, на немедленном строительстве первого острога на берегу Енисея у подножия Западного Саяна. Однако посланный 7 октября 1717 года для этих целей с отрядом в 300 человек красноярский дворянин Илья Нашивошников забраковал «означенное» на подписанном Гагариным чертеже место и поставил острог на две версты выше по Енисею. Мало того, не были сделаны запланированные ров и двойные надолбы, а сам острог срубили меньших размеров: не 24х27 саженей, а 24х24 сажени. Еще до завершения работ он отпустил за мзду домой не только 200 казаков-строителей, но и разрешил 22 (или 15) из 100 назначенных в эту крепость годовальщиков уехать за «нужными домовыми припасами». Взбешенный самоуправством, Д. Зубов еще до окончания строительства острога велел доставить Илью Нашивошникова под караулом в Красноярск и нарядил следствие. Чтобы выиграть время, Илья Нашивошников в своем «доезде»-отчете скрыл все недоделки и отступления в размерах крепости. Тогда в феврале 1718 года комендант самолично побывал в Северном Присаянье с инспекторской проверкой и обязал гарнизон острога летом устранить все недоделки Саянского острога, который, кстати, ни-

когда не видел под своими стенами неприятеля. С возвращением коменданта строителю острога Илье Нашивошникову и его сторонникам грозило обвинение в государственной измене, тем более что уже поступил донос о продаже ими пороха и свинца саянским «иноземцам», что строго-настрого запрещалось.

Саянский острог. Реконструкция С.И. Скобелева

На общем совете в доме Ильи Нашивошникова было решено стоять на своем и доказывать ненужность новых укреплений, ибо непосредственной военной угрозы не было, а не в меру ретивого коменданта припугнуть или даже убрать с должности. Надо сказать, что он вполне этого заслуживал. Ведь за год с небольшим Д.Б. Зубов успел удивить своей алчностью даже красноярцев, видавших всяких воевод. По объективному свидетельству ученого Д.Г. Мессершмидта, жившего в Красноярске в 1721–1723 годах, особый интерес комендант проявлял к «мягкой рухляди». Желая иметь не менее 400 шуб из самых дорогих мехов, он всю лучшую ясачную пушнину объявлял поминочной, то есть подаренной лично ему, записывая изумленных ясачных плательщиков должниками казны (см. № 41, 42). Не гнушался хозяин уезда ни «могильным» серебром и золотом, ни присвоением казачьего жалованья, ни продажей должностей приказчиков, ни побо-

рами с купцов, ни обязательными подарками ко всем высокоторжественным дням. Дружная ненависть к стяжателю-коменданту, который не хотел войти в положение красноярского казачьего войска, объединила многих. К возвращению коменданта ему стали готовить «отказ от воеводства». Это означало, что население официально объявляло о своем недоверии и неподчинении местной власти и посылало в вышестоящую инстанцию своих представителей с мотивированной жалобой. Весь клан Нашивошникова и многие участники строительства острога пришли в движение. В доме Ильи Нашивошникова идут непрерывные совещания казаков. С помощью толмача местной канцелярии Алексеева устанавливается связь с ясачными князцами Качинской землицы. После возвращения коменданта с 28 февраля в подгородние деревни и улусы полетели посыльные с известием, что 3 марта, в церковный праздник, когда в городе «многолюдство бывает», будут отказывать воеводе. 3 марта толпа горожан, сельских казаков и ясачных сначала собралась на площади у Покровской приходской церкви (ныне площадка перед бывшим Домом политпросвещения на углу Мира и улицы 9 Января), а затем перешла на торговую площадь перед малым острогом, а также внутри его перед башней (ныне площадка перед Малым концертным залом на Стрелке). Затем выборные Илья Нашивошников, Никита Грицков, Мартемьян Петлишный, качинец Байтарак Кожераков и аринец Пажин прошли на воеводский двор, поднялись в «горницу», но, молча постояв, ушли, увидев, что Д. Зубов ожесточенно «спорится на словах с попом Филиппом». Отказ тем не менее был передан через фискала Герасима Климовского, который вскоре вышел от воеводы на площадь. Выборные, как он показал на допросе, велели ему объявить Зубову, «что они, красноярские служивые люди и иноземцы ясачные, на него, коменданта, в обидах своих (являются. – *Г.Б.*) челобитчики, и о том бы поехать им в Тоболеску или к Москве челобитчиками, и буде он, комендант, лучше к ним не будет, и их бы он, комендант, ничем не ведал». Отметим, что фискал, как один из ответственных за происходящее, сильно смягчил форму отказа. Так, Илья Нашивошников на допросах твердо стоял на том, что они объявляли коменданту че-

рез фискала, чтобы ему над ними «судом и расправой не ведать», особенно над Ильей, выбранным «мирским челобитчиком». Зубов же в первую очередь побеспокоился о личной безопасности. В своем первом донесении М.П. Гагарину он признавался: «И я, видя их такую шатость, велел у малого города ворота затворить, опасаясь себе от них всякого дурна и применялся к прежнему их бунту, чтоб какова мне дурна не учинили».

Ход движения в течение пяти лет причудливо изменялся. Через пять дней после отказа воеводе Еремеев привез указ о строительстве нового острога в Саянах у Большого порога. Это подлило масла в огонь. На общем собрании прочитанный указ встретили криками, а затем выборные семь человек заявили, что строительство этого острога разорит их, и потребовали, чтобы к этому делу привлекли служилых других уездов. Д. Зубов до мая надеялся переломить ход событий, собирая компрометирующий материал на организаторов «отказа». Восставшие же, видя неуступчивость коменданта, активизировались – составили новое мирское челобитье, стали шире «пересылаться с гарнизонами других острогов уезда, продолжали сбор мирских средств. Воеводе во многом перестали подчиняться: не дали казачьих детей на смену к работам на воеводском дворе, более 100 сельских казачьих детей не явились на смотр в Красноярск для зачисления в новую сотню пеших казаков, прекратились работы по ремонту казенной Качинской мельницы и т.д.

Когда восставшие узнали, что Д. Зубов в мае отправил новый свой рапорт с доносами верных ему служилых людей в Тобольск, то восставшие направили к губернатору М.П. Гагарину своих челобитчиков: Илью Нашивошникова, Ошарова, толмача Алексеева и качинца Батарака Кучелакова. С 12 июня их порознь допросили, а 22 июля Гагарин велел енисейскому воеводе Беклемишеву возглавить следственную комиссию и учинить розыск по «несходству» враждующих сторон. Беклемишев в течение месяца вел следствие, снял 22 допроса, в том числе несколько коллективных, и все материалы, а также челобитчиков отправил 22 декабря 1718 года снова в Тобольск. Судя по тому, что мирских выборных с Ильей Нашивошниковым отправили под караулом, Беклемишев взял сторону Д. Зубова.

Однако принятие окончательного решения по поводу отказа красноярцев ставить новый острог у Большого порога и отказа от воеводства неожиданно затянулось, так как М.П. Гагарин за присвоение подаренного на бракосочетание Екатерине I (Марте Скавронской) иркутскими купцами алмаза сам был арестован и увезен в столицу для суда и следствия. Приехавшей же в Тобольск следственной по его делу комиссии Лихарева было не до красноярцев. Чтобы ускорить дело, красноярские бунтовщики делают новый ход. 14 февраля 1720 года они подают в Тобольск сержанту лихаревской комиссии новое мирское челобитье, где, умалчивая о спорах вокруг строительства острога, просят убрать Д. Зубова с воеводства за его многие «неправды» по отношению к ясачным людям уезда, отчего они бегают за Саяны, и назначить им прежнего коменданта Козлова, который воеводствовал уже в Томске. Лихарев, получив это челобитье, удовлетворяет просьбу Ильи Нашивошникова и Ошарова отпустить их домой как явившихся добровольно, на поруки до начала следствия по их делу. В 1722 году стали разбираться с красноярским делом и вызвали челобитчиков снова в Тобольск. Однако вскоре последовало крупное Тарское восстание с самосожжениями староверов, поэтому о красноярцах вновь забыли, тем более что в Красноярск уже был назначен новый воевода Шетнев, а Зубова новый губернатор, князь Черкасский, назначил в Сургут. Таким образом красноярцы избежали наказания за самовольства при возведении Саянского острога и добились главного – отмены строительства второго острога в Саянах и связанных с его обслуживанием крайне обременительных служб. Вновь, как и в Первую шатость, им удалось избежать репрессий за открытое неповиновение местной власти. Вместе с тем они сорвали далеко идущие геополитические, но утопичные планы властей.

Напомню, что руководитель Второй Красноярской шатости Илья Нашивошников (?–?) по первой фамилии был Суриковым, как и упоминавшийся выше родной его брат Петр.

По ландратской переписи 1713 года Илья еще показан конным сотником. Семья его состояла из 8 человек, из которых трое были мужского пола. Судя по наличию 3-х дворовых людей, Илья

был довольно зажиточным человеком (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2242. Л. 2). Через дочь Парасковью (1711–1780) Илья породнился с местным духовенством, выдав ее замуж за священника Покровской церкви Григория Федоровича Ошарова (1712–?) (см. ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 1. Л. 65). Они с братом Петром и их дети продолжали служить. Так, в «Реестре, написанным по штату, детям боярским и служивым людям» за 1741 год числятся среди казачьей старшины двое Нашивошниковых, в том числе сын Ильи Иван (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 об.).

Нашивошниковы принадлежали к влиятельной старожильческой фамилии Красноярска в XVII–XVIII веках и относились к казачьей старшине, которые имели звание сибирских дворян и детей боярских. Они выполняли ответственные службы: сын боярский Иван участвовал в выборе места под Саянский острог, был в 60-х годах XVIII века управителем Абаканского комиссарства. После введения подушной подати и сокращения казачьих штатов часть Нашивошниковых оказалась в податном сословии разночинцев и со временем превратились в торговцев и ремесленников. Так, в 1747 году разночинец Иван Федорович (1727 – ?) записался в посадские. Занимался скупкой хлеба, пушнины, скота, лавочной торговлей в Красноярске. В 1775 году он записался в купцы III гильдии, объявив за собой 510 руб. капитала, в 80-е вышел из них из-за долга в 300 руб. Видную роль Иван Федорович играл в местном самоуправлении – был словесным судьей, таможенным головой, а в 1761–1763 годах – бургомистром. Его сын Федор (1752 – до 1819) тоже нес различные общественные службы: в 1769 году – у записки постившихся и бывших или не бывших у «исповеди и святого причастия»; 1777 году – головой у приема и отпуска казенной соли; в 1782–1785 году – городским головой. По V ревизии, в 1795 году вошел в купцы III гильдии, но к 1808 году с семью сыновьями (Иваном, Михаилом, Андреем, Иваном, Николаем, Степаном и Василием) переписался в мещане. Один из его внуков, Гаврило Степанович, в 1858 году был купцом III гильдии и вел торговлю с помощью двух приказчиков. Во второй половине XIX века Нашивошниковы уже не встречаются среди купцов. Их потомки живут в Красноярске и в наше время.

№ 43. 1720 г. – СКАЗКА КРАСНОЯРСКОГО ПЕШЕГО КАЗАКА ИВАНА ДРОКИНА О СОСТАВЕ СЕМЬИ

Двор пешего казака Ивана Иванова сына Дрокина. И он Иван под опасением смертной казни сказал: он, Иван, – 55 лет[1], детей у него: сын Степан – 29 лет, Федор – 25 лет, Иван – 24 лет, Афанасий – 21 года, Яков – 11 лет. У Степана детей: сын Иван – 8 лет, Григорий – 6 лет, Филипп – 20 недель. У Федора детей: сын Ларион – 5 лет, Илья – 20 недель[2].

А будет он, Иван, сказал, что ложно и за такую ложную сказку указом великого государя казнить смертью[3].

К сей сказке по велению пешего казака Ивана Дрокина Алексей Черкасов руку приложил[4].

РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 19.

Комментарий

Первая подушная перепись и ее ревизия проводились при Петре I в 1718–1722 годах. Нуждаясь в дополнительных средствах, казна вместо подворного обложения вводит подушное. Налоговой единицей становится не двор, а душа мужского пола. Подушный налог предназначался для содержания расквартированной по стране регулярной армии. Все трудовые слои населения, включая холопов, обязаны были вносить по 74 коп. (с 1725 – 70 коп.), а со свободных людей казна дополнительно взимала «заместо помещичьего доходу» еще по 40 коп. с души. Посадские платили по 50 коп., а пашенным крестьянам эти 40 коп. засчитывали за «государеву пашню».

1. В Сибири все казачество первоначально попало в подушное обложение и было переписано. В 1726 году взрослых, верстанных в службу казаков, освободили от подушной подати, а в 1728 году неподатными стали их дети. Остальные служилые (отставные казаки и казачьи дети) вошли в разряд разночинцев, с которых взимались, как и с оброчных крестьян, по 1 руб. 14 коп. ежегодно – (см. **Кабузан В.М.** Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизии). М., 1963; РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 66. Л. 112–223; Д. 63. Л. 8–8 об.).

2. Семья И. Дрокина была большой. В документе не указан женский состав его семьи, так как в то время ревизские переписи учитывали только мужское население.

Такие крупные неразделенные семьи, когда с главой семьи женатые братья, сыновья и племянники живут одним двором, в тогдашней Сибири встречались часто. Большой семьей легче было поднимать неосвоенные земли, заниматься промыслами, нести службу и мирские расходы. Существование крупных семей объясняется также традиционно высокой при феодализме рождаемостью. Даже беглый просмотр объемистых переписных, исповедных, а также метрических книг показывает, что каждая женщина в среднем рожала 15–20 раз. Хотя в среднем выживал лишь каждый четвертый ребенок, этот уровень относительно высокого естественного прироста обеспечивал многолюдность неразделенным семьям (см. **Воробьев В.В.** Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 56–61).

3. Население уклонялось от переписи, поэтому правительство репрессиями пресекало «утайку душ». Традиционную концовку ревизской сказки нельзя понимать буквально. В Сибири «прописных» не казнили, а вносили в ревизские сказки и взимали за прошлые годы деньги.

4. Основная масса сибирского населения была неграмотной. По нашим подсчетам, в Красноярске во время первой переписи собственные подписи поставили 3,7 % жителей, или 44 из 1179 муж. пола, в том числе по сословиям: дворяне и дети боярские – 9, казаки – 23, духовенство и подьячие – 9, посадские – 2 и один гулящий.

№ 44. 1722 г., февраля 25 – 1723 г. мая, 4. – ИЗ ДНЕВНИКОВ ПЕРВОЙ В СИБИРИ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА О КРАСНОЯРСКЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ[1]

25 февраля 1722 г.

В это утро жена коменданта (по второй губернской реформе Петра I воеводы пограничных уездов назывались комендантами. Комендантом был еще Д.Б. Зубов. – *Г.Б.*) отправила г. доктору (Д.Г. Мессершмидту. – *Г.Б.*) некоторые продукты питания. Сегодня взяли мы координаты и получили 28°40’.

Ветер дул сегодня довольно сильно, и от песка в городе было очень пыльно. Жители говорят при этом, что редкий день проходит, чтобы не поднялся ветер; имеется гора около города в сторо-

ну юго-запада), с которой ветер приносит песок и раздувает его по городу.

26 февраля 1722 г.

Огородник (садовник) вместе с другим городским жителем принес сегодня несколько мисок с репой[2]. Они просили, чтобы доктор дал знать им, если он будет нуждаться в какой-либо службе. На это г. доктор ответил, что подобное может случиться, и дал им несколько стаканов водки.

27 февраля 1722 г.

…Доктор нанес сегодня визит жене коменданта, которая приняла его довольно учтиво и хорошо. Она показала ему пару кинжалов, отшлифованных камнем.

Каменные звери, привезенные в Красноярск с берегов Тубы. Рис. Ф.И. Страленберга

Камень черный, с белыми пятнами. Она говорила о всевозможных делах и вещах; довольно учтиво (благовоспитанно) отзывалась она о других сибирских женщинах.

28 февраля 1722 г.

Каменных зверей, что лежат на базаре, например овца, медведь (барсы, леопарды), хотелось бы иметь в своих кварталах. Подобные звери несколько лет назад привозились с Тубы-реки. Они были, однако, очень бесформенные, так что нельзя было признать, что это собственно должно обозначать.

Дневник вел до 12 мая 1722 года спутник ученого, пленный шведский капитан Ф.И. Табберт-Страленберг.

1 марта 1722 г.

Сегодня, первого марта (четверг), была очень хорошая, ясная, солнечная погода. Поэтому мы измерили координаты и опреде-

лили 30°28’… 3°18’, дает 56°12’. Фрау комендантша отправила коечто из провианта в кухню г. доктора, а именно: овцу, хлеб и кувшин с хорошим пивом. Стрелки, однако, еще не принесли луней, но пришел один, и принес сегодня маленькую птичку, и извинился, что не смог найти луней…

Сегодня вернулся г. комендант Дмитрий Борисович Зубов из своего путешествия, которое он совершил в Абаканский острог. Я слышал сегодня, что отсюда до Тобольска по воде можно совершить путешествие следующим образом: сначала в долину вверх по р. Кача, а именно на запад до деревни Елово, в 36 верстах отсюда, оттуда через р. Малый Кемчуг немного вправо на северо-восток 20 верст, оттуда до устья р. Большой Кемчуг 30 верст; здесь живут татары поселения Урянохаева, которое принадлежит уже Томской губернии (Томского уезда Тобольской провинции Сибирской губернии. – *Г.Б.*), там садимся в лодку и плывем вниз по р. Чулым, в который впадает Большой Кемчуг.

2 марта 1722 г.

Я записал сегодня (пятница) некоторые маршруты из Красноярска, сначала в Томск. От Красноярска до деревни Бугачево (10 верст), отсюда до Елова (8 верст старых), потом идем через верховье р. Качи до Белого Июса к кишлакским татарам, который в 1,5 днях пути, отсюда день пути до р. Сереш, через которую переходим и оставляем слева образование в виде Белого озера, отсюда путь лежит до р. Ирюп, которая впадает в Чулым, теперь отправляемся до р. Кийя, потом 1,5 дня добираемся до р. Яя по степи, где проходим по деревне Бурначево и так далее до Томска.

От Красноярска до Кузнецка вначале тот же путь до кизилахских татар у Белого Июса, однако оттуда поворачиваем налево к юго-западу через продолжительную степь, оставляя справа р. Сереш и Белое озеро, как и Большое озеро, и идем вдоль Кара-Июса (1 день) и так на Ес-Сагай и до Кузнецка. Туда от Красноярска есть еще один путь, а именно: вперед вверх по Енисею до кункиских татар, или р. Агач, откуда по степи идти 3 дня, оставляя устье Белого и Кара- Июса – рек (1 день) справа и идти так по степи на Ес-Сагай и Кузнецк.

4 марта 1722 г.

Сегодня были г. доктору принесены 2 разноцветные шкуры животных для продажи, за что владелец требовал 6 руб. Но так как г. доктору они показались очень дорогими, он не захотел их купить. Эти звери называются ирбис, породы пантер (барсов).

Между этими шкурами зверей и собакой в комнате была такая антипатия, что собака всюду в комнате пряталась и не хотела оставаться в доме до тех пор, пока шкуры лежали там.

11 марта 1722 г.

Г. комендант просил сегодня (воскресенье) г. доктора прийти к нему, на что г. доктор просил передать, что он, пожалуй, к вечеру к нему придет, так как еще многое должен сделать. Вновь в городе у нас был старый толмач (переводчик), который зачитывал вслух г. доктору калмыцкие сочинения.

Один горожанин по имени Иван Петухов сообщал, что он дорогу от Красноярска до Иркутска измерил и что от Красноярска до Канска 130 верст, отсюда до Удинского острога 180, оттуда до Балаганска 199 и отсюда до Иркутска 91 старая верста – что вместе составляет как раз 600 старых верст.

13 марта 1722 г.

Сегодня было опять ветрено. Г. доктор и я разговаривали о создании карт страны. Речь зашла о том, что, пожалуй, 7 новых верст составляют одну рейнландскую милю в 1900 футов. 15 же миль, или 105 верст, равны одному градусу карты. Но в градусе нужно считать только 22 500 рейнландских футов, а не 28 500, поскольку 100 верстам извилистого пути соответствует 60–80 верст по прямой линии[3].

30 марта 1722 г.

Я участвовал в учтивом деле, предпринимаемом у русских. А именно: когда выпадает день известного божества (святого) Николая или Михаила и церковь такого святого святит, то от его имени, как решает глава церкви или староста, варят пиво. Рано утром останавливают они в церкви свое обычное богослужение и звонят после этого в этой церкви во все колокола. Собираются те, кто приписан к этой церкви, и икону Николая или Михаила берут со своего обычного места, ставят на стул посередине

церкви. Перед ним ставят несколько горящих свечей и маленькое блюдо, а недалеко от него 1–2 или больше бочек пива. Кто только имеет желание и усмотрение пить за Николая или Михаила или пробовать, тот кладет на маленькое блюдо, по возможности, 1, 2 алтына, кто беден – только копейку, ибо это не такса для этого святого. Тогда может каждый пить в церкви по желанию и не выходить раньше, чем кончится пиво. При этом святые гости не обходятся без ссор и драк, а многие не идут домой, потому что их нужно тащить.

1 апреля 1722 г.

Сегодня воскресенье, прекрасная и теплая погода. Новый комендант муштровал казаков.

2 апреля 1722 г.

…Сегодня закончил (Мессершмидт. – Г. Б.) корреспонденцию, т.е. ответ в Тобольск и письмо г. президенту Блюментросту[4]. Написал Иван Суриков, Петер (слуга. – *Г.Б.*) и Михаил (Бахметьев, солдат Тобольского полка. – *Г.Б.*) унесли письмо вместе с донесением воеводе.

13 апреля 1722 г.

Г. доктор с Д.Б. Зубовым говорили друг с другом о разных вещах, а также… о минерале, выброшенном из горящей горы, находящейся на реке Хатанге, который русские называют нашатырь. А так как у него была полная сумка этого пепла, то он отправил немного сегодня на пробу. Он отправил попутно с Петером работника доложить, какие породы животных водятся вокруг. Это серна, кабарга, олень, изюбрь, лось (сохатый), коза. Также рассказал он о сорте дров, которые нашли на Каче и которые дают при горении красный пепел. Но я не мог поехать на это место.

15 апреля 1722 г.

Новый комендант Д.К. Шетнев созвал сегодня (воскресенье) большой званый обед, т.к. у его жены именины, и велел приглашать всех хромых, кривых, слепых – всех, кто только хотел прийти.

16 апреля 1722 г.

Сегодня велел новый комендант звать к обеду высокие персоны – старого коменданта, г. доктора и других граждан, – кото-

рый состоится из-за его жены. Г. доктор просил извинить его, так как у него была куча работы. Сегодня начался ледоход на Енисее, и там и здесь образовались огромные полыньи…

От Саянского острога на Енисее до Красноярска…

5 октября 1722 г.

…После обеда в 5 часов я покинул Овсянку и сразу же увидел на противоположном берегу вниз по течению реки красивую пещеру, расположенную примерно в 5 саженях над уровнем воды. Пещера имела открытый вход почти 5 аршин в ширину, 6–7 в высоту, приблизительно 30 аршин в длину или глубину. Свод и стены были естественно выпуклыми и прочного красивого коричневого камня, пол бы горизонтальным и гладким и состоял из песка и глины.

Через полчаса пребывания здесь я продолжил свое путешествие, в 6 ¼ часов проплывал устье реки Базаиха (справа по Енисею), прошел где-то более половины пути и в 7 ½ часов вечера достиг Красноярска (расположенного слева по течению реки Енисей, выше устья речки Кача, на углу двух рек). Я поселился в моей прежней квартире у одного дворянина Ильи Нашивишникова-Сурикова. Но имущество на ночь осталось в лодках.

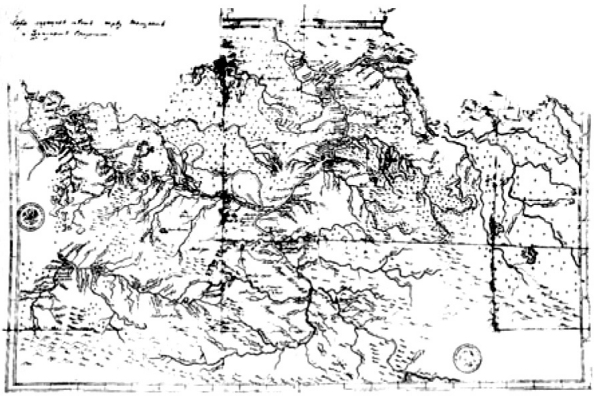
В тот день я прошел от Овсянки до Красноярска около 8 старых верст, с остановкой на ½ час, на 2 часа.

6 октября 1722 г.

…Воевода Дмитрий Кузьмич Щетинев (Щетнев. – *Г.Б.*) через своего денщика поздравил меня с прибытием и прислал мне зарезанного барана, 2 ржаных хлеба, который ввозили по 3 копейки.

Мой хозяин Илья Нашивошников-Суриков[5] настоятельно просил меня при расквартировании его не трогать, так как весной он уже нес это тягло. Воевода был также на его стороне и вступился за него. Один я не согасился и взял это под сомнение.

В обед я измерил здесь вновь elevationem poli и получил altiudinem meridianan 24° 49’ magetis declination было незначительно, slis declination juxta Tabulas Lchmani korrectas 9° 4’ и, следовательно, latitude loci в Красноярске 56° 7’.

Первая на математической основе карта бассейна Енисея, составленная Ф.И. Страленбергом в Красноярске в 1721–1723 гг. В верхнем левом углу название, данное архивариусом XIX в.: «Карта лежащих мест между Томским и Удинским острогами…»

После обеда пришел Илья, бугровщик и предложил мне купить красивый кувшин с серебряными монетами, на котором был выбит очень милый орнамент из листьев (общий вес. – *Г.Б.*), 67 золотников, попросил 12 копеек за золотник, что в сумме составляло 8 руб. 4 коп. Я предложил ему 7 копеек за золотник, всего 4 руб. 69 коп. Далее медное блюдо ремесленной работы 1 фунт + 32 золотника по 30 коп. Он не хотел торговаться из-за кувшина, я вынужден бы его отпустить за неимением жалованья и отсудствия денег в надежде, что может быть в другое время он сможет продать дешевле.

7 октября 122 г.

7 октября (восскресенье, 20 Trinitatis)? Была приятная очень хорошоя погода. Воевода предожил мне сегодня, как и желал мой хозяин Ильи Нашивошников, другую квартиру, у Ильи Молочкова, рядом с рынком, и все еще заступался за него, чтобы я мог бы освободить его от расквартирования, но всеже он полностью вошел в мое положение. Новая квартира была очень хорошая, в обед я уже переехал.

После обеда навестил меня воевода Дмитрий Кузьмич Щетинев со свитой 12–15 дворян, который выглядел угрюмым и ко-

мичным, предложил со всей учтивостью снабдить мою кухню и подвал, но из-за невыплаты моего жалованья без специального ордера он не мог ничего поделать.

Между тем он попросил помочь медикаментами женщинам, которые были поражены лишаем, что я по возможности обещал. Уходя, он пригласил меня на следующий день на обед.

8 октября 1722 г.

8 октября (понедельник) с утра я привел в порядок мое хозяйство и экспонаты. В 10 часов меня отвлекли от этого занятия и пригласили в гости к воеводе, я встретил здесь 10–12 русских, которых пригласили в гости вместе со мной. После обеда я доложил воеводе устно о беспорядках между татарами и русскими и обещал на днях вручить ему докладную записку. После этого я попросил дров для хозяйства, на что он сразу же потребовал донощение, а именно посчитать, сколько дров на зиму мне нужно. После этого я попрощался.

В 1 ½ часа поднялась сильная буря, почти все крыши снесло с домов, так продолжалось до ночи. После обеда я составил доношение на 18 саженей дров и вручил воеводе, получил сразу же первые две сажени сосновых и березовых дров (оплачено по 35 коп. за сажень).

Составление докладной записки потребовало времени, и я ее сберег…

1 января 1723 г.

Этот день также праздновали русские и называют его Васильев день, от которого по всем приказам и во всех канцеляриях начинается счет годам. Раньше год начинался в сентябре месяце, который был отменен нынешним монархом (Петром I. – *Г.Б.*) и перенесен на этот день.

6 января 1723 г. (первый день Рождества)

(Русское освящение воды.) Это у русских большое торжество, и называют этот праздник Трицарский день. Рано утром они молятся в церкви до 9 часов.

Из церкви выходит вся процессия во главе с дьяконом и протопопом, которые несут распятие и иконы, также и пару фолиантов, оббитых серебром (может, это Библия, я сам не видел, не имел возможности удостовериться).

Дом старинного Красноярска. XVIII в.
Фото начала XX в. (из фондов ККМ)

Насколько меня информировали русские, это очень опасная книга, и каждый, который задумает читать ее, сходит с ума, поэтому люди остерегаются ее[6]. Один из священников держит скрещенные руки над головой. Затем священники и певчие поют свой хорал (ошибочно у автора «коран». – *Г.Б.*), и все, в том числе и воевода, идут к реке, сначала идут, конечно, все мужчины и парни, затем группами идут женщины и девушки.

По прибытии они окружают вырубленное отверстие во льду, поют несколько хоралов, несколько раз крестятся, опускают в воду распятие и обрызгивают окружающих. Бедные люди (чернь) только и ждут удаления процессии, чтобы искупаться в воде или помыть своих детей, так как они убеждены, что вода теперь целебна и помогает от всех болезней.

В гости ходят все – от богатых до бедных, которые молились и которые не молились, не признавая всю эту церемонию. До глубокой ночи пьянствуют, поют, кричат, так что человеку, который никогда не слышал этого, становится не по себе.

На второй день Рождества я был в гостях у воеводы. Собралось больше 60 мужчин в отдельной комнате (женщины собирались у его жены в другой комнате). У воеводы была музыка (камер-

ная) – 8 или 9 музыкантов, которые играли на свирелях (дудках). Каждый из них брал свой аккорд, никакой речи не могло быть о слаженности. Присутствовало 3 или 4 вокалиста из крестьян. Могу с уверенностью сказать, что от этой музыки у меня трещало в голове, однако я время от времени говорил «хорошо», «ладно», «дивно».

Среди других развлечений звучали стихи и божественные песни о рождении Бога, которые пели в паузах между выпивками[7].

8 января 1723 г.

(Татарская дань.) Сегодня собирали дань у татар. Дань состоит в том, что каждый татарин должен сдавать за себя, за свою жену и детей один, два или больше соболей или эквивалентно другие меха: лисы, волки, рысь. Сколько он сдаст соболей, столько он получит буханок хлеба (пшеничный или ржаной) и столько же кружек водки. Самая толпа собирается вечером, когда им дают столько пива, сколько может выпить каждый. На посту стоят казаки, чтобы предостеречь драку, к которой очень склонны татары. Весь вечер я слышал это ликование, хотя и расстояние от острога было свыше 300 шагов.

9 января 1723 г.

Сегодня для татар, которые уплатили дань, была зарезана лошадь. Все это сопровождалось криками, шумом. Один из них садился на лошадь и до тех пор бил ее по голове между ушами, пока она не падала, и другие были уже наготове перерезать ей глотку, содрать шкуру. Затем каждый из них отрезает себе кусок, нанизывает на острие ножа и держит над огнем, пока оно не поджарится. Из кишок они выпускают содержимое, чуть-чуть ополаскивают в воде, варят или жарят тут же над огнем и прямо из рук съедают, так как ни тарелок, ни соли, ни сала нет.

(Жалованье служивых и казаков.) Служивые и казаки, которые ездят верхом, получают ежегодно 7 руб. деньгами, 30 пуд. зерна – рожь, пшеница и ячмень, еще 20 пуд. овса и 2 пуд. соли. Служивый или пеший казак получает 5 руб., 20 пуд. зерна, 12 пуд. овса, 2 пуд. соли. Они же говорили мне, что столько платил Дмитрий Борисович Зубов в первый год своего воеводства, а с тех пор не платит[8].

27 января 1723 г.

Сегодня в церкви был прочитан указ об отмене бороды, так что никто, кроме попов, не должен быть с ней показываться, иначе штраф – 50 рублей[9].

2 февраля 1723 г.

Воевода выехал 31 января с 100 мужчинами на охоту, застрелили трех волков и отправили в город. Сегодня ждут его самого.

6 февраля 1723 г.

Петер сообщил мне сегодня, что в окрестностях Торгашино растет трава, которой старый воевода Дмитрий Борисович Зубов заваривает чай.

7 февраля 1723 г.

Сегодня я посылал Петера верхом в Торгашино – найти под снегом так называемый чай. Траву он привез. По листьям и цветку я определил, что это не что иное, как «анстопе». По рассказам русских, цветок этой травы желтый. Сегодня я приглашал к себе бронника (жестянщика) и попросил его обивать мои чемоданы железом. Он рассказал мне, что железо он делает сам из местных железных камней, которые находит на берегу Качи. Пару камней он приносил и мне для пробы.

11 февраля 1723 г.

…Мой слуга рассказал мне об одном скверном случае: Савелий Волынкин, уроженец Тобольска, большой гуляка, торговец, приехал в прошлом году (1722) в Красноярск. Состояние его было 1000 руб. Вечером 8 февраля он был в кабаке и играл в карты с Иваном Дмитриевичем Белявским (местная голова), с Кузьмой Максимовичем Маянковым (местный служивый) и с Спиридоном Ларионовичем Бутиным. Так как Волынкин был сильно пьян, эти трое устроили ему заговор в игре, отобрали у него 40 рублей наличными, сняли с него всю одежду верхнюю, даже рубашку. Так как после игры он хотел уйти, они раздели его догола, привязали к ноге веревку и волочили его по полу, толкали, били, страшно пытали, пока он не сказал им, что представит поручителя.

На следующее утро, 9-го февраля, Волынкина вызвали к воеводе, так как те трое пожаловались воеводе, якобы Волынкин

им должен, т.е. проиграл. Воеводу они просили помочь им, за что обещали воеводе 10 руб., а его жене 5 руб. Жена воеводы тут же подарила Спиридону Ларионовичу новую рубашку, а Савелию Волынкину она сказала, что он дурак, так как много денег проигрывает, чтобы он сейчас же уплатил проигрыш, так как он знает прекрасно, что играл с его величеством. Волынкин просил, чтобы оштрафовали тех троих за то, что они страшные пытки над ним устроили, чем нарушили новый петербургский указ[10]. Он выставил свидетелей, в том числе и моего слугу. Однако воевода отказал ему и предупредил его не вмешивать в это дело иностранца. Так что бедному малому только и осталось заплатить долг тем троим, и воевода получил свою часть.

12 февраля 1723 г.

Сегодня у воеводы продолжение праздника – похмельный день. День похмелья очень выгодный для него. Все гости несут подарки. Самые бедные дарят коменданту 10 коп., его жене 5 коп. и в придачу один или два мешка зерна, слугам по 1 коп., служанкам тоже 1 коп. Случается, что у бедняков нет денег для слуг, тогда они обещают им в следующий раз двойную плату. Каждая женщина дарит жене воеводы по 5 коп., хорошо выделанный лен, яйца, масло и др. Богачи дарят не менее 1/2 руб., но тот, кто хочет показать свою щедрость, дарит рубль. Приказчики из других мест дарят при входе пару соболей и еще пару, когда прощаются. Таким образом, гостей собирают не ради угощения, а ради подарков, потому что хозяин в этот день получает 100 руб. и более. А чтобы ничего не прогулять, они имеют привычку справлять свои именины два раза в год – зимой и летом[11].

Эти именины были для г. воеводы Дмитрия Кузьмича Шетнева не очень приятными, потому что 11 февраля вечером некий конный казак (служивый) Гаврила Соловьев в пьяном состоянии дал ему хорошую оплеуху, что он упал. По этому случаю был суд в городе. Служивый помирился с воеводой подарком в 15 руб.

Кроме этого, мой слуга сообщил мне, что крестьянин Василий Старцев в Есаулове собрал траву, а местное население называет эту траву гунба.

13 февраля 1723 г.

Сегодня я отправил на подводе своего денщика Андрея в д. Есаулову узнать о траве гунба, о красном камне, о зеркальном камне, о железной руде, нефти, о нашатыре и др. А также передать старому монголу (толмачу Степану. – *Г.Б.*), чтобы он приехал ко мне поговорить насчет калмыкского языка и насчет походных котелков, нужных для поездки.

Сегодня пришли новые указы из Енисейска: сломать все часовни, расчистить все кладбища, никаких надгробий над могилками[12].

15 февраля 1723 г.

К полночи вернулся мой денщик Андрей, который привез мне мешок гунбы. Это не что иное, как синий клевер, который запекали в хлебе; привез красивый кусок красного камня Roltel, который нашли вроде бы вокруг Канского острога. До пещеры (Бирюсинской. – *Г.Б.*) он добраться не смог, так как был очень глубокий снег. Кусок этот ему отдал один русский, который сказал ему, что им они красят свои сани. Привез он тоже сорт тмина (русские называют его кимин).

Мужчина рассказал мне, что литоксилин № 4 дает очень хорошее, но твердое железо, к нему надо добавить другие железные камни (1/3 или 1/2), от чего оно становится мягче и его легче обрабатывать. Кроме этого, Андрей мне привез теленка с двумя головами и тремя ногами. Так как он был мерзлый и совсем твердый и у меня не было времени заняться им, его положили в амбар.

18 февраля 1723 г.

(Масленица.) На этой неделе Масленица, или Масленая неделя, последняя неделя перед Великим постом (после Масленицы наступает Великий пост). В этой неделе нет ничего, кроме пьянки и объедания. Русские женщины, которые обычно одеты как нищие, ходят на этих праздниках в красных, синих, зеленых и желтых сарафанах или юбках. Они ходят в гости из одного дома в другой, их угощают обычно только пивом, квасом и самогоном. Все это длится до субботы, затем они прощаются в ожидании пасмурного поста.

Вечером у меня был в гостях воевода Дмитрий Кузьмич Шетнев и принес мне бутылочку анисовой водки в подарок.

24 февраля 1723 г.

В этот день (воскресенье) закончилась неделя Масленицы, стар и млад, малые и взрослые, мужчины и женщины ездили от дома к дому просить прощенья перед началом поста.

25 февраля 1723 г.

(Катание.) Воевода с другими русскими катался до полночи и очень устал. Это катание является лучшим удовольствием Масленицы. Катаются по четыре-пять человек на коровьей шкуре (вниз гладкой стороной). Катаются с высокого берега, предварительно облитого водой, дальше по реке. Повторяется это столько раз, пока не надоест. Слуги становятся на кожу, держатся за сидящих, т.е. катаются стоя. Случается, что сталкивают кое-кого, которых потом с разбитой головой приводят, а на месте катания в течение нескольких дней можно увидеть следы крови. Это катание похоже на катание немецких матросов. Только те катаются на маленьких санках.

2 марта 1723 г.

Вечером я ходил к воеводе, чтобы узнать насчет своего жалованья, красного камня и о другом. Жалованье обещал через три дня, кабаргу привезли в этот же день, а насчет красного камня (мела) ничего больше, кроме того, что Андрей узнал в д. Сиверга (Шиверга), не удалось узнать.

Он мне показывал еще траву (betulac monstrocum), которая растет в виде серпа. Как ни просил я его отдать мне ее, он не согласился. Мне ничего не оставалось, как снять копию (зарисовать. – *Г.Б.*) и вернуть эту траву ему обратно. При этом он мне рассказал, что прежний воевода Дмитрий Борисович Зубов законсервировал в водке (т.е. настоял на водке) эту траву, но куда это делось, он не знает. По его мнению, эту настойку отправили, наверное, в Москву, так как был указ (в 1718 г.), чтобы все воеводы делали такие настойки и высылали их в Москву.

Также вроде у Зубова были дрова угле-черного цвета, которые после сгорания давали красную золу и которые он находил около Качинской мельницы. Но у меня не было образца, и я не мог их найти около Качи. Видно, я искал не на том месте.

Я напомнил ему, что Зубов и другие поступают безответственно тем, что все скрывают от меня все находки. Ответ же был один: «Я не знаю».

14 марта 1723 г.

…Был у меня сегодня татарин Канчаров. Он рассказал мне, что татары сдают в дань его императорскому величеству 6 соболей в год, кроме этого, по 1 соболю воеводе. А когда воевода и приказчик собирают дань, они отбрасывают много соболей (вроде как брак), но не отдают их назад, а забирают себе их, а в книге записывают, что за ними (татарами) остался долг, который нужно выплатить при следующем сборе дани.

15 марта 1723 г.

Воевода еще не выехал в Абакан (Абаканский острог. – *Г.Б.*), так как русский капитан (Викул Греков. – *Г.Б.*) хочет, как только уедет воевода, избить всех писарей, которые допустили подлог при переписи населения. Некоторых он уже подверг избиению[13].

24 марта 1723 г.

Мой слуга сообщил мне, что недавно был зачитан указ, где указывается, что те, которые будут на базаре открывать лавки или заниматься ремеслом, будут подвергнуты денежным штрафам[14].

25 марта 1723 г. Благовещение

Сегодня у русских большой праздник – Благовещение. Вечером пришли ко мне два брата, Яков и Петр Терские – оба купцы. Они часто ездили за гору около Саянского острога. Они принесли мне незнакомую траву, которую они собрали на Араданском хребте, т.е. на самой высокой горе восточной стороны Енисея. Трава эта растет на самой вершине горы, низкорослая (3/4 аршина). Кругом ее нет другой травы. Они называют ее листовая трава и применяют против дизентерии (кровавый понос). Но люди, которые пили ее, находились почти 48 часов в туманном состоянии, поэтому ею не очень любят пользоваться, разве только при большой необходимости. Ее корни длинные и тянутся не вглубь, а горизонтально. Цветы ее и семена они не видели. Листья очень твердые, наподобие лаврового листа, длина их 2 цолла (5), ширина 8 цоллов. Сначала очень узкие, но к концу широкие и очень заостренные. Растут густо (кучками). Принесли они и иртышную

траву, так ее называют местные жители. Рассказывали они мне, что в этих местностях им встречались неизвестные деревья.

4 апреля 1723 г.

Я позвал сегодня к себе писаря Ивана (Сурикова. – *Г.Б.*), чтобы составить доношение, или прошение, как его называют русские, относительно моего путешествия, а именно: 3 каюка или больших лодки, а также 3 штурмана и 12 гребцов. Кроме того, одного смелого лоцмана по имени Иван Брюхов Кич-Аренский, казачий сын и т.д., стопу писчей бумаги, 1/2 пуда свинца, 1/2 пуда пороха, 2 ведра хорошей крепкой водки или старого брантвейна.

Это доношение я передал с моим переводчиком Петером воеводе, на что он дал ответ: бумаги нет, порох и свинец мне не нужны, так как я не должен бояться врагов…

1 мая 1723 г.

…Илья Белослюдов назвал мне следующие русские травы, которые должны были тут вокруг расти, а именно: прикрит, коренья Купена, лютик, черенховский ревень, который, однако, был привезен его соотечественниками из Китая и найденный, как он знает, где-то в Сибири. Я его попросил пойти на следующий день с моим слугой и найти названные им травы, что он и пообещал.

Интерьер избы XVII в. (из экспозиции ККМ)

4 мая 1723 г.

…После обеда мой слуга Петер Кратц принес исписанный лист доходов Красноярского воеводства из продажи должности приказчика как указанный Дмитрий Борисович Зубов, а с ним другие взимали плату, который ему (слуге) в присутствии моих денщиков Михайлы, Данилы и Андрея продиктовал старый русский Иван Степанович Кубяков (Кобяков. – *Г.Б.*), служивший в моем доме более зимы служивым, а именно следующее: Абаканский острог – 300 руб., Верхний острог – 50 руб., Саянский острог – 200 руб., Канский острог – 200 руб., Даурская – 30 руб., Есаулова – 50 руб., Лодейка – острог – 20 руб., Частоостровская – 20 руб., Бузим – 20 руб., Павловская –10 руб., Балчуг – 10 руб., Подъемная – 10 руб., Заледеева – 10 руб., Порог – 20 руб., сумма с 14 приказов (присудов. – *Г.Б.*) – 950 руб.

Все годы два человека, собирающие ясак (дань) с сойотов, должны были откупаться подарками. Все купцы, а ежегодно туда причислялось 20 человек, должны были внести за себя 10 руб., сумма с 20 человек – 200 руб.

Я велел, чтобы этот Иван Степанович Кубяков немедленно пришел ко мне и расспросил его подробно здесь же, откуда он мог бы знать об этом так точно. Он мне ответил, что он сам был приказчиком в Частоостровском и Заледеевой и заплатил за это 10 руб., дальше были другие, от которых он лично слышал, что каждый должен был заплатить за себя. Он был полон страха до того, что у бедняги выступил на лбу пот, и просил меня ради Бога не доносить на него местным людям или тем более воеводе, так как в противном случае он будет жестоко преследоваться.

Кроме того, пришел также мой портной Иван Харламов и доставил мне мою одежду. Он сказал мне к тому же, что Дмитрий Борисович Зубов, как и прошлый воевода, велел сшить более 400 шуб и просторных пальто из соболей, рысей, тигров, пантер или ирбисов, лис, волков, белок и других для него и других. Так из года в год он должен был отрабатывать эту барщину, оплачиваемый ничем другим, кроме пропитания. Соболя, которые он имел, были отборно лучше, чем все те, которые когда-либо собирались как ясак для его величества, и у него должно быть лучше окаймлено и сшито,

чем из китайской и камчатной ткани, как имеют обыкновение штопать шерстяные сюртуки в Германии. Что касается цены, считал он, то самая плохая шуба от 18 или 20 руб. становится ценой до 40, 60, 80, 100 и более руб., а если исходить из 20 руб., то сумма 400 шуб набегает до 8000 руб. По могильному золоту золотых дел мастера оценивали его (доход воеводы. – *Г.Б.*), если все подскрести, немногим более 1000 руб., но есть такой факт, почему я при моей службе его величеству не мог получить даже незначительную часть. Доходом могло быть могильное золото, или серебро, или четвероногие, или даже обыкновенные птицы, так как даже эти для него немедленно ощипывались и посылались на кухню. Это я лично узнал у местного воеводы Дмитрия Кузьмича Шетнева, который мне не послал когда-либо ни утки, ни тетерки в перьях… Местные люди выражали свое неудовольствие и енисейским главным комендантом Вердеревским. Он вымогал у них детей, которых брали в рекруты, если не давали подарок более 100 рублей…

Мессершмидт Д.Г. Путешествие по Сибири с целью ее исследования. (1720–1727 гг.). Изд-во Берлин; Лейпциг, 1962. Ч. 1. С. 189–209; Ч. 2. Лейпциг, 1964. С. 3–44 / пер. с нем. Л.Б. Гардер и Г.Ф. Быкони. Дневниковые записи о пребывании Мессершмидта в Красноярске с 5 до 9 октября 1722 г. Переведены в 2012 году (см. Д.Г. Мессершмидт. Дневники / пер. Е.А. Ким. Томск; Абакан; Красноярск, 1721–1722. Абакан: ООО «Кооператив “Журналист”». С. 157–158.

Комментарий

1. Дневниковые записи первой в Сибири научной экспедиции доктора медицины Д.Г. Мессершмидта публиковались на немецком языке с 1960 года, благодаря совместным усилиям советских и немецких (ГДР) ученых. Материалы по Средней Сибири даны в 1 и 2 томах этого издания.

Первый том, куда вошли материалы до 9 октября 1722 года, вышел в Берлине – Лейпциге в 1962 году. В данный сборник из первого тома вошли выдержки из глав 11 и 13. Второй том, включающий в себя данные с 1 января 1723 г., вышел в 1964 г. Из него в настоящее издание включены выдержки из 21 главы.

Записи с 9 октября по 31 декабря 1722 года, очевидно, публикаторы не обнаружили среди бумаг ученого.

Текст в овальных скобках выделен самим автором, а с пометой Г.Б. – составителем.

Экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта в общей сложности пробыла в Красноярске свыше 10 месяцев. Доктор, принятый на русскую службу в Германии Петром I для изучения естественных богатств России и сбора коллекций, упорно работал над исследованием флоры и фауны края. Вместе с тем его внимание привлекали жизнь и быт сибиряков. Что-то видел он сам, о многом рассказывали его слуга-переводчик Петер Кратц и повар Андрей Геслер, которые чаще общались с горожанами. Наиболее ценными информаторами для Мессершмидта были члены семьи сибирского дворянина Ильи Сурикова-Нашивошникова с сыном Иваном Суриковым, у которого он жил в первый свой приезд в Красноярск, и старый казак Иван Кобяков, назначенный ученому в денщики. Страницы дневника обличают тогдашнюю воеводскую систему управления, называют многие не попавшие ни в какие официальные документы методы обогащения красноярских воевод (сортировка ясачной пушнины, похмельный день, двойные именины), дают конкретную картину приказной волокиты и крючкотворства, жестоких методов дознания и следствия. Уникальны сведения о некоторых сторонах духовной жизни красноярцев, о составе и форме проведения религиозных праздников (Рождества, Масленицы, именин церкви); о народных обычаях, вынесенных из Руси (Прощенный день накануне Великого поста, катание с ледяных горок, свадебный обряд), об уровне географических представлений, знании флоры, фауны и недр своего края. Из дневника Д.Г. Мессершмидта видно, что в городе было сложное по социально-сословному составу население – сибирские дворяне, дети боярские, конные и пешие казаки, приказные служители воеводской канцелярии, священники и церковный причт, промысловики, купцы, крестьяне, гулящие и ясачные новокрещены. Главную роль играет служилый элемент. Красноярцы, что удивляло ученого, свободно держатся с воеводами и другим начальным людом, позволяя себе даже рукоприкладство по отношению

к последним. Они прижимисты в будни и размашисты в праздники, особенно в гульбе. Даже церкви превратились в место для выпивки и даже сведения с кем-то счетов (именины церкви). О слабо развитом у красноярских жителей религиозном чувстве говорится и при описании Масленицы.

2. Репа долго заменяла в России и Сибири картофель, который стал широко возделываться сибирскими жителями только с 40-х годов XIX века (см. **Кожухов Ю.С.** Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века. Л.: ЛГУ, 1967. С. 182). С пригородной деревни Дрокино картофель стали распространять благодаря декабристу М.М. Свиридову.

3. Швед Ф.И. Табберт-Страленберг, сопровождавший Мессершмидта от Тобольска до Красноярска, увлеченно занимался картографированием Сибири. Ему принадлежит обнаруженная автором этих строк первая на математической основе карта бассейна Енисея. Под названием «Карта лежащих мест между Томском и Удинском острогом» она хранится в Москве, в Российском государственном архиве древних актов под № 20 среди карт Тобольской губернии и картографического отдела библиотеки МИДа. Именно из указанных в документе не совсем точных расчетов была составлена эта карта, а также выполненная уже на родине карта России и «Великой Татарии» (см. **Быконя Г.Ф.** Неизвестная карта Средней Сибири Ф.И. Страленберга // Известия Всесоюзного географического обществ. 1973. Т. 105, вып. 2. С. 161–167; **Новлянская М.Г.** Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М., 1966. С. 54). Страленберг ошибся в пересчетах расстояний, поэтому его карта выглядит как бы сплюснутой с юга и севера. Также в данных о расстояниях между сибирскими городами не всегда учитывалось, что новая верста, введенная Петром в 1719 году, равнялась двум старым. Промер же верст велся. Чтобы упорядочить выплату прогонных денег.

Страленберг был военнопленным. Пленные шведы содержались в Сибири с 1711 по 1721 год после неудачной попытки уйти на родину из Казанской губернии. Размещались в 22 сибирских городах, в том числе в Енисейске, Красноярске и Туруханске. Занимались различными ремеслами, промыслами, торговлей, от-

купами, обучением детей. Могли вступить в регулярные полки и местные казачьи войска добровольцами. Получали ежегодно «кормовые деньги». Разрешались денежные переводы из Швеции. Жены с детьми могли приехать к своим мужьям. Желающим разрешали жениться на сибирячках, не меняя своей протестантской веры. Общая численность военнопленных шведов в крае не установлена. В Енисейске с 1711 по 1716 год находился генерал-лейтенант, адъютант короля Карла XII Канифер, получавший ежегодно по 36 руб. 10 коп. кормовых.

На строящемся казенном железоделательном заводе находились «рудные мастера» Питер Дамес, квартирмейстер и толмач Симон Лонгран и угольный мастер Ларне Ларшон, получившие за 1721 год жалованье соответственно 50, 40 и 10 руб. О потомках шведских военнопленных, на Ангаре в 70-х годах XIX века сообщал ссыльный писатель и врач С.Я. Елпатьевский (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2658. Л. 2–21, 86, 206–239).

4. Иоган Деодат Блументрост, младший брат лейб-медика Петра Первого, был президентом Медицинской коллегии, и ему непосредственно подчинялся Д.Г. Мессершмидт (см.: **Новлянская М.Г.** Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1970. С. 9).

5. В неофициальном и повседневном общении Илью называли то Нашивошниковым, то Суриковым, то двойной фамилией. Невозможно допустить, что пунктуальный дотошный ученый иностранец на русской службе, который по служебным делам даже с местными красноярскими комендантами-воеводами общался письменно «промемориями», мог перепутать имя и фамилию своего первого квартирохозяина, у которого жил 4 месяца.

На мой взгляд, точку в загадке, имел ли Илья Нашивошников отношение к предкам художника, ставят ранее неизвестные, во многим уникальные разнохарактерные материалы следствия по так называемой Второй Красноярской шатости 1717–1722 годов. Все участники восстания считали Илью Нашивошникова родным братом Петра Сурикова (см. выше док. № 36, 38, 39; подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Новое о предках В.И. Сурикова, гениального русского художника // Социркультурное освоение Сибири:

материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. С. 256–262.

Сын Ильи – «красноярский сын боярский Иван Нашивошников», которого Табберт называл просто Иван Суриков, участвовал в выборе места под строительство Саянского острога и был заметен во Второй шатости. Он, в отличие от Ивана Григорьевича, не был, естественно, на стороне воеводы и 14 февраля 1721 года подписал коллективное «заручное прошение»-челобитье 26-ти красноярских казаков и «знамёна» 4-х ясачных князцов о назначении в Красноярск вместо Д. Зубова, ранее бывшего у них «комендантом»-воеводой, В.Е. Козлова (см. № 42).

По первой подушной переписи 1720 года уже дворянин 27-летний Иван с 14-летним братом Федором и 9-летней сестрой Прасковьей продолжал жить вместе с 56-летним отцом Ильей одним двором, хотя был женат и имел полугодового сына Петра. Вероятно, отец и сын вели общее хозяйство, используя труд пяти крепостных и дворовых людей. При этом владели этими подневольными людьми порознь. Отец – «крепостными Осипом 20 л. и Леонтием 30 л., да закладным 14-летним Игнатом, а Иван – семьей 35-летнего дворового человека с 14-недельным его сыном Семеном». «Сказку» же о составе семьи Ильи Нашивошникова во дворе №196 подписал сын-подросток Федор (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 14; Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722 / подгот. и издал И.А. Сиротинин. М.: Ломоносовъ, 2013… С. 73 (Л. 22)).

После введения подушной реформы и сокращения Петром Великим численности сибирского казачества, несмотря на бунтарское прошлое своего отца, Федор и Иван Нашивошниковы остались в штате и в 1741 году являлись детьми боярскими.

Представители казачьей местной старшины Нашивошниковы (Суриковы) в лице детей и внуков Ильи во второй половине XVIII века потеряли свой полупривилегированный казачий статус и через разночинцев стали крестьянами, посадскими и цеховыми (с1785-мещанами), а одиночки – купцами.

6. В данном случае, вероятно, имела место мистификация Мессершмидта со стороны красноярцев, не желавших, чтобы

«иноземец» другого вероисповедования прикасался к церковным книгам.

7. Это одно из первых для всей Сибири документальных свидетельств о частных концертах в домах состоятельной части сибирского общества. Резко отрицательный отзыв ученого обусловлен и рядом других причин: упаднического настроением, пессимизмом, общим недовольством хозяином вечера – комендантом Шетневым, который не выполнял многие просьбы Мессершмидта о присылке образцов растений, минералов и различных животных для анатомических занятий.

8. Случаи задержки денежного, а также хлебного и соляного жалованья были нередки и раньше, и в последующее время. Иногда не платили за 3–6 лет (см. РГАДА. Ф. 1019. Д. 18;. Ч. III. Л. 50–55; Ф. 428. Оп. 1. Д. 251. Л. 90–95).

9. Автор неточен. Желающий из сельских жителей мог оставить бороду, уплатив определенную сумму и получив специальный медный знак об этом. При въезде в город его нужно быо педъявлять во избежании штрафа.

10. Указ Петра I в 1722 году, запрещавший самосуд.

11. Очевидно, отмечали день рождения и день ангела (крестины).

12. Автор неточен. Петр I велел унифицировать надгробные плиты и устаналивать их на уровне дневной поверхности.

13. Уклонение от переписей являлось одной из распространенных форм классового противодействия властям. Вместе с тем этим пользовались чиновники для наживы. Нередко в податных списках канцелярские служители пропускали отдельных налогоплательщиков без их ведома и клали их деньги в свой карман. В петровское время методы пресечения злоупотреблений и взимания налогов были крайне жестокими. Были случаи, когда приехавшие за подушными суммами унтер-офицеры расквартированных полков даже воевод сажали на цепь до внесения полностью «доимочных» денег. При первой переписи населения Красноярского уезда уклонилось от учета более 300 душ мужского пола.

14. Очевидно, речь идет о преследовании тех ремесленников и торговцев, которые не входили в цех или посад.

План Красноярска. 1799 г.

Часть II. ГОРОД УЕЗДНЫЙ

Красноярск, этот сирота,
жил не богато и не бедно,
как земледелец питаясь
от плодородной земли.

Словцов П.А., историк Сибири

Незаселенность русскими ближних южных плодородных районов и сильная конкуренция со стороны Томска, Енисейска и Иркутска не позволили Красноярску превратиться в видный торгово-

ремесленный центр. Он не смог даже удержать свое прежнее население. Так, за 25 лет, с 1722 по 1747 год, из города вышло 165 семей, всего 530 душ мужского пола, осевших, главным образом, в Хакасско-Минусинском крае (см. № 47,48; РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 2–47; Д. 945. Л. 1–312 об.). Отток продолжался в течение всего XVIII века (см. № 55, 60, 79, 80). Город количественно и территориально почти не рос. Так, в 1722 году в нем насчитывалось 369 дворов и 1250 душ мужского пола; в 1735 – 347 дв.; 1747 – 1260 душ мужского пола; 1769 – 381 дв. и 1327 душ мужского пола; 1772 – 350 дв.; 1782 – 337 дв. и 1036 душ мужского пола; 1799 – 385 дв. и 1083 души мужского пола; 1807 году – 1211 душ мужского пола (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Л. 318 об.; Д. 5537. Л. 2–47; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2242. Л. 1–32; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 1: Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Гл. 5.1, табл. 37, 38). Масштабы выхода из города выглядят более значительными, если учесть высокий естественный прирост населения (№ 47). Правда, в городе сохранялся еще с XVII века костяк старожилов-красноярцев в две сотни человек, потомки которых и сейчас живут в городе.

Замедленные темпы общего развития Красноярска удивляли бывших в нем во второй половине XVIII века путешественников (см. № 46, 48, 80, 81, 67). Тем более что с проведением Московско-Сибирского тракта город оказался на перекрестке важнейшего в Сибири сухопутного и значительного водного путей сообщения (см. № 79).

Вместе с тем в это время в городе происходили важные качественные изменения. Многие горожане превратились в земледельцев, а Красноярск стал видным центром сельскохозяйственной округи, поставлявшей хлеб и скот в Енисейск, Туруханск, на Алтай и в низовья Оби (см. № 50, 56, 67). Из некоторых жителей города, а также ссыльных и вольных переселенцев к концу века сложилось небольшое, но уже устойчивое ядро посадского (с 1775 года – мещанского) населения (см. № 50, 64, 66, 69, 71, 80). Среди ремесленных специальностей, а в 1783 году их насчитывалось 15 видов (это минимум для средневекового города), преобладали занятия,

связанные с переработкой животного и растительного сырья (кожевенное, мыловаренное, портновское, столярное и плотничье ремесла), а также иконописание (см. № 64, 66, 73, 80). Количественный рост торгово-ремесленного слоя горожан представлен следующими цифрами: в 1720 году – 14 посадских; в 1762 – 109, в 1782 – 226, в 1795–445 мещан и купцов, или 41% всех горожан конца XVIII века, в 1807 году – 604 чел., или почти 50 % всех горожан. Вместе с городскими крестьянами и другими категориями трудового населения, которые составляли 20 % горожан, именно они, а не казаки стали определять экономическое и социальное лицо Красноярска (№ 50, 57, 61, 70, 80). К этому времени даже внешний облик города не напоминал о боевом прошлом. Страшный пожар 1773 года уничтожил все укрепления, восстанавливать которые не имело смысла (№ 47, 49). Присланный из Тобольска, тогдашнего центра Сибири, сержант геодезии Моисеев дал городу совершенно новую, петербургского типа, линейную планировку, которая прослеживается в старой части города до сих пор (см. №.69; ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 31; Д. 238. Л. 1–3; Ф. 47. Оп. Д. 31. Л. 3 об.).

Именно в это время к первому в городе каменному зданию – Рождественскому собору, сооруженному в 1759–1773 годах, – была перенесена от бывшей въезжей Спасской башни торговая площадь, известная старожилам-красноярцам как Старобазарная (район около здания Государственного архива Красноярского края, ул. Маркса, 6) (см. № 52, 61). Стрелка Енисея, сердце города, закрепила за собой роль не только административного, но и торгового центра Красноярска. Застройка территории малого острога ничем не стала отличаться от остальной части города. Без стен и крепостных башен общий его силуэт оказался несколько обедненным. Только каменные собор и деревянная Покровская церковь своими вертикалями несколько выделяли в 90-е годы XVIII века центр Красноярска (см. № 82, 88).

Смена функциональных ролей города повлияла и на социальные отношения. Значительная чсть казаков через статус тяглых разночинцев стала, по третьей переписи 1762 года, крестьянами. Из штатных казаков с семьями в собственно городе оставалось от 127 до

300 душ муж. пола. Они вместе с казаками-деревенщиками и переселившимися в 70-х годах пограничными казаками, несли там дозорную службу. Вместе с городовой командой из 135 чел. казаки выполняли разнообразные разовые, периодические и постоянные налоговые, хозяйственно-огранизационные, исполнительные и надзорно-полицейские функции (см. № 50, 57, 88; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Т. 1, гл. 5.1, табл. 37).

Должностная и имущая казачья верхушка продолжали кабалить бедняков и обзаводиться холопами, стремилась завести хозяйства помещичьего типа и получить статус потомственных российских дворян. Этим частно-крепостническим стремлениям противодействовали как снизу так и сверху (см. № 51, 78, 90; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Т. 2, гл. 5). Пример в этом подавали местные классные и прибывшие чиновники (см. № 83).

Общегосударственный в экономическом отношении крепостнический режим оказался менее действенным в Сибири. Правда, к открытым формам социального протеста горожане уже не прибегали. Широко практиковались самовольные переселения, утайка от обложения доходов и неплатеж налогов (см. № 50). Такая первая социальная война сочеталась со второй, то есть конфликтами между зажиточными и бедняцкими слоями городских сословий – (см. № 60, 78). Единение против властей осложнялось межсословными противоречиями в несении казенных служб, платежей и натуральных повинностей (см. № 60, 70, 80). Вместе с тем, будучи в подавляющем большинстве мелкими собственниками-тружениками, они вольно и невольно через сословное самоуправление сотрудничали с властями (см. № 48, 80, 91, 92).

Формальная в основном стагнация и игнорирование выгод положения транспортного узла города привели к ошибочному явному снижению административно-территориальной значимости Красноярска. Центральная власть основательно перекроила его уезд. По губернской реформе 1783 года восточные волости за Каном отошли в Иркутскую губернию одноименного наместничества, а западные до 1797 года – в новый Ачинский уезд Тобольской губернии одноименного наместничества. Сам Крас-

ноярск с притрактовой полосой и южными волостями включили в Томскую провинцию новой Колыванской губернии Колывано-Воскресенского наместничества. Мало того, город чуть не потерял статус уездного, попав в поле зрения самой императрицы Екатерины II (см. № 78). Парадоксально, но лишь при неадэкватном Павле I, с упразднением Ачинского уезда Красноярску частично вернулась роль центра важной части единого экономического пространства Приенисейского региона.

Новые веяния в век Просвещения, как называли XVIII столетие, затронули и Красноярск. Вырос город и в своем культурном развитии. Значительное распространение получило обучение грамоте на дому. В 1781 году городовой магистрат заказал для горожан в книжной лавке при Российской Академии наук 100 букварей и 50 апофегмат. В Красноярске появляются первые учебные заведения специального и общеобразовательного типа. Конфессиональное образование для детей духовенства велось в Красноярской латинской школе (см. № 53, 54, 55). В городе усилиями одного из участников экспедиций Ф.И. Фалька и П.С. Палласа – С.М. Кашкарева – возникла в 1784 году первая в уездной России публичная библиотека. Судя по ее книжному фонду, красноярцев интересовали книги естественно-географического, исторического и нравоучительного содержания – (см. № 82).

Литературная жизнь Красноярска датируется началом 60-х годов (см. № 54, 55).

В XVIII столетии красноярцев также интересовали музыка и хоровое пение. Основоположник русской этнографической науки С.П. Крашенинников и натуралист И.Г. Гмелин уже в 30-е годы XVIII века засвидетельствовали увлечение жителей Приенисейского края «вертепным действом», или народным театром кукол (см. № 46, 48). В 1762 году ученики латинской школы хором исполняли положенную местным автором на музыку сатиру на «иноземца» полицмейстера, разыгрывали школьные драмы (см. № 54).

Находясь на перекрестке путей, Красноярск оказывался опорным пунктом многих научных экспедиций. В нем долго, иногда свыше года, жили такие известные ученые, как И.Г. Гмелин (1735, 1739–1741), Г.Ф. Миллер (1735, 1739–1740), С.П. Крашенинников

(1735), П.С. Паллас (1771–1773) (см. № 45, 46, 47, 48, 67). Красноярцы помогали им собирать и обрабатывать ботанические, зоологические, минералогические и этнографические коллекции. Многие городовые казаки строили для экспедиций суда, закупали и доставляли к Илимску и в другие места продовольствие и различные припасы, были проводниками и участниками многих путешествий. Нередко именно от них зависел исход предпринятого дела. Так, уроженец Красноярска казак Савва Стародубцев был с Витусом Берингом до его смертного часа, а затем помог спастись уцелевшим членам экспедиционного отряда во главе с лейтенантом Вакселем, построив вместо старого судна новое. На этом суденышке в конце августа 1742 года отряд покинул остров Беринга и добрался до Камчатки. Ваксель впоследствии писал: «Должен заявить… по справедливости, что этот человек (Стародубцев. – *Г.Б.*) оказал мне большие услуги… и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи». В 1744 году отважному красноярцу присвоили за это звание сына боярского (см. **Дивин В.А.** Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М.: Мысль, 1971. С. 154–155).

В целом духовные запросы красноярцев определились догматами православия. Потребность в духовном окормлении подвигала их на новые расходы для замены деревянных церквей на каменные, содержание клира и строительство часовни (см. № 52, 62, 63, 65, 83, 89).

Общий же культурный уровень города того времени был невысоким. Город почти за два столетия своей истории прошел путь от острога-крепости к селению сельскохозяйственного типа и самому крупному на юге бассейна Енисея товарораспределительному, ремесленному и мелкотоварному центру. Вместе с тем в Красноярске был еще слабо выражен главный признак города. Торгово-ремесленные слои горожан не составляли и половины его жителей. Преобладали административные, налоговые и полицейские функции города. Культурная жизнь и общественно-политические воззрения развивались крайне медленно.

Благодаря центральному положению в перекрестке водно-сухопутных путей сообщения Красноярск стал центром научного изучения Сибири в XVIII веке.

№ 45. 1735 г., января 3. Енисейск. – АНКЕТА Г.Ф. МИЛЛЕРА, ОТПРАВЛЕННАЯ СО СТУДЕНТОМ ТРЕТЬЯКОВЫМ В КРАСНОЯРСК

…Понеже нам по Именному Ея Императорского Величества указ от правительствующего Сената во время Камчатской экспедиции в Сибири, всякия истории и прочим обстоятельствам сей земли принадлежащия обсервации и исследования чинить велено, и мы в Красноярск вскоре прибыть намерены, дабы нам от всех тамошних уездов потребныя известия собраны, и того ради в Красноярской воеводской канцелярии наперед объявляем, чего мы по прибытии нашем по силе данного нам из Сибирской губернской канцелярии послушного указу, который для прочтения при сей промемории прилагается от оной канцелярии требовать будет, а именно:

1. Чтоб нам о городе Красноярске и о всех до оного принадлежащих острогах и слободах совершенное и обстоятельное известие сообщено было: когда, при каком случае и по каким указам оные построены, какое в оных казенное строение и какие церкви и монастыри имеются, какие в построении оных перемены были и сколько, где, каких людей в службу определено, какие от нападения неприятельских людей, от пожарных и иных какие нещастливых случаев утрата была, какия села и деревни в Красноярску городу, острогам и слободам приписаны, какия иноземческие ясашные волости в Красноярском уезде принадлежат, на каких реках или у каких урочищев той иноземцы живут, много ли имеется во оных волостях ясашных людей, сколько они по окладу ясака платят, и чем оной ясак с них берется и сколько русских жителей в дистриктах Красноярского уезду, которые в подушной оклад положены всякого чина порознь, что с них в год всяких окладных и неокладных денежных и хлебных доходов собирается, и сколько по нынешнему штату в год денежного и хлебного жалования исходит, много ли в городе Красноярске всех обывательских домов, сколико в оном городе кроме уезду всякого чина душ, которыя подушныя деньги платят, сколико в городе по церковным запискам в последних 10 летах мужеского и женского полу младенцев порознь родилось и сколи-

ко в тех же 10 годах каждого полу и возраста людей умерло, в каком состоянии соляные доходы имеются и откуда соли в казну берется, с которого году в Красноярской воеводской канцелярии дела имеются, когда старый Красноярский острог городом называться и писаться стал, когда и по какому указу первая печать города Красноярска сделана, и чтоб нам о нынешней печати образец с объяснениями сообщен был.

Герард Фридрих Миллер (1705–1783)

2. Чтоб нам о имеющихся в архиве Красноярской воеводской канцелярии с росписными списками присланы были, и чтобы оные дела, которых мы из Красноярской воеводской канцелярии потребуем, нам у себя в квартире пересмотреть позволено было, так же ежели в оной канцелярии какие геодезические или иные чертежи имеются, чтоб оныя також да известия о мере верст по разным дорогам нам присланы были…

Чтоб из ясашных сборщиков, которые ежегодно по инородческим волостям ездят, или которые ясак со оных волостей в городе берется и из приказчиков всех острогов, слобод и сел, которые и ныне там, или, которые недавно там правление имели по одному человеку, так и из тех промышленников некоторые присланы, и им повелено было нам на все, что мы у них спрашивать будем, обстоятельные и достоверные ответы давать, и чтобы к нам, обретающиеся в городе или в уезде разных иноземческих языков толмачей, присланы были и понеже к наступающему празднику Богоявления Господня (22 декабря старого стиля. – *Г.Б.*) в город Красноярск из всех татарских волостей всяких людей для отдачи ясаку съезжаются, того ради требуем, чтоб из каждой волости по одному или по два человека из лучших и знающих людей до нашего прибытия в городе удерживали. И о промысле в Красноярском уезде так называемого зверя кабарги одного самца с самкою требовали мы декабря четвертого дня прошедшего 1734 году в Енисейской провинциальной канцелярии, чтобы в Красноярск указ послан был.

И Красноярская воеводская канцелярия да благоволила о всем вышеописанном учинити по Ея Императорского Величества указу.

Академии наук профессор Герард Фридрих Миллер своим и своих товарищей именем.

ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 6. Д. 66. Л. 161–162 об.

Комментарий

Главная сложность работы с анкетами-вопросниками заключалась в том, что воеводские канцелярии сибирских городов, куда поступали анкеты, не могли, а зачастую не хотели дать сведения в нужном объеме. Следовало сформулировать вопрос так, чтобы он четко определял существо ответа и был одновременно как бы планом ответа на него.

В посланной в Красноярск Г.Ф. Миллером анкете вопросы детально не выделены, не развернуты и не нумерованы, как это он стал делать впоследствии. Вместе с тем он посылал анкеты заранее, а не по приезде, как делалось в Западной Сибири. Такой прием давал воеводской канцелярии время для сбора материала по вопроснику, а историк имел возможность до отъезда задать

дополнительные вопросы. Вот почему анкета была отправлена в Красноярск за 15 дней до приезда Г.Ф. Миллера в город.

Важно также отметить, что этот вопросник составлен с учетом тех сведений о Красноярском уезде, которые получил историк, находясь в Енисейске. Подробнее об общих приемах работы Г.Ф. Миллера (см. **Бахрушин С.В.** Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I; **Андреев А.И.** Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 73–164.

№ 46. 1735 г., января 18 – февраля 18. – ИЗ ДОРОЖНОГО ЖУРНАЛА С.П. КРАШЕНИННИКОВА О ЕГО ПРЕБЫВАНИИ В КРАСНОЯРСКЕ

18 генваря в город Красноярск приехали.

В сем городе есть крепость деревянная и 2 церкви, одна в крепости во имя Владимирской богородицы, а другая во имя Покрова богородицы.

Она стоит над рекою Енисеем, а под ним впала в Енисей река Кача. По сей реке живущие татары качинцы называются. Здесь имел я случай видеть одного из тех татар с женою, которой приведен был к г. профессору Миллеру. Он очень стар, но жена еще лет около 20, она сказывала, что ее насильно взял, понеже она прежде была за сыном ево, а по смерти сына он ее за иного не выдал, потому что, как сказывает, много за нее калыму дал.

Сии татары едят всякого зверя, а вместо хлеба в зиму запасают курлык, который много на гречу походит. А хлеб из них мало или почти никто не пашет. Ясак платят иные по соболю, а иные по 2, и по 3, и по 6, а выше сего не бывает. Во время збору дается им вино по числу соболей, кто один соболь платит, тому и чарка одна и так до 6. Перед сим незадолго во время же ясашного збору им давана была лошадь, одна на всех, которую они не убивают, но по улицам ее гоняючи и поленьями или палками бросаючи, умучивают, а умучивши, как собаки, рвали, кто что ухватит, а которой из них много ухватит, за тем человек 20 бегут и, настигши, отнимают, и так, кто из них урвет да уйдет, что никто не увидит, тот и прав. А ныне им вместо лошади дают из казны полтора ру-

бля денег, которые они, понеже делить их неможно и по копейке на человека не придет, в церковь нашу отдают.

Богу они небесному молятся, праздников никаких не знают, однажды только в год в осеннее время лошадь убивают. Попов тако же не имеют.

Степан Петрович Крашенинников (1711–1755)

Свадьбы они венчают так: в тот день, в которой свадьбе быть, съежжаются жениховы гости в избу, а невестины в другую, и как придет время, то невеста из отцова двора доедет на другой день, а в то время жених с поездом (свадебным. – *Г.Б.*) сокрывшися стоят, а когда она выедет, то все на нее бросаются, и кто у всех отнимет, того и невеста. Того ради нарочно уступают жениху у всех отбить, а отбивши, он уводит домой к себе.

Они года по 2, по 3 и по 10 лет сговоренные бывают. Жених, оставя отца, приходит к тестю жить, и калым, которой они за невесту платят, зарабатывают, а невесту ему тесть до тех пор не отдает, покамест он весь калым заплатит.

Калым дают они деньгами, скотом и товаром. Богатые из них дают и по 100 скотин.

Жен им иметь по две и по три вольно, тако же и в родстве за себя брать не воспрещается, брат меньшой по смерти большего брата за себя брать может, а большому нельзя, сыну на мачехе и отцу на снохе жениться не возбраняется.

Умерших татар иных в каменю хоронят, а иных, ежели при смерти сами прикажут, со всем их платьем и ружьем, которым они владели, сожигают.

Имена всякому из них даются того человека, который впредь всех после родин придет.

Февраля дня 1 послан был я с 30 служивыми, в котором числе один пятидесятник и 4 человека плотников было, в имеющиеся вверх по Енисею реке пещеры и к писаному камню для приуготовления там надлежащих лесниц и способного всходу.

И так того же дня перед полуднем приехал я в Овсянскую деревню, которая от города Красноярска в 21 верстах, а против сей деревни, едучи вверх, на правой стороне Енисея реки, есть пещера, Овсянская называемая, длиною в 7 сажен 1 арш., а поперег в сажень. Река Енисей против сей пещеры только в 20 сажень. Здесь все по силе данной мне инструкции изготовивши, половину служивых наперед к писаному камню послал, которой верстах в 20 от помянутой деревни, чтоб того же дня дорога к нему прочищена была, а сам с остальными в Овсянской деревни ночевать принужден был, потому что близ писаного камня деревни не имеется, а посланным служивым, зделавши дорогу в Бирюсинскую деревню, которая в 5 верстах от помянутого камня, ночевать ехать велел, 2 февраля поутру, из оной деревни поехавши, смотрел писаного камня и меру снять велел, по которой лесница к оному в Бирюсинской деревне после зделана.

Сей камень от натуры есть кирпишного цвету и вышиною не меньше 60 сажен. В 3 саженях от льду (понеже он над самою рекою стоит) помянутый камень мелом, как видится, вымазан, а по мелу красною краской фигуры изображены. Первая и знатнейшая из них – человек на звере. Кроме сей, три человека, подпершися одною рукою, а другою протянувши, намалеваны. Понизе сих фи-

гур к углу зверь наподобие оленя, а на правой стороне гораздо подале их один только олень же написан. Кроме сих, иного ничего не видно, однако ж можно думать, что весь камень в помянутой 3-саженной вышине такими фигурами прежде раскрашен был, потому что еще и поныне белая краска, по которой фигуры красным, может быть, написаны были, не вся слиняла, и тоже и оттого, что и нынешние фигуры не в долгом времени все сойдут[1].

Того ж дня в Бирюсинскую деревню приехал, которая от Овсянской деревни в 26, а от города в 48 верстах, где зделавши к помянутому камню лесницу к бирюсинской пещере, которая в верстах в (число в документе не указано. – *Г.Б.*) от помянутой деревни находится, служивых отправил, чтоб на оную способной всход зделали. Они того ж дня и лесницы поставили, и, где надлежало, из земли и снегу ступени поделали, и от устья пещеры до низу веревку протянули, чтоб всходить способнее было.

Всход к ней очень труден есть, потому что очень крут и, как веревкою мерили, в вышину 45 сажен. Устье ее наподобие ворот градских, вход в нее на SWZS, длиною она 16, шириною 3 сажен и $1^1/_4$ аршина, а вышиною в ней около 7 сажен. Внутри ее гораздо тепло, в ней тако же и многие сосульки ледяные, очень толстые, высокие и безмерно чистые находятся.

4 дня сего месяца по полудни в 4 часу г. доктор с одним живописцом и геодезистом (И.Г. Гмелин, Люрсениус и Иванов. – *Г.Б.*) в оную деревню прибыл, и того же часу поехали мы до оной пещеры, а понеже тогда уже ночь настала, того ради с смоленными пуками лучины ходили, которые нарочно для того были зделаны. Г. доктор оную пещеру срисовать велел. И назад в деревню приехали мы часу в 7 по полудни и 5 дня поутру домой ехать намерены были, а понеже время не допустило прошедшего дня быть в одной пещере, которая нижняя называется и разстоит от деревни только в 3 верстах. К сей пещере с реки всходу зделать никоим образом невозможно было, потому что безмерно крута и вышины до устья ее не меньше 40 сажень. И в нее никак попасть не можно, разве из оной деревни верхами ехать.

5 дня поутру прежде солнечного всходу в помянутую нижнюю пещеру верхами поехали. Оная пещера сквозная: одно ее устье

на реку, а другое на горе, вход в нея с горы на SW, а с реки на SO, ширина ея 3 сажень и 1 аршин, длина $13^1/_2$ сажени, вышиною тако же не ниже верхней.

Здесь все отправивши, назад поехали. И доехавши до писаного камня, к которому уже лесница от посланных с нею поутру служивых 10 человек уже поставлена была, доктор и протчие, всходивши до него, ясно очень рассмотрели вышеописанные фигуры всей сей горы, и на них фигур г. доктор живописцу рисунок зделать приказал.

Оттуда поехавши и на Овсянке лошадей переменивши, в город Красноярск того ж дня в вечеру приехали.

А здешнего города обычаи, которые мы, там живши, приметили.

1. Во время праздничное жители по гостям незваные ходят и чересчюр упиваться любят, потому что иные из них в один день почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан пива урвет, и хотя уже в такое состояние придет, что на ногах ходить не может, однако ж лишь бы в котором доме шум услышал, понеже из того признавают, что там попойка есть, хотя ползком ползет во двор, чтоб еще напиться.

2. Во время Масленицы по горам уливают водою катушки, на которых во всю неделю почти всего города девицы и женщины вместе с мужиками на коровьих кожах катаются. А в последний день, то есть в воскресение, с оных катушек ид учи, со всяким, кто бы ни шел навстречу, целуются.

3. Смотру невестам никогда или очень редко, и то у знатных бывает, и жених по тех пор ее не видает, покамест ее в церковь к венцу не приведут.

4. Сговоренным невестам за день перед свадьбою обычай есть ходить на могилы выть, у которых отец или мать, хотя очень давно, умер…

В день Рождества Христова здешние жители нарочно пекут из теста коровки, собаки, зайцы и иныя звери, которые по их обще козылки называются, которыми делят славельщиков, а иные вместо козулек орехами или пирогами за славленье дают[2].

С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / Подг. к печати и ком. Н.Н. Степанов. Л., 1966. С. 57, 60–64.

Комментарий

Солдатский сын Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), талантливый самородок, один из первых российских академиков, был основоположником отечественной этнографической науки.

Родился в Москве. С 1724 по 1732 год обучался в Славяно-греко-латинской академии, в то время единственном в России высшем учебном заведении общеобразовательного типа, получая в месяц 30, а последние два года – 40 алтын. В составе 12 студентов Крашенинников в декабре 1732 года прибыл в Петербург в распоряжение Петербургской Академии наук. После испытаний и дополнительных занятий пятеро из них были зачислены в академический отряд экспедиции Витуса Беринга. В составе этой Второй Камчатской экспедиции 8 августа 1733 года студент Степан Крашенинников отправился в Сибирь, в путешествие, принесшее ему позже мировую славу.

Пребывание Крашенинникова на территории Приенисейского края относится к начальному периоду его становления как ученого.

В Красноярске Крашенинников находился с 18 января по 18 февраля 1735 года. Этот сравнительно короткий срок был удивительно насыщенным. Архивные материалы и страницы неофициального «Дорожного журнала» помогают очертить круг его занятий и интересов. Любознательный студент – активный помощник И.Г. Гмелина в естественно-научных занятиях. Они вместе, как и в Енисейске, наладили в городе регулярные метеорологические наблюдения, проинструктировав специально выделенного для этих целей казака (см. ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 144. Л. 72–73; Д. 66. Л. 164–165 об., 171–172 об.). 20 января они анатомируют привезенных из Саян двух самцов и самку неизвестных науке мускусных маленьких оленей. Через красноярского воеводу кости одного «зверя кабарги» были отосланы в Петербург. Деятельному, умеющему ладить с людьми Крашенинникову Г.Ф. Миллер поручает подготовить все необходимое для обследования в окрестностях Красноярска двух пещер и наскальных рисунков первобытных людей. Крашенинников стал одним из первых русских спелеологов, исследователем подземных пустот на Енисее (см. ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 66. Л. 180–180 об.).

Но больше всего интересовали Крашенинникова люди. Он деятельно помогает Г.Ф. Миллеру собирать сведения о коренном и русском населении Красноярского уезда. Именно поэтому в его «Дорожном журнале» были сделаны очень яркие записи о жизни и обычаях качинских подгородных татар, об их семейно-брачных отношениях. В предисловии к сборнику документов «С.П. Крашенинников в Сибири» академик А.П. Окладников отмечал: «…еще, быть может, интереснее… еще важнее для этнографии и истории Сибири те черты быта и жизни ее первых русских поселенцев, которые сберег для нас Крашенинников в своих описаниях жизни русских городов того времени». Эти сведения С.П. Крашенинников почерпнул из личных наблюдений и рассказов казаков-красноярцев.

1. До нашего времени, как и предполагал С.П. Крашенинников, увиденные им наскальные рисунки не дошли. Впервые их скопировал Д.Г. Мессершмидт, а опубликовал Г.Ф. Миллер. Это делает описание С.П. Крашенинникова важным для науки. Об енисейских писаницах оставили свидетельства и другие участники экспедиции (см. **Gmelin I.C.** Reise durch Sibirien. 1733–1743. Teil 1. Gettingen, 1752. С. 370–374; **Миллер Г.Ф.** История Сибири. Т. 1… С. 532–535).

2. Здесь речь идет о жителях Енисейска, но, несомненно, широко распространенный обычай «славить Христа» наблюдался и в Красноярске.

Описание подгородных татар взято из анкеты В.Н. Татищева, который получил эту информацию от И.Ф Нашивошникова-Сурикова.

№ 47. 1735–1738 гг. – СОБЩЕНИЯ О КРАСНОЯРСКЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ ПО АНКЕТАМ Г.Ф. МИЛЛЕРА И В.Н. ТАТИЩЕВА[1]

…Т., воп. 6. Что оного имя значит и но какой причине?

Город Красноярск значит по Красному Яру, которой Красной Яр от города имеетца за речкою Качею расстоянием в версте пятисотной[2].

Т., воп. 7. Когда оной и для какой причины построен?

По справке Красноярской канцелярии с наказом, которой сыскан прошлых лет в делах, писанном прошлого 7135 году июня

1 дня. Оной наказ за руками дьяков Ивана Федорова, Степана Угоцкого[3], а во оном наказе написано: велено оной острог строить Андрею Онофрееву сыну Дубенскому с разных городов людьми рейтарами и копейщиками и казаками подле реки Енисею и подле речки Качи в стрелке близ Красного Яру.

И прошлого 1726 году декабря 15 дня в Красноярской же канцелярии красноярские старожилы, отставныя дети боярские Прокофей Замятин, Петр Свищев, Савва Станковский с товарищи, по присяжной должности в сказке показали: слыхали де они, Прокопий с товарищи, от отцов и от дедов своих, Красноярской де острог, который ныне пишетца городом, строен в 7135-м и 7136-м годах (1628–1629, ибо новый год начинался с 1 сентября. – *Г.Б.*) и для строения оного острогу прислан был из Тобольска в показанном 7135-м году Андрей Онофриев сын Дубенский, и оной острог строен разных городов людьми от Соли Вычегодской и от Соли Камской, из Верхотурья и из Тобольска, и из других городов рейтарами и копейщиками и казаками[4]. И построили оной острог меж рекою Енисеем и речкою Качею в стрелке близ Красного Яру и укрепили деревянным стоячим острогом. А когда оной острог писатца стал городом, о том подлинной справки не имеетца, понеже в прошлом 705 году Красноярская канцелярия згорела[5].

…Т., воп. 10. Есть ли и где какие крепости, в котором (месте) и те разумеютца в которых диких, в пустых местах?

При городе Красноярску имеетца крепость, а именно, с верхнею сторону от реки Енисея до реки Качи построены две башни проезжия (одна называется Покровская (на территории краевой бльницы № 2, ул. Маркса, 43. – *Г.Б.*), а другая – Алексеевская (угол ул. Ленина и Парижской Коммуны. – *Г.Б.*) и от реки Енисея и Качи в верхную ж сторону построены)[6] три батареи, в том числе две пятиугольныя, одна четвероугольная (а оныя башни и батареи покрыты драньем) и меж теми башнями и батареями поставлен острог стоячей и подле острогу выкопан ров (и вал) и за рвом построены надолбы, и от реки Енисею устроены вместо рва рогатки для того, что оное место пещаное, а острогу стоячего и оной крепости устроить ни по какой мере невозможно. А от Качинской батареи и от речки Качи поставлен острог же и надолбы,

и на средине поставлена батарея пятиугольная, и от той батареи до малого города, до башни Угольной и до проезжих ворот, и от той башни и от проезжих ворот до угловой же башни поставлен острог же и надолбы, и подле оной угловой башни батарея ж пятиугольная (и оные две батареи и башня покрыты драньем). И от той угловой башни и батареи до встрелочной башни поставлен стоячий же острог и до реки Енисею (до яру построены же надолбы). И в стрелке построен малой город, вокруг острогом стоячим, по углам четыре башни глухие, в том числе означенные две башни, которые имеютца от речки Качи и покрыты тесом, в том же числе одна башня драньем, и пятая башня проезжая (Спасская на пересечении у. Каратанова и ул. Маркса. – *Г.Б.*) со створчатыми воротами, а на ней семь колоколов церковных да часы боевые казенные русские[7]. А в малом городе строения: церковь Преображения Господня о двух пределах: первой Владимирския Богородицы, второй – Николая Чудотворца; канцелярия строением деревянная ж о трех светлицах; казенные два анбара, где кладетца ясашная казна и протчия материалы с припасы; казенной же анбар, где кладетца артиллерия пушки и протчее мелкое ружье; зелейной погреб с выводом каменным, где лежит порох и свинец казенныя; четыре анбара, где кладетца казенной провиант; воеводский двор, в нем пять горниц на глухих подклетях, в том числе три нежилые подклети; поваренная изба с сеньми, да изба с сеньми людская; два провиантских анбара и промеж ими крытой сарай; анбар, под ним погреб; два погреба летныя да погреб же с выходом зимней теплой; конюшня рубленная, покрытая драньем, да караульная, да кузница.

В большом городе церковь деревянная Покрова Богородицы (в районе краевой больницы № 2. – *Г.Б.*), да колокольня, на ней шесть колоколов церковных. Да в оном же городе обывательских домов триста пятьдесят.

М., доп. требование: О имеющихся в городу Красноярску и в острогах артиллерии, сколько, где медных и чюгунных всяких калибров пушек?

По справке Красноярской канцелярии… в городе Красноярску артиллерии с припасы: пушек медных – восемь, калибром 2

фунта, пушка медная – одна, калибра 4 фунта, пушки чюгунных – две, калибром 3 фунта; пушка чюгунная – одна, калибром 2 фунта; пушка чюгунная – одна, калибром 1/2 фунта; пищалей затинных – шесть. И оные пушки в станках и на колесах.

Мушкетов годных к стрельбе с кремнями – сто тридцать восемь, пушка чюгунная негодная горелая – одна, карабинов годных к стрельбе с кремнями – десять, мушкетов негодных горелых стволин – тридцать три, карабинов негодных горелых стволин – двенадцать, пушечного и ручного пороху – сто девяносто пуд три фунта с полфунтом. Пушечных ядер калибром 3-х фунтов – пятьдесят семь, двухфунтовых тысяча триста пятьдесят семь, полуфунтовых – сто двадцать четыре. Пуль свинцовых – сто пятнадцать, дроби мелкой железной – девяносто одна, свинцу – шестьдесят шесть пуд, пыжевиков – тринадцать, ложек пушечных – тринадцать, фитилей – два пуда двадцать пять фунтов,трещеток – три, барабанов – тринадцать, багров пожарных – четыре, а оные багры – с цепями и веревками, вил пожарных – четыре, копей на ратовищах – четыреста тридцать пять.

Пять сум от пушек пороховых, кремней мушкетных и карабинных – двести[8]. Да в кузнице казенных же материалов, которыя числятся с артиллериею, а именно: двои меха кожаные, да наковальни железные, четыре молота больших, два молота средних, один молот маленький, семеры клещи больших и малых, две гвоздильни, две сечки наковальныя, два боротка, одно зубило.

Т., воп. 9. Колико церквей, домов каменных м деревянных, улиц и торжищ?

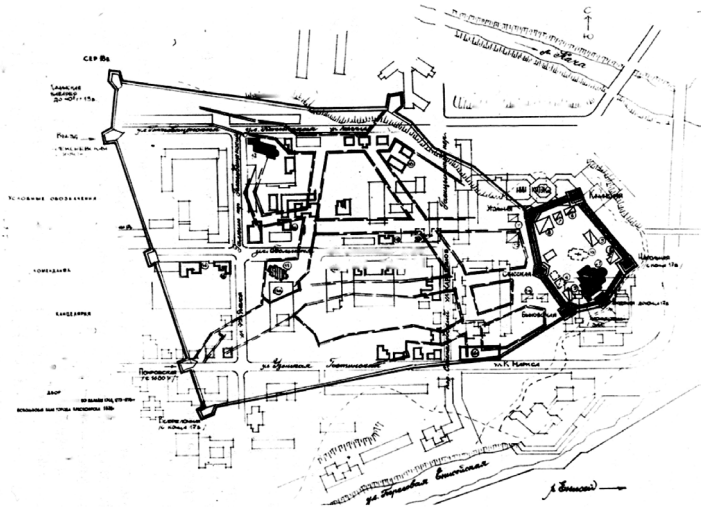
В городе Красноярску имеетца две церкви. Каменного строения церквей и домов, и торжищ в Красноярску не имеетца. Деревянного строения домов и улиц имеетца в городе Красноярску, а именно: от Спасской башни вверх по Енисею реке до Покровской башни по правую сторону улицы 32 двора, …по той же улице по левую сторону 27 дворов. (Прежде район ул. Гостинской и Береговой, а ныне Маркса и Марковского от ул. Просвещения до 9 Января. – *Г.Б.*). От Спасской башни по второй улице сына боярского Ивана Беляевского вверх по Енисею по реке до песку по правую сторону 21 двор…; по той же улице по левую сторону 11 дворов (рай-

он прежней ул. Гостинской, ныне ул. К. Маркса до ул. Парижской коммуны. – *Г.Б.*); от Малого города от Наугольной башни от Енисея реки и вверх по берегу по правую сторону 19 дворов (район ул. бывшей Песчаной, ныне ул. Урицкого. – *Г.Б.*); от Спасской же башни по Качинской улице (район между бывшей Воскресенской и Благовещенской, ныне пр. Мира и Ленина до ул. Парижской коммуны. – *Г.Б.*) до Алексеевской башни по правую сторону 29 дворов, по той же улице по левую сторону 29 дворов; от Енисей реки, соборной церкви в приходе до Качинской большой улицы поперег города Красноярска по правую сторону 10 дворов, по той же улице по левую сторону 14 дворов (район бывшей Благовещенской, ныне ул. 9 Января. – *Г.Б.*); от Енисея же реки от Ерлыковского свозу (пер. Причальный. – *Г.Б.*) поперег (города) до Качинской же улицы по правую сторону 10 дворов, по левую же сторону 17 дворов (район бывшего пер. Дубенского, ныне ул. Парижской коммуны. – *Г.Б.*) от Енисея же реки от песку по улице вдовы Резвихиной до Качинской улицы по правой стороне 13 дворов, по той же улице по левой стороне 18 дворов (район бывшего пер. Покровского, ныне ул. Сурикова); от Енисея же реки поперешной же улице от песку ж до Качинской улицы по правой стороне 21 двор, по той же улице по левой стороне 20 дворов (район между ул. 9 Января и Парижской коммуны. – *Г.Б.*); от Енисея же реки поперег к Качинской улице подле острога по правую сторону 12 дворов (район между пер. Дубенского и Покровским, ныне ул. Парижской коммуны и ул. Сурикова. – *Г.Б.*).

По-под горою от устья Качи по улице до Сиротинина свозу по правую сторону 10 дворов, по той же улице по левую сторону 12 дворов. На оном же под горою от устья Качи речки вверх по Енисею реке по берегу по правой стороне 17 дворов. Да за городом за Качей речкой от устья вверх по той же речке по правой стороне 5 дворов. В том числе при базаре таможня, а под горою ратуша. Итого в городе Красноярску обывательских домов всякого чина людей 350 дворов[9].

Т., 1738, воп. 88. Колико улиц больших и малых, торговищ и площадей?

Улиц больших проезжих имеется две, малых – девять. Торгов имеетца один, где стоит таможня, и площадь состоит одна же[10].

План Красноярска (реконструкция по анкетам Татищева и Миллера)

Т., воп. 3. Число их полное или извесное?

По справке в Красноярской канцелярии с именным списком и имянной окладною ясашною книгою и со зборною подушного збору книгою ж имеетца: в Красноярску детей боярских 30, конных казаков 300 человек, пеших казаков 310 человек, служилых татар 30 человек, казачьих детей и отставных казаков, которые платят подушные деньги, 345 человек, ясашных платежных татар 1174 человека, государственных крестьян 586 человек, синодальной команды крестьян же 127, посадских 755 чел.[11]

М., доп. требование: Чтоб к нам особливая ведомость прислана была в числе всяких чинов города Красноярска.

По справе в Красноярской канцелярии с переписною книгою в городе Красноярску всякого чина людей, а именно: детей боярских – 12 (цифры здесь и далее идутпрописью и столбиком – *Г.Б.*), казачий голова – 1.

Конные: сотников – 2, пятидесятников – 2, барабанщиков – 5, сиповщиков – 2, десятников – 6, рядовых казаков – 95.

Пешие: сотников –1, барабанщиков – 8, сиповщиков – 7, десятников – 9, рядовых казаков – 89, пушкарей – 6.

Разночинцев, которые платят подушные деньги, – 963, посадских людей, которые имеетца во ста двадцатикопеешном окладе – 25[12].

(Всего в городе служилых в штате 245 чел. без детей, а податных – 988 ревизских душ. Женский пол не учтен – *Г.Б.*)

М., доп. требование: По Красноярску о числе родившихся и умерших в разных годах следует ниже сего[13].

Т., воп. 10. Сколько велик плод приносят в землю положенный семена?

По сказке красноярских обывателей всяких чинов людей плод в землю бывает положенных семян, а именно: ржи и пшеницы и ячменю на одну десятину по 10 четвериков, ярицы по 14 четвериков, овса по 22 четверика.

Т., воп. 14. Какие ремесла во оном наиболее знатны употребляемы?

Знатных употребляемых ремесленных людей в Красноярску и в Красноярском дистрикте не имеется, кроме того, что по нужде портныя, чеботныя и кузнецы.

Т., 1738, воп. 11. Какия животныя и днкия звери в той земле находитца и как их ловят?

По сказке красноярских обывателей всяких чинов людей животные скота имеют: коней, коров, овец, дворовых коз, свиней. Дикия звери находятца: сохатые, олени… козы, кабарги, и тех зверей промышляют стрельбою из винтовальных пищалей, и ловушками, а имянно: копают на тех зверей ямы в глубину по сажени и по полуторы, и в таких ямах вынимают зверей живых и мертвых.

Т., воп. 16. О которую пору по большей части реки пригородах замерзают и выходят, и где бывает вешния и осенния наводнения, и как велики, быстрое, или тихое течение река имеет. Где дороги идут: лесами, полями, или водами?

А при городе Красноярске р. Енисей замерзает в начале ноября. А лед скрываетца в половине и в последних числах апреля месяца. И хотя в здешнем ведомстве вешния и осенния наводнения (о чем прежде и с какого обыватели показывали) и бывают, но как де велики объявить не могут, ибо те наводнения не в равной в каждом годе величине состоят, но много – различно, а река Енисей течение имеет не самое быстрое и не весьма тихое, но посредственное…

Динамика естественного прироста русского населения по присудам г. Красноярска (в 1727 по 1734 г. по ответу на анкету М., доп. – *Г.Б.*)

Название центра прихода и церкви, ведущей регистраци	Родилось, душ			Умерло, душ				Прирост, душ		
	год	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Приход церкви Преображения	1726	24	36	60	4	8	12	20	48	68
	1727	31	37	68	17	10	27	14	10	24
	1728	25	24	49	7	8	15	14	9	23
	1729	12	17	29	12	13	25	–	4	4
	1730	27	19	46	13	14	27	14	5	19
	1731	18	18	36	8	5	13	10	13	23
	1732	23	24	47	8	9	17	15	15	30
	1733	17	21	38	8	12	20	9	9	18
	1734	24	17	41	31	33	64	-7	-16	-23
В среднем за год		22,3	22,4	44,7	7,12	12,3	24,3	10,3	10,1	20,4
Приход церкви Покровской	1725	35	29	64	40	40	80	-5	-11	-16
	1726	47	30	77	14	9	23	33	21	54
	1727	24	40	64	14	21	35	10	19	29
	1728	36	33	69	13	10	23	23	23	46
	1729	32	33	65	11	7	18	21	26	47
	1730	39	39	78	И	10	21	28	29	57
	1731	29	40	69	16	8	24	13	32	45
	1732	35	37	72	24	13	37	И	24	35
	1733	32	44	76	14	15	29	18	29	47
	1734	38	20	67	35	52	87	3	-23	-20
В среднем за год		34,7	35,4	70,1	19,2	18,5	37,7	15,5	15,9	31,4
Итого по Красноярску за год		57	57,8	114,8	31,2	30,8	62	25,8	26	51,8

См. История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX вв. Красноярск: Офсет, 2000. Табл., на с. 207). Итоговый подсчет мой.

Вышеобъявленная же дорога имеетца от Красноярска к Тобольску Томского ведомства до Ачинского острогу через сто шестьдесят четыре версты лесами, полями и небольшими горами; да к Иркутску ведомства Иркуцкого до села Тулуна от Красноярска ж чрез шестьсот дватцать четыре версты имеетца лесы разныя с перемешками полугор; да и к Енисейску дорога имеетца ж так же как и к Иркуцку чрез сто девяносто шесть верст полями ж, горами и лесами, но только чрез оное разстояние мостов и перевозов не обретаетца, а водами к Томску и Иркуцку дороги не имеетца, а в Енисейск ис Красноярска плавают рекою Енисеем…

Т., 1738, воп. 45. В Красноярске имеются звери: соболи черные, пожелтее земли и беловатые, ценою от 7 руб. и до 50 коп… Лисицы бывают черные, чернобурые и бурые, и чернодушки, и сиводушки, и белодушки, цены бывают от 50 руб. и до 50 коп.; рыси бывают збела, пестрые, ценою от пяти руб. и до рубля… росомахи – черные и беловатые, цена от 3 руб. до 30 коп.; волки серые, ценой 1 руб. 50 коп., белка серая, небольшая, цена от 25 коп. десяток, иногда сохатые изюбры они же маралы, цена от 1 руб. до 30 коп. Козы бывают дикия, из козлин оных шьют тулупы и дохи, и пимы, и штаны, и рукавицы, и малахаи, и носят как русские, так и татары. Ушканы бывают летом серые, зимой белые.

Т., 1738, воп. 47. Птиц в Красноярску имеется малое число: гуси белые – дворовые и серые – полевые. Утки имеются дворовые белые и пестрые, а полевые – серые. Курицы дикие и дворовые – мясо их как по обычаю.

М., требование. Поросньс них русских жителей города и уезда в год всяких окладных и неокладных денежных и хлебных доходов собираетца?

С разночинцев… семигривенные… и четырехгривенные деньги да на (каждый собранный) рубль по деньге по плакату[14]; с десятинной пашни собирается казенного хлеба: ржи 738 четверти, 2 четверика с пол и четь четвериком, ярица – 601 четверть, 4 четверика[15], с оброчных и пашенных крестьян, которые платят в казну отсыпной оброчный хлеб: ржи по одной четверти без получетверика, овса по тому ж на год с 22 душ, с них семигривенных подушных денег 15 рублей 40 копеек, да с них же вместо сорокагри-

венных денег оброчного хлеба: ржи – 20 четвертей, 5 четвериков овса по тому ж на год[16]; синодальной команды с крестьян со 127 душ, с них семигривенных денег – 87 рублев 63 копейки; с посадских людей сорокаалтынного збору с 755 душ, с них подушных денег по рублю по двадцати копеек з души, 906 рублев, с них же по окладу десятой деньги 48 рублев 42 копейки[17].

А окладные зборы в городе Красноярску имеютца:[18]: таможенных пошлин – 111 рублев 97. $^{5}/_{8}$ копеек;

кабацкого сбору – 667 рублев 67 копеек;

кабацкого ж сбору в острогах и деревнях – 510 рублев 23 копеек;

табашной продажи – 89 рублев 74 копеек[19];

конских пошлин – 28 рублев 78. $^{1}/_{2}$ копеек;

с ледоколу и водопою – 31 рублев 11 $^{3}/_{4}$ копеек;

сенных покосов – 1 рублев 40 копеек;

с рыб ловель в городе Красноярску и уезде – 21 рублев 65 копеек;

с казенных мельниц в уезде – 77 рублев 33. $^{5}/_{8}$ копеек;

с оброчных мельниц – 27 рублев 66 копеек;

с лавок и кузниц – 5 рублев $^{65}/_{8}$ копеек;

с кожевенных и мыльных промыслов – 15 копеек;

с письма крепостей пошлин – 30 рублев 7. $^{1}/_{3}$ копеек;

проварных явчих с пива и браг – 27 рублев 60. $^{3}/_{4}$ копеек;

с судных дел и с челобитья пошлин –19 рублев 73. $^{1}/_{4}$ копеек;

с домовых бань: с рублевых – 5 рублев, с пятиалтынных – 27 рублев 60 копеек[20];

кортомных за новопостроенной каштак – 5 рублев;

с клейменых котлов с винных откупщиков – 3 рубли 75 копеек[21];

с отпуска указов и пашпортов пошлин – 29 рублев 87 копеек;

с перевоза в городе Красноярску – 23 рубли 2 копеек;

в Канском остроге с перевозу ж – 3 рубли 66 копеек;

дымовых и повалешных – 22 рубли 80 копеек;

за продажную казенную утлую лодку – 15 копеек.

М., требование. В каком состоянии соляные доходы имеютца и откуда соль в казну беретца, с которого году?

А соляные доходы имеютца в Красноярску в таком состоянии, а именно: в городе Красноярску и в Красноярском дистрикте никаких соляных заводов и варниц не имеетца, а имеетца в Красно-

ярском дистрикте промеж рек Ишиму Каралаю и Артюпом соленые озера[22]; и красноярские обыватели на оных озерах на подряд соль варили в прошлых 725, 726, 727, 732 и 733 годах временно, да и по малому числу близ тех озер в степи, зделав плетеные

травяные шалаши и варят оную соль кошеваренными котлами, а не цренами, а заводов у них и варниц промышленных описных и выморочных, и никаких запустелых не имеетца. Да и варить оной соли в Красноярску не подлежит для того, что оная вареная соль подрядом становитца дороже соли самосадки, которую подрядом ставят красноярские обыватели по силе присланных из Енисейской провинциальной канцелярии в прошлом 725 году февраля, а из Сибирской губернской канцелярии 732 марта 16 дня Ея Императорского Величества указов с озер, а с соленого самосадного озера, которое обыскано в Красноярском дистрикте промеж Абаканом и Июсом рек 22 с прошлого 732 году, а когда на оном озере соль самосадка в котором году не сядет, то и подрядом с тех озер вареную соль надлежит ставить против вышеописанного. Понеже на оном соленом самосадном озере оная соль самосадка садитца не повсягодно – когда бывает в которое лето великие дожди, то на том озере той соли самосадки и не садитца.

М., доп. требование. Почем соль из самосадного соляного озера подрядом в Красноярск ставитца и сколько оной в 1732 году по сие время в каждом годе порознь в поставке и во всем Красноярском уезде в продаже было?

По справке в Красноярской канцелярии в прошлом 1732 году с соленого самосадного озера, которое имеетца промеж Абаканом и Июсом реками[23] соли самосадки не ставливано, а ставлено в том 732 году подрядом выварочная соль подрядчики, красноярскими служивыми людьми, со степных озер и поставлено в Красноярской дистрикт, в деревню Новоселову пятьсот пудов по девяти копеек в подряд каждой пуд, и оная соль ис вышеописанной деревни сплавлено ис Красноярска в Енисейск с красноярскими служивыми людьми, а не подрядом, которая соль продана в 733 году.

В 732 году по указу Ея Императорского Величества состоящая в прошлом 731 году августа 10 дня в Москве при Сенате печатном указу описано в городе Красноярску у промышленников вы-

варочной и самосадки соли, а именно: в городе Красноярску выварочной – 25 пуд, три чети, в Красноярском дистрикте в разных селеньях и деревнях выварочной – 14 пуд с полпудом, самосадки – 1210 пуд[24].

…И за вышеописанную соль в том 732 году в приходе денег: описной выварочной соли в городе Красноярску было в продаже 25 пудов… по двадцати копеек за пуд, вприходе денег – истинных 2 руб. 20 копеек, прибыльных 2 руб. 80 копеек; самосадки… продано в городе Красноярску было в продаже… 29 пудов 10 фунтов… по семнадцати копеек пуд, в приходе денег – истинных – 77 копеек, прибыльных – 3 рубля 48 копеек; самосадки… же в продаже 858 пуд 20 фунтов по пятнадцати копеек пуд, в приходе денег – истинных 26 руб. 28 коп., прибыльных – 105 руб. 12 копеек. Итого в том 732 году…. истинных и прибыльных денег в приходе 140 руб. 65 копеек.

Ис вышеписанных денег по указам ис Красноярской канцелярии в расходе денег: подрядчику Ивану Ермолаеву за выварочную соль за двенатцать пуд по десяти копеек за пуд – 1 руб. 20 коп., за самосадку за двадцать восемь пуд – 1 руб. 40 копеек; подрядчику Алексею Бутакову за подрядную соль за триста пудов по десяти за пуд наперед – 13 руб. 50 коп., казаку Илье Тетерину на покупку меди для учинения соляных медных мер и гребль[25] 30 руб.; казачьему голове Леонтью Тараканову за взятую у него соль вареную за четыре пуда по десяти копеек за пуд – 40 копеек; за самосадку за один пуд – 5 копеек; за самосадку Ивану Медведеву за подрядную соль за сто пудов по десяти копеек за пуд и наперед полтину – 4 руб. 50 копеек, подрядчику казачью сыну Алексею Твитину за подрядную выварочную соль за сто пудов по десяти копеек за пуд и наперед полтину – 4 руб. 50 копеек.

Итого в 732 г. в расходе денег – 55 руб. 55 копеек. А за вышеописанным расходом в остатке денег 85 руб. 10 копеек. Да в 733 году в приходе денег и соли:

от 1732 в 733 года в остатке соли самосадки 200 пуд, денег остаточных за расходом – 85 руб. 10 копеек; прислано из Енисейска выварочной соли ценою по 29 копеек пуд – 1000 пудов[26], в выварке с озер подрядной соли, которая в том 1733 году став-

лена подрядом красноярским Денисом Трикутцевым в деревню Новоселову по 9 копеек за пуд – 648 пудов; в вывозке… с самосадного озера соли самосадки казаками… в деревню Новоселову по 3 копейки за пуд – 2612 пудов; в вывозке с того ж озера подрядом соли самосадки во оную ж деревню Новоселову… становилась по 5 копеек за пуд – 4949 пудов. Итого в вывозе выварочной и самосадки соли – 9209 пудов[27]. Ис той соли в том 733 году в продаже; в городе Красноярску ценою по 29 копеек пуд – 700 пудов, в Красноярском дистрикте – в деревне Новоселовой ценою по 15 копеек пуд – 200 пудов, в деревне Юксеевской ценою по 29 копеек пуд – 300 пудов[28]. За означенную (проданную в количестве 1200 пудов. – *Г.Б.*) соль в приходе денег: истинных – 141 руб. 101/2 копеек, прибыльных – 188 руб. 591/2 копейки.

…А из вышеописанной деревни Новоселовой вышеозначенная подрядная и опромышленная соль в город Красноярск подрядом не ставлена, а ставлена ис показанной деревни в город Красноярск на плотах красноярскими служивыми людьми.

Т., воп. 13. Чем наиболее граждане оные в которые времена и куда торгуют?

Красноярския гражданския обыватели товарами никакими не торгуют, кроме проезжих разных городов купецких людей[28].

Т., воп. 15. В которые дни седмичные и годовые торги долго ли бывают и какие чюжестранные или других городов купечества с какими товары приезжают?

В городе Красноярску в седмичные (воскресные. – *Г.Б.*) и годовые торжественныя дни торгу не бывает, кроме съестного, а чюжестранных купецких людей для народного торгу ниоткуда в приезде в Красноярску не бывает, а других городов купецкия люди бывают зимним и летним временем в проезде до Иркуцка.

Т., р. 2; воп. 4. Каким обыватели подлежат болезням наиболее?

Болезням подлежат огневою, то есть горячка, оспою, лихоратою, тресавицею, желуницею, французскою, корью, лапухою.

Т., р. 2, воп. 5. Каких употребляют лекарств, в которых болезнях и с какими обстоятельствы?

Лекарств никаких не употребляют и лекарей не имеетца.

Т., р. 2, воп. 8. Есть ли воды или колодези лекарственные и как ими лечатца?

Вод лекарственных и колодезей не имеетца.

Т., р. 2, воп. 15. Надлежит означить генерально все травы, которые в той стороне в какия-нибудь лекарства употребляетца?

По скаске в Красноярской канцелярии толмачей Онашкина и Тарханова о лекарственных травах. Кроме травы зверобою и волчьего корня в лекарства не употребляетца никаких трав и кореньев, а волчье коренье употребляетца – к ранам присыпают, а зверобой – траву пьют от уразов.

Т., р. 2, воп. 13. Есть ли в той земле ворожеи, колдуны, или волшебники? Надлежит прилежно проведать и что могут наукою своею действовать, то есть употребляют ли каких-нибудь трав и протчих лекарств и которыми или болезнь введена или здравие возвращено быть может?

По скаске красноярских городовых толмачей Ивана Онашкина, Ивана Тарханова ворожей, колдунов и волшебников не имеетца. А имеетца по их татарской вере шаманы и имеют у себя бубны и действуют – бьют в те бубны лопаткою, кричат необыкновенно и призывают на помощь диявола, и от того шаману иного и узнавают о потерях, у кого что потеряетца, а трав и других лекарств никаких не знают.

Т., воп. 12. (Красноярск) далеко ль и в которую сторону на восток, запад, полдень или на полуночь от другого знатного места лежит?

О далечестве и в которую сторону на восток, запад, полдень или на полуночь от другого знатного места стоит город Красноярск, о том знатных людей в Красноярску не имеетца, тако ж и школьных обыкновенных людей не имеетца ж, и о том познать не можно.

Т., воп. 17. Какие реки, озера и протчие знатные места, как велики и с которыми сообщаютца, в которых местах?

По справке в Красноярской канцелярии красноярских сына боярского Ивана Нашивошникова, отставного казака Федора Нашивошникова, отставного казака Федора Тетерина р. Енисей начинается из-за границы от Калмыцкой и Мунгальской землицы от разных рек и озер и течет мимо города Красноярска, Енисей-

ска, Мангазеи и впадает в Окиан-море. По нем ходят вверх до Саянского острогу малыя парусныя суда…

Т., 1738, воп. 4. Слышен ли у них бывает гром и в котором месяце?

Гром бывает с апреля по сентябрь месяц.

Т., воп. 24. Нет ли от кого какой от нападения опасности?

Город Красноярск и Красноярского уезду Саянской и Абаканской, и Караульной остроги и протчие села и деревни опасность имеют от вышепоказанных Мунгальской и Калмыцкой, и Китайской, и Контайшиной сторон, от Казачей Орды и от башкир.

РГАДА. Ф. 199. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 38–63, 86–105; Порт. 516. Д. 2. Л. 1–22, 113–152.

Комментарий

1. Ответы Красноярской воеводской канцелярии на вопросы анкет Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева являются ценным комплексным источником. Первый вариант анкеты Г.Ф. Миллера (в сборнике отмечен литерой «М., требование») поступил на полгода раньше татищевской и отражал первый этап сбора сведений по Красноярску (см. № 47).

За время пребывания в городе (с 19 января по 18 февраля) Миллеру удалось 2 февраля получить из канцелярии дополнения по тем вопросам, ответы на которые его не удовлетворили. Ответы канцелярии на его новые вопросы от 30 января отложились в портфеле 481. Тетр. 5. Л. 86–105. Именно они дают ценнейшие сведения по собственно городскому населению. В данной публикации они отмечены «М., доп. требование».

С 19 августа 1739 по 4 февраля 1740 года Г.Ф. Миллер вновь находился в Красноярске и занимался главным образом сбором этнографических сведений о коренном населении юга Красноярья и различными организационными вопросами. Материалы этой работы отложились в других портфелях. Тогда же он получил копии ответов Красноярской воеводской канцелярии на анкеты В.Н. Татищева.

Первый российский историк В.Н. Татищев (1686–1750), назначенный в 1734 году главным начальником Уральских и Си-

бирских заводов, вскоре после своего назначения разослал вопросники по всем сибирским уездам. В Красноярск его анкета поступила 29 июля 1735 года.

Василий Никитич Татищев (1686–1750)

В отличие от Г.Ф. Миллера, который вопросы первой анкеты дал без нумерации, поэтому канцелярия по-своему выделяла их в отдельные «требования» и давала соответствующие «ответствования», В.Н. Татищев четко выделил номерами вопросы. Анкета состояла из 2-х разделов, вопросы которых были пронумерованы параллельно. Первая группа (27) вопросов касается названий гор, рек, озер и т.п., истории, экономики, топографии городов, сведений о жителях, их занятиях, промыслах, торговле. Вторая группа вопросов (19) посвящена флоре, фауне, болезням и т.д.

Красноярская воеводская канцелярия широко использовала свои ответы Г.Ф. Миллеру для ответов В.Н. Татищеву, поскольку многие из вопросов совпадали. Этот материал отложился

в портфелях же Миллера (Ф. 199. Порт. 516. Д. 2. Л. 1–102 (об.) и в сборнике выделен литерами «Т., воп.», а второй раздел – «Т., р. 2, воп.». Анкета озаглавлена: «Ведомость Сибирской губернии Енисейской провинции города Красноярска… о сочинении историй Российского государства с самого начала по нынешние времена…».

Когда В.Н. Татищев познакомился с присланными материалами, он разослал новую, значительно расширенную, из 198 вопросов анкету. Из Енисейска в Красноярск она поступила 19 июля 1737 года. Ответ был готов к 1 февраля 1738 года. Эти материалы главным образом о хозяйственно-бытовом укладе русских и ясачных отложились в Порт. 516. Д. 2. Л. 113–152 об. и в данном сборнике обозначены «Т., 1738, воп. 88». Последние цифры обозначают порядковый номер вопроса. Подробнее об анкетах В.Н. Татищева (см. Шапот Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X. С. 134–153.

В основу публикуемой подборки положены ответы на анкеты В.Н. Татищева, ибо они выполнены позже миллеровских, изложены четче и более доступным языком.

2. Имеется в виду верста из 500 саженей.

3. В ответ на первую анкету Г.Ф. Миллера он назван Угоцким (см. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 38). В действительности это дьяк Угодской.

4. Как видим, хотя прошло более 100 лет, но красноярцы хорошо помнили обстоятельства основания своего города. Впервые так полно названы те сибирские города, откуда вышли первые жители Красноярска. Можно добавить, что из Томска с А. Дубенским пошли 90 добровольцев. Когда же Москва засомневалась в необходимости острога и первый гарнизон частично расформировали, то в 1630 году в Красном яре на годовой службе оказалась сформированная в Тобольске для Тобольского разряда особая «томская сотня» (см. РГАДА. Ф. 214. Кн. 7).

5. Официально острог стал называться городом в 1698 году.

6. Эта вставка и прочие взяты из первой анкеты Г.Ф. Миллера (см. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 38–39).

7. За часами следил пеший казак Филипп Пьянов, который в 1734 году получал из канцелярии какую-то мазь к боевым часам (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 65. Л. 15).

8. Судя по вооружению, Красноярск и в 30-е годы XVIII века был одной из самых сильных сибирских крепостей. Правда, артиллерия за ненадобностью уже давно не обновлялась и устарела. Это видно из того, что калибр пушек обозначался еще весом ядра. Сохранились еще и затинные пищали – стеновые небольшие пушки XVII века. Ручное огнестрельное оружие было разнообразным, ибо частично обновлялось в петровское время. Наряду с обычными «пищалями винтовальными» на вооружении у красноярских казаков были фитильные и кремневые мушкеты, а также облегченные, специально для конницы, кремневые мушкеты и кремневые карабины.

9. Итог округлен. Всего насчитывалось в городе 347 жилых домов да ратуша с таможней.

10. См. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Порт. 516. Д. 2. Л. 133.

11. Это сведения о населении города и уезда. В ответе Г.Ф. Миллеру на первую его анкету встречаем дополнительные сведения о податном населении: 3645 разночинцев, 170 «прописных» разночинцев, 3 «прописных» государственных пашенных крестьянина, которые, как и другие 856 человек, пашут 230 десятин казенной пашни вместо оброчных 40 копеек, 22 оброчных пашенных крестьянина, которые вместо 40 копеек или пашни сдают казне «отсыпной оброчный хлеб» по 9,5 пуда ржи и овса в год (см. РГАДА. Ф. 199. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 53–54 об.). В составе разночинцев показаны отставные казаки и казачьи дети.

12. Это единственный ответ, где воеводская канцелярия указала число горожан, то есть живущих собственно в городе, а не количество приписанного к городу податного населения. Дело в том, что к городской ратуше было приписано все сельское неземледельческое население уезда, которое числилось в сословных группах «посадских», «цеховых» и купцов. Живущее по деревням вместе с крестьянами, разночинцами и казаками торгово-ремесленное население было организовано в особые низшие административные единицы-станки, которые подчинялись город-

ским властям, а не приказчикам присудов или комиссарам управительских контор, ведавших податными земледельческими сословиями. Казаки тоже жили и в городе, и в деревнях.

Всего по штату 1727 года в Красноярском уезде числилось 30 детей боярских с окладом по 7 руб., 56 пудов ржи и овса, 300 конных казаков – по 7 руб., 26 пудов ржи и 16 пудов овса, 370 пеших казаков – по 5 руб., 22 пуда ржи и 16 пудов овса, 30 служилых татар с окладом по 2 руб. 93 коп. и 17,5 пуда ржаного хлеба (см. РГАДА. Ф. 199. Порт. 481. Л. 39 об., запрос от 9 января 1735 года).

Чтобы узнать численность собственно горожан, Г.Ф. Миллер направил новый специальный запрос. Следует сказать, что в дореволюционной и даже в советской литературе нередко до сих пор не учитывают этой специфики фискальных документов II и III ревизий о торгово-ремесленном населении, что приводит к неверным выводам о динамике городского населения Сибири XVIII века (см. **Быконя Г.Ф.** О социальной сущности членов сельской части посадских общин Сибири в XVIII веке // Сибирский город в XVIII – начале XX веков: межвуз. сб.). Иркутск, 1998. С. 145–149.

Общая численность горожан в действительности была выше, так как в документе не учтено городское духовенство. С ними неподатное население города составит около 260 душ мужского пола, а общая численность горожан обоего пола, беря соотношение полов как 1:1, достигнет 2500 человек.

13. Итоговые данные по чистой рождаемости – графа «Прирост» – введена нами. Различия в рождаемости между приходами объясняются, вероятно, тем, что Покровскую церковь посещал главным образом простой трудовой люд, у которого естественный прирост был, как правило, выше. Годовой естественный прирост населения в Сибири, в отличие от Европейской России и особенно Западной Европы, в среднем превышал в 2 раза, составляя до 2 %.

14. Плакатные деньги – с рубля денежных платежей дополнительно по полкопейки ввел для оплаты канцелярских расходов Петр I. Их собирали со всего податного населения. С перечисляемых ниже категорий трудового населения эта статья сбора нами не приводится.

15. Здесь и далее в рамках «требования» цифровые сведения приводим не прописью, как в источнике, а арабскими цифрами.

16. Частновладельческие крестьяне и другой несвободный люд платили только по 70 коп. Пашенные крестьяне, жившие в городе, формировались из ссыльных и поэтому получали для своих «скудных» хозяйств льготу. Они не пахали «государеву» пашню, а вносили налог отсыпным хлебом.

17. Посадский мир, то есть торгово-ремесленные сословные группы, кроме подушных денег, платили казне введенный еще в XVII веке «десятинный сбор», скорее всего 1/10 часть своих доходов от занятий ремеслом и торговлей. Этот прогрессивный, то есть подоходный, налог периодически пересматривался, так как доходность от неземледельческих занятий колебалась. Из общей суммы десятинного сбора в Красноярске видно, что роль неземледельческого сектора в общем хозяйстве горожан, сельских и городских посадских и цеховых была невелика – всего около 1922 руб. на 755 душ мужского пола, или около 1 руб. 40 коп. на душу в год. Этого с учетом различных мирских, то есть местных, платежей и сборов не хватало даже на уплату подушного налога.

18. Окладными сборами назывались те суммы, которые шли в казну с определенного вида хозяйственной деятельности жителей города и уезда, а также с некоторых имеющихся казенных заведений. Размеры сумм зависели от общей численности населения и степени развития отдельных отраслей их хозяйства. Каждая частная лавка, мельница, кузница, кожевня и мыловарня облагались налогом, размеры которого зависели от доходности этого ремесленно-промыслового или торгового заведения. Минимальный сбор составлял 10–15 коп. (бани, кожевни, кузницы). Со звериных ям обычно брали по 5 коп.

Другой распространенный источник дохода казны – введенная в XVII веке система монополий. За определенную плату любой желающий мог приобрести на публичном торгу исключительное право заниматься каким-то доходным делом (продажа лошадей, поставка вина казне, чистка пролубей, приготовление пива и т.д.) или монопольно эксплуатировать определенные хозяйственные угодья, например сенной покос или рыбный плес.

В окладные суммы входили судебные канцелярские сборы, оформление сделок, выдача указов и введенных Петром I паспортов.

Казна периодически увеличивала окладные сборы. Из документа видно, что львиную долю дохода казны от косвенных налогов давал кабацкий сбор. В целом ежегодно каждый горожанин мужского пола оставлял в кабаке около 50 коп. (667 руб. 67 коп. на 1250 душ мужского пола). Сборы с провозимых и продаваемых товаров (таможенные деньги) были на втором месте.

Наконец, в окладные суммы включали доходы, получаемые от казенных монополий и продажи различных товаров. Казна имела исключительное право (сдавая обычно его в аренду частным лицам) на производство и продажу вина, соли (см. об этом ниже), пороха, табака и т.д.

19. В Сибири имел хождение табак китайский и украинский, то есть «черкасский». Он пользовался спросом со стороны ясачных, поэтому сибиряки рано стали его сеять.

Курение на Руси долго считалось вредной привычкой. Правительство пыталось ее искоренять. Михаил Федорович в 1642 году издал указ о запрещении курения табака под угрозой смертной казни. Он был подтвержден царем Алексеем Михайловичем в Соборном уложении, где объявлялось, что «на Москве и городах о табаке заказ учинен крепкой смертной казней, чтобы нигде русские люди и иноземцы всякие табаку у себя не держали, и не пили, и табаком не торговали», а за продажу и курение табака полагалось жестокое наказание: «…тех людей пытали… били кнутом на козле… пороли ноздри и носы резати… дворы и животы имая, а после пыток и наказания ссылали в дальние города, чтобы на то смотря, иным не повадно было делать» (см. **Травников С.Н.** Писатели петровского времени // Литературно-эстетические взгляды. (Путевые записки.) М.: Изд-во МГПИ, 1989. С. 104. Комментарий 8). По церковной реформе патриарха Никона курение было разрешено. Гонение на курильщиков прекратилось при Петре I, который в 1697 году не только разрешил торговлю табаком, но и организовал его ввоз из Англии. Петр I учредил первые в стране табачные фабрики в Санкт-Петербурге и Ахтырке. Царь рассматривал табак как одно из новых явлений культуры и быта, как следствие европеизации общества (см. Соборное уложение 1649 года. М., 1957. С. 446–448).

20. Судя по этой сумме (27 руб. 60 коп.), в городе с уездом было 184 личные бани. Рублевые же, или (торговые), бани приносили доход, так как в них пускали за плату всех «охотножелающих» без различия пола.

21. Выкурка вина «про себя», т.е. для личных нужд, разрешалась населению в небольших, не более ведра, в специально заклейменных в ратуше или в воеводской канцелярии котлах.

22. По данным Д. Кузнецова, опубликовавшего сведения о соляных местах Красноярского уезда конца XVIII века, Каралкеевское озеро находилось в 6 верстах от деревни Серная Минусинского округа, Урюпское – в 20 верстах от деревни Каменка, оз. Кызылайкуль – в 20 верстах от деревни Беи, а Татарское – в 765 верстах от Красноярска (см. **Кузнецов Д.** Ведомости Колыванского наместничества казенной палаты четвертой экспедиции. «Сколько в Колыванском наместничестве соляных самосадочных и варчих озер» // Томские губернские ведомости. 1864. № 21).

23. Речь вдет о самосадочном соленом озере в 85 верстах от д. Яновой бывшего Минусинского округа, а ныне Новоселовского района.

24. В стране существовала казенная соляная монополия, т.е. только правительство могло добывать соль и продавать ее оптом и в розницу. Узнав о существовании соляных озер на юге уезда, казна установила над ними контроль. Местные жители уже не могли свободно добывать и продавать соль.

Публикуемые ниже росписи прихода и расхода соли за 1732–1733 годы вскрывают механизм получения казной прибыли от соляной монополии. Казне по подрядам, т.е. по договорам о выварке и поставке, пуд соли обходился в 9–12 коп., а населению ее продавали по 20, 17 и 15 коп. за пуд. Подряды обычно брали жители ближних к соляным озерам селений и состоятельные красноярцы. Подрядчики могли получать часть платы вперед. Соляная монополия мешала накоплению средств в руках предпринимательского слоя, и горожан, и сельских обывателей.

25. Эти инструменты предназначались для казаков, которых нередко в случае нехватки подрядчиков посылали на промысел самосадочной соли. Ее получали главным образом на «са-

мосадочном озере» в районе современного с. Соленоозерского, где она откладывалась по берегам под действием лучей солнца. После просушки соль перемеривали и засыпали в сооруженный у озера соляной амбар. Приемом и выдачей соли ведал во время составления ответа соляной надзиратель из красноярских посадских Козьма Юшков. Обычно на соль посылали казаков из гарнизонов, ближних к озерам Абаканского и Саянского острогов.

26. Эта соль поступила из Троицкого солеваренного завода, расположенного на р. Усолке (ныне Тасеевский район). Он снабжал своей продукцией все приенисейские уезды. Себестоимость ее была высокой, так как соль выпаривали из рассола, который выкачивали из земли.

27. В 1734 году было добыто 11 090 пудов соли. Около трети этого количества поставили вольным подрядом. Довольно крупный подряд взял казачий сын Семен Таскин – 2 тыс. пудов по 10 коп. Возить соль до д. Яновой взялись среди прочих пешие казаки Иван Песегов – 1 тыс. пудов по 5 коп. – и Алексей Бутаков – 150 пудов (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 18. Л. 25, 54, 83 об.).

28. Продажа соли из особых амбаров соляными целовальниками производилась еще в с. Бузимском, Ясауловом, Частоостровском, а также по острогам. В масштабе всего уезда соляной продажей и приходом-расходом денег ведал «соляной продажи голова», которого обычно присылали из Енисейска. В 1733–1735 годах им были поочередно енисейские посадские Вятченин и Денис Верховцев (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об., 54).

29. На дополнительную анкету В.Н. Татищева в 1738 году воеводская канцелярия ответила, что «ходят купцы по Енисею вверх и вниз, гоняют до Енисейска и до Туруханска с хлебными запасами на дощаниках и лодках и на плотах… По рекам Мана, Кан и Абакан ходят небольшими дощаниками верст от 500 и меньше, также и в прочие мелкие речки… Пристанищ на р. Енисее не бывает… карабельного ходу ниоткуда не бывает, а ходят дощаники небольшие. На плотах плавят от тысячи до 500 пудов и меньше» (см. РГАДА. Ф. 199. Порт. 516. Д. 2. Воп. 18. Л. 116–118 об.).

№ 48. 1735, 1739–1741 гг. – ИЗ ЗАПИСОК И.Г. ГМЕЛИНА О ПРЕБЫВАНИИ В КРАСНОЯРСКЕ[1]

Мы торопились, чтобы еще днем приехать в город, и через деревни Березовка и Ладейка вечером около 5 часов (18 января 1735 года. – *Г.Б.*) счастливо прибыли в город Красноярск.

Этот город моложе Енисейска и построен Москвой. Он расположен на левом берегу реки Енисей. Снизу он омывается рекой Кача, устье которой уже ниже города. Так же, как и у остальных сибирских городов, здесь тоже был сперва заложен острог, который постепенно превратился в город. Первый острог находится в северной части города, и в нем находим мы церковь, канцелярию, дом воеводы, несколько маленьких металлургических заводов (кузниц – *Г.Б.*), в которых лишь по одному помещению, пороховой магазин и т.д. Город простирается на юг от острога и насчитывает 350 домов[2]. Возле церкви примечательная колокольная башня, которая построена на таком месте, что, проезжая через город, приходится проезжать ее, как через городские ворота (Спасская проезжая башня. – *Г.Б.*) Кроме того, город окружен еще особым острогом.

Иоган Георг Гмелин (1709–1755)

Жители города большей частью служивые, так как при закладке его имели целью обезопасить эти места от нападений киргизских татар, и как в то время, так и до сих пор заботились лишь о том, чтобы эту безопасность сделать достаточно прочной. Поэтому до недавних пор это было место, куда не каждый отваживался ехать, а ехали лишь по принуждению. Вокруг простираются степи, и они были до этого очень подвержены набегам киргизских казаков.

Теперь уже в течение ряда лет существует полная безопасность, так как киргизские казаки все перебрались в калмыцкие степи[3]. Так что здешние служивые получили возможность безо всякой опасности наладить связь со всей этой местностью. Они нашли довольно прямой путь через Красноярские степи до Иркутска и Томска, по которой, особенно летом, хорошо ездить, так как везде имеется вода и корм. Если бы хоть иногда попадались деревни, то это был бы удобнейший путь и зимой. Эта дорога из Томска через Красноярск в Иркутск более 100 верст короче, чем через Енисейск вверх по Тунгуске. Так как царская казна благодаря большому количеству подорожных денег, которые постоянно платят на этой новой дороге, получает большую выгоду, большинство тех, кто едет за казенный счет, вынуждены выбирать эту дорогу как зимой, так и летом. Купцы также получают здесь большую выгоду и выбирают этот путь большей частью зимой, а иногда и летом[4].

Поэтому Красноярск сейчас выглядит более оживленным, чем до этого, и со временем, может быть, некоторые купцы осядут здесь.

Служивые живут здесь очень хорошо и, большей частью, весьма зажиточны. Их богатство составляют лошади и крупный рогатый скот, для прокормления которых им нужно немного. В любую погоду, холодную и теплую, все равно, они выпускают скот в степь пастись. Так как зимой на полях снег бывает редко, и скот выкапывает из земли столько корней и засохшей травы, что не подыхает с голоду. Если же снег на полях, то эти животные умеют, издавна привыкшие к этому, выкопать свою пищу из-под снега. Я не могу сказать, что здешние животные так же хороши, как и в других местах. Одна лошадь в России может та-

щить больше, чем здесь три, а одна русская корова дает больше молока, чем двадцать здешних. С большим трудом мы могли добыть ежедневно столько молока, сколько нам нужно на завтрак к чаю. Здесь сеют зерно, и земля настолько плодородна, что ее лишь сверху слегка обрабатывают и в течение 5–6 лет засевают, не удобряя. Если зерно уже больше не растет на ней, то вокруг достаточно заброшенной земли, на которой сеют вновь. Настолько велика здешняя леность, что никто не хочет приложить малейших усилий, чтобы добыть себе хлеб насущный[5]. Но так обстоит дело там, где земля благословенна, а людей не заставляют работать. На мой взгляд, в других землях любой крестьянин, получи он такую прекрасную землю, не только охотно был бы бесплатно служивым, но еще платил бы деньги сам.

Одна лишь возможность наживы удерживает власть имущих от проведения в жизнь полезных начинаний. Служивые платят едва ли не большие налоги, чем крестьяне. И если бы вместо этого бесполезного народа (т.е. служивых) держали бы десятую часть от их числа солдат, то они (власти) понесли бы существенный убыток. Я уже не говорю о казачьем голове и других властях среди служивых, должности которых раздаются только за деньги. Все это бы исчезло. Здесь, в Красноярске, – казачий голова, о котором каждый служивый говорит, что он у него (то есть у головы) ни о чем не спрашивает. Они даже дерутся с ним так же, как и между собой. Этот парень настолько никчемен, что, по моему мнению, он хуже самого последнего и плохого казака. И тем не менее он поставлен над 700 казаками (это Леонтий Тараканов. – *Г.Б.*)[6].

Помимо того что служивые получают особые выгоды за счет плодородия здешней почвы, они обогащаются еще за счет одного дела, к немалому убытку царской казны. Множество татар, живущих вокруг, платят дань соболями, лисами и другими мехами здешних мест. Если же они не могут добыть столько меха, сколько нужно для выполнения дани, то для каждого вида дани установлена определенная цена и вместо меха вносятся деньги.

Вначале, когда татары платили дань, они приносили меха в том виде, в каком они (звери) были пойманы, и часто в казну поступали соболи очень и очень ценные. Только жители города,

а может быть, и проезжие по новой дороге купцы открыли татарам глаза. Ценные шкурки они покупают у них за такую цену, что они (татары) имеют в общем за них 4-кратную выгоду. Но такая цена составляет больше 1 рубля. Из полученных денег татары берут, следовательно, 1 рубль и вносят его в казну за одного соболя, остаток оставляют себе, так что в казну поступает уже больше наличных денег, чем шкур. Скрывая тайну, татары говорят, что нынче было несколько меньше мехов добыто, чем раньше. На все это воевода смотрит сквозь пальцы.

В таких обстоятельствах здесь повсюду процветает безделье и высшая степень пьянства. Служивые живут со своим воеводой настолько по-панибратски, что не стесняются, будучи у него в гостях, напиться до одури, орать и скандалить. Самогон пьют не из маленьких чашек, а из больших кружек. И тот, кто в гостях наиболее напился до скотского состояния, на другой день заявляется с подарками.

Я предполагаю, что здесь так же, как и в других местах, процветают проституция и связанные с нею болезни. Но ничего определенного об этом сказать не могу. В связи с этим во время нашего здесь пребывания были случаи, когда людей заставали друг у друга в неблаговидных отношениях, и приведены они были в канцелярию. И были среди них женатые и замужние. В тюрьме находилась также женщина, уморившая одного служивого своим снадобьем. Так что я могу сделать вывод, что проституция здесь процветает и что имеются такие болезни, только какие именно, я не сумел выяснить в достаточной мере…

Красноярск до недавнего времени был местом, где можно было достать достаточное количество древностей, и в настоящее время он в этом отношении предпочтительнее других деревень. Но древности, как очевидно, выкопаны из старых захоронений, большое количество которых находится около Абаканска и Саянска. До этого там найдено столько золота, что красноярцы помнят, как за полрубля можно было купить «золотник» золота. Серебра также было найдено много, а меди и сегодня еще достаточно.

Из серебряных сосудов я видел у здешнего воеводы вид подноса и горшочек, оба предмета позолочены. Примечательным

было то, что на подносе можно было увидеть фигуры чеканной работы, похожие на то, как изображают птицу грифа. Из меди находим тарелки, молоточки различной работы, украшения для конской сбруи и т.д. Нередко можно найти также вид колокольной бронзы и поддельное китайское серебро. Из первого чаще всего отливают аргали (это степные бараны (дикие овцы), которые встречаются в верхнем течении Иртыша на юге этой территории в горах, начиная от Иртыша на юго-запад до Калмыкии, в особенности на реке Бухтарма, на востоке до Верхней Оби и Енисея *(прим. И.Г. Гмелина))*, которые иногда имеют полую ножку-подставку, а иногда штыковидную подставку, которая может куда-нибудь втыкаться…

Как я говорил выше, здешние татары заявляют, что охота на соболя теперь менее удачна, чем раньше. Местные жители подтверждают это и рассказывают, что если раньше кто-нибудь заявлялся к татарам с железным котлом, то они наполняли котел соболями доверху в обмен на котел, теперь же этот обычай отошел…

У этих людей (речь о подгородных качинцах. – *Г.Б.*) нет никакой религии, однако они верят, что Бог есть: и так как у них с русскими тесные связи, то временами они ставят свечи в русских церквях, чтобы показать тем самым свое доверие к русскому Богу. Однако в быту они обращаются также к своим духам, и кажется, что они еще очень далеки от восприятия христианской религии. Когда с ними об этом говоришь, то они приводят следующие возражения: 1. что их предки без христианской религии очень хорошо жили; 2. что христианская религия очень ограничена – нельзя есть конину, а в праздники они связаны тем, что надо есть то, что они и не знают, где взять. Но кроме того, что они говорят без боязни, что русский образ жизни кажется очень несчастным. Так, если у себя в юрте они хотят пожелать кому-то что-то очень плохое, то используют очень ходовое среди них выражение: «Чтоб ты жил, как русский!».

Кроме выполнения обычных моих обязанностей в этом месте, я должен был еще осмотреть три описанные уже подземные пещеры у р. Енисей. И так как скала со старыми татарскими рисунками (писаный камень) находилась на том же самом пути, то го-

сподин профессор Миллер и я согласились в указанные деревни поехать вместе. Однако Миллер был вынужден из-за недомогания остаться дома. 1 февраля я отправил студента Крашенинникова с тринадцатью служивыми в указанные деревни вперед, чтобы он немного подправил дороги к подземным пещерам и приготовил на всякий случай лестницы.

2 февраля мы отправили студента Третьякова с академическим (оборудованием. – *Г.Б.*) и частью другого инструмента вперед, в Иркутск, так как мы опасались, что не получим в поездке лошадей для всего инструмента.

4 февраля в 6 часов утра в сопровождении художника Люрсениуса и землемера Александра Иванова я отправился к подземным пещерам и скале с надписями… (об этом см. № 48).

С 9 числа этого месяца, с началом Масленой недели, начинаются здешние празднества. Все, что соответствующий год мог предложить крепкого, выпивалось, и мужчины и женщины веселились как следует. Мужчины развлекались верховой ездой, женщины пешком гуляли по улицам, а ночью обычно слышалась музыка, состоящая из беспутных криков. Дети катались с горок на шкурах. С приближением конца этой недели все эти празднества и веселье кончались. Нередко в последние дни можно было видеть толпу пьяных всадников, человек тридцать, иногда с ними были подростки, чтобы увеличить общество.

Я тоже очень хотел участвовать в одном из таких празднеств. Воевода представил мне такую возможность, и 15 числа этого месяца, в последний день Масленицы, вместе с воеводой отправился в деревню Торгушина (Торгашино), расположенную в 5 верстах от города, куда воевода был приглашен здешним винным откупщиком (арендатором), который имеет винокурню в этой деревне. Мы выехали большой кавалькадой. Рядом с нашими санями скакало более 16 всадников, вооруженных колчанами, луками и стрелами. Во время поездки они упражнялись в стрельбе из лука. В землю пускали стрелу, а затем все старались на полном скаку попасть в нее другой стрелой и перебить ее пополам. Очень часто это удавалось, и победитель получал небольшой приз. Мы переехали небольшую речонку, кото-

рая берет начало недалеко, в небольших горах, и зимой никогда не замерзает. Недалеко от устья друг за другом стоит 10 небольших мельниц для размола зерна, которые приводит в движение речка, но вскоре после этого теряется в земле[7]. Когда мы прибыли в деревню и расположились в комнате, то друг за другом стали заходить крестьяне, и каждый клал на стол что-то завернутое в бумагу, сперва перед воеводой, затем перед его женой. Некоторые давали и сыну что-то.

В моем присутствии воевода развернул несколько бумажек, и в каждой завернуто 10 копеек. Однако супруга всегда получает половину. Теперь я понял, почему воевода в течение всей Масленицы вместе с супругой ездил в гости по соседним деревням: он собирал привычные подарки. Впрочем, я ни разу не видел, чтобы приехавший к нему домой из деревни не положил бы на стол сверток, из чего можно заключить, что здешний воевода с голоду не умрет[8].

Ясно одно, что если он хочет получить много подарков, то он должен жить с крестьянами на равных, а иногда и пить с ними. Я слышал, что хочешь получить подарок, то лучше всего, особенно в Красноярске, их можно получить, отправив гостя от себя домой пьяного. И часто служивые день за днем пьют до тех пор, пока не спустят последнего соболя.

Вечером служивые устроили праздничную борьбу. На поле построили две стены из снега, связанные сверху поперечиной также из снега. Это строение должно было представлять собой крепость, вокруг которой стояли служивые с очень длинными палками, а другие служивые верхом должны были эту крепость взять. Невозможно описать, в какой суматохе все это происходило.

Крепость никогда не атаковало более 2–3 всадников, а чаще всего лишь один. Бешеным галопом мчался всадник к крепости, но его встречали ударами, сбивали с лошади и крепко отделывали. Всадники пришли в ярость от того, что не могли взять крепость, и хотели пустить в ход против ее защитников стрелы, но воевода не разрешил это сделать, и крепость осталась в руках ее первых владельцев. Отсюда, в частности, можно сделать вывод, что служивые, при случае, могут совершать ратные подвиги[9].

«Взятие снежного городка». В.И. Суриков. 1890

Впрочем, может быть, крестьяне, которые в жизни не держали в руках оружие, превзошли бы их, ибо служивые сделали своим единственным занятием пьянство. В старые времена сибирские служивые выглядели весьма внушительно. Они носили латы 2-х видов, которые покрывали все их тело. Одни сплошь состояли из железных колец, а другие состояли из тонких железных пластин. Пластинчатые латы, по словам служивых, носить гораздо легче, чем кольчатые. Такая броня, как уже было сказано, покрывала все тело: грудь, живот, всю спину и руки. Сюда же относится и шапка, которая вверху имеет железную подкладку. Я видел обе эти латы, но теперь ими уже не пользуются.

…Здесь в Красноярске (1740 год. – *Г.Б.*) я встретил своего гостя из Петербурга, вид которого меня сильно обрадовал, так как обычно мы больше радуемся тому, что имеем, чем тому, чего еще ждем. Однако он сразу же сказал мне, что художник, которого я здесь оставил (Иоганн Вильгельм Люрсениус – *Г.Б.*), себя очень плохо чувствует. Я сразу же пошел к нему, и он мне рассказал, что немец, уже много лет живущий в Красноярске, сказал ему несколько дней тому назад, что в огороде воеводы много хороших корней пастернака. А так как художник большой любитель этих корней, то попросил немца приготовить ему блюдо

из них на обед. Художник съел все это блюдо с жадностью и вскоре почувствовал удушье и сильную сонливость. После этого его вырвало, он сунул палец в рот, чтобы окончательно очиститься и действительно еще облегчился. Но непреодолимый сон свалил его в постель, и проспал он около четырех часов очень крепко, а теперь очень тяжелая голова и все кружится. Я тотчас послал за немцем, который готовил ему блюдо и который ничего злого на уме и сердце против художника держать не мог и сделал ему уже много хорошего. Я велел ему принести несколько этих корней вместе с травой и сразу определил, что это белена. Я заставил художника тут же выпить маленькими глотками большую кружку сока красной смородины, и он вскоре почувствовал себя лучше. Затем пригласил его в свой дом, чтобы закончить лечение. Вскоре он появился, и я дал ему маленько легкого пунша из воды, $^{1}/_{2}$ части самогона и столько же сока красной смородины, который для меня служил как освежающее после целого дня жары. Вместе с больным и моим петербургским гостем мы пили до тех пор, пока не разошлись в хорошем настроении и легли спать. Я был рад, что в господине Мартине, хотя он и родился в Филиппсбурге, я нашел полуземляка, так как он много лет был в Вюртемберге и много мог рассказать хороших новостей не только оттуда, но и из Петербурга.

Я спал необычайно спокойно, бывший больной также на другой день сказал, что отдыхал спокойно и не чувствует больше никаких болей в себе. Около 11 часов дня явились люди, оставленные после крушения лодки на Мане, и привезли весь оставшийся инструмент на сооруженном ими плоту. Им пришлось ночевать на том месте, где утонула лодка. Так как пока они строили плот, наступила ночь и они не отважились плыть ночью. Утром 22 августа около 7 часов они отплыли и без препятствий и остановок прибыли сюда.

…В этот день я обстоятельно побеседовал со своим полуземляком. Он показал мне свои травы, собранные в пути, и здесь их было уже много, и я должен признать, что в науке о травах он преуспел. Я заключил также из беседы, что у него большой опыт исследований и он разбирается в химических процессах, и мне

захотелось заиметь такого подражателя, которого можно было бы использовать в других нужных делах.

После обеда мы пошли гулять, он взял ружье, однако обращал внимание в основном на встречающиеся травы. Ни одна травинка не ускользнула от его зоркого взгляда. Он убил мне также пару хороших птиц. В его лице я имел, таким образом, хорошего знатока и исследователя трав и умелого исследователя вообще.

И я не знаю, для чего его лучше использовать, для копирования, для чего он собственно и послан, и в чем он тоже преуспел, или для других наук, которые он тоже знает. Его можно использовать для всех этих дел, и в ходе поездки много мне помог, из-за чего я взял его на содержание с этого времени. Кроме него и художника я никого из своих людей не мог использовать для своих исследований.

По возвращении в Красноярск я получил письмо от хорошего друга из Иркутска, в котором было сообщение из Охотска от 28 ноября 1738 года о страшном землетрясении, которое произошло в шестой зимний месяц 1731 года на Курилах и прилегающих островах…

В целом Сибирь до сих пор избежала землетрясений. Самой западной точкой, где, по моим сведениям, было землетрясение, является Красноярск. Но и это было в старые времена, так как среди молодых никто не помнит землетрясения. Да и те, о которых еще помнят старики, не были такими страшными, чтобы кого-то сильно напугать. Самые частые и сильные землетрясения, о которых я слышал в Сибири, были в Иркутске. Нередко они обрушивали дымоходы домов и заставляли звучать колокола, раскачивая их.

Записи Гмелина во время пребывания в Красноярске в августе 1739 – апреле 1740; осенью 1740 – весной 1741 (гг. – *Г.Б.*).

Когда я вернулся в Красноярск из путешествия по Мане, то мой татарский переводчик, которого я уже хвалил выше, выучил (за время моего отсутствия. – *Г.Б.*) много песен татарских народов. Он сразу же явился ко мне и спел их мне. Из них мне особенно понравились две своей музыкальностью и содержанием. Переводчик сказал, что это любимые песни этих народов, они их поют часами и танцуют под них. Я привожу их здесь, чтобы сделать

сборник содержательнее. Мелодия записана на особом листочке меди. А вот их текст:

Песня сагайских татар
Беременна грива белого коня.
Течет река. Хочу сколотить плот.
Если я его не сколочу,
То с головой попаду в рабство.
Жеребец и кобыла привели на обе стороны реки.
На ее берегах соленые цветы.
Большой и малый брат идут взад-вперед
У ворот воеводы.

Точнее и понятнее я не смог сделать перевод. Как только я требовал большей точности, переводчик тут же отвечал, что форма песни такова, что сродни загадке. Но, вероятно, чтобы лучше втолковать мне содержание, он сказал, что песня создана девушкой-служанкой, которая назначила свидание любимому на солончаках. Конь, на котором ехала девушка, имел на одном боку огромную гриву. И все же я понял не все слова и их взаимосвязь. Наконец, я решил, что девушка при встрече, в состоянии аффекта говорила несвязные речи. Поэтому я попросил своего поэтического друга, который помогал мне ранее, чтобы он сделал перевод в этом плане, и я думаю, он понял меня. Однако он воспользовался свободой, как и у последней качинской песни, и использовал пару лишних строф.

Поэтический перевод былинной песни
Посмотрите на беременную гриву моего коня,
Цона иду! (Это у них крик радости, как у нашей черни: йу! – *прим. И.Г. Гмелина*)
А река течет
и радость звучит,
Цона иду!
Я хочу связать плот,
Цона иду!
Если я его не свяжу,
Цона иду!
Стану я рабыней,

Цона иду!

и т.д., как выше.

Другая песня – чацкая (чулымская. – *Г.Б.*). Мелодия на том же листочке меди. Содержание немного понятнее:

При отце я очень слежу за глазами,

Глаза и брови я отдала тебе, любимый.

Ворон (перевод имени возлюбленного. – *прим. И.Г. Гмелина*).

хочет лететь далеко, чтобы посмотреть,

Не попал ли журавль в сети (образ девушки. – *прим. Гмелина*).

Русские воюют с бурятами.

Вон внизу стоят они в долине.

Я играла бы с тобой,

если бы ты был

Моим господином, без промедления.

И я взяла бы тебя в юрту

И пошла домой.

Эта песня о человеке, который очень любит девушку, но не нравится ее отцу. В этой песне изливается страсть. Обещать друг другу глаза и брови у влюбленных татар – самый большой залог любви.

* * *

…14-го, перед Рождеством, начинается Филиппов пост, который кончается рождественскими праздниками. Те, кто хочет жениться, должен это сделать в эти 8 дней, и я видел за эту неделю 50 свадеб (описание свадьбы по тобольским впечатлениям. – *Г.Б.*) Церемонии, которые сопровождают свадьбу, достойны описания. Я видел сам меньшинство из них, хотя поводов для этого было предостаточно. Разъезжающие верхом по улицам зазывалы не раз приглашали меня.

По здешнему обычаю, если жених богат, то «дружка» приглашает всех, кого только найдет. Главная церемония состоит в пьянстве. Я был однажды у воеводы, когда заявилась шумная свадьба. Это были две пары, жених с невестой, вместе с ними были свахи, дружки, друзья и подруги, матери невест. На каждой невесте была очень высокая соболья шапка, шелковое манто в форме роклера, доходящее до самых пят. Полы манто, открытого спереди, а также рукава, в которые руки не были продеты, отдела-

ны золотыми галунами. Внизу манто по всей окружности были отделаны соболями, которые тащились по земле. Женихи также были одеты во все новое. Они принесли с собой самогон и пили его за здоровье воеводы. Воевода, со своей стороны, велел преподнести им крепкого вина. Мужчины делали все это со знанием дела, невесты же пили мало. Свахи и матери невест, напротив, ничего не пропускали, и одна из матерей, заходя в комнату, была уже сильно пьяна. Выпив достаточно, дружка обратился к воеводе с речью, приглашая его на свадьбу. После этого они ушли. Подобные визиты они наносят всем друзьям и кому считают необходимым оказать честь.

Мы присутствовали и в церкви при помолвке. Помолвленные встали перед алтарем, жених справа от невесты. Рядом с невестой стояла сваха, а дружка – рядом с женихом. Священник в праздничном одеянии распустил невесте заплетенные волосы, сваха помогала ему в этом. Помолвленным он дал в руки по свече, после этого прочитал обычную церковную молитву, и после этого началась помолвка. Принесли платок, и жених с невестой встали на него. Священник взял у обоих кольца, помолился, а затем вернул их, поменяв владельцев. После этого он принес икону вместо венка, который применялся обычно, дал ее поцеловать и стал ее держать над головой жениха, спрашивая, хочет ли он взять эту невесту в жены. Икону над его головой продолжал держать дружка. Для невесты священник принес другую икону и совершил тот же обряд. Над ее головой икону держала сваха. После этого священник взял жениха за руку, а тот невесту. И в этот момент из-под них взяли платок. Затем он повел их по кругу, как движется солнце, по этому месту, где лежал платок, дружка и сваха продолжали держать иконы над их головами, идя следом. Наконец, молодые еще раз поцеловали икону, и на этом церемония закончилась.

Из сибирских слов, которые в России не употребительны, наш переводчик собрал следующее.

Строшной – работник, нанятый на время (строчной).

Занец – весло – руль, используемые на дощаниках.

Пимики – сапоги, сваляные особым образом из шерсти. Щасоту – сейчас.

Однако – да.

На войную сторону – наизнанку.

Охитить – очистить.

Лонский год – прошедший год.

Лонифе – прошлое время.

Завры – кожа с обеих сторон седла, употребляемая в Сибири, чтобы не запачкались сапоги.

Кичим – кожа, которая кладется здесь между седлом и войлоком.

Тисчины – удила уздечки.

Парки – русские кожаные ботинки, которые носят обычно мужчины.

Поршни – ботинки из невыделанной кожи в форме лаптей, сплетенных из лыка или деревянных.

Чуни или кочи – ботинки, к которым пришиты чулки.

Тумак – меховая шапка с отворотами во все стороны.

Польники (полюшки) – тетерева.

Дехен – блюдо, состоящее из кислого молока и сушеного ячменя.

Тересы – весы.

Ушкан – заяц.

Ушканина – шкура зайца.

Кислый – кислая капуста.

Бусс – пыль от помола на мельнице.

Лага – лега – шуба с меховым подкладом.

Лоха – доха (? – *Г.Б.*).

Лопот – одежда.

Бубасс – льняной пиджак, покрашенный березовой корой.

Подвал – погреб для запасов.

Займище – лес, рядом с которым есть река.

Курья – залив реки.

Болван – деревянная птица, приманка на длинной палке.

Хмелевать – идти собирать хмель.

Бугровать – идти добывать (копать) золото или серебро.

Вервить – мерить версты.

Страдовать – собирать урожай и косить сено.

Робить – работать.

Зельница – корыто.

Шибко – очень.

Божница – доска, на которую ставят святые картины.

Ягушка – ягненок.

Матка – компас.

Благо – много.

Сырнек (в Тобольске) – сырая древесина.

Закоренка (на Таре).

…Среди сибиряков енисейцы слывут хитрецами и обманщиками, поэтому их называют «сквозняками», т.е. людьми, видящими любое дело насквозь.

(Ниже приведены записи автора конца 1734 года, сделанные в Енисейске. – *Г.Б.*).

Здесь в Сибири принято, как, впрочем, и в других местах, что жители различных городов дают друг другу прозвища. Так, жителей Тобольска называют «язовики», т.к. у них там много язей (вид плотвы).

Нам рассказывали, что после того, как Ермак завоевал Сибирь, в течение полугода можно было за 1 копейку купить 100 язей.

Тарчан называют «раскольниками» и «коловичами».

Первое прозвище связано с тем, что среди них много раскольников, второе – с тем, что многие из них во время массовой казни были посажены на кол.

Кузнецких зовут «сурками», т.к. они носят очень много шуб из шкурок сурка (суслика. – *Г.Б.*); томских зовут «оленичи» по имени женщины Олены, прославившейся когда-то своей силой, и «булыги», что означает хвастуны; сургутских – «кривые», потому что они почти все косят; березовских – «белкоеды», ибо они якобы едят белок; мангазейцы – «светлолобые» (имеющие светлые лбы), причины чего я не знаю, и «порзовики», т.к. едят вместо хлеба сушеную раскрошенную рыбу; красноярцев – «бунтовщики», т.к. они часто бунтуют против своих воевод; иркутян – «иваны», не знаю почему; удинцы – «удинская сажа», т.к. в их домах полно сажи, селенгинцы – «песочники», ибо много песка в их стороне; нерчинцы – «тумаки», за широкие связи с тунгусами (потомок русского и тунгуски называется «тумак»); илимцы – «илимская мошка», ибо там много мошки; якуты – «корое-

ды», т.к. они объедают кору с деревьев, и «тумаки» за широкие связи с бурятами.

Во время Рождества мне вспомнился обычай, который бытует у нас в Германии.

Во время Рождества по улицам ходили три переодетых человека, изображающих Святую Троицу, со звездой, возвещая рождение святого Христа. Мы видели людей с очень большим фонарем, имеющим два отделения. В оба отделения можно было заглянуть через искусно сделанные двери. В верхнем отделении был изображен ребенок Иисус в яслях, и рядом стояли бычок и ослик. В качестве зрителей изображены Божья Матерь и старый приемный отец (воспитатель) Иозеф.

В нижнем отделе изображена Святая Троица, пастухи на поле, быки, кони, верблюды, ослы и т.д., и перед ними сооружена звезда. Нижнее отделение было устроено так, что медленно вращалось, и изображенные там лица постоянно двигались как караван, и это делало картину более естественной. Одновременно с представлением эти ходоки пели и говорили речи.

Не могу не упомянуть здесь одну картину, которая изображает Святую Троицу, которая висела в доме, где мы жили. На картине на одной шее изображено три головы с четырьмя глазами, тремя носами, тремя бородами и двумя ушами. Эта картина напоминает мне другую, увиденную в Томске, изображающую Господа Христа, одолевающего Сатану. Христос сидит на коне с луком и стрелами, а дьявол лежит у ног коня в облике дракона. Христос стреляет в него из лука, но так неудачно, что стрела пролетает мимо Сатаны…

А самое главное, почему в Сибири берут двойную норму лошадей, это плохой корм. Поэтому они намного слабее русских лошадей. Если их кормить лучше, то надо изменить весь порядок, на что сибиряки пойдут неохотно, так как почта здесь идет не так часто, как в России.

По царскому указу, в России летом на коня можно нагрузить 15 пудов, а зимой – 25–30 пудов. Поэтому ездовой должен ухаживать за своей лошадью так, чтобы она могла тащить этот груз. Помощник старосты и слышать не хотел о двух лошадях на повозку, хотя мы обращались к нему неоднократно. Такие непри-

ятности нам приходилось терпеть ради общего дела. Канцелярия была недовольная, что мы требуем от нее слишком много данных об истории и географии здешних мест, распространяла о нас хулу, за исключением начальника, хотя царские приказы, которые были с нами, требовали от них прилежного исполнения обязанностей. Пребывание в этом городе (Иркутске. – *Г.Б.*) поэтому принесло нам много досады. Мы заявили, что останемся здесь до тех пор, пока нам не дадут нужное количество лошадей…

Застава – это место, где собирается пошлина. Здешняя таможня (Кяхтинская. – *Г.Б.*) собирает пошлину со всех товаров, которые идут с китайской границы и которым нелегко найти обходной путь. Товаров много, и поэтому должность таможенника очень важна, ибо в течение года он обычно становится богатым. Голова назначает их и уполномоченные им добросовестно ему жертвуют. Обычно эта жертва составляет 300 руб., которые, однако, платятся лишь тогда, когда претендент приступил к делу. Рассказывают, что недавно это место освободилось и сразу три претендента получили от головы обещание на эту должность. Они приходили к нему в разное время и ничего не подозревали. Однажды они сошлись у головы все трое. Каждый потихоньку просит за себя. Наконец, голова уполномачивает всех троих собрать пошлину. Каждый из них выложил свои 300 рублей, и я позже слышал, что никто об этом не жалел.

…И наконец, о здешней торговле (в Кяхте, которую посетил автор в 1735 г. – *Г.Б.*).

У русских купцов имеется сукно, льняное полотно, юфть, оловянная посуда и, хотя и тайно, различные меха.

Китайцы, которых русские называют «наймачин» (купец) привозят из шелков «новоманерные поставы» (вид материи), «голи» (самая лучшая камка, т.е. камчатая), штофная ткань, «полуголи» (камка чуть худшего качества), «семи лани» (камка еще худшего качества), «пяти лани» (самая плохая камка), «занфа» (самый лучший атлас) и два вида «уффи» (средний и плохой сорт атласа), «байберек», «жагрин», «фанза» (три сорта тонкой материи), «флер», «креп», «коломянка» (плохая шелковая материя, на которую наклеены золоченые нити и которая используется духовенством и на сцене).

Из хлопчатобумажных тканей самая приличная – «китайка». Она бывает двух видов: прессованная и непрессованная. Прессованная китайка бывает двух сортов: грубая и тонкая. Далее у них имеется «даба» (сорт белого ситца), «урубок» (китайское тонкое полотно) и бархат. К основным товарам относится еще «шар» (китайский табак), фарфор (плохой фарфор по-русски называется «жженина», а хороший – «фарфор»), чай, сахарная пудра, сахарный песок, маринованный имбирь, прессованные корни померанца, «каменный чай», бадьян (звездчатый анис). Из мелочи имеются еще курительные трубки, бумажные цветы, шелковые цветы, наклеенные на бумагу, различные иглы из рога косули с круглым ушком, куклы из шелка и фарфора, деревянные гребешки, различные безделушки для братчан и тунгусов, «тензоинг» (китайское лекарство), китайские библии, отпечатанные на шелке, и другие, инкрустированные слоновой костью; ножницы, жемчуг, шелковые пояса, коньяк, пшеничная мука, ножи с вилками, веера (опахала), тележки, перец.

(Ценовая роспись товаров, продающихся в Сибири. – *Г.Б.*)

Товары	Количество	Цена (руб., коп.)
1	2	3
Новоманерные подставы двух цветов	Кусками. Кусок по 15–18 аршин	13 р.
Новоматерные подставы одноцветные	Кусок по 18 локтев	8 р.
Голь	Кусок 12, 18 ½ аршин	7 р.
Полуголь	Кусок 16–17 аршин	01.04.50
Семи лани	Кусок 17–18 аршин	3 р.
Пяти лани	Кусок 10 аршин	01.01.50
Зифа с цветами	19 аршин	12 р.
Зифа без цветов	19 аршин	10 р.
Цоффи большой руки	13 1/2 аршин	01.03.50
Цоффи малой руки	16–17 аршин	.02.50
Байберек	18,5 аршин	3
Фанза, высший сорт	17,5 аршин	.02.25

Продолжение табл.

1	2	3
Фанза, средний сорт	12 аршин	.01.00
Фанза		01.10.18
Фанза		.01.20
Фанза, худший сорт	11–2 аршин	-60 к.
Фанза		-70 к.
Флер	15–16–18 аршин	3 р.
Флер		.3.50
Флер		6 р.
Флер		8 р.
Креп	12–14 аршин	01.01.80
Креп		01.02.25
Коломянка	15–16 аршин	15 р.
Коломянка		8 р.
Китайка пресованная, лучший сорт	Продается тюками. 1 тюк – 10 концов 1 конец =7 ½ – 7 ¾ аршина	3 р.
Китайка, худший сорт		01.02.50
Китайка одноцветная		04.50
Китайка двух цветов		01.04.70
Даба	Кусок 14–15–17–20 аршин	40–45 р.
Урубок	Продается тюками. 1 тюк = 9–10 концами или 350–360–370 аршин	15 р.
Бархат	12–15–17 аршин	03.60
Шар (табак)	Продается цибиками 1 цибик =180 бакшей 1 бакш = 8–10 ланей	11–15–16 р.
Сахарная пудра	По 16 ланей	15–18 р.
Сахарный песок	По 16 ланей	30 р.
Маринованный имбирь	По 16 ланей	20 р.
Прессованные корки померанца	По 16 ланей	20–25–30
Каменный чай	По 16 лней	02 р.

Продолжение табл.

1	2	3
Бадьян	По 16 ланей	20–25 р.
Медные курительные трубки	Штуками	20 к.
-//- короткие	-//-	15 к.
-//- маленькие	-//-	6 к.
-//- из черного эбенового дерева	-//-	15–20–25 к.
Цветы из бумаги и фанзы по выбору	штуками	2/3 к.
-//- без выбора	-//-	1/2 к.
Шелковые цветы, наклеенные на бумагу		3–4 к.
Иголки швейные самые тонкие	По 50 штук	5 к.
-//- толстые	-//-	3–4 к.
Кукла из плохого фарфора:		
-//- маленькие	штуками	4–5 р.
-//- большие	-//-	15 р.
Деревянные гребешки	-//-	2 к.
Китайские библии, инкрустированные слоновой костью:	-//-	
-//- худший сорт	-//-	3 р.
-//- лучший сорт	-//-	6–8–10 р.
Бритвы		12,5 р.
Бусы	Штуками в картонных коробках, по 10 штук в каждой	2 р.
Пояса		30–90 р.
Коньяк	В корчагах. В каждой по 3,5 ведра. В одном ведре – 25 синями	20–25–30 р.
Мука пшеничная	Синями (китайская мера)	50–70 р.
Веер из фанзы		15 к.
- //- из бумаги		5 к.

Окончание табл.

1	2	3
Весы большие	Штуками	70 к.
-//- маленькие		30–35 к.
Перец	Синями	20–25–30
Чайные чашки с блюдцами и крышками из плохого фарфора	пара,	35–30 к.
-//- тонкий сорт		1 р.
-//- -//-		1.2 р.
Чай чулан ланховый	Синь по 16 ланей	20 к.
-//- чин	-//-	20 к.
Чай модзян	В круглых коробочках, сплетенных из камыша, в которых по 1 синю	18 к.
-//-луган	-//- синь по 16 ланей	13 к.
-//- уи		15–20
-//- кирпичный	Кусками. В куске 6,5	80 к.
-//- самый плохой чай в маленьких пачках		1,5 к.

G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. 1–4 Teil. Gottingen, 1751–1752 гг. Teil 1. С. 361–388; Teil 3. С. 491–527. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 г. Ч. I–IV. Геттинген, 1751–1752. Ч. 1. С. 361–388; Ч. 3. С. 491–527.

Комментарий

1. Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) родился в Тюбингене (Германия) и жил в России с 1727 по 1747 год. В 1731 году был избран членом Петербургской Академии наук. С 1733 по 1742 год активно участвовал в работе Второй Камчатской экспедиции, собрал ценный ботанический материал, который был опубликован Академией наук в 4-х томах под названием «Флора Сибири» (см. **Зиннер Э.П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968. С. 182).

После возвращения из Сибири крупный ученый-натуралист не смог ужиться в столице с интриганом Шумахером и его академическим окружением. Уехав для лечения на родину, Гмелин остался там навсегда, нарушив тем самым контракт с русским правительством. Незадолго до смерти в 1751–1752 годах ученый опубликовал в Геттингене в 4-х частях свои сибирские записки. Сокращенно они переводятся как «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 г.». Прошло совсем немного времени, а этот труд было уже запрещено переводить и ввозить в Россию. Автора же негодующая императрица Елизавета Петровна пыталась даже привлечь к судебной ответственности за публикацию материалов без разрешения Академии наук. Академическое начальство получило предписание организовать в печати критический разбор книги Гмелина, но М.В. Ломоносов и даже Г.Ф. Миллер отказались это сделать.

Недовольство дворцовых кругов и уважение серьезных ученых было вызвано умеренно либеральным освещением сибирской действительности. Будучи прямым человеком, профессор химии и естественной истории И.Г. Гмелин был близок к простым людям, относился заботливо к их нуждам. По роду своих ботанических, зоологических и минералогических занятий ученый постоянно общался с ними, умел оценить и поощрить труд и умение простых казаков, своих помощников в отстреле и препарировании различных зверей и птиц (см. ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 67. Л. 819–820). Талантливый, трудолюбивый ученый острым метким глазом натуралиста сумел многое увидеть в тогдашней Сибири. Его суждения самостоятельны и критичны. Особенно досталось местным сибирским властям.

Вместе с тем, обращаясь к западноевропейскому читателю, автор волей-неволей больше заботился о занимательности повествования, чем о точном изложении фактов и впечатлений. Кроме того, многие материалы путешествия остались в России. Поэтому в книге нередко встречаются фактические неточности и подчас сгущаются краски, особенно при описании быта и нравов сибиряков.

Отмеченные особенности записок И.Г. Гмелина ярко проявились в его материалах о пребывании в Красноярске, где он пробыл в общей сложности более полутора лет (академик И.Г. Гмелин и его помощник, будущий член Российской Академии С.П. Крашенинников, жили в Красноярске с 18 января по 17 февраля 1735 года, а Гмелин еще в период с 19 августа 1739 по апрель 1740 года и с октября 1740 по май 1741 года). В данную публикацию вошли не только те страницы дневника, где говорится о красноярских впечатлениях. В разделе, отмеченном тремя звездочками, приводятся материалы, относящиеся к Тобольску, Енисейску и Кяхте, но типичные для всей Сибири (описание свадеб, народного кукольного театра-вертепа, китайских товаров и т.д.).

2. В Красноярске была одна казенная кузница. К общественным зданиям Гмелин причислил, вероятно, казенную медную мастерскую и два так называемых («верхний и нижний») питейных дома.

3. Гмелин неточен, утверждая, что все енисейские киргизы «перебрались в калмыцкие степи». В специальной литературе до сих пор нет единого мнения о масштабах и характере увода в 1703 году обитателей хакасских степей в бассейн р. Или. Хакасский историк К.Г. Копкоев утверждает, что была уведена только одна четвертая часть хакасского населения (около 3000 человек), причем лишь немногие князцы были в сговоре с джунгарским контайшей. Из уведенных в ближайшие годы вернулась половина (**см. Копкоев К.Г.** Об угоне енисейских киргизов в Джунгарию в начале XVIII века // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. 1965. Вып. VIII. С. 75).

Новые архивные материалы, на наш взгляд, позволяют считать, что уведено было до половины хакасов. Феодальная верхушка главных землиц была в сговоре с джунгарами, и их улусы «откочевали», а князцы прочих улусов и их «кыштымы» были взяты к «контайше», т.е. уведены насильно (см. **Быконя Г.Ф.** О книге В.Г. Карцова «Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в.». Абакан, 1970 // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 6. С. 88–89; подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Изд. 3-е. Красноярск, 2015. Т. 1, гл. 1).

4. Гмелин умалчивает о роли властей в устройстве среднесибирской части самого длинного в мире Московского тракта. Указ о его учреждении был издан Сенатом в 1733 году в связи с началом Второй Камчатской экспедиции. Витус Беринг, ее руководитель, сам проехал по намеченной трассе и обревизировал зимовья и почтовые станы. Их срочно стали сооружать зимой 1734 года. Станки как комплекс хозяйственных и жилых построек ставили через 50–80 верст, а между ними были зимовья, которые летом пустовали. Обслуживало дорогу все трудовое население Приенисейского края. Эта новая, очень тяжелая повинность выполнялась крестьянами и разночинцами по очереди. Они получали только поверстные деньги (1 коп. за версту пути зимой и в половину меньше летом) и плату за фураж. Хотя строительство зимовьев и станков закончилось только к 1741 году, казна сразу же стала выдавать подорожные и подводные деньги на новую дорогу. Тракт пересекал всю Среднюю Сибирь от Боготола до Тулуна, проходя через Ачинск, Красноярск, Канск и Нижнеудинск. Общая его длина на этом отрезке составляла 790 верст. Западнее Красноярска по дороге на Томск имелось шесть станций и зимовий: в Красноярске, д. Яловской, на р. Каче, ручье Мостовом, на рр. Малый Кемчуг и Июс. Далее в пределах Томского ведомства были станции на реках Агатывке и Шерешь, у д. Тришкиной, на реках Соксе и Урюп, куда часто «заганивались» красноярские подводы. На участке Красноярск – Канск дорога прошла значительно южнее устья Кана, спрямившись за счет этого на 60 верст. Станции и зимовья размещались на рр. Кускун, Балай, Уяр, Рыбной, Кан, Илан, Пойме, Туманшет, Бирюсе, Уде, Тырбыр и Курзыр. Прогоны на восток были очень долгими, так как на 450 верст приходилось всего 4 станции, восемь зимовий да девять ненаселенных кормовищ (см. **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими бассейна Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. // Из истории Сибири. Красноярск, 1971. Вып. 4. С. 6–8; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Изд. 3-е. Красноярск, 2015. Т. 1, гл. 2).

5. Автор в погоне за красным словцом противоречит сам себе. Подъезжая к городу, он отмечал: «Жители (с. Ясаулова. – *Г.Б.*) как

и большинство в этих местах, очень зажиточны. Дома совсем не похожи на крестьянские».

6. Речь идет о казачьем голове Леонтии Тараканове. Численность красноярских казаков была определена не в 700, а в 730 человек (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 65. Л. 10).

7. Автор свидетельствует об оригинальной выдумке красноярцев, которые в зимнее время могли молоть зерно на поставленных рядом мельницах. Это свидетельствует о том, что Красноярск был центром значительной по размерам земледельческой округи.

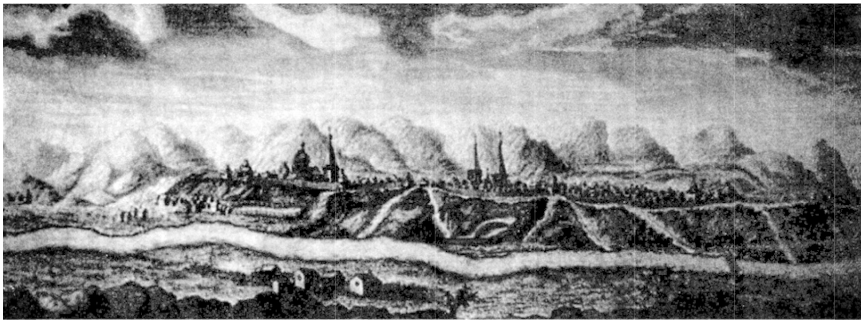
8. Подношения воеводе – отзвук недавней системы кормлений, отмеченной Петром I. С 1727 года отменено жалованье местной администрации с предписанием «кормиться с дел» (см. **Троицкий С.М.** Абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 155–163; **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. С. 87, 257–259; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Изд. 3-е. Красноярск, 2015. Т. 2, гл. 4).

9. По ответу на анкету Миллера было 347 дворов.

10. Намек на известный библейский сюжет.

11. Эта оригинальная казачья игра дошла до начала XX века. Ее описала М.В. Красноженова и запечатлел В.И. Суриков.

№ 49. ПАНОРАМА КРАСНОЯРСКА

Панорама Красноярска. Рис. И. Люрсенцуса. Эрмитажное собрание. Ф. 29539, № 32

Комментарий

Это первое известное живописное изображение Красноярска. Оно было выполнено молодым художником сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции Иоганном Вильгельмом Люрсениусом в период с 9 января по 10 февраля 1735 года. Вероятно, это была его первая самостоятельная работа, т.к. до болезни художника Беркана он числился рисовальным учеником. Художнику экспедиции вменялось в обязанность зарисовывать редких животных, растения, примечательные места, а также заниматься «перспективным художеством». Это означало тогда искусство снимать, т.е. рисовать проспекты – виды городов и архитектурных сооружений. В «Специальной инструкции», составленной для художников экспедиции, в параграфе «О землях!» записано: «Ежели он (живописец. – *Г.Б.*) какую землю малевать будет, то надлежит ему при светлой погоде повсякий день в назначенный час перед обедом на выбранное им тому место итти и рисование так расположить, чтобы горизонт при том хорошо усмотрен быть мог, по сем надобно ему оной пункт прилежно примечать и со всяким тщанием того смотреть, чтоб все притом ясно рассмотреть можно было и того ради свои рисунки наипаче совершеннее и пространнее, нежели сокращенно делать, леса, поля, каменистые места, степи, строения, деревни, города, морские гавани, водные пороги и прочее тому подобное по надлежащим местам располагать и, следовательно, так делать, чтоб оные узнать можно. На переди (очевидно, для масштаба. – *Г.Б.*) должны на всю вышину рисования редкие и всегда такие деревья изображены быть, какие в которой стороне растут. При том надлежит ему все так расположить, чтоб одна треть воздуха, а две трети земли казалась» (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2331. Л. 27). Цели и задачи научной экспедиции требовали от художника точной фиксации местности. Таким образом, публикуемый панорамный проспект Красноярска в принципе мог точно отразить облик города более чем 280-летней давности.

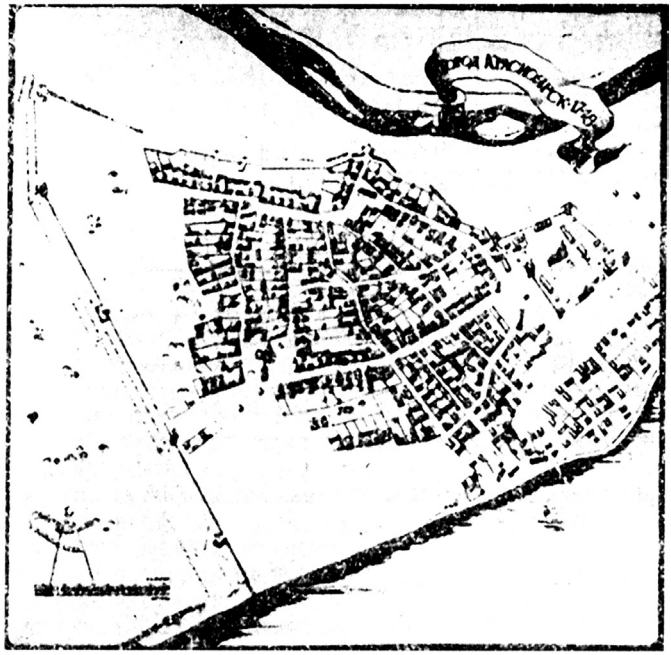
Судя по рисунку, центром обзора художник выбрал караульную вышку, где сейчас каменная часовня. Это позволило показать протяженность города, его характерный силуэт со стороны р. Качи.

Сопоставляя рисунок с описанием Красноярска в анкетах Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева (см. № 47), видим, что Люрсениус довольно точно показал его местоположение, крепостные укрепления. Изображение домов выполнено в условной манере. К сожалению, молодой художник не дал планировки улиц, для чего следовало как бы приподнять задний план рисунка. Оригинал представлял собой рисунок тушью, который, как установила сотрудница Русского музея в Ленинграде, не сохранился (см. **Алексеева М.В.** Собрание российских и сибирских городов. Серия гравюр XVIII в. // Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1964. Вып. VIII. С. 65–68). Этот рисунок, как и ряд других рисунков сибирских городов, затерялся после того, как с них были сделаны на медных досках копии. Гравировальные работы выполняли граверы Российской Академии наук в начале 1770 года, а гравюру о Красноярске выполнил к марту 1770 году талантливый русский умелец Алексей Яковлевич Колпашников (17 марта 1744 – 5 декабря 1814). Д. Ровинский, крупнейший знаток народного лубка и гравюры дореволюционной России, сообщает, что Калпашников «учился гравированию с 1759 года у Шмидта и усвоил себе блестящий его резец». Он считался одним из лучших граверов Академии и получал 60 рублей жалованья (см. **Ровинский Д.** Подробный словарь русских граверов XVI– XIX веков. Спб., 1895. С. 532).

Отпечатанные с гравюр отдельные листы, всего 20 видов сибирских городов, поступили в свободную продажу в Академическую лавку. Неизвестный любитель живописи, возможно, Махаев, собрал их, а также листы с видами российских городов, всего 34 листа, и переплел в альбом, дошедший до нашего времени. Этот альбом, откуда взято изображение Красноярска, хранится в русском отделе гравюры в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже (см. Эр. 29539. № 32) и называется «Виды городов или эстампов Российской империи, гравированные, и состоят в библиотеке моей 1810-го года». В правом нижнем углу есть интересная помета: «Получен от Глазунова от апреля 1810 года в сумме». Разрозненные листы видов сибирских городов, в том числе Красноярска, также хранятся в рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина и ГИМе.

№ 50. 1741 г., апрель. – РОСПИСНОЙ СПИСОК СДАЧИ ВОЕВОДСТВА В КРАСНОЯРСКЕ ИСПРАВЛЯЮЩЕГО ДОЛЖНОСТЬ ВОЕВОДЫ ДВОРЯНИНА ГРИГОРИЯ КАРТАШЕВА КАПИТАНУ АЛЕКСЕЮ ТЕМИРЯЗЕВУ

Города Красноярска роспись городским строениям и вещам. Город малой, о четырех башнях, пятая въезжая; в нем соборная церковь… деревянная, вне града – церковь Покрова… деревянная ж.

Красноярск, 1748 г. (реконструкция Э.М. Панова)

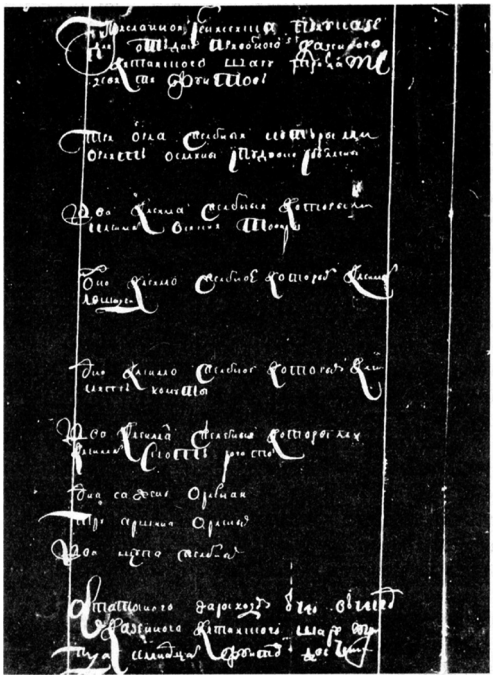
В городе канцелярия, в ней три жилья, под ними три анбара кладовых деревянныя. Во оной канцеляции в начале 2 образа спасителев наших, ризы медныя, а венцы сребряныя, вызолоченыя; образ Николая Чудотворца, венец и оклад сребряныя, вызолоченыя; образ Благовещения Богородицы, оклад сребряной под золотом. Красного сукна на судейском столе мерою три аршина. В ящике: Его Императорского Величества города Красно-

ярска печать, в середине единорог[1], сребряная. На оном ящике сукна красного поларшина. Грамота о строении города Красноярска[2]. Соборное уложение печатное[3]. Регламент письмянной на 31-м листу за рукою господина воеводы Ивана Вердеревского, за справою Ивана Кондратьева[4]. Воеводская инструкция печатная, наказные воеводския статьи письмянные на 22 листах за рукою дьяка Афанасия Парфенова. Печатная инструкция генеральной щотной комиссии, печатная ж инструкция доимочного приказу. Письмянной регламент или инструкция ревизионной коллегии на 7 листах за справой канцеляриста Александра Ероцкого. Письмянная инструкция земских камисаров, как им врученное дело исправлять на 10 листах, за скрепою дьяка Степана Пупкова, за справою подьячего Матвея Соколова. С камор-коллежского регламента копия на 24 листах за рукою Григория Апухтина, за справою Аммоса Дементьева. С морского пошлинного регламента или уставу копия на 18 листах за рукою Григория Опухтина, за справою канцеляриста Ивана Пайца. Прокурорская должность печатная. Инструкция или наказ воеводы Шетнева[5] на 10 листах письмянная, за рукою секретаря Козьмы Баженова. Печатной устав о соляном промысле. Новоуказные воеводские статьи на 64 листах рукою стольника и воеводы Григория Володимировича Новоселцова. Печатной векселной устав. Копия с инструкции, учрежденной комиссии щета Новгородской губернии. Писцовая книга в 207 году за руками стольников и воевод Петра и Федора Мусиных-Пушкиных[6]. Копия с окладной, присланной из Енисейска, всем окладным соборам ведомости на 30-ти листах за справою подканцеляриста Семенова Жарова, и оная подлинная ведомость по силе присланного указу послана в Енисейскую провинцию в оную канцелярию.

Книга окладная провиантская на 37 листах за рукою подполковника Григория Колюбакина, за справою Алексея Иконникова[7]; книга окладная имянная разным канцелярским сборам на 150 листах за рукою воеводы Семена Баклановского, подканцеляриста Никиты Соколова[8]; книга новых уставов о таможенном пошлином сборе за скрепою стольника и воеводы Льва Поскочина, за справою подьячего Олексея Пословина[9].

Городовых ключей от замков висячих – семь, одна чарка сребряная, весом тритцать золотников три чети, две чарки погребных, медныя, весом тритцать восемь золотников одна четь; 4 казенныя ключа малыя от висячих замков, один ключ нутренного замку, два ключа висячих за замком; две меры о выборе великанов бумажные с печатью; мера тасмяная о выборе великанов…[10]

В городе малом государев двор, где живут воеводы, пять горниц, в том числе три на жилых подклетах, одна – на глухом подклете, поваренная изба с сенями, да изба жилая. С сенми два анбара житных, меж ними сени крытыя, два летния погреба, погреб с выходом теплой зимней, баня с предбанником. На дворе конюшная да анбар с погребом. Казенной анбар о двух жильях, где кладетца ясачная соболиная казна, под ними анбар, а в нем артиллерския припасы…

Фрагмент описи казенного имущества в Красноярске при сдаче воеводства

В приходе в 741 году:

Перевод текста фрагмента описи:

Присланной из Енисейска при указе для отдачи привозного казенного привозного китайского шару тридцать девять фунтов.

Три орла железныя, которыми орлят осьмипудовый безмен.

Два клейма железныя, которыми клеймят всякие товары.

Одно клеймо железное, которым клеймят лошадей.

Одно клеймо железное, которым клеймят хомуты.

Два клейма железныя, которыми клеймят скот рогатой.

Одна сажень орленая.

Три аршина орленыя.

Два щупа железныя.

Остаточного за расходы от 740 в 741 под казенного китайского шару – три пуда семнадцать фунтов две чети.

Реэстр наличной Его Императорскаго Величества денежной казны коликое число имеется в зборе майя по двенадцатое дня сего 741 года а каких сборов значится ниже сего:

таможенного пошлиннога збору сентябрьской трети 740 году мелких, сребреных остаточных за расходом – 62 руб. 9 коп.;

питейной продажи кабацкого збору 740 года з городских кабаков сентябрской трети 740 года мелких сребреных – 132 руб. 55 $^{1}/_{3}$ коп.; питейной продажи кабацкого збору 740 году с уездных кабаков остаточных за расходом – 9 руб. 44 $^{1}/_{3}$ коп.; в них: сребреных мелких – 4 руб. 44 $^{1}/_{3}$ коп., сребреных гривеников – 4 руб.

Итого питейных денег 142 рубля и положены в одном мешке.

С оброчных мельниц – 37 руб. 19 коп.;

с рыбных ловель и оброчных плес – 24 руб. 6 коп.;

с кузниц, остаточных за расходом мелких – 87 коп.;

с лавок мелких – 2 руб. 95 коп.;

с кожевенных и мыльных промыслов, мелких 1 руб. 35 коп.;

с рублевых семи бань мелких – 7 руб.; с пятиалтынных бань – 10 руб. 40 коп.

В них: гривенников сребреных – 20 коп., мелких – 10 руб. 20 коп.; дымовых и повалешных гривенников сребреных – 20 коп.; проварных явчих денег с пив из браг: мелких – 42 руб. 40 коп.; крепостных пошлин 740 года декабря месяца, мелких –

8 руб. 99 $^{3}/_{4}$ коп.; за продажную гербовую бумагу 740 года декабря месяца мелких – 2 руб. 66 коп.

В приходе в 741 году:

штрафных денег за выимочное вино, остаточных за расходом – 4 руб. 75 коп., в них манетов рублев – 3 руб., мелких – 1 руб. 75 коп.;

помольных денег с Торгашинской мельницы – 741 года за генварь месяц остаточных за расходом – 1 руб. 6 коп., в них мелких сребреных – 82 коп., медных денежек и полушек – 24 коп.

за продажную гербовую бумагу, за генварь месяц 741 года, мелких – 2 руб. 16 коп.;

за продажную казенную солому, проданную в деревне Бугачевской 741 года, мелких – 25 коп.; помольных; с Торгашинской мельницы, за февраль месяц с 741 года, мелких – 2 руб. 9 $^{1}/_{2}$ коп.;

за продажную гербовую бумагу, 741 года, за февраль месяц

1 руб. 86 коп.; крепостных пошлинных денег, 741 года генваря и февраля месяцев, мелких – 4 руб. 46 коп.;

за продажную соль самосадку 740 года истинных – 253 руб. 90 коп. $^{5}/_{8}$, $^{1}/_{16}$ коп.; в них – червонных – 84 руб., манетов рублевых – 113 руб., полтинных – 8 руб. 52 коп., мелких – 30 руб. 80 коп., пять осьмин ($^{1}/_{8}$ коп.), $^{1}/_{16}$, пять копеешников – 17 руб. 60 коп.;

за продажную соль 740 года прибылых – 140 руб. 60 коп.; в них манетов рублевых – 91 руб., мелких – 49 руб. 66 коп.;

вычтенных у соляных подрядчиков гривенных пошлин 740 года 70 руб. 94 коп., в них – манетов рублевых – 39 руб., полтинных – 4 руб. 50 коп.; пятикопеешников – 18 руб. 50 коп.; мелких сребряных – 8 руб. 14 коп., сребреных гривенников – 80 коп.;

доправленных с соляною головы Григорья Фоминых за недосталую соль 738 года – 25 руб. 43 $^{3}/_{4}$ $^{1}/_{16}$ коп.; из них манет рублевых – 25 руб., мелких – 43 коп. $^{3}/_{4}$ $^{1}/_{16}$ коп.;

доправленных с соляною головы Григория Фоминых за недосталую соль 738 года – 25 руб. 43 $^{3}/_{4}$ $^{1}/_{16}$ коп.; из них манет рублевых – 25 руб., мелких – 43 коп.$^{3}/_{4}$ $^{1}/_{16}$ коп.;

доправленных с соляных с подрятчиков и промышленников безденежного за недоставленную соль 740 года – 11 руб. 30 коп.;

в них манетов рублевых – 4 руб., полтинных – 1 руб. 50 коп., мелкие – 5 руб. 80 коп.

Объявленные по росписному списку в прежде бывшаго в Красноярску управителя красноярского сына боярского Федора Нашивошникова принятых в 739-м году в Красноярской канцелярии не записанных прежних щетчиков Ивана Калашникова с товарищи денег – 11 руб. 26 коп., в том числе за продажную в селе Бузимском (солому. – *Г.Б.*) – 1 руб., а которого году в росписном списке не показано за продажную солому.

И от всех остаточных от 731–732 годы – 2 руб. 95 коп.; отмольных денег служивым Васильем Суриковым 733 года алтынников – 7 руб.; остаточных от покупки мундира бытности камерира Ильи Молочкова, а которого года не показано – 31 коп.

За продажную гербовую бумагу разных гербы марта месяца – 2 руб. 44 коп., апреля – 3 руб. 4 коп.; с Ивана Белявского доправленных за гербовую бумагу за три листа 6 коп. Итого 5 руб. 54 коп.

Помольных с казенных мельниц приносу целовальников марта месяца 2 руб. 60 коп., апреля месяца с Торгошинской мельницы – 1 руб. 31 $^{1}/_{2}$ коп., с Качинской мельницы – 12 руб. 21 $^{3}/_{4}$ коп., итого 16 руб. 13 $^{1}/_{4}$ коп.

Доправленных с красноярского пешего казака Петра Лазитцкого вместо взятого им заимообразно на 738 год из вычтенного камчацких плотников[11] товарного жалования денег 4 руб. 40 $^{1}/_{2}$ коп.

Взятые возвратно у красноярского служилого Ивана Потылицына, выданных ему на покупку пеньки, которыя деньги в расход им. Потылицыным, не употреблены[12] збору 740 года таможенного пошлинного збору – 45 руб.; в них монет рублевых – 40 руб., сребреных гривенников – 50 коп., полтинных – 4 руб. 50 коп.

Кабацкого збору питейной продажи, собранных в генварской трети сего 741 года с уездных кабаков 170 руб. 8 коп., в них монет рублевых 94 руб., мелких сребреных – 76 руб. 8 коп.

Товарных денег за продажное в Красноярском ведомстве пиво с уездных кабаков за сорок за три ведра с полведром, по десяти копеек с ведра, и с полуведра денег 4 руб. 35 коп., да вышеописанного же числа ведер с ведра и полуведра по две копейки, денег – 175 руб. 30 коп. Итого питейных и поведреных денег –

175 руб. 30 коп. Доправленных по свидетельствованным щетам прошлого 740 года по таможенным щетным выпискам начетных денег на целовальниках села Бузимского Анике Забродине с товарищи – 22 руб. $^{3}/_{4}$ коп.

Таможенных товаров збору 740 году два волка степные недошлыя, один поротой с хвостом, с передними и задними лапы; другой – непоротой, с хвостом же, с задними лапами, бес передних лап, ценою – 1 руб.;

С вычтенных на камчатцких плотников разных товаров по цене на 733 год остаточных за расходом на 135 руб. 14 $^{1}/_{4}$ коп.; на 737 год – на 233 руб. 98 коп.; на 738 год – на 188 руб. 50 коп., итого на 557 руб. 62 $^{1}/_{4}$ коп.

Собранных в Канской землице с ясашных иноземцов две сохатины да два соболя, одна токушина за полсоболя, цена 2 руб. 50 коп.

Итого вышеявленных волков, сохатин, токушина и вычтенных товаров по цене на – 561 руб. 12 $^{1}/_{4}$ коп.

…С прошлого 732 году прислано было при указе из Енисейской провинциальной канцелярии печатных покормежных две тысячи пашпортов. Ис того числа за продажею их денег в Енисейскую провинциальную канцелярию с 732 по 736 год, по вторую половину за двести за пятьдесят за пять пашпортов 5 руб. 10 коп. За оныя пашпорты с прошлого 736 году со второй половины по 740 год за сто пять пашпортов 2 руб. 10 коп. С 740 по 741 год по май месяц за пятнадцать 30 коп. За расходом в остатке тысяча шестьсот двадцать пять пашпортов[13].

Предъявленных сего 741 году при доношении зборщиками Петром Терским, Никифором Чанчиковым с товарищи собранных ими на нынешний 741 год с ясашных иноземцов ясашной казны, а именно: Качинской землицы сотником Петром Терским – восемнадцать соболей, шесть лисиц белодушек за шесть соболей, три росомахи за три соболя, один бобр карей за два соболя, 29 волков за 29 соболей, 50 белок за соболя, шесть сохатин за 6 соболей, две токушины(? – *Г.Б.*) да две толочины(? – *Г.Б.*) за 2 соболя, итого один сорок 27 соболей; Яринской землицы зборщиком казаком Степаном Мурусевым – один сорок два соболя, две лисицы белодушки за 2 соболя, одна росомаха за собо-

ля, итого один сорок 5 соболей; Кайбальской землицы зборщиком Никифором Чанчиковым – два сорока тритцать восемь соболей, четыре волка за четыре соболя, один бобр за одного соболя, три расомахи за три соболя, итого три сорока 6 соболей; Камасинской землицы зборщиком Семеном Ермолаевым: три сорока два соболя, одиннатцать волков за одиннатцать соболей, итого 3 сорока 13 соболей.

Всего в вышевыявленных землицах собрано соболей и разных зверей 9 сороков, 11 соболей.

В остатке гербовой бумаги: двурублевой – четыре листа с полулистом на 9 руб., рублевой – дватцать три листа по цене на 23 руб., четырехгривной – двести двадцать два листа с половиной на 28 руб. 20 коп., четырекопеешной – две стопы четырнатцать дестей девять листов на 52 руб. 20 коп., двукопеешной – три стопы две дести четыре листа на 29 руб. 84 коп. Итого гербовой бумаги по цене на 142 руб. 24 коп.

Сто семьдесят восемь знаков медных усам и бородам; два куба медных, весом один пуд шесть фунтов, десять труб медных, весом дватцать пять фунтов; два котла медных, весом один пуд двадцать восемь фунтов; шесть згребл медных, весом шесть фунтов, девять мер соляных, весом один пуд пятнатцать фунтов, один меденик с трубой ветхой, весом шесть фунтов, итого медной посуды пять пудов шесть фунтов.

Полтора котла железные весом тритцать фунтов; два зеркала ломаных; дватцать три бумашки игол; один безмен железной двоюпудовой; бумаги александрийской – восемь дестей – дватцать листов; пищей бумаги – дватцать три стопы; тысяча сто тритцать пять свечей, весом пять пуд с полупудом; один контарь железной з гирею железною; трое весы деревянныя и с веревками; багров пожарных четыре с цепями железными; вил пожарных с цепями железными четыре; четыре пазника; семь топоров; пять пешен железных; пять кирок железных; три ножницы; три волка железных; три насеки ломовых; один якорь дощаничной; одна напарья насечная длинная; семь тесел; шесть скобелей; два долота; три трезуба; четыре чищалки дощаничных; три крюка железных; четыре бечевы судовых; один тесник; три просека; три лома мель-

ничных; одна тупица; пять напарей дощаничных – (в том числе) две в Саянском и в Абаканском острогах; одна напарья у строения городового; четыре напарьи дощеничных; крышного железа – двенатцать пудов.

Две мельницы казенныя: близ города Красноярска стоят на речке Каче, мельница ж казенная против города Красноярска в деревне Торгошинской на речке Пониковке (ныне забрана в трубу. – *Г.Б.*), мельница ж казенная в Красноярском дистрикте в деревне Быковской на речке Теле; один дощаник ветхой имеетца в селе Ясаулове. Снастей дощаничных – парус, веревок пеньковых: бичевая, дроби, ноги.

Города Красноярска таможня

В ней в начале: образ спасителев, оклад чеканной сребреной под золотом, гривенка и венец деревянные; образ же спасителев упомянутой таможни, в киоте з затворами, пред спасителем лампада настенная; образ Николы Чудотворца в киоте, риза и гривна, и венец медныя чеканныя под золотом, пред ним лампадка жестеная.

На судейском столе в ящике печати по подписке гласящей: «Его Императорского Величества печать» сребреная, весом пять золотников, вторая – сребреная, весом три золотника, две печати медныя, шесть печатей оловянных, которы ж имеютца на заставах, по подписке гласящих тако: печать красноярской таможни Спасской надпорожной слободы, печать красноярской таможни деревни Кантацкой, печать красноярской таможни Бузимского, печать красноярской таможни Канского острогу, печать красноярской таможни Караульного острогу, печать красноярской таможни Абаканского острогу. Пять печатей медных, одна оловянная, а каторого острогу, села и деревни печать, того познать и расписать порознь ни по которой мере невозможно.

Таможенныя в Енисейске статьи годы за восковой печатью Сибирского приказу, за закрепою с приписью дьяков Афанасия Парфенова, Василья Атемирова; красного сукна на судейском столе; имеющагося мерою два аршина двенадцать вершков: на ящике, где иметца вышеявленныя печати, красного сукна мерою аршин; безмен железной пятипудовой – в Красноярской таможне; безмен

деревянной двоепудовой гири и трубка железныя – у соляной продажи в Абаканском остроге; безмен же деревянной, троепудовой, гири и трубка железныя – у соляной продажи села Новоселова; безмен троепудовой гири и трубка железныя – у соляной продажи в городе Красноярску; безмен железной, четырехпудовой – у соляной продажи на Ирбинском заводе; безмен же деревянной, двоепудовой – в городе Красноярске у городничего, гири и трубка медныя; безмен железной, двоепудовой – под канцелярией у щетчиков; безмен деревянной, двоепудовой, гиря и трубка железныя – у соляной продажи села Бузимского; безмен железной, пятипудовой – на Лукасских заводах у соляной продажи; одне весы деревянныя, у тех весов в средине коромысла скоба железная, на железном веретне, по концам коромысла петли железныя, при весах девять гирей железных, две гири по пуду, две ж по полупуду, две – по четверти пуда, одна гиря пяти фунтов, гиря ж – двуфунтовая, гиря ж – фунтовая; шесть камней: один – троепудовой, другой – двоепудовой, два камня – по пуду, камень – четверть пуда, камень – трое фунтов…

…Товаров казенных в таможне: китайского шару – 3 пуда 6 фунтов ценою по пятидесят копеек с половиною за фунт на 69 руб. 43 $^{3}/_{4}$ коп., китайского же шару – восемь пуд десять фунтов, ценою по пятидесят по одной копейке по три чети за фунт, коего на 70 руб. 77 $^{1}/_{4}$ коп., шару ж китайского плохова – одиннатцать пут пятнадцать фунтов две чети, ценою по двадцати по две копейки по три чети за фунт на 108 руб. $^{1}/_{2}$ коп., табаку черкасского плохово – тритцать шесть пуд тритцать пять фунтов с половиною ценою по тринатцать копеек по три чети за фунт на 202 руб. 81 $^{1}/_{2}$ коп.

В городе Красноярске казенной соли самосатки, а именно: подрядной – 596 пуд одна четь по двадцати по две копейки за пуд на 131 руб. 17 $^{1}/_{2}$ коп., опромышленной казачьими детьми – 2645 пуд три чети по девятнадцати копеек по две трети с осминою за пуд на 523 руб. 53 $^{3}/_{4}$ коп. Опромышленной казачьими детьми 2405 пуд по двадцати и две копейки пуд на 528 руб., подрядной сто пуд по двадцати по две копейки пуд на 22 руб., на подрядной 596 пуд 14 фунтов, по семнадцати копеек за пуд на 101 руб. 37 $^{3}/_{4}$ коп. Печать медная, которой печатают соляные анбары. Да в городе два анбара, в которых сохраняетца казенная соль самосадка, у одного

анбару замок нутренной, в у другого – висячей, да анбар вне града, где продаетца казенная соль; у того анбара замок нутренной, у окошка решетка железная, анбар под горой у Енисея реки, где содержитца соль же самосадка, у того анбара замок нутренной, у тех замков три ключа нутренные, а четвертой – висячий, безмен двоепудовой, веретно деревянное, гиря и трубка медныя…

В городе Красноярске и Красноярском дистрикте налично десятинного и оброчного провианта: в городе Красноярске ярицы 34 четверти 4 четверика, овса 15 четвертей; показанной провиант в приеме имеетца в городе Красноярске у житного целовальника Федора Воротникова… В селе Ясаулове ржи – 41 четверть 5 четвериков 18 $^{1}/_{2}$ фунта, ярицы – 38 четвертей 6 четвериков; показанной провиант в приеме у в оном селе у житного целовальника Тимофея Киндякова с товарищем. В селе Балчесском ржи – 72 четверти, ярицы – 11 четвертей 2 четверика; показанной провиант в приеме иеетца во селе у житного целовальника Тимофея Пурегова. В селе Бузимском ржи – 16 четвертей 3 четверика, ярицы – 29 четвертей 11/2 четверика; показанной провиант имеетца во ономселе у житного целовальника Степана Черных. В деревне Сухобузимской ржи – 81 четверть 3 четверика, ярицы – 35 четвертей 4 четверика; показанной провиант в приеме во оной деревне у житного целовальника Василья Веселкова. В деревне Павловской ржи – 21 четверть 4 $^{1}/_{2}$ четверика, ярицы – 10 четвертей; показанной провиант в приеме имеетца во оной деревне у житного целовальника Семена Скажихина. В Канском остроге ржи – 18 четвертей 1 четверик, ярицы – 22 четверти 3 четверика; показанной провиант в приеме во оном остроге под смотрением приказчика енисейского дворянина Федора Климовского.

Четверикового провианта, который имеетца под охранением и присмотром определенного зборщика сотника Василья Белянина в городе Красноярску – 781 пуд; в селе Ясаулове ржи – 441 $^{1}/_{2}$ пуд; в селе Балчесском ржи – 171 пуд.

Статейный список о наличных колодниках, колико имеютца в содержании в городе Красноярску, кто имяны, с которого времени содержатца, и по каким делам, и по правам чему достойны[14].

С 739 году апреля 19 числа красноярской отставной казак Василий Иванов сын Черепанов – по челобитью села Ясаулова пономаря Ильи Коновалова о смертном убийстве дворового его человека Тимофея Степанова прошлого 738 году сентября 12 дня. По приговору Красноярской воевоцкой канцелярии велено показанному убийцу, Черепанову, по силе Соборного уложения 21 главы 69 статьи учинить жестокое наказание – бить кнутом нещадно и вырезав ноздри, послать вечно на Красноярские медные заводы[15], и из оного дела сочинен экстракт и послан в Енисейскую провинциальную канцелярию при доношении октября 13 дня 738 год, и на оное требование резолюции и поныне не получено, о чем и паки о требовании оной резолюции писано доношением прошлого 739 года ноября 23 дня.

Июля с 19 числа 740 году приводная женка Ирина Иванова дочь в краже ею пожитков у красноярского отставного сына боярского Михаила Дорошкеева; по оному делу в Красноярской воевоцкой канцелярии следуетца.

Августа с 4 числа 740 году приводной присыльный[16] Михайло Давыдов в краже им, Давыдовым, приходя в тюрьму, у тюремных сидельцев, называемых шитых бродней, и у протчих красноярских жителей и во многих чинимых его бегах. Прошлого 740 сентября 9 дня по определению Красноярской воевоцкой канцелярии велено означенному приводному вору Давыдову за кражу у тюремных сидельцев, называемых шитых бродней, так и у протчих у красноярских и енисейских жителей воровства, и за многия ево чинимыя побеги, по силе Соборного уложения 21 главы 9-го и 10-го пунктов учинить наказание – бить кнутом нещадно и, отрезав ему левое и правое ухи, сослать в ссылку на Красноярские заводы. И на резолюцию при доношении в Енисейскую провинциальную канцелярию послать экстракт, каков и послан сентября 17 дня прошлого 740 году, токмо на то резолюции еще не получено.

Сентября 17 дня 740 году приводная женка, воровка Дарья Васильева, служивый Афанасей Бутин предъявленному в Красноярскую канцелярию следственных дел от красноярского сына боярского Федора Нашивошникова сентября 13 дня 740 года ведению, содержатца: она – в краже ею у красноярского жителя Ива-

на Максимова, у священника Григория Ошарова пожитков, а служивый Бутин – в сказывании им, Бутиным, оной женке, воровке Дарье, по научению присыльным Егором Шестаковым, чтоб она, женка, из-под караула бежала (которое он, Бутин и учинил). Сего 741 году марта 15 дня по указу Его Императорского Величества и по состоявшему определению в Красноярске у следственных дел по мнению красноярского сына боярского Федора Нашившникова велено означенной женке, воровке Дарье Васильевой дочери, за прежние и по означенному делу за семь татеб и за пять из побегов, по силе Соборного уложения 21 главы 12 пункта и по указу блаженныя и вечно достояныя памяти Его Императорского Величества Петра Великого печатного 721 года ноября 10 дня указу учинить ей смертную казнь, а показанному служивому Бутину за оказывание по научению присыльным Шестаковым, чтобы она, женка, из пот караулу бежала, что ею и учинено, учинить жестокое наказание – вместо кнута бить плетьми, и со оного дела сочинить краткие два экстракта, послать в Енисейскую провинциальную канцелярию при доношении, один – для посылки в Сибирскую губернскую канцелярию, а другой для оставки в Енисейской провинциальной канцелярии, каковы экстракты сего 741 года марта 15 дня и посланы.

Роспись службам служивых людей Красноярска с уездом на 9 мая 1741 года:

Дети боярские, всего 23 чел., из них: приказчиками – 4 (Караульном остроге – Алексей Прохорович Васильевский, Абаканском о. – Михаил Иванович Чанчиков, Сухобузимской слободе – Иван Иванович Красиков, Канском; у сбора ясака – Семен Тимофеевич Ермолаев в Камасинской землице, надзирателем в таможне – Иван Степанович Монастыршин; в Тобольске по делам службы 2 (Иван Алексеевич Сидельников и Иван Кузьмич Елисеев).

Конные – всего 230 и пешие – всего 260 казаков. Из них: вахмистр в канцелярии – сотник Василий Григорьевич Белянин; у сбора четверикового провианта – 3, в том числе два пеших; в канцелярии для письма – 20[17], в том числе 5 пеших; в городе в плотниках – Тимофей Грицков и пеший казак Алексей Скрыпотчиков, на оценке и сборе ясашной казны[18] – 8, в том числе 4 пеших; в денщиках

на воеводском дворе, у казачьего головы и при канцелярии – 12, в том числе 5 пеших; в сторожах при канцелярии – 3 конных, толмачами при городе – конные Иван Федорович Ананьин и пятидестник Данила Игнатьевич Терентьев; у подушного сбору – 2, в том числе один пеший; у подушного сбору в счетчиках – 2, в том числе один пеший; в приказчиках – 5, в том числе 4 пеших[19]; в городничих – пеший казак Иван Федорович Калашников[20], на карауле у Красноярского горного начальства – 2, в том числе один пеший; в Иркутске – 10, в том числе 2 пеших; в Енисейске – 5, в том числе 2 пеших; в Томске – 2 конных[21]; на соленом озере у караула – 4, в том числе 2 пеших, на возке корчемного вина в ящиках – 3, в том числе один пеший; выемщиком корчемного вина – пеший десятник Иван Матвеевич Близневский; в мельниках на Качинской казенной мельнице – конный Федор Козьмин и пеший десятник Степан Попрядухин; у пограничного дозорщика в разъезде[22] – 3 пеших казака; на годовой службе – в Абаканском о. – 86, в том числе 38 пеших; в Саянском о. – 54, в том числе 42 пеших, Караульном о. – 14, в том числе 6 пеших; Канском о. – 14, в том числе 10 пеших. Да служивых татар – 23. Всего 533 человека.

РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–13 об. 17 об. – 22, 23–25 об., 32–42 об.

Комментарий

Порядок сдачи воеводства выработался еще в XVII веке (см. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. / С.В. Бахрушин. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 161–169). При этом прежним воеводой составлялся «росписной список», в котором указывалось казенное движимое и недвижимое имущество, отмечались все статьи доходов и расходов, посылки служилых людей и т.д.

«Росписной список» Красноярска за 1741 год публикуется не полностью. Опущен материал по вооружению Красноярска, Абаканского, Саянского, Канского острогов; о соляных магазинах в уездах (с. Бузимское, Абаканский, Луказский завод и с. Новоселово), т.к. их оснащение было однотипно городскому соляному амбару. В сокращении и в статистически обработанном виде дается роспись служб красноярского казачества.

Из-за ограниченного объема сборника даются цифровые данные не таблицей и не прописью, а арабскими цифрами, тем более что в источнике денежная отчетность дана двояко – и прописью и цифрами.

«Росписной список» дает интересные сведения о внутреннем виде канцелярии, ее документации, о застройке воеводского двора, и особенно полно о городской таможенной избе.

Роспись прихода денег в канцелярию вскрывает изменения в хозяйственной жизни горожан и сельских жителей уезда, сезонные колебания в поступлении денежных сумм отражают помесячные данные различных сборов.

Уникальный перечень колодников красноярской тюрьмы знакомит с порядком судопроизводства, составом преступлений и правонарушителей.

1. Единорог, точнее, инрог – сказочное животное на печати Красноярска. Оно имело вид скачущей лошади с растущим из морды бивнем носорога. Оттиск ее из красного сургуча приложен к одному из ответов на запрос Миллера (см. РГАДА. Ф. 199. Порт. 481. Тетр. 5. Л. 53).

2. Эта грамота, вернее, наказ из Тобольска Дубенскому, была скопирована во время пребывания в Красноярске Г.Ф. Миллера. Копиист ошибочно назвал там Дубенского Андреем Андреевичем. Эта копия XVIII века и сейчас хранится в ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 20. Л. 5–13 об. Опубликована Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири»…Т. II. С. 230–233. Док. 237.

3. Соборное уложение 1649 года наряду с текущими правительственными указами было действующим кодексом законов Российского государства до 20-х годов XIX века. Полный опубликованный его текст (см. Соборное уложение 1649 г. / подг. к публ. и ком. **Е. Епифанова и М.В. Тихомирова**. М.: МГУ, 1960).

4. Он датируется 1722 годом, ибо И. Вердеревский был в это время енисейским провинциальным воеводой (см. № 42. Запись от 14 марта 1722 г.).

5. Это воеводский наказ Дмитрия Кузьмича Шетнева, который прибыл в Красноярск на воеводство весной 1722 г. (см. № 42. Дневниковая запись от 15 апреля). Он сравнительно дол-

го был на своем посту. Еще в 1726 году в документах он показан красноярским воеводой.

6. Петр Мусин-Пушкин сменил Федора Мусина-Пушкина на воеводской должности в Красноярске в 1707 году. Писцовая книга содержала описания хозяйства, земель, промыслов русского населения уезда в начале XVIII века и была основанием для взимания подворной подати и различных оброчных платежей. Сведения о проводимом в эти годы обложении встречаются впервые (см. РГАДА, СП. Оп. 5. Д. 1953. Л. 19 об.).

7. Колюбакин был в Красноярске воеводой в 1728 году (см. РГАДА. СП. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6092. Л. 58). Факт сохранения окладной провиантской книги более 10 лет является новым косвенным свидетельством того, что и красноярских пашенных крестьян коснулся пересмотр основных повинностей, который прошел по Сибири в 1726–1728 годах и выразился в переводе части пашенных крестьян с казенной пашни на хлебный оброк и пересмотре размеров «десятинного поля» у отдельных землепашцев.

8. Баклановский был красноярским воеводой с 1733 по 1738 год. Очевидно, при нем завершили пересмотр всех косвенных налогов с населения города и уезда. Составленной по этим данным окладной книгой, о которой идет речь, руководствовались все воеводы до новой переоброчки, имевшей место в 1768 году (см. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. II. Д. 10 000. Л. 3).

9. Эта книга, скорей всего, относится к самому концу XVII века, когда стольник Лев Поскочин проводил писцовое описание Красноярска с уездом (см. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда… С. 101, 106).

10. Мерки «о выборе великанов» остались после набора императрицей Анной Иоанновной нового гвардейского Измайловского полка. Не доверяя старым петровским гвардейцам, Анна, окруженная иностранцами, хотела таким образом обезопасить себя. Рядовой состав нового полка специально набрали из сибирских «великорослых людей». Соответствующий указ об этом был издан 25 мая 1732 года (см. РГАДА. Ф. 248. Д. 3. Л. 572; Д. 56. Л. 113).

11. Для строительства в Якутске судов для Второй Камчатской экспедиции В. Беринга в 1733 году из Красноярска было

взято в казенные плотники 100 человек. Многие красноярцы за десятилетний срок работы экспедиции так и не вернулись домой. Жалованье «убылых» одиноких казаков накапливалось в воеводской канцелярии. Эти суммы (иногда жалованье выдавалось товарами – пушниной, тканями) воеводы обычно использовали в своих целях, давали, например, в рост (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5176. Л. 116).

13. В Красноярском уезде и самом городе с 1734 по 1743 год регулярно закупали для нужд Второй Камчатской экспедиции пеньку, холсты, канаты, «коровье» масло, хлеб (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5176. Л. 68, 73, 74 об., 80, 86–87, 92, 96, 101, 108, 116 об., 123 об., 161, 189).

14. Эти данные о продаже «покормежных» паспортов дают некоторое представление о масштабах деловых поездок жителей Красноярска и уезда. Обычно паспорт в Сибири брали, когда нужно было отлучиться за пределы уезда. Таким образом, из города и уезда за 4 года (с 1732 по 1736 год) выехало 255 человек, а к 1740 году – еще 105 человек. В среднем же, по этим данным, ежегодно выезжало по 45 человек. Форма покормежного паспорта представлена в док. № 65.

15. Содержание статейного списка колодников дано по четырем вертикальным колонкам. В первой отмечалось время содержания; во второй – фамилия, имя, отчество и сословная принадлежность колодника; в третьей отмечалось, кто возбудил против него дело, и в последней – принятое решение и обстоятельства пребывания колодника под стражей.

16. Речь идет о Луказском медном и Ирбинском железоделательном казенных заводах, открытых в 1737–1739 годах на юге края, на р. Луказке (совр. Минусинский район) и правом притоке р. Тубы – Ирбе (совр. Курагинский район). Так как Хакасско-Минусинский край был в то время слабо заселен русскими, то заводы обслуживались каторжниками и должниками казны из ближних сибирских уездов. Жителей Красноярска и уезда, осужденных на каторжные работы, посылали на Луказку и Ирбу до 1742–1745 годов, когда Луказский завод законсервировали из-за нехватки пригодных медных руд и сложностей

сбыта готовой продукции Ирбинского завода (см. **Карцов В.Г.** Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII–XIX вв. // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1963. Вып. XI. С. 95–101; **Быконя Г.Ф.** Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Вып. 2); **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. Гл. 2; третье дополненное издание последней работы (см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 1)).

17. В 1740–1741 годах эти «приводные присыльные» оказались во многих городах Сибири, ибо в 1740 году после смерти Анны Иоанновны к власти при младенце императоре Иоанне Антоновиче пришел печально знаменитый Карл Бирон, объявивший амнистию с правом вернуться на прежние места жительства почти всем, кто был осужден на каторжные работы. Давыдов был из каторжных Красноярских казенных заводов (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 18. Л. 321).

18. Среди них было 9 счетчиков, которые ведали приходом и выдачей казенных сумм, собираемых по различным статьям.

19. Число оценщиков пушной казны почему-то выросло по сравнению с XVII веком, хотя все больше ясачных сдавали ясак деньгами (см. **Карцов В.Г.** Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в. Абакан, 1970. С. 76–80; **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края… Гл. II).

20. Конный казак Александр Борисович Дружинин был приказчиком в д. Лодейской, пеший казак Филипп Григорьевич Толстиков – д. Нахвальской, пеший казак Василий Кириллович Теряев – с. Частоостровском, десятник Кузьма Михайлович Шадрин и пеший казак Иван Тихонович Борисов – с. Бузим, а пеший казак Семен Григорьевич Толстиков – с. Подъемном (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 46. Л. 37, 38, 39 об., 42 об.). В селениях именно этих присудов жили пашенные крестьяне, над которыми начальствовали приказчики. Тот факт, что приказчиками, то есть главами местных мелких административно-фискальных единиц, были казаки, достаточно ярко вскрывает противоречивость

положения сибирского казачества. С одной стороны, это труженики, подвергавшиеся эксплуатации со стороны казны, а с другой – для ряда категорий русского и всего ясачного населения они являлись носителями и представителями власти. (Об изменениях служб казаков во второй половине XVIII века см. № 56, 87.)

21. Городничий следил за порядком, несением караулов, благоустройством собственно города. Позже, с середины XVIII века и по «Полицейскому уставу» 1782 года, его подчинили нововведенному полицмейстеру (см. № 54).

22. Это приданные И.Г. Гмелину казаки. Один из них, конный казак Ермолай Михайлович Катцын, был искусным стрелком. Ученый очень дорожил «в стрелянии весьма искусным» казаком и даже предлагал увеличить ему жалованье (см. ЛОА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 67. Л. 820).

23. На юге Красноярья к пограничным знакам, выложенным из дикого камня, раз в год съезжались пограничные «дозорщики». В то время пограничный дозорщик Красноярского уезда подчинялся Троицкосавской пограничной канцелярии. Позже порядок пограничной службы был несколько изменен (см. **Карцов В.Г.** Хакасия в период разложения феодализма… С. 13–15; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды… Т. 1, гл. 1).

Док. № 51. 1741 г., сентября 16. – ИЗ ЧЕЛОБИТНОЙ КРАСНОЯРСКОГО СЫНА БОЯРСКОГО ПРОКОПИЯ МНОГОГРЕШНОГО О БЕГСТВЕ ЕГО КРЕПОСТНЫХ ЛЮДЕЙ

Бежали 10 сентября из дому моего (в селе Бузимском. – *Г.Б.*) крепостныя мои люди: Иван Порываев с женой Онфимьей да детьми Алексеем, Яковом, Даниилом, Ильей; Федор Лазитцкий с женой Степанидой с сыном Григорием; Иван Тяжелов и Яков Артемьев.

Кражей унесли из дома 100 рублей денег, 4 крепости на оного Порываева на женок Татьяну и Катерину, а также пожитки:

Зипун коришневый	1 руб.
Камзол вишневый	1 руб.
Шуба баранья под китайкой	2 руб.

4 топора	90 коп.
Кафтан китайчатый	1 руб. 50 коп.
Кушак красный верблюжий	30 коп.
Караблик мерлушетей вершок сукон	30 коп.
Сапоги	30 коп.
Тулуп козлиной	50 коп.
Шуба овчиная	20 коп.
Однорядка суконная	30 коп.
Чарки	15 коп.
Епанечка китайчетая, мех ушкан	50 коп.
1–2 сарафана китайчетые	80 коп.
Штаны китайчетые	20 коп.
Штаны лосиные	20 коп.
Кушак жижимной	12 коп.
Чулки	15 коп.
Топор	20 коп.
Кафтан хамовой	40 коп.
5 рубах	40 коп.
Штаны лосиные	15 коп.
Штаны лосиные	15 коп.
Трои портки холщовые	15 коп.
7 рубах женских больших	2 руб.
6 рубах женских малых	1 руб. 20 коп.
Епанечка китайчетая, мех белей (беличий. – *Г.Б.*)	2 руб.
Итого на	116 руб. 80 коп.

РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 15. Л. 330–331.

Комментарий

Публикуемый документ является частью микрокомплекса, к сожалению, неполного, образовавшегося в связи с розыском беглых дворовых и унесенного ими имущества. Материалы свидетельствуют, что старшина Красноярского казачьего войска был довольно зажиточным.

Одних дворовых людей у него оказалось 11 человек в четырех семьях. Впечатляет и список унесенного имущества и сумма похищенных денег. Правда, сами беглые на допросах дружно отка-

зывались это признать. Скорее всего, так это и было, ведь с такой приличной для того времени суммой в 100 рублей беглецы могли надежно скрыться за пределами уезда, а не скитаться в глухих местах около месяца. Многогрешный же, завышенным иском явно пытался крепче привязать к себе этих попавших в беду людей. В мирном для края XVIII веке личную свободу с поражением в правах теряли главным образом из-за отсутствия достаточных средств к существованию. На должников составлялись кабальные крепости, превращавшие их до Соборного уложения 1649 года в холопов. Последовавший затем запрет изменять официальную сословную принадлежность должников, т.е. записывать холопами членов других сословий, казалось бы, наполнял новым социальным содержанием старинную кабалу. Должники должны были отрабатывать свою задолженность у заимодавца, т.е. их зависимость считалась временной и неполной, ибо прежний их сословный наследственный статус сохранялся. Правительство Петра I пошло еще дальше. Оно ввело отработку долга не у истца с зачетом по 5 рублей ежегодно, а на казенных каторжных работах, засчитывая по 10 рублей в год. По Вексельскому уставу 1728 года расценки повысили до 12 рублей ежегодно, однако снова разрешили за двойную плату в 24 рубля брать несостоятельных должников «в работу» истцам и всем желающим «партикулярным» людям. Тогда же было велено отдавать в солдаты годных в воинскую службу должников с уплатой за них истцам с общин не более 100 рублей. Указы от 19 июня 1736 года и 28 мая 1767 года подтвердили практику отдачи как несостоятельных должников, так и подушных недоимщиков (неплательщиков налогов) на каторжные работы и частным лицам «в работу». Вместе с тем центральная власть все настойчивее призывала заменять кабальный труд вольным наймом. Так, в 1787 году вышел указ Екатерины II, который запрещал закабаление казенных налогоплатель- щиковтяглецов по купчим и закладным крепостям, рекомендовал «наймение разного чина людям» (Сборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 155–156; **Татищев В.Н.** Избранные сочинения. М.: Наука, 1979. С. 280, 302; Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник. М., 1811. Ч. 3. С. 118–121,

194–196; **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX веков / Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1985. С. 231–234; второе издание дополненное (см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды… Т. 2, гл. 5)). Однако разрешение отрабатывать долг у истцов, по «заемной», «заживной» и «полетной» (погодной) кабале-крепости фактически воскрешало старинное долговое холопство. Именно так подходила к должникам, а также и вольнонаемным людям имущая верхушка населения Сибири. Сами же неимущие предпочитали считать себя своего рода наемными людьми, которые отрабатывали взятую вперед плату. Эти два разных подхода ярко проявились в действиях Прокопия Многогрешного и его дворовых. Хотя они были из казачьих детей и крестьян, но это не мешало хозяину их избивать и утверждать на следствии, что они не будут «от холопства… по крепости отпираться». Местные сибирские власти в спорах между кредиторами и должниками естественно пытались исходить из того же. Так, 22 декабря 1735 года у ясачного татарина Амитана Тесисина сына Степана отдали в холопство за долги местному конному казаку Матвею Дардаеву (см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5176. Л. 29 об.).

Дворовые же люди П. Многогрешного трактовали свое положение и официальный статус иначе. Убежавший, по словам хозяина, «мой дворовый человек», Федор Лазитцкий 26 сентября 1734 года, будучи под караулом, назвался «красноярским казачьим сыном» и подал в воеводскую канцелярию челобитную на Прокопия Многогрешного «в работных деньгах в три жилых года и о допросе ево (хозяина. – *Г.Б.*), бутто имееца на него крепость». Спустя полгода спор был разрешен в пользу хозяина. В «Ведомость решенных дел по Красноярской воеводской канцелярии» за 22 марта 1735 года была внесена «поручная запись красноярскому сыну боярскому Прокопию Многогрешному на казачьих детей, Василия да Федора Лазитцких в том, что отданы ему, Многогрешному, в зажив головою по крепости, и чтоб им, живучи у помянутого Многогрешного, всякую работу робить по-прежнему и не отговариваться» (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 65. Л. 106 об. – 107 об; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5176. Л. 38 об.). Скорее всего, они попали

в кабалу за долги их отца, пешего казака Петра Лазитцкого (см. № 50). Аналогичную позицию занял Иван Порываев. На допросе 8 июля 1742 года он заявил, что «побегов никогда не чинил» из дома Многогрешного, а «уходил с заимки его… с женой Онфимьей, да детьми Алексеем, Яковым, Данилом и Ильей в г. Красноярск для прошения на оного сына боярского в расчете с ним в работе и в побоях суда» (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 15. Л. 339). Утверждая свое право на свободу передвижения и обращения в суд в случае нарушения своих гражданских прав, И. Порываев обвинил хозяина в том, что его в Красноярске посадили за решетку и держали в тюремном остроге «месяца четыре». Его жена и взрослые сыновья стояли на том же. Онфимья подчеркнула, что ушли они не тайком, а «объявясь ему, Многогрешному». К властям же обращались «для прошения… суда… чтоб их от него, Многогрешнова, из домовой работы уволить». Ее и сыновей показания о мытарствах семьи во время побега косвенно тоже обеляли их и обвиняли хозяина. Переночевав в соседней деревне Хлоптуновой, глава семьи пошел в город, а остальные, вероятно, для выяснения ситуации, направились в с. Балчесское, где пробыли около четверти часа у крестьянина Андрея Осетрова, затем, переправившись через Енисей, пошли в «лесные и пашенные места» близ деревни Хлоптуновой, где скрытно пробыли недели три, а «питание имели (по словам Алексея Порываева. – *Г.Б.*)… у всяких чинов людей, в то время имелись на пашнях, краденным хлебом». Мать же опасливо скорректировала эти показания сына «пропитание себе имели, копав сарану и на пашенных местах репу». С наступлением холодов беглецы пришли к родному брату Онфимьи, пашенному крестьянину Егору Савину. Через неделю брат заявил о беглых местному приказчику, который всех их с Егором отправил под караулом в Красноярск, откуда их через 6 месяцев вернули Многогрешному.

Зачинщиком этого конфликта явился Алексей Порываев, который 10 сентября, взяв в бузимском доме хозяина 4 крепости «не хотя у Многогрешнова жить и не стерпя его побои» ушел на заимку, где находились остальные члены семьи. Завладев документами, которые удостоверяли их зависимость, неграмотные крестья-

не явно осмелели и решили побороться за свои права. Недаром Алексей, уходя, сказал другим дворовым: «Ныне де вы живите, радуйтесь, я, де которые на вас крепости имеются, вынял» (см. РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 15. Л. 336–343).

Аналогичные социальные конфликты между имущей и служебной верхушкой и трудовыми низами убеждают в том, что в Сибири в XVIII веке снизу, вопреки генеральной политике верховной власти и сопротивлению бедняков, упорно пытались пробить себе дорогу феодальные отношения частно-помещичьего крепостнического типа.

№ 52. 1759–1760 гг. – ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО И «ПОПОЛНЕНИЕ» К НЕМУ ЕНИСЕЙСКОГО РАЗНОЧИНЦА ПЕТРА СОКОЛЬНИКОВА ПРИХОЖАНАМ КРАСНОЯРСКОЙ СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАМЕННОГО СОБОРА НА СТРЕЛКЕ ЗА ТРИ ГОДА

1759 году июля 15 дня города Енисейска разночинец Петр Титов сын Сокольников дал сие обязательное письмо города Красноярска соборной Преображения Господня церкви старосте Леонтию Сидоровичу Пороховщыкову с приходскими тоя церкви людьми в том, что подрядился я, Сокольников, с ним старостою Пороховщыковым и приходскими людьми скласть здесь, в городе Красноярску, при соборной Преображенской церкви вторую каменную церковь во имя воскресения Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа на вышеозначенном едином фундаменте из моего собственного кирпичу, известки и железа на связи, в окна на решетки, к печи на заслонку и к дверям, на крюки и петли и своими работными людьми. И чтобы олтарь в длину и поперек по три, церковь в длину и поперек по четыре, трапезу в длину четыре с половиною и поперек четыре, паперть в длину и поперек по три сажени, и над папертью колокольню, и в ней предел во имя новоявленного святителя Димитрия метрополита Ростовскаго чудотворца и вышиною б: у трех в олтаре до сводов – седмь аршин, в церковь – шесть сажен, в трапезе – седмь, в паперте – шесть аршин; колокольню вышиною – шестнадцать сажен, и во всем корпусе дверей и окон было б по над лежащему обыкновению,

и в окнах железныя решетки в свету двери, по три окна по два с половиною аршин; в пределе печь муравленая галанским манером заслонкою железною.

И под оную церковь место очистить, и на буте каменныя и песок, и наклад иво кирпич возить ему Пороховщыкову с приходскими людми; а бут бутить мне, Сокольникову, со своими работными людми и окончить бы строением оную церковь отныне, конечно, в три года, и а за ту свою работу рядил у его Пороховщыкова с приходскими людми денег три тысячи восемсот рублев, да хлеба муки аржаной четыреста пудов, а наперет ис вышеписаного числа денег от него, старосты Пороховщыкова, принимать точию на наем работных людей и на покупку принадлежащих к строению материалов, а достольные взять деньги по совершеном окончании строением оной церкви, и в том я, Сокольников, ему, старосте Пороховщыкову, с приходскими людми сие обязательное за своею рукою писмо дал.

К сему обязательному писму Петр Сокольников руку приложил. К сему обязательному писму города Енисейска каменщики посадския Дмитрий Петров сын Чиливалов, Яков Тимофеев сын Ярилцов, подписуюсь в том, что желаем мы с Сокольниковым при церковной работе быть доброю своею работаю, в том я, Дмитрий Чиливалов, и Якова Ярилцова подписуюсь ево рукою. К сему обязательному писму каменщики города Енисейскаго разночинцы Савелий Никифоров сын Курдиков, Матвей Афанасьев сын Месников, подписуюсь в том, что желаем мы с ним Сокольниковым при церковной работе быть добрую своею работаю, в том я, Сава Курдиков, и за Матвея Месникова подписуюсь своею рукою.

2. 1760 года мая второго дня енисейской разночинец Петр Титов сын Сокольников дал же в то пополнение соборной Преображения Господня церкви старосте Никите Иконникову с прихожены договор в такой силе, что в прежнем договоре не изъяснено о толстоте тем церковных стен об оных заключать, чтоб оные с фундаменту были заложены толщиной в семь четвертей, а сверх вести как по надлежащему обныкновению с надлежащею доброю тескою обрасцовую; так же и своды вести вполтара кирпича, чтоб от необычной толстоты не подорвало связей…

А церковную к олтарьную, а колокольню швяцом 39 и с надлежащию доброю тескою и с главами зделать каменными так прочно, чтоб от печи никакого повреждения сводом и в стенах не было. В чем под сим договором пополнительным и подписал своеручно. К сему пополнительному договору Петр Сокольников своеручно подписуюсь.

ГАКК. Ф. 592. Оп.1. Д. 25. Л. 364–369 об.

Комментарий (см. № 62)

№ 53. 1760 г., ноября 2. Тобольск. – ПРОШЕНИЕ ДЬЯКОНА Г. СКРЯБИНА О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО УЧИТЕЛЕМ ЛАТИНСКОЙ ШКОЛЫ В КРАСНОЯРСКЕ

Покорнейшее прошение.

По резолюции Вашего высокопреосвященства учреждена в городе Красноярском для обучения латинского диалекта священно и церковнослужительских детей семинария, а учителя еще никакого не определено. Где я нижайший желаю быть для обучения оных церковнослужительских детей на таком содержании, на каком и в других Тобольской епархии заказах быть учреждено учителям.

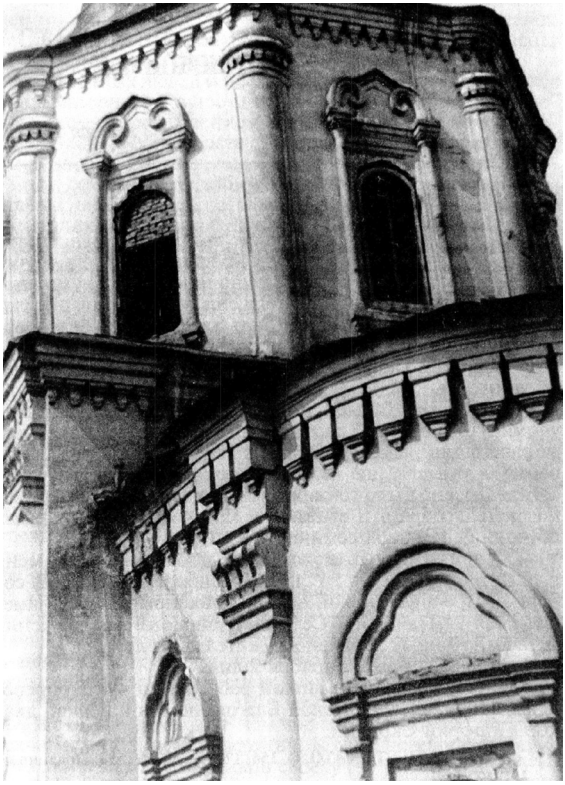
А понеже и Енисейский заказ не в дальном от вышеупомянутого оного (Красноярского заказа. – *Г.Б.*) состоит расстоянии, в котором тако ж де учреждена быть семинария, а учителя еще не имеетца, того ради прошу, дабы соблаговолено было со оного заказу церковнослужительских детей собрать и выслать в Красноярский город для обучения во единой семинарии.

О чем прошу В.В., дабы соблаговолено было меня нижайшего перевести во оной Красноярской город из соборной Преображенской церкви диаконом на место имеющагося там диакона Семена Кузнецова для обучения вышеозначенных церковнослужительских детей.

1760 году месяца ноября 2 дня.

О сем просит нижайший раб Вашего высокопреосвященства градотобольской Благовещенской церкви диакон Григорий Скрябин.

ТФ ГАТО. Ф. 156, 1760 г. Д. 229. Л. 2.

Абсида с частью шестерика Воскресенского собора

№ 54. 1762 г. – САТИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ НА КРАСНОЯРСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА КРИСТЕНСОНА, НАПИСАННОЕ УЧИТЕЛЕМ ЛАТИНСКОЙ ШКОЛЫ Г. СКРЯБИНЫМ

Шелковистая глаткая плешь, что ты размышляешь?
Для чего тебе сидет(ь), что ты составляешь?
Есть ли путь (толк. – *Г.Б.*) в твоем гнезде,
Ведь тя сыщут и везде.
Хоть и долго ты сидишь,
Право город не смешишь.
Хотя вшивым паруком плешь свою закроешь,
Только льстивости своей ничем не прикроешь.

Веть узнали злость ту всю, правда победила ту.
Веть сколько ни плутать,
Столько с ней и пропадать.
Веть пришол тебе приказ, а вы не слыхали.
Потащили плешь в приказ, ноги застучали.
А как в приказ приволокли и наказ плеше прочли.
От того звону плешь
Весьма запотела.
Приказали скоро плешь в наряд снаряджати,
Во вторую ее щель туда ж провожати.
(в г. Илимск. – *Г.Б.*).
А как стали провожать…
Шелковистая та плешь,
Да хто ж тебя сюда звал плешь твою казати?
Мы ж не звали тебя здесь сим и поздравляти.
Ныне стоишь ты тово, чем поздравили яво.
Шпионством ты заслужил,
Головою наложил.

Ромодановская Е.К. Новые материалы по истории сибирской литературы XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. С. 309.

№ 55. 1762 г. – Епиграммы о городе Красноярск Г. СКРЯБИНА

Что город Красноярск неславен,
Многим вить ето известно,
И началом он недавен,
Ничево в нем не прелестно,
Что ж, мужик мнится быти сын боярск
– Моду ту имеет Красноярск.
Мужик не мнит, что он мужик,
Хоть правда, что невежда.
Меж протчими мнится велик,
Так то ныне, так и прежде.
Ни за что в нем хоть сын боярск.
Так велось издавна в Красноярск.

Я не спорю, что остроги
И что веси, села и деревни
Потчивати людей строги
И обычай той есть древний.
Тот же почти и татарск.
В том и весь состоит Красноярск.
Не жалеют пива, браги,
Ни вина, хоть чашкой в людех пить.
Без потчиванья они враги
И в ничто думают вменить
(ставят человека. – *Г.Б.*).
Без приступа к ним арск.
Так храбро поступает Красноярск.
А хоть брагой, пивом и вином
Собственным они неволят,
Но то ж время, после иль в ином
Насмешками весьма доводят.
Не знаю, каков город Тарск,
А в том состоит весь Красноярск.
Согласья в нем иметь неможно,
Разве кошту неубого,
Как любимому быть неложно?
Чтоб компаний иметь много.
Без тех глуп, невеж, хоть сын боярск –
Так похлебствует Красноярск.
Естли ж правда, что расходы,
Слушаясь обычьев многих,
Многи иметь чрез все годы,
Как богаты и убоги
Мужик, помещик, сын боярск,
Поступает и весь Красноярск.
Нужно более, как песку и камней,
Город весь он сверх наполнен,
Денег иметь, чтоб славней
Был других и злоб людских уволен,
Звался смело сын боярск.

Без того тя презрит Красноярск.
Счастных компаний многи
В крайней нищете остались
Други без случаев убоги,
Богатых досель не отыскались.
Каков, не знаю, интерес татарск,
А город весь в песке состоит Красноярск.
Итак, нечем забавлятся,
Когда прибылей есть мало,
В компаниях упражнятся.
Без них смехов и досад снесешь немало.
Есть ли ж щедрый будет винарск,
Любить будет Красноярск.

Ромодановская Е.К. Новые материалы по истории сибирской литературы XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVII–XIX вв. С. 309.

Комментарий (см. № 53, 54, 55)

Приведенные документы – пока первое известное науке свидетельство о начале литературной жизни в Красноярске. Оно связано с именем дьякона Григория Скрябина, который с 1761 по 1764 год (с перерывами) был учителем духовной школы в Красноярске, а потом Енисейске.

Григорий Федорович Скрябин происходил из потомственного сибирского духовенства. Из дела об определении его в Красноярск в дьяконы соборной церкви и учителя открывавшейся в 1759 году в Красноярске школы видно, что до 1760 года он был учеником «философии домовой митрополита Тобольского и Сибирского семинарии». Нужда заставила просить досрочно рукоположить его на вакантное место дьякона тобольской Благовещенской церкви. Для этого юноше двадцати одного года пришлось сочетаться браком. Интересно, что в прошении о женитьбе митрополиту Павлу Конюскевичу он особо оговаривал: «притом я школьного учения неленностно слушать буду» (см. ТФ ГАТО. Ф. 156, 1760 г. Д. 229. Л. 4–7).

Полученное место не обеспечивало молодую семью средствами к существованию. За год дьякон не смог даже уплатить 4 руб. 56 коп. пошлины за положение в дьяконы. Скорей всего, именно нуждой было вызвано желание Скрябина уехать в Красноярск для работы в недавно открывшейся «латинской школе», такие стали открываться во многих церковных заказах Сибири. Он готов был выполнять двойную работу, предлагая не открывать подобную школу в Енисейске, а всех учеников учить в Красноярске. Духовное начальство пошло навстречу одаренному бывшему семинаристу. Так как учителем могло быть только духовное лицо, а свободных мест в Красноярском заказе не оказалось, то выходца из Тобольской провинции дьякона Красноярской соборной церкви Кузнецова перевели в Тобольск, а его место отдали Скрябину.

В начале 1761 года он прибыл в Красноярск и приступил к своим обязанностям. Судя по следственным материалам, собранным в связи с написанием сатирических стихотворений, учитель первой в Красноярске специальной школы не ограничивался рамками учебной программы, призванной готовить из детей местного духовенства пополнение церковному клиру. Начитанный, увлекающийся литературой и «театральным действом» Г.Ф. Скрябин старался передать ученикам все свои знания. Имея опыт выступлений в школьном театре Тобольской духовной семинарии, он даже пытался ставить «разного рода пиесы». Некоторые из них, вероятно, были им самим сочинены и положены на музыку. Прибывший из шумной столицы Сибири острый и бойкий на язык недавний тобольский семинарист не удержался от критических стрел в адрес маленького захолустного Красноярска и его некоторых обитателей.

По всей видимости, эти увлечения мешали Скрябину уделять должное внимание обязательным предметам школы и исправно нести службу дьякона. Этим воспользовался глава красноярского духовенства Алексей Михайловский, который, как и задетые Скрябиным некоторые красноярцы, считал поведение дьякона несовместимым с духовным званием и учительской должностью. Скрябин же по школьным вопросам не считал нужным подчиняться красноярскому заказчику, так как учил детей духо-

венства еще двух (Енисейского и Мангазейского) заказов и получил именно от них основные средства на содержание школы (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1 Д. 13. Л. 83–94). Конфликт разросся и принял резкие формы. Михайловский не раз писал на Скрябина доносы в Тобольск, в которых, мешая правду с ложью, обвинял строптивого дьякона в пропуске занятий, истязании учеников, нерадивом исполнении обязанностей дьякона соборной церкви. В оскорбительной форме он настойчиво требовал от Скрябина 4 руб. 56 коп., которые тот все никак не мог собрать в уплату за производство в дьяконы и перевод в Красноярск. Протопоп часто устраивал внезапные проверки, предъявляя в присутствии учеников претензии учителю; дважды за служебные упущения держал Скрябина в помещении духовного правления на цепи; всячески препятствовал постановке с учениками разного рода «пиес»; наконец, ссорил дьякона с родителями учащихся. Даже жена Скрябина подвергалась притеснениям со стороны духовного заказчика, и воевода, будучи земляком Скрябина, заступался за нее (см. Ромодановская Е.К. Указ. соч. … С. 307).

Жалоба полицмейстера на своего Ювенала подлила масла в огонь, Михайловский порознь допросил учеников Скрябина. Выяснилось, что «Стихи о плеши» были положены дьяконом на музыку и распевались учащимися. «Скрябин же, – рапортовал протопоп в Тобольск, – на то сказал, что де на таковых стихах ноты не полагал и пел де их у себя в доме с учениками и воеводою». Тогда Михайловский предъявил дьякону другое найденное им сатирическое стихотворение, направленное, по его словам, «к посмеянию всего города Красноярска». Однако Скрябин держался «гордо» и, не отрицая авторства второй сатиры, стоял на своем.

Все материалы розыска о «непотребных действиях» Скрябина, в том числе списки с обеих сатир и свой пространный донос духовный заказчик отправил в Тобольскую духовную консисторию. Митрополит Павел Конюскевич распорядился отрешить Скрябина от должности учителя и перевести его в Енисейск, что и было исполнено. Через два года ему разрешают учить в новооткрытой Енисейской латинской школе, но в связи с производством в священники Скрябин переводится служить в Вологодский драгун-

ский полк. В последующие годы он жил в различных городах Сибири (см. Ромодановская Е.К. Указ. соч. … С. 308, 309).

Что же представляют собой написанные во время жизни автора в Красноярске сатиры? Какой идейно-политический и нравственно-социальный заряд несли они первым своим читателям-красноярцам?

«Стихи о плеши» по жанру – распространенная в XVIII веке «сатира на лицо». Она появилась в связи со служебным понижением и переводом в Илимск первого в истории Красноярска полицмейстера Кристенсона. Характеристика этого корыстного, заносчивого и мелочно-придирчивого иноземца-датчанина сугубо отрицательная. Подчеркивается его хитрость – «льстивости своей ничем не прикроешь», терпящая, однако, крах – «веть сколько и не плутать, столько с ней и пропадать». Портретные черты, выборочно включенные в сатиру, также отталкивающе неприятны: «плешь», которая становится олицетворением изображаемого лица, «вшивый парик». Ядовито говорится о том, как «плешью» был воспринят приказ о переводе в захолустный Илимск – «потащили плешь в приказ, ноги застучали… наказ плеше прочли. От того звону плешь весьма запотела».

«Стихи о плеши», как правильно считает советский историк литературы Е.К. Ромодановская, интересны не только остротой и действенностью, но и тенденцией к большим обобщениям. Они являются сатирой на должностных иностранцев вообще, проводят мысль о неизбежной победе правды и справедливости над злом. Полицмейстер почувствовал это и писал в доношении, что «сей оказавшийся во многих местах Красноярска разругательной пасквиль» подрывает уважение к власти вообще, ставит под сомнение волю императрицы, которой угодно было многих иностранцев принять на службу.

Прямое содержание «Епиграмм», если отвлечься от их лексических и грамматических архаизмов, сводится к следующему. В первых двух строфах автор сравнивает Красноярск, относительно молодой, с небогатой историей город, с тщеславным, невежественным простолюдином «мужиком», которому изменило чувство реальности и «мнится быти сын боярск». В ослепленном, по его мне-

нию, гордыней городе издавна не признаются даже чины «ни за что в нем, хоть сын боярск». Что же ценится горожанами в людях? Следующие две строфы дают на это ответ. Старинное русское хлебосольство, принявшее грандиозные размеры, выступает мерилом человеческих отношений. «Без потчивания они враги и ни в что ставят человека», – с горечью говорится в «Епиграммах». Но тот, кого потчуют, не должен заблуждаться. Это не проявление доброго отношения к нему щедрых хозяев, предостерегает читателя в пятой строфе автор, ибо гостя они «насмешками весьма доволят». И, продолжая мысль предшествующих строф, Скрябин пишет о том, что у горожан лишь тот «любим неложно», кому средства позволяют «компаний водить много». Личные же качества и заслуги не имеют значения для красноярцев – «без тех (компаний) человек глуп, невеж, хоть он сын боярск». В следующих трех строфах автор показывает, к каким последствиям приводит такое понимание основ человеческих отношений. Красноярцам различных сословий, которые наперебой упражняются в хлебосольстве, нужно иметь денег, как песку. Поэтому многие участники «счастливых компаний» оказались в крайней нужде, другие так и не смогли выбраться из нее, а богатых в городе вообще не отыскать. «Деньгам нужно более достойное применение», – считает автор, настойчиво обращая внимание читателя на полное неблагоустройство города. Заключительная, десятая, строфа еще раз перечисляет главные приметы Красноярска.

Содержание и образный строй «Епиграмм» обнаруживает наблюдательность, ум, определенное литературное дарование и прогрессивные для того времени социально-нравственные позиции их автора. Сатира, естественно, в гиперболизированном виде раскрывает некоторые реальные черты жизни и быта Красноярска 60-х годов. Город действительно был основан сравнительно недавно, неславен, неприметен, не отличался деловой активностью, забит песком, пылью и камнями. Жители этой военной крепости, не раз бывшей на волосок от гибели, издавна отличались непокорностью, неуважением к властям, каким-то особенным буйством. Сравните у автора: «Ни за что в нем (человек) хоть сын боярск. Так велось издавна в Красноярск».

Недаром сибиряки XVII–XVIII веков прозвали красноярцев бунтовщиками (см. № 2, 3). Наиболее авторитетной и почетной частью горожан по-прежнему были казаки и их верхушка – дети боярские. Но, как правильно отмечает Скрябин, и в таком глухом городке реальная жизнь брала свое. В условиях наступающего разложения феодализма в стране сословность, принадлежность к привилегированной части общества, если даже она обусловлена личной выслугой, уже отступала перед властью денег, богатства. Автор настойчиво, даже в ущерб художественности, варьирует эту ведущую тему. Если у человека нет «кошту… компаний иметь много», то «без тех глуп, невеж, хоть сын боярск». И наоборот, чтоб «славен был других и злоб людских уволен, звался смело сын боярск, нужно болей денег иметь». Образное решение этой мысли удачно выполнено Скрябиным по еще одной бытовой черте красноярцев, на которую обращали внимание все ученые путешественники XVIII столетия. Красноярск, находясь в центре крупного хлебопроизводящего района, славился дешевизной хлеба и неумеренным потреблением получаемого из него вина. Так, литературные способности Скрябина позволили использовать отдельные черты жизни и быта горожан для художественного обличения социальной несправедливости, при которой тяжко бедному образованному человеку. Конечно, автор как человек своего времени в первую очередь руководствовался личными мотивами. Обманутый в надеждах поправить в Красноярске свое положение, столкнувшись с произволом вышестоящих, он использует в сатире только черную краску. Да и сам жанр этого требовал.

В целом же осуждение «похлебствующих» обывателей и утверждение, пусть методом исключения и с позиции наивного просветительства, непреходящей ценности высоких качеств человеческой личности вырывается из узких местных рамок. Автор сатиры, сам этого до конца не осмысливая, фактически поднимается до осуждения сословно-социальных порядков тогдашней Российской империи.

Молодой учитель не только осуждает, но и пытается протестовать. Об этом говорит само появление сатиры, которая име-

ла успех у горожан. Эпиграммы переписывали многие красноярцы, распевали ученики духовной школы. Об этом свидетельствует приписка на присланном в Тобольск тексте «Епиграмм». Неизвестный читатель полностью согласился с данной в них характеристикой города, приписав: «Сии подлинно стихи суть описующия саму правду».

Оба стихотворения, дополняя друг друга, дают представление и о литературных вкусах красноярских жителей середины XVIII века. По обоснованному предположению Е.К. Ромодановской, они складывались под влиянием образцов «высокой» литературы профессиональных литераторов, особенно поэзии М.В. Ломоносова. Она пишет: «Обращает на себя внимание некоторое сходство обоих стихотворений с сатирами М.В. Ломоносова, в частности с “Гимном бороде”; построение стихотворения в форме кантов, рефрен после каждой строфы в “Эпиграммах”; наконец, самое главное, художественный прием, при котором одна внешняя черта превращается в олицетворение не только определенного лица, но целой группы лиц, сословия: борода – у Ломоносова, плешь – в нашей сатире» (см. **Ромодановская Е.К.** Указ. Соч. … С. 306; о распространенности сатир М.В. Ломоносова в Сибири см. **Розов А.Н.** Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII века // Труды ОДРЛ. 1958. Вып. XIV. С. 481–485).

№ 56. 1761 г., октября 8 – 1762 г. – ОТВЕТЫ КРАСНОЯРСКОЙ воеводской канцелярии о СОСТОЯНИИ КРАСНОЯРСКА И УЕЗДА НА АНКЕТУ ШЛЯХЕТСКОГО КОРПУСА[1]

По присланному при том указе запросу в сухопутной Шляхетной кадетской корпус понижеописанных пунктов требуются географические изыскания. На оные, что в Красноярской воеводской канцелярии оказалось:

(1). Город чем огражден: каменною стеною или деревянною или земляным валом, палисадником или рвами. Показать меру их окружности, вышины, глубины, цело ли оное ограждение или нет…?

Город Красноярск огражден с одной приезжей от Тобольска западной стороны стоячим палисадником длиной триста сажень, да

вышины палисадник одна сажень два аршина две четверти, при чем имеетца и ров глубиною и шириною по одной сажене. А з другой, левой, стороны то есть вдоль Качи – деревянною рубленою стеною, вышиною одна сажень, а с третьей, с правой стороны, кроме жилых дворов ограждения никакого нет, и об ту сторону течение имеет река Енисей; да и с четвертой стороны, то есть от востоку, того ограждения нет же, кроме дворов, потому что в той стороне положение места и строение домов между рекою Енисеем и рекою Качею, кое течение имеет из лесных мест в ту реку Енисей, кончилось наподобие треугольника, а окружностию город – две версты семьдесят семь сажен. Внутрь того города имеетца называемый малой город же вышиною одной сажени одного аршина и трех четвертей аршина; мерою вокруг оного – двести сорок три сажени, палисадник же по местам большею частию цел, и в иных местах есть за гнилостью и вывалился, а стена рубленая вся цела…

в) Сколько как в нем самом, так и в уезде душ мужеска полу?

В городе Красноярску и в ведомстве оного имеетца положенных поныне бывшей генеральной ревизии и после оной приписных всего 6430 душ, посадских и цеховых 1423, да монастырских крестьян 196 душ.

В том числе ис 6430 душ: в городе – 989 душ, а протчие – в уезде…

д) Не был ли город осажден, от кого раззорен или мужественно оборонялся?

Город Красноярск был ли когда от кого осажден и раззорен или мужественно когда оборонялся о том по довольном прииске по канцелярии дел не обыскалось[2].

(2). Много ли приходов внутри и за городом, и который церкви каменный или деревянные, естли каменные новые и старые казенные строения, и каких оне времен от построения. Есть ли каменные домы тамошних обывателей и сколько?

Внутри того города церквей деревянных имеетца две, потому числитца приходов два. А построены те церкви: соборная Преображенская в 728-м, а другая Покровская в 753 годах. Кроме же тех двух церквей больше внутри и за городом, також каменных казенных новых и старинных строений и обывательских каменных же домов нисколько не имеетца.

(4). Когда бывают в городах ярманки. Есть ли гостиные дворы. Откуда больше и с какими товарами приезжают, и которой день в неделе торговой. Каково количество?

Ярманок и гостиных дворов, кроме небольшого базару з деревянными немногим числом торговыми мелочными лавками, в Красноярске не имеетца. С товарами же купецкие люди ездят только мимо города Красноярска ис Тобольска в Иркуцк, из Иркуцка в Тобольск. А товаров возят в Иркуцк и на Кяхту русские и немецкие, також и рухлядь, а из Иркуцка и Кяхты – китайские. А красноярское купечество весьма скудное.

(5). У обывателей какие есть промыслы?

В здешнем ведомстве у обывателей имеетца отчасти кожевенныя и мыльныя промыслы.

(6). В каких ремеслах народ больше упражняется и которое в лучшем состоянии находится?

Народ в здешнем ведомстве упражняетца больше в хлебопашестве, которое по урожаю бывает иногда в хорошем состоянии, а в иных годах – хуже, а ремесленных людей, кроме чеботных, и тех весьма мало, других почти никого не имеетца.

а) В чем имеет довольство, в чем недостаток. (Как оной недостаток награждается (восполняется. – *Г.Б.*))?

Довольство и недостаток между обывателями, как известно есть неравное, ибо иныя всем довольны, почему и недостатка не знают, а другия есть и недостаточныя хлебом и скотом и протчею домовою провизиею. Есть же и такия, что работою своею и в достаточество приходят.

(7). Где есть по городам и по селам фабрики или рудные заводы. В каких от городов расстояниях при каких реках?

В Красноярском ведомстве имеютца рудные заводы в ниже писанных местах от города вверх по Енисею реке в расстоянии: первой же – железоделаемой, партикулярной купеческой при речке Езагаше во сте верстах.

(8). Давно ли заведены и кем, кому принадлежат?

Партикулярной – 758-м году верхотурским купцом Алексеем Власьевским, коему и принадлежит…[3].

(9). Где есть водные мельницы с надлежащими плотинами. Пильныя или хлебный и на каких водах именно?

При городе Красноярску на Каче р(ке) имеетца построенная колещатая казенная хлебная мельница. Да и вверх по той речке хлебные мельницы обывательские находятца с принадлежащими плотинами. А пильных мельниц в здешнем ведомстве не имеетца[4].

(11). По рекам оных мест какие суда ходят по весне и в межену. С чем суда и откуда?

По двум только здешнего ведомства рекам Енисею и Кану весною и в межень да и то весьма редко в город Енисейск партикулярные с хлебом барки и лотки. Временем же по Енисею и суда, то есть дощаники, ход имеют.

(21). В каждой провинции каких родов хлебы сеются ль больше; плодовито ль выходят разсуждая общую перед посеянием прибыль?

В здешнем ведомстве жители на пропитание себе сеют рожь, ярицу, пшеницу, овес и ячмень. Сколько же пред посеянием прибыли выходит, о том единственно положить невозможно, ибо в ыном году добротны, а в другом от засух и от граду весьма плохи бывают. Когда же добротны родятца, то как по взятой прежде всего обывательской скаске показано с каждой десятины выходит, кроме посеянного, прибыли, а именно: ржи сеятца на десятину по двенадцати пуд, прибыли по семидесяти и по восьмидесяти пуд; ярицы сеятца на десятину от двенадцати до шестнадцати пуд, прибыли тож, как и ржи; пшеницы сеятца на десятину по четырнадцати и по пятнадцати пуд – прибыли з десятины по пятидесяти пуд; овса на десятину сеятца пуд по дватцати, прибыли пуд по девяносту; ячменю на десятину сеятца пуд по пятнатцати, прибыли выходит пуд по девяносту и по сту. Из среднего урожаю прибыли выходит з десятины, а именно: ржи – по шестидесяти, ярицы – по тому ж; пшеницы по тритцати, овса по семидесяти, ячменю – по семидесяти же пуд. Ис плохова урожаю прибыли с каждой десятины выходит же: ржи – по дватцати, ярицы – по тому ж, пшеницы – по десяти, овса – по сороку, ячменю – по тритцати пуд.

(22). Каким более болезням жители подвержены и чем от оных лечатся?

Жители болезнями по большей части одержимы бывают лихораткою и горячкою, от которых иныя умирают, а другие и оздоравливают по воли всемогущаго Бога; а лечитца им от тех болезней нечем, да и не от кого, ибо здесь при городе лекарей никаких нет.

(23 б) Не гоняют ли оной скот куда на продажу, в которую пору и в каком количестве?

Лошадей, коров и быков гоняют на продажу в город Иркуцк и Енисейск, а из Иркуцка и на Кяхтинской форпост в летния времена, а в каком количестве, о том ипредписать невозможно, ибо временем много, а в другое и мало для той продажи их в гоньбе бывает[5].

в) Где конской и скоцкой падеж бывает, в какое время, отчего и какие средства для онаго употребляются?

Падеж конской и скоцкой в здешнем ведомстве бывает не всегда, но как из рапортов, присылаемых ис подчиненных мест, видно, ретко в летния и зимния времена, и то весьма по малому числу, а от чего имянно – неизвестно. В отвращении коего и поступается по состоявшимся в правительствующем Сенате в 746-м и в 751-м годах указам[6].

д) Где есть вредныя гадины, саранча и тому подобный в чрезвычайном множестве, чем истребляют оных и в какое они время по большей части вред причиняют?

В оном же здешнем ведомстве имеютца называемые гадины, вредящие человека змеи, да хлеб вредящие ж мыши и подобные саранче кобылки, ис которых змеи на большею частию людей, а мыши и кобылки частию и хлеб вредят летними временами, а как оныя истребляютца, неизвестно.

(24). Слышен ли бывает гром и в которые месяцы, знают ли жители северное сияние, часто ли оное бывает?

Гром в городу Красноярску слышен бывает с половины апреля по сентябрь месяц, однако ж не очень часто, но ретко, а северного сияния здесь, видимо, не бывает, зачем и жителям знать того непочему…

ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 10 б. Д. 120. Л. 2–6, 11–15 об.

Комментарий

1. Полностью документ назывался так: «Известия, учиненныя в Красноярской воеводской канцелярии на полученные при указе от правительствующего Сената запросы, потребныя в сухопутной Шляхетской кадецкой корпус к сочинения географического описания Российского государства». Эта анкета, составленная Г.Ф. Миллером и одобренная Академией наук, во многом основывалась на анкете, разработанной М.В. Ломоносовым, и разосланной по уездам и городам страны Географическим департаментом Академии наук, которая поступила в Красноярск раньше. Ответы на ломоносовскую анкету от 2 декабря 1760 года тоже сохранились (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 194. Л. 20). Однако многие ответы очень скупы и уклончивы, так как вопросы анкеты не были детально разработаны и четко выделены, чем не преминула воспользоваться воеводская канцелярия (см. **Греков Б.Д.** Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Вып. 35. С. 39–46).

В данном сборнике публикуются более полные ответы на анкету Шляхетского корпуса.

Анкета представляла собой вопросник, где каждый крупный вопрос подразделялся на ряд мелких. Нумерацию имели только крупные вопросы, поэтому подвопросы мы обозначили литерами «а, б, в, г». Материалы анкеты, непосредственно не относящиеся к Красноярску и его жителям, выпущены.

Приводимые сведения однотипны данным анкет и запискам 30-х годов XVIII века (см. № 47, 48) и позволяют судить об изменениях, что произошли в жизни.

2. Этот ответ говорит о формальном подходе воеводских властей к заполнению анкеты. Выпускался почти столетний боевой период жизни города.

3. Железоделательный завод Власьевского действовал недолго. Причины тому – недостаток в рабочей силе, слабость внутреннего рынка и сильная конкуренция енисейских кузнецов, чьи изделия из болотных руд (сошники, топоры, кухонная утварь и по-

лосовое железо) охотнее покупались жителями Енисейской провинции. Некоторые историки утверждают, что этот завод был первым крупным предприятием Сибири, который обслуживали вольнонаемные (см. **Павленко Н.И.** История металлургии в России XVII–XVIII вв. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 317– 320; **Карцов В.Г.** Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1965. Т. IX. С. 103). Однако свежие архивные данные свидетельствуют, что на заводе работали главным образом ссыльнокаторжные (см. **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Т. 1, гл. 2.1).

4. В 1757 году в целях сохранения лесов казна запретила изготовлять топорного дела доски. По всей стране велено было ставить лесопильные заведения, которые приводились в действие энергией падающей воды. В Сибири же до конца XVIII века лесопиление не привилось. И до сих пор пиленые доски называют как бы тёсаные, тёсом.

5. В ответе Енисейской провинциальной канцелярии на подобную анкету сказано, что из Красноярского уезда ежегодно пригоняют в Енисейск до 15 тыс. голов крупного рогатого скота, особенно знаменитых сагайских быков. Тысячи голов скота гнали и в Иркутск (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 222. Л. 16).

6. По этим указам предписывалось во избежание падежа скота во время эпидемий закапывать погибших животных в землю, засыпать эти места золой, отделять больных животных от стада и т.д.

№ 57. Первая половина 1763 г. – ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ СИБИРСКИХ ДВОРЯН И ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ КРАСНОЯРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

1. Казачий командир, старшина Елисеев Петр, 44 года; из казачьих детей; в службу вступил в 1734 году; пожалован в настоящий чин 9 июля 1745 года; грамотен; обретается в Красноярске при команде; под судом не был; женат.

2. Сотник Белянин Антон, 36 лет; из детей сотника; в службе с 1737 года; пожалован в настоящий чин в 1745 году; грамо-

тен; обретается на соляном варчем озере надзирателем; по указу Красноярской воеводской канцелярии, бит батогами за ложное обвинение Елисеева; женат.

3. Сотник Иконников Илья, 26 лет; сын пятидесятника; в службе с 1752 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; обретается с апреля 1763 года в Томске у закупки холста на паруса комиссаром; под судом не был; женат.

4. Сотник Песегов Семен, 37 лет; казачий сын; в службе с 1744 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; обретается с 1763 года у полицмейстера в должности городничего Красноярска; под судом не был; женат.

5. Сотник Терской Федор, 31 год; сотника сын; в службе с 1741 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; в 1763 году пищик при сборе ясака с Качинской землицы; под судом не был; женат, дети – Иван – 11 лет, Иосиф – 9 лет.

6. Пятидесятник Артемьев Семен, 55 лет; сын пятидесятника; в службе с 1727 года; в настоящем чине с 1732 года; грамотен; обретается надзирателем на соляном самосадочном озере; под судом не бывал; женат, сын Иван – 26 лет в службе.

7. Пятидесятник Плотников Степан, 66 лет; казачий сын; в службе с 1724 года; в настоящем чине с 1737 года; грамотен; обретается в Красноярске; под судом не был; женат, сын Григорий 37 лет в службе;

8. Пятидесятник Петухов Семен, 39 лет; казачий сын; в службе с 1744 года; в настоящем чине с 1751 года; грамотен; с 1763 года сборщик ясака в Яринской землице; под судом не бывал; женат.

9. Пятидесятник Дардаев Иван, 27 лет; сын пятидесятника; в службе с 1749 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; в 1763 году комиссар покупного казенного провианта в Абаканском, Саянском и Караульном острогах; под судом не бывал; женат.

10. Пятидесятник Юшков Алексей, 34 года; сын пятидесятника; в службе с 1747 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; в 1762 году – соляной ларешный в Красноярске, в 1763 году – у сочинения счетных выписок; под судом не бывал; женат, сын Петр 7 лет.

11. Пятидесятник Чуриков Андрей, 34 года; казачий сын; в службе с 1737 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; в 1762 – соляной голова в Красноярске; в 1763 году – у сочинения счетных выписок; под судом не бывал; женат.

12. Пятидесятник Муруев Василий, 23 года; сын сотника; в службе с 1753 года; в настоящем чине с 1761 года; грамотен; в 1762 году – комиссар у покупки казенного провианта в Удинском остроге; в 1763 году – у сочинения счетных выписок; под судом не бывал; женат.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 32. Д. 64. Л. 425 об. – 427 об.

Комментарий

В Красноярске дворянами и детьми боярскими в XVIII веке служили представители 15–27 семей, в том числе Нашивошниковы,

Замятнины, Иконниковы, Красиковы, Толщины, Жаровы, Юшковы, Таракановские. В 1722 году им принадлежало 17 дворов, в 1769 – 18, а в 1784 – 12.

Судя по публикуемому документу, 12 человек красноярской казачьей старшины несли за два года 16 служб, в том числе 8 человек выполняли хозяйственно-организаторские функции, по трое – канцелярские и налогово-фискальные; и по одному – полицейские и собственно по управлению казаками. Обобщенные другие показатели у казачьей старшины выглядят следующим образом: средний возраст равнялся 37,6 лет (от 23 до 66 лет), в службу вступали в 14,5 лет (от 8 до 27 лет), общий же стаж составил 25,6 лет (от 10 до 39 лет). Все без исключения были потомственными казаками, причем на две трети – из старшинских же семей. Приятно поражает поголовная грамотность командного состава Красноярского казачьего войска, тем более что среди рядовых казаков даже в конце XVIII в. грамоту знал лишь каждый десятый. Тяготы службы, как правило, «дальние посылки» (7 из 12 служили в Красноярске) неблагополучно сказывались на их семейной жизни. Женаты, правда, были все, но сыновей имел лишь каждый третий, причем браки, судя по среднему возрасту детей (12 лет), были сравнительно поздними – 27–28 лет.

Примерно аналогичная картина была у Красноярской казачьей старшины в конце XVIII века (см. **Быконя Г.Ф.** Город уездный // **Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.** Красноярск в дореволюционном прошлом XVII– XIX века. Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1990. С. 63; подробнее – **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Изд. 2-е испр. Красноярск, 2015. Т. 3. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (сословно-демографический аспект). Гл. 5).

№ 58. 1763 г., марта 10. – ПРОМЕМОРИЯ ИЗ КРАСНОЯРСКОГО ВВЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В КРАСНОЯРСКОЕ ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ О НЕПОТРЕБНЫХ ПОСТУПКАХ КРАСНОЯРСКИХ СВЯЩЕННИКОВ

Ис Красноярского Введенского монастыря в Красноярское заказное духовное правление сего 1763 года февраля 28 дня. В присланном Ея Императорского Величества из канцелярии Тобольской духовной консистории указе в здешней Введенской монастырь написано: прошлого ж 1762 году октября 20 дня в представленном же его преосвященству преосвященному Павлу митрополиту Тобольскому и Сибирскому от красноярского закащика протопопа Алексея Михайловского доношения объявлено, что де по написанному прошлого 1760 году в мае месяце из реченной Тобольской духовной консисторией указа велено закащиком над церковнослужителями наблюдать накрепко, чтоб священник не токмо где два или три, но хотя где и по единому при церкви имеются божественные литургии воскресныя и праздничныя дни отправляли неотменно, а в городе Красноярску при приходской Покровской церкви священников имеются двое, но оныя ж не токмо воскресныя и празднешния литургии не исправляют, но и высокоторжественныя и викториальные дни тако ж и на панихиды за леностью своею в соборе мало бывают. Да того же заказа села Бальческого Троицкой церкви священник Федор Закоурцев существенныя литургии за такою ж леностью не исправляет же, и просил он, протопоп Михайловский, с вышеописанными священниками чинить повелено будет

указанное от его преосвященства резолюции. Того ради по указу Ея Императорского Величества с приказанием его преосвященства в Тобольской духовной консистории определено с прописанием выше объявленного протопопа Михайловского доношения послать игумену Гурею указ, каков сей и прислан с таковым повелением, чтоб наидостовернейше учинить мне рассмотрение так ли подлинно показанное на священников от Красноярского протопопа Михайловского в доношении от них священников происходило и происходит, и будет точно в том они священники окажутся, то взять их в Красноярской Введенской монастырь и содержать в приличных трудах до резолюции, и о том к его преосвященству рапортовать.

Того ради по указу Ея Императорского Величества в Красноярском Введенском монастыре в силу вышеописанного Ея Императорского Величества ис канцелярии Тобольской духовной консистории указу определено: в Красноярское заказное духовное правление послать промеморию (какова и послана) и требовать, дабы духовное правление благоволило показанные градской приходской Покровской церкви священников Григория Ошарова и Матвея Потылицына, також и села Бальческого Троицкой церкви Федора Закоурцева прислать в Красноярской Введенской монастырь для допросов и к наидостовернейшего по силе указу о них рассмотрения при промемории в неукоснительном времени, и Красноярское заказное духовное правление о присылки реченных священников заблаговолит учинить по Ея Императорского Величества указом.

Игумен Гурей.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 13. Л. 111–111 об.

№ 59. 1763 г., июля 16. – РАПОРТ КРАСНОЯРСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ В ТОБОЛЬСКУЮ КОНСИСТОРИЮ С ПРОСЬБОЙ ОСТАВИТЬ ЛАТИНСКУЮ ШКОЛУ В КРАСНОЯРСКЕ

Великому господину преосвященному митрополиту Тобольскому и Сибирскому ис Красноярского заказного духовного правления всепокорнейший репорт.

Ея Императорского Величества указом ис консистории кои полученный в здешном правлении минувшаго февраля 26 дня сего года. Велено по предложенному от духовной консистории Вашему преосвященству мнению на представленное к Вашему преосвященству Енисейского заказа от священноцерковнослужителей донашения имеющихся в Красноярске для обучения латинского диалекта как Енисейского и Туруханского, так и Красноярского заказов священноцерковнослужительских детей школу перевесть в Енисейск на Туруханского Троицкого монастыря Абалацкое подворье. И для обучения оных детей учителем был енисейской у Божездомской церкви священнику Андрею Кудрину, для того что помянутый енисейским священноцерковнослужителям детей своих за дальним от Енисейска до Красноярска расстоянием как наблюдать так и снабдевать и пищею не без малого убытка. К тому ж де на сысканных тех детей в Красноярске квартирах якоб на платеж хозяевам за постой, обшивание и обмывание происходить будет денег по 20 коп. в неделю, а всего де годовой платы будет с каждого человека по 10 рублев по сороку копеек, якоб кроме харчевых припасов. Да к тому ж де в Красноярску хлеб и харчевыя припасы против Енисейска не дешевле, но якоб дороже, а купленной в Красноярске под школу дом продать и вырученные деньги употребить за Енисейской заказ на содержание в Енисейску школы; также все имеющияся в Красноярской школе и что до обучения и содержания учеников принадлежит, яко то: деньги, бумага и протчие, описав, переслать в Енисейское духовное правление, а о приходе и росходе как денежного так и протчаго, что до семинарской потребности касалось, подлинныя документы, все без изъятия, для щета и сколько имянно в Енисейск учеников отправлено будет имянную ведомость прислать при… (? – *Г.Б.*) да бывшыя ученики Енисейского и Туруханского заказов за неимением в Красноярске учителя в 762 году разпущены в домы к отцам своим и к родственникам… Да к тому ж де на сысканных в Красноярске тем детям им квартирах якоб на платеж хозяевам за постой, обшивание и обмывание, кроме харчевых припасов происходить будет с каждого человека по 20 коп. в неделю и более, в Красноярске хлеб и харчевые припасы против Енисейска не дешевле, но дороже. А в Крас-

ноярске за постой, обшивание и обмывание и со всеми харчевыми припасами неточию с малолетних, но с купецких и протчих проежжающих для платежа хозяевам происходит по 15 коп., а и наилучшей по 18 коп. квартире, а более того квартиры и с хозяйскими харчевыми припасами платежом не бывают, а без харчевых припасов за един постой, обшивание и обмывание не более как по 15 коп., а в Енисейску с харчевыми припасами квартиры становятся по 25 коп. и по 30 копеек, ибо как енисейския купцы и протчия люди хлеб и харчевыя припасы возят и скота гоняют и потому что хлеб и харчевые припасы в Енисейску продаются и квартиры становятся против красноярских дороже, и переезд некоторых красноярских священноцерковнослужителей, как выше значит, с детьми своими в Енисейску далечайшии, нежели Енисейского заказу в Красноярск. И тем видите, что оные Енисейского заказа священноцерковнослужители Ваше преосвященство во всем вышеописанном оболгали и о том Вашему преосвященству на благоразсмотрение и представляется.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 13. Л. 101–102.

Комментарий (см. № 58, 59)

Белое приходское духовенство подчинялось черному в монастырях по финансовым и серьезным дисциплинарным вопросам.

Об упоминавшихся священнослужителях Михайловском и Григории Ошарове приводятся сведения в нижеопубликованных исповедных росписях 1769 года (см. № 61). Можно дополнить, что в 1780 году Ошаров перестал служить и овдовел. Напомним, что он был женат на дочери руководителя Второй красноярской шатости Ильи Нашивошникова Парасковье. По указу Тобольской консистории по старости и болезни он оказался «на своем пропитании» и жил у внучат, городских мещан Семена и Ивана Ошаровых (см. ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Оп. 1. Л. 43 об., 65).

Матвею Павловичу Потылицыну, родом из стариной казачьей фамилии, в 1763 году было 44 года, женат на дочери местного казака Дарье Терсковой, которая была на год его моложе. К 1782 году все дети, два сына и четыре дочери, имели свои семьи. Старший Михаил, женатый на дочери местного торгового крестьяни-

на Анфимье Дардаевой, сам уже служил вторым священником городского собора. Второй сын Георгий женился на дочери местного мещанина Красикова, а дочери вышли замуж соответственно: за солдата Томского батальона, рота которого была расквартирована в Красноярске, за казачьего сотника Шахматова, мещанина Овчинкина и местного же купца Егора Воронова (см. ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 1. Л. 63). Закоурцев Федор Федорович (1722–1772) был переведен в село Атаманово священником же, где и умер. Он женился на дочери местного казака Евдокии Никитичне Кудриной, которая была его старше на 10 лет. Из троих детей обоих сыновей, Василия (1752–?) и Федора (1759–?), не «написали в церковный причт… за неумение словенороссийской грамоте и за болезнью», а определили в церковные сторожа (см. ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 1. Л. 102).

Как и по всей стране, священно- и церковнослужители города и уезда все более обособлялись в сословно-замкнутый разряд населения служебного характера. Попы, дьяконы, пономари и дьячки до 60-х годов должны были готовить своих детей к церковной службе на дому. Экзаменовали же их и вводили в сан в Тобольске, где находилась духовная консистория. С учреждением особых латинских школ для обучения детей духовенства такая школа открылась в Красноярске (см. № 53, 54, 55). Однако через два года ее перевели в Енисейск, так как клир Енисейска и Туруханска постарались доказать, что содержание их детей в Красноярске обходится им ничуть не дешевле, нежели дома. При определении в клир свидетельствовали кандидата в том, что «он состояния доброго, не убийца, не пьяница, несварлив, в пороках и подозрених не бывал, не ленивый, домостроительство имеющий, российской грамоте читать, петь и писать умеющий» (см. ТФ ГАТО. Ф. 156. 1754 г. Д. 185. Л. 2).

Неграмотных, как и физически «немощных» (слепых, немых, косноязычных, слабоумных и пр.), детей духовенства во время периодических «разборов»-смотров местный воевода вместе с духовным заказчиком выключал из духовного сословия. Их определяли в богадельни или записывали в податное состояние. Однако если кто-то из них позже оказывался пригодным к церковной

службе, например, одолевал грамоту, то его могли вернуть в ряды духовенства. Кроме того, и в XVIII веке среди духовенства были члены тяглых сословий.

Городские церковные приходы были небольшими, поэтому, кроме части сборов за духовные требы и обряды, на содержание клира от города выделялись особые пахотные и сенокосные угодья. Клирики либо сами их хозяйственно использовали, либо сдавали в «кортом» – аренду. По существу, низшее (белое) духовенство города, как и везде, силами своих семей вело крестьянского типа хозяйство и в этом отношении мало чем отличалось от своих прихожан. Священники же обычно имели работников и работниц и нередко занимались торговлей, предпринимательством и ростовщичеством (см. № 61). Например, балахтинский, а позже красноярский священник Марк Тоболкин, отец и дед которого были в свое время енисейскими и красноярскими попами, в 80-е годы являлся крупным торговцем хлеба (см. ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 323. Л. 48; Д. 721. Л. 246).

В целом за XVIII век в Красноярске сложились потомственные фамилии местных священно- и церковнослужителей (Ошаровы, Потылицыны, Терские, Многогрешные, Рачковские и др.). Все они вышли из местных казаков, а также посадских и крестьян. Поскольку в Красноярском уезде с быстрорастущим населением служителей культа не хватало, то прихожане, как и в XVII веке, нередко их выбирали из своей среды, уплачивая за них подати до очередной переписи, либо «вечно».

Сложным и неоднозначным было не только имущественное, но и социальное положение приходского духовенства. Освящая и идеологически обосновывая незыблемость царской власти и существующего общественного порядка, члены клира служили торжественные обедни, призывали в проповедях к покорности и повиновению властям, отвечали за исправное посещение своей паствой церковных служб и отправление обрядности: своевременное крещение детей, отпевание усопших, «бытие на исповеди и у святого причастия», слушание литургий и проповедей. Они выявляли инакомыслящих, особенно противников «истинной веры», и доносили на них властям. Контроль за соблюдени-

ем прихожанами официальной домостроевской морали и нравственности нередко оборачивался для последних штрафами и полицейскими репрессиями. Консистория и местное духовное правление, в свою очередь, пристально следили за деятельностью приходского духовенства, нередко подстегивая его служебное рвение выговорами, штрафами, переводами в низший сан, содержанием в тюремной келье на хлебе и воде и даже физическими наказаниями. В результате часть одаренных и грамотных тружеников города и деревни Сибири, выйдя из своих тяглых сословий, сначала по роду деятельности, а позже и сословно, превращалась в социальную опору властей и несла религиозное мировоззрение бывшим собратьям по классу. Вместе с тем эти своего рода чиновники духовного ведомства в материальном отношении целиком зависели от своих прихожан. Кроме того, их должностное продвижение и вообще пребывание в рядах клира нередко определялось позицией тех же прихожан и выборного церковного совета во главе со старостой.

№ 60. 1767 г., марта 30. – НАКАЗ ОТ КУПЕЧЕСТВА КРАСНОЯРСКА В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ[1]

1. 1767 году марта 30 дня по силе манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14 дня прошлаго 766 году[2] Сибирской губернии Енисейской провинции города Красноярска купечество нижеподписавшиеся дали сей наказ удостоенному нами из своей братьи ко отправлению в комиссию о сочинении проекта нового Уложения депутату купцу Ивану Григорьеву сыну Ерлыкову, по которому имеет он во объявленную о сочинении проекта нового Уложения комиссию об общественных наших нуждах и недостатках представить[3]. Напротив же того, от чего чаятельно купечеству получить поправление, о том явствует в нижеследующих у сего пунктах.

В силу указанных повелениев из здешняго купечества каждогодно в разные отдаленные города и места ко отправлению интересных (важных. – *Г.Б.*) для императорского величества служеб человек до десяти чрез город Енисейск в Мангазею, Томск, в Тару бывает в отлучности[4], от чего во время бытия при тех должностях,

а потом от переобращения чрез весьма отдаленныя до тех городов места, яко то в одну сторону тысячу с пятьсот с прибавкою 41 верст, претерпевают всекрайную предобидность. Но во избежание 42 признанных ко обществу купечества в том неудобствиев, дабы от того впредь наивящаго купечество не почувствовало разорения, чего для от отправления вышеобъявленных в отлучности служеб за вышеописанными изнеможениями красноярское купечество увольнения просит, ибо и по здешнему городу из купечества в разнослучившихся интересных и других должностях каждогодно употребляется по 157 человек[5], а на пересылку оных в другой год заблаговременно приуготовляемо бывает толикое ж число.

2. Находящиеся по Красноярской ратуше при исправлении государственных и других письменных дел приказные служители содержатся на собственном купецком коште, которым також на покупку потребных по той ратуше принадлежностей, яко то дрова на топление как ратуши, так и имеющих при оной трех покоев топок, свеч, сургуча и бумагу, кроме положенных по ассигнации Главного магистрата и действительно употребляемых в расходе ж приборной питейной суммы 25 рублев, из купецкаго кошту употребляемо бывает по немалому числу денежнаго расходу, почему и признавается купечеству то за совершенное отягощение. Чего ради, следуя прочим правительствам, как-то они действительно содержаны бывают точно на казенном, а не партикулярным содержанием[6].

3. Здешнее ж купечество претерпевает от содержания собственным коштом почты всекрайнюю отяготительность, за содержание которой платы в каждый год употребляемо бывает по немалому ж числу. Сверх же сего живущие в отсутствии от города из купечества для одного временнаго пребывания, оставя свое семейство при городе и на распаханных отцами и дедами тех хозяев данных ими по крепостям и по припускам землях, для одного только хлебопашества к собственному их продовольствию, которыя обстоят по близости проезжающих дорог, и чрез промемориальныя от одной в другую команды сношения, общественно с крестьянством по отправлению прогонных подвод, також к чищению дорог, постройке и починке старых мостов, наи-

всегда принуждаемы бывают. Напротив чего, хотя чрез некоторыя со стороны купечества отрицательства полезнейших в том средств и не находилось, точию совершенно в том надежды не получено. Чего ради, за вышеобъявленными резоны, во-первых, содержания на собственном купецком коште почты, а потом от отправления общественных с крестьянством, как выше значит, тягостей, купечество признавает впредь, если от того увольнения учинено не будет, за совершенное разорение[7].

4. Некоторые ж из здешняго купечества жительствуют в отъезжих от города Красноярска заимках, которыя состоят в верстах в 50, а другая и более еще и пребывают там только для одного, на имеющих отцовских и дедовских тех владельцев землях к собственному только пропитанию при хлебопашестве временно заимками, а другие и с семействами. Что же касается до купецкой должности, то они порядок свой от того, кроме что еще от часу чаемаго благоденствия получить уповают, не потеряли. По довольности ж в здешних местах за удовольствием крестьянства пахатными землями и сенными покосами угодных к хлебопашеству земель и к кошению сен лугов лежит безо всякаго плодородия втуне. Для чего к имеющим у некоторых из купечества, как выше явствует, распаханным землям,как на них для собственной надобности хлебопашество размножить, так и порозжия годныя к пашне земли и сенные покосы, дабы они без плодородия остаться втуне не могли, во всем том определя, действия производить дозволить.

Наказ скреплен по пунктам городским головой Василием Песеговым. За сим следует 95 рукоприкладств лиц купеческаго сословия и цеховых[8].

Наказы Сибирской губернии // Спб., 1911. РИБ. Т. 34, вып. VI. С. 343–345.

Комментарий

1. Созыв в 1767 году Уложенной комиссии для составления вместо устаревшего Соборного уложения 1649 года нового законодательства был одним из ярких проявлений политики «просвещенного» абсолютизма, которую до крестьянской войны под ру-

ководством Е.И. Пугачева проводила Екатерина II. Депутатам от всех, в том числе и трудовых, кроме крепостных, групп населения следовало привести от своих избирателей особые «наказы», то есть мнения и предложения для выработки нового свода законов. Работой в комиссии депутаты должны были создавать видимость полной гармонии интересов населения всей страны, продемонстрировать Западной Европе единение русского народа с правительством, создать впечатление, что казна и «просвещенный» монарх заботятся о народе и стараются облегчить его положение, увести трудовое население страны от активной борьбы с крепостнической властью. Ставка была на расширение и углубление традиционного социального сотрудничества низов с властью и царистские иллюзии.

Именно эти классовые задачи лежали в основе социальной демагогии Екатерины II, ее жонглирования буржуазными по своей сути просветительскими идеями. Формальное обращение к этим идеям должно было замаскировать крепостнический характер российского царизма (см. **Белявский М.Т.** Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М.: Изд-во МГУ, 1965. С. 94–99). Поэтому затея с Уложенной комиссией почти ни к чему не привела. Правда, немка-императрица получила полное представление о том, чего хотят ее подданные.

18 декабря 1768 года под предлогом войны с Турцией она была распущена.

Наказ из Красноярска – один из 18 наказов сибирских городов в Уложенную комиссию 1767 года. В его составлении приняли участие не все жители Красноярска, а торгово-ремесленные слои города и уезда. Их предложения правительству носили конкретный и узкосословный характер. Купцы, цеховые и посадские ведут речь лишь о своих специфических тяготах и нуждах, которые не прочь переложить на крестьян и торгово-ремесленное население других городов. В этом ярко проявилась ограниченность миропонимания людей феодальной эпохи, противоречивость их социальной природы, обусловленная тем, что они в основной своей массе были одновременно тружениками и мелкими собственниками.

Некоторые советские (акад. Н.М. Дружинин) и современные историки (А.Б. Каменский) и литераторы необоснованно идеализируют прагматичную Енатерину II, считая, что она искренне пыталась ввести в жизнь идеи европейских просветителей, но натолкнулась на дружное сопротивление косного дворянства и скрипя зубами уступила им. Однако ее реальная политика в большом и малом привела к золотому времени для российского дворянства и, наоборот, для крестьянства – к почти полному совпадению крепостничества с рабством.

2. Полностью он назывался «Манифест об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов». Этот указ вместе с окончательным текстом «Положения, откуда депутатов присылать» определял цели комиссии, количество и порядок выбора депутатов от различных категорий населения, порядок составления наказов для депутатов, привилегии, установленные для них.

3. Жители каждого уездного города, в котором было свыше 50 домов (приписанные к нему, но жившие в сельской местности, входили в их число), выбирали одного депутата. Им мог быть всякий хозяин свыше 25 лет, «действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел в том городе имеющий». Во время работы комиссии городовому депутату было положено 122 руб. годового жалованья. В 11-м пункте указа перечислялись преимущества депутатов: «во всю жизнь всякий депутат свободен, в какое бы прегрешение ни впал: 1) от смертной казни; 2) от пыток; 3) от телесного наказания.

Понеже все депутаты суть под собственным нашим охранением, того для без конфирмации нашей никакой суд в замене вышеупомянутых трех статей, до их особы касающейся, во всю жизнь их не должен исполнить без доклада нам и дожидаться на то нашего приказания.

Имения их ото дня выбора всякого депутата освобождаются от конфискации во всех случаях, кроме как за долги.

Кто же на депутатов, пока Уложение сочиняется, нападет, ограбит, прибьет или убьет, тому учинить вдвое против того, что в подобных случаях обыкновенно.

Дабы члена комиссии об Уложении узнать можно было, то носить им всем знаки одинаковые, к тому от нас определенные, которые во всю жизнь их им остаются».

Депутату разрешалось «сдать свое полномочие и наказ», при этом жалованье и все преимущества автоматически переходили его преемнику. Депутат от Красноярска Ерлыков, о котором не удалось отыскать сведений, по неизвестным причинам передал свои функции К. Попову (см. **Покровская И.М.** Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 года как исторический источник // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 83–96; **Белявский М.Т.** Указ. соч… С. 366).

4. Посылки в другие города для сбора таможенных пошлин, продажи соли, вина, несения различных других служб, связанных с денежными платежами местных посадских, были старинной тяжелой натуральной повинностью. Эта специфическая узкосословная служба русского посада была отменена городской реформой 1775 года.

5. О содержании местных служб см. № 80.

6. Расходы по городскому самоуправлению, которые подробно расписали красноярцы, издавна лежали на посадских мирах. Этот «денежный расход» входил в так называемые мирские суммы, которые ежегодно раскладывались, исходя из имущественного положения, между городскими и сельскими купцами, посадскими и цеховыми. Мирские расходы значительно превышали прямые налоги.

Распоряжение Главного магистрата с 1764 года употреблять на нужды городского самоуправления часть собираемых в городах сверх казенного оклада питейных денег мало что изменило, так как в таких небольших городах, как Красноярск, сверхокладные «приборные» суммы были незначительными.

7. В Сибири из-за значительной протяженности Московского тракта и огромных пространств расходы на почту и подводную гоньбу были весьма обременительными. На торгово-ремесленное население городов Восточной Сибири их возложили в связи с окончательным устройством Московско-Сибирского тракта. Горожане содержали за свой счет 4 почтовых лошади и давали так

называемые обывательские прогонные подводы городской администрации до ближнего подчиненного ей присуда. Подсудные городу, но жившие в притрактовой полосе посадские несли дополнительные расходы, так как проходившие по Московскому тракту казенные команды брали подводы во всех ближних селениях, не разбирая сословной принадлежности их обитателей.

Стремление красноярского мира сложить с себя новые, связанные с трактом расходы вызывало постоянные нарекания местных крестьян, которые обслуживали дорогу с момента ее учреждения. Крестьяне особенно настойчиво выступали за то, чтобы на сельский торгово-ремесленный люд, который мало чем отличался от земледельцев, распространили все крестьянские повинности и платежи (см. **Быконя Г.Ф.** Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. // Из истории Сибири. Красноярск, 1971. Вып. 4. С. 24, 33–34).

Последний, четвертый пункт наказа как раз отражает позицию красноярского посада по этому вопросу. Этот пункт был важен для них, так как каждые два из 3-х представителей торгово-промышленного сословия Красноярского уезда жили не в городе, а в деревне. Важо отметить, что просьба снять по существу арендную плату за землю мотивировалась не интересами торгового земледелия, а тем, что доходы от земледельческих занятий давали основнную часть их бюджета. Это было типично для русского и позднефеодального города.

8. Судя по количеству подписей, в выборе депутата и составлении наказа приняло участие всего 4,6 % числившихся по городу торгово-ремесленных людей. А их числилось по III переписи 2014 ревизских душ. Если же исходить из содержания наказа, то его, вероятно, обсуждали во всех 13 присудах-станках уезда и в самом городе.

№ 61. 1769 г. – ИЗ ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА[1]

Приход соборной церкви

Протопоп Алексей Михайловский, 45 л., ж(ена) Евдокия Гаврилова, 39 л. Вскормленники их[2] – Михаил, 11 л., Стефан, 5 л.,

Параскева, 19 л., Ефросинья, 4 г.. Работники у нево – посадский Петр Львов Карпов, 24 г., сестра ево дивица Татьяна, 29 л.

Священник Алексей Никитин Тоболкин, 27 л., жена ево Евдокия Алексеева, 26 л., дети их – Василей, 5 л., Марья, 4 г., Агрепина, 2 г. Дед ево престарелый священник Михаил Григорьев Пушкарев, 87 л., жена Иванова, 85 л. Работница их девица Ирина Михайлова, 17 л.

Жена священника Многогрешных Наталья Емельянова, 57 л., дети ее – крестьяне[3]: Василий, 39 л., Егор, 32 г., Пелагея, 26 л., Анилина, 29 л., Егорова жена Меланья Семенова, 32 г., вскормленники их – Михайло Егоров, 10 л., Евдокея Ларионова, 8 л. Работники-крестьяне Иван Федоров Купов, 35 л., девка Матрена Ивановна, 19 л.

Майор и комендант Петр Иванов сын Тархов, 44 г., жена ево Стефанида Гаврилова, 31 г., дети их – Герасим, 1 г., Анна, 4 г. Сродственница их Федосья Иванова Евсеева, 51 г., дочь ее Лида, 8 л. Дворовые их люди: Михайло Иванов, 41 г., жена его Параскева Дмитриева, 34 г., Кирилле Алексеев, 8 л.

Титулярный советник и воевода князь Иван Яковлев сын Пелымской, 48 л., жена ево Анна Андреева, 48 л., дочь их Анна, 10 л., невеска их Матрена Петрова, 26 л. Дворовые люди: Лукьян Максимов, 66 л., жена ево Ефимия Иванова, 32 г., сын их Иван, 11 л.; Прокопий Федоров Чихачев, 33 г., жена ево Анна Григорьева, 32 г., дети их: Иван, 1 г., Ульяна, 2 г., Фекла, 11 л.; н. б. Семен Абрамов Амидкин, 65 л.; Потап Дмитриев, 48 л., жена ево Ирина Иванова, 40 л., дочь их Елена 9 л.; Тимофей Матвеев сын Потылицин, 36 л., жена ево Матрена Фомина, 36 л., дети их: Иван, 10 л., Ирина, 6 л.; Иван Ефремов сын Обухов, 31г., жена ево Агафья Стефанова, 31 г., дети их: Анисья, 10 л., Федора, 6 л.; Петр Семенов Березкин, 25 л.; Михайло Андреев Сафьянов, 26 л., жена ево Наталья Иванова, 24 г.; Леонтей Иванов Богомолов, 35 л., жена ево Маремьяна Петрова, 31 г., дочь их Евдокея, 11 л.; Марко Иванов, 21 г.; вдова Марья Семенова, 27 л.; девки: Анна Андреева, 40 л., Евдокия Сидорова, 31 г., Екатерина Стефанова, 19 л.

…Вдова бывшего подьячего Семена Елисеева жена Матрена Васильева, 54 г., зять ее, казак Прокопий Трифонов Толщин,

30 л., жена ево Анна Семенова, 19 л.; у нее на квартире канцелярист Константин Данилов Клементьев, 41 г., дворовой ево человек Иван Иванов, 47 л.; канцелярист Иван Иванов Козлов, 47 л., жена ево Дарья Иванова, 42 г.

…Подканцелярист Петр Петров сын Кобяков, 20 л., мать ево Наталья Васильева, 48 л., дети ее: Иван, 11 л., Настасья – 12 л., работник их поселенный Евдоким Васильев 47 л.

Дворянин Матвей Трофимов сын Толщин, 33 л., жена ево Татьяна Матвеева, 31 л., дети: Екатерина, 11 л., Наталья, 7 л., брат ево родной Иван, казак, 29 л., сродственницы-дивицы: Матрена Семенова, 45 л., Стефанида Тимофеева Рудакова, 29 л. Работник ево, крестьянин Григорий Салтанов, 30 л.

Дворянин Петр Иванов Суриков, 29 л., жена ево, Ирина Федорова, 27 л., дети их: Петр, 5 л., Агрипина, 8 л. Работник ево, крестьянин Федор Терентьев Потылицын, 30 л., жена Мавра Иванова, 39 л.; девка Дарья Андреева Зубова, 19 л.

Дворянин Алексей Трофимов Толщин, 25 л., жена ево Татьяна Яковлева, 28 л., теща ево вдова Мария Максимова Бастрыкова, 52 л., сын ее Семен, 11 л.

Дворянин Иван Николаев Пушкарев, 26 л., жена Анилина Егорова, 23 л., мать, вдова Дарья Андреева, 64 л., дочь ее, вдова, посадская жена Настасья Винокурова[4] 41 л., подворница, вдова, казацкая жена Федора Семенова Метелькова, 57 л., вскормленник ее крестьянин Иван, 21 л., мать ее Анна Петрова, 87 л.

Дворянин Петр Иванов Кручинин, 41 л., жена Евдокия Васильева, 31л., пасынок ево Антон, 3 л., н. б., отец ево, отставной казак Иван Иванов, вдов, 71 л., вскормленница, девка Евдокия 8 л.

Дворянин Никита Григорьев Ермолаев, 45 л., н. б. (за нерачением), жена Наталья Евтихеева, 45 л., дети: Илия, 11 л., Василий, 9 л., Василий, 5 л., н. б.; подворник, ссыльный Иван Михайлов Стронко, 71 л.

Сын боярский Яков Иванов Спиридонов, 52 л., жена Домна Семенова, 43 л., дети: Стефан, 12 л., Анна, 17 л., Ефросинья, 8 л., отец ево, крестьянин Иван Стефанов, 84 л.

…Отставной казак Иван Деменьев Скварский, 66 л., жена Маремьяна Михайлова, 46 л., дети: Лаврентий, 46 л., Тимофей, 35 л.,

Петр, 27 л., Лаврентий, 10 л., Федосия, 18 л., Наталья, 12 л.; Лаврентьева жена Наталия Иванова, 45 л., дочь Федосея, 10 л.; Тимофеева жена Софья Семенова, 25 л., дочь Екатерина, 8 л.

Отставной казак Алексей Никифоров Лалетин, 68 л., жена Евдокия Федорова, 72 л., сын их Иван, 35 л.; жена Настасья Семенова, 33 л., дети: Василий, 9 л., Параскева, 6 л., Евдокия 4 л., н. б.

…Бургомистр Ефтефей Романов Кузнецов, 44 л., н. б. (за нерачением), жена Федосея Афанасьева, 33 л., дети: Иван, 21 л., Яков, 17 л., вскормленник, незаконнорожденный Михайло, 11 л.; зять ево, посадский Иван Суворов, 25 л., жена Анисия, 24 л.; работник, посадской Дмитрий Максимов Свинской, 24 л., жена Федосея Федорова, 25 л., дочь Федосея, 5 л.; подворник, посадской Севастьян Пашня, 40 л.; вдова Мария Григорьева Налабардина, сын ее Тимофей Герасимов, 26 л.

…Отставной казак Афанасий Ильин Бугаев, 42 л., жена Параскева Иванова, 38 л., сын Василий, 6 л., вскормленник их Дмитрий, 8 л.; подворница, вдова Марья Яковлевна Урванова, 41 л. Отставной казак Иван Федоров сын Калашников, 57 л., жена Настасья Прокопьева, 57 л., зять, посадский Тимофей Иванов Крылов, 22 л., жена ево Параскева Иванова, 22 л. На подворье: крестьянин Дмитрий Иван Степанов, 68 л.; Григорий Иванов Проскуринов, 41 л.

…Отставной казак Григорий Федоров Калашников, 69 л., вдов; сын Илья, 35 л., жена Анна Ивановна, 33 л., дети: Ирина, 5 л., Авдотья, 2 л.

…Отставной казак Василий Иванов сын Суриков, 71 л., сын ево Петр, отставной солдат, 41 л., жена ево Александра Федорова, 47 л., сын их Степан, 22 л., Иван, 17 л., Анилина, 12 л., Евдокея, 7 л.; Степанова жена Евдокия Петрова, 26 л.

…Посадский Михаил Иванов Тюрепин, 26 л., жена Христина Дмитриева, 30 л., дети: Иван, 8 л., Стефан, 2 л., н. б., брат Григорий, 20 л., сестра дивица Александра, 31л.; вскормленницы их: Параскева Федорова, 22 л., Евдокия Федорова, 12 л.; на подворье отставной матрос Алексей Федоров Попов, 72 л.

…Крестьянин Михайло Евстратьев Быкасов, 47 л., жена Ирина Кононова, 30 л., дети: Андрей, 16 л., Евдокия, 23 л., брат ево

родной Петр, 44 л., Павел, 34 л.; Петрова жена Евдокия Андреева, 41 г., дети: Петр, 14 л., Осип, 12 л.

…Енисейский крестьянин Петр Титов сын Сокольников, 63 л., жена ево Федосья Петрова, 39 л., дети: Петро, 9 л., Семен, 2 л., н.б., Катерина, 22 л., Катерина, 18 л., Фекла, 8 л.

На подворье енисейского посадского Федора Долгова жена Настасья Степанова, 40 л., дети: Егор, 17 л., Николай, 5 л., Анна, 13 л., Марья, 6 л.

Покровского прихода

Священник Покровской церкви Григорий Федоров Ошаров, 64 л., жена Параскева Ильина, 68 л.; невестка и вдова посадская жена Наталья Иванова, 34 л., дети ее: Семен, 17 л., Иван, 14 л., Пелагея, 19 л.,

…Крестьянин Федор Алексеев Юшков, 50 л., жена Фекла Прокопьева, 35 л., сын Михайло, 13 л.; работник Федор Федоров Шелков, 56 л., жена Домна Симонова, 40 л., дети: Григорий, 9 л., Андрей, 2 г., н.б.

…Казак Данило Борисов Вычуженин, 51 л., жена Марфа Тимофеева, 47 л., дети: Павел, 27 л., Матвей, 20 л., Осип, 19 л., Петр, 16 л., Пелагея, 12 л.; Павлова жена Анна Яковлева, 30 л., сын Яков, 3 л.

…Вдова Настасья Савельева Юшкова, 68 л., сын Иван, 37 л., жена Пелагея Егорова, 35 л., дети: Степан, 16 л., Иван, 11 л., Козма, 10 л., Иван, 6 л.

…Иван Яковлев сын Юшков, 50 л., жена Наталья Алексеева, 42 л., дети: Андрей, 25 л., Иван, 20 л., Алексей, 14 л., Федор, 10 л., Фекла, 26 л.; Андреева жена Евдокия Кондратьева, 24 л. …

ГАКК. Ф. 592. Оп. I. Д. 26. Л 1–50.

Комментарий

1. Исповедные росписи составлялись священниками по приходам ежегодно и отправлялись в Тобольскую духовную консисторию. Это был своеобразный отчет священнослужителей о своей работе по религиозному воздействию на прихожан. Показателем служил факт ежегодного присутствия или отсутствия у исповеди и «святого причастия» всех православных, начиная с семилетнего возраста.

Сведения подавались по специальной форме. Каждый лист делился ка 4 вертикальные колонки, где указывалось наличие двора, фамилия, имя, отчество главы семьи, ее членов и прочих обитателей каждого двора, социально-сословная принадлежность и возраст, присутствие или отсутствие на исповеди и, наконец, причины неявки на нее. Не бывшие на исповеди нами показаны «н.б.».

2. Бездетные семьи обычно брали вскормленников. Ими были незаконнорожденные, которых, как правило, подбрасывали к церквям, либо дети умерших родственников. Рожденных вне брака было довольно много в тогдашней Сибири. Их общественный статус был невысоким. Как правило, они мало чем отличались от дворовых людей. Только со второй половины XVIII века центральная власть пыталась несколько смягчить отношение к ним общественного мнения и открыла «сиропитательные приюты».

3. Детей священников и других членов церковного клира, которые не были готовы или не хотели унаследовать занятия и сословный статус отцов, записывали в податные сословия.

4. Случаи, когда брат был дворянином, а сестра женой посадского были широко распространены в Сибири. Сословные рамки у населения этой восточной окраины России не были жесткими. Социальное происхождение верхушки сибирского общества было очень пестрым. Отцы дворян и детей боярских были казаками и даже крестьянами. В одном дворе подчас жили близкие родственники, относящиеся к различным сословным группам. Слабая сословная дифференциация сказалась и на составе мужских и женских имен. Так, самые распространенные в городе женские имена Евдокия, Анна, Параскева, Марья и Ирина встречаются относительно равномерно у духовных, военных, посадских и крестьян. То же самое наблюдается и с самыми частыми в Красноярске мужскими именами – Иван, Василий и Федор. Общая бедность мужского и женского именника Красноярска (в среднем 9 из 10 мужчин и 18 из 20 женщин носили одинаковые имена) тоже говорит о демократических истоках формирования городского населения и о слабой вычлененности в нем господствующей прослойки.

№ 62. 1769 г., октября 20. – ИЗВЕСТИЕ КРАСНОЯРСКОГО ЗАКАЗЧИКА МИХАЙЛОВСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ЕПИСКОПУ О ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОГО СОБОРА НА СТРЕЛКЕ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ СТРОИТЕЛЯ СОКОЛЬНИКОВА

Великому господину преосвященному Варлааму, епископу тобольскому и сибирскому, от Красноярского заказщика, протопопа Алексия Михайловского.

Покорнейшее известие.

По присланному Ея Императорского Величества указу ис Тобольской духовной консистории от 10 сентября, а мною полученном октября 16 числа сего 769 года, велено против приобщенной при том указе с поданного вашему преосвященству от церковнаго подрядчика Петра Сокольникова доношения об отменении ево от той церковной работы, якобы о взятках с него мною против всего того доношения прислать к вашему преосвященству справедливое известие и притом приложить с подрядным ево, Сокольникова, писем копии, и во исполнение онаго указу, а против доношения означеннаго Сокольникова сим вашему преосвященству в покорности моей доношу.

(1-е). В прошлом 759-м году означенный Сокольников по многой ево тогда прозбе к строению каменной в городе Красноярску церкви подряжен был бывшим тогда церковным старостою Леонтием Пороховщыковым с приходскими людьми за договорную цену, о чем и в данной от него, Сокольникова, обязательстве значит имянно и ту каменную церковь он, Сокольников, работать начал, и работа ево оказалась неисправная; так что в наперво под ту церковь стеновой бут без заливки извескою, кроме засыпки одного песку, осел, а потом и стены кладены по малости извески, употребляя толко для свого прибытка много песку, разорвались, коих стен работа вступившим после ево, Сокольникова, в работу отставным солдатом Иваном Аргамацким свидетельствована принародно, разгребанием лопатами, ибо кирпич и песок нимало не скипелись и явились весма неисправною и впредь ненадежною, и по такому ево, Сокольникова, неискусству старостою церковным и с воеводою Пелымским с приходскими людми отрешен от той церковной работы, а не мною подлинно. Да сверх того и потому, что он

стал выдаваемые денги и материалы, принадлежащие к церковному строению, употреблять на свои пропои и домашние надобности, в чем и признан, яко то в покупке дому себе за пятдесят рублев и с тех церковных денег, кои ныне у ево, Сокольникова, в наличии имеется, а ко окончанию той каменной церкви подрядили другаго к тому знающего искуство мастера, отставного солдата Ивана Аргамацкого, который ту ево, Сокольникова, работу негодную насколько видно и поправил, но вскоре после того волею божиею помре, и потому оная церковь по неисправной Сокольникова работе и по умертвии мастера Аргамацкого осталась без строения по нынешней 769 год. А сего 769 года, чтоб оная церковь без окончания оставлена не была паки, подряжен знающий к тому искуство и рекомендован енисейскими хорошими людми мастер, енисейской экономической крестьянин Савин Паклин, которой как не токмо я, но и все градокрасноярские обыватели засвидетельствовать могут, в той работе исправен так, что обоих показанных прежних подрядчиков Сокольникова и Аргамацкого произойти в том искустве может. А что Сокольников в поданном на меня вашему преосвященству доношении показал, якобы я ему от работы церковной отказал без всякого ращету, то им я обнесен напрасно, ибо действительно оказалось, что со оным Сокольниковым ращет учинен был помимо меня, причем был города Красноярска воевода Пелымской и прочие здешние хорошие люди, которой Сокольников под тем ращетом и подписался, с тем, чтоб забранные им, Сокольниковым, напрасно деньги, не заработав, двести пятдесят пять рублев семдесят две копейки обратно в церковь заплатить, но и по днесь оные с него не взысканы, для чего к подлинному вашего преосвященства разсмотрению подлинные, как показанного Сокольникова, так и протчих подрядчиков, подрядные письма и ращет Сокольникова при сем представляю для лутчаго вероятия, с коих здесь оставлены точные копии. Что ж он, Сокольников, показывает, яко для засвидетельствования ево, Сокольникова, искусной работы посылано было в Енисейск, чтоб якоб енисейскими лутчими людми и засвидетельствовано, то он, Сокольников, показывает напрасно, ибо того никогда чинено не было, в чем и енисейские честные люди засвидетельствовать могут.

(2-е). Вышеозначенного ж 759 года, когда показанному Сокольникову от той церковной работы красноярской воевода Пелымской и церковной староста с приходскими людми отказали, тогда приходил ко мне показанной Сокольников в дом и просил, чтоб я прихожан перепросил, дабы ево, Сокольникова, еще к той церковной работе допустили, а другаго не наймывали, за что мне без всякой от него прозбы и чинимаго принуждения, обещал добровольно сто рублев и с коих и отдал наперед пятдесят рублев, а в пятидесяти рублях письмо или вексель мне он, Сокольников, давал ли, то я за долгопрошедшим временем не упомню, денги же пятдесят рублев мною взяты от него, Сокольникова, для того только, чтоб они по забранию им, не заслужа напрасно, без взыскания не остались, которые я тогда ж при щете ево, Сокольникова, воеводе Пелымскому и церковному старосте с приходскими людми объявил, чтоб они за него, Сокольникова, заплатить. Ежели б же, ваше преосвященство, те денги или и в других пятидесяти рублях вексель или письмо мною взяты были насильно, то б он тогда, когда ему воеводою и старостою с приходскими людми щет был чинен, о том выговаривать должен, в чем он, что я только пятдесят рублев от него получил добровольно, а не принуждением, сам и подписался, печь же муравленую малинкую одностенную он, Сокольников, мне зделал по договору, за которую я ему и денги восем рублев отдал, ибо хотя и ныне от вашего преосвященства кому засвидетельствовать поверено будет, что оная пятнадцати рублев стоить не может. Он же, Сокольников, тем манером и у протчих красноярских обывателей печи клал таковые по восьми рублев.

(3-е). Кирпичей же не точию пяти тысяч шестисот, но и одного мне он, Сокольников, не делал, да хотя же и делано им то число было, и то все показано напрасно, ибо здесь, в Красноярске, кирпич делается тысяча не по три рубли, но по рублю по пятидесят и по рублю ж по сороку копеек, да и он, Сокольников, в каменную церковь на строение кирпича тысячю становил в зачет означенных забранных им денег по рублю по сороку копеек, в чем и под ращетом подписался и о той ево, Сокольникова, справедливости из вышеписанного объяснения и с посланных церков-

ных подрядчиков писем и ево, Сокольникову, щету, ваше преосвященство разсмотреть соизволите; да и ево, Сокольникова, состоянии засвидетельствовать могу по справедливости: во многих бывал розысках и с вырезанием ноздрей в Сибирь прислан вечно в ссылку, коему и верить не должно…

Вашего преосвященства всенижайший раб, протопоп Алексий Михайловский.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 25. Л. 352–353.

Комментарий (см. № 52, 62)

Приведенные материалы позволяют судить об обстоятельствах строительства и первоначальном архитектурном облике ныне не существующего первого каменного здания Красноярска – Рождественского (позже Воскресенского) собора на Стрелке. Неоценимы эти сведения для выявления существовавших в то время приемов и порядка церковного строительства.

Рождение каменного зодчества в Красноярске было длительным и трудным процессом. У его истоков стояли каменного дела мастера из Енисейска. Судя по сословной принадлежности строителей Рождественского собора (разночинцы, посадские, экономические крестьяне), в городе уже сложились местные кадры этого важного ремесла. Артельный порядок строительства каменного собора уходит своими корнями еще в Древнюю Русь. В различных формах он применялся везде, где требовались значительные трудовые усилия и средства (строительство и эксплуатация солеварен, мельниц, сооружение деревянных церквей, каменных зданий и судов). Эта форма производственной деятельности называется «простой кооперацией». Она является предтечей крупного мануфактурного производства, но может многие столетия существовать без особых изменений.

Церкви во многом были плодом коллективного творчества. Собрания прихожан обсуждали, утверждали и нередко пересматривали представленный строителем и подрядчиком проект сооружения и смету расходов. Церковный староста как выборный глава прихожан и представитель их интересов контролировал ход строительства. Широкие права приходского мира объясня-

ются тем, что сооружение церквей, так же как и содержание их причта, лежало на плечах самих прихожан. Поэтому люди хотели знать, куда и как расходуются их деньги. Правда, вмешательство прихожан, желавших при всем прочем нести поменьше расходов, нередко препятствовало строителю или подрядчику в полной мере реализовать свой замысел.

Первый строитель собора Петр Титович Сокольников (1706–?) перевез из Енисейска свою семью – жену Федосью, сыновей: Петра, 9 лет, двухлетнего Семена, и трех дочерей. По исповедной росписи 1769 году, в его доме, купленном на собранные для постройки собора деньги, еще жила работница – вдова енисейского посадского Настасья Долгова с двумя сыновьями (Егором, 17 лет, и пятнадцатилетним Николаем) и двумя дочерьми (см. № 52, 61). После отстранения от строительства Сокольников остался в городе, пытаясь обвинить в десятилетнем долгострое и растрате общественных денег протопопа Михайловского. Это ему не удалось, и собор достроил упоминаемый в документе крестьянин Паклин.

Злоупотребления при строительстве собора были допущены и при отливке колокола. Подряд на эту работу в 1769 году получил томский цеховой Савельевский. Когда отливку освободили от формы, то выяснилось, что у колокола нет «ушей» и «сковороды». Оказывается, из приготовленной меди кто-то украл 10 пудов (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 25. Л. 238–250, 376–377).

№ 63. 1769 г., декабря 5. Тобольск. – ОТВЕТ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ НА ПРОСЬБУ КРАСНОЯРЦЕВ О СООРУЖЕНИИ ЧАСОВНИ НА «СОПКЕ» – КАРАУЛЬНОЙ ГОРЕ

Указ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссийской из Тобольской духовной консистории Красноярскому духовному правлению.

По указу Ея Императорскаго Величества Тобольская духовная консистория, слушав представленного к его преосвященству репорта, коим на посланной из консистории указ объявлено, на состоящей де от города Красноярска в версте горе сопке, тамошния красноярския жители для крестнаго хождения желают поставить крест святый и покрыть хорошим строением наподобие часовни,

и быть бы оному хождению дважды (в лете) июня 2 и сентября 14, а понеж из того ис репорта усмотрено, что около оной сопки никакого жила не имеется, за то указом вновь часовни строить запрещено. Того ради, с доклада его преосвященству приказали: послать в Красноярское духовное правление указ с тем, чтоб на оной горе, сопке, часовню не строить, и крестного хождения туда не иметь, а иметь оное хождение от соборной Преображенской церкви, впервые – августа 30, как в протчих местах бысть на реку хождение для водосвящения; во-вторых, – октября 30 от оной же соборной Преображенской к приходской Покровской церкви.

А впредь о построении на оной горе, сопке, часовни прозбами не утруждать, и Красноярскому духовному правлению чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу.

Архимандрит Михаил Никита Протопопов. Софийский секретарь Василий Андроников

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 25. Л. 468–468.

Комментарий (см. № 65)

№ 64. 1770 г., сентября 13. Томск. – ПОКОРМЕЖНЫЙ ПАСПОРТ ЯРЕНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА ЛОЖКИНА

По указу Ея Императорского Величества и по опубликованному в народ плакату. Отпущен нижеподписанной в работу для прокормления с покормежной, которая явлена и оставлена при подушном зборе и в книгу записана под нумером (1466) и с сим отпуском вольно ево до срочного означенного в сем пропуску числа в наймах и в работах держать, а по срок явиться в доме своем и более нигде не жить, и никому не держать под таким подтверждением, как в плакате изображено. Сия покормежная за подписью города (Томска) воеводы и обретающагося у подушнаго у офицера и за печатью воеводской канцелярии дана (с сентября за десять третьего дня до 1770 года тысяща семсот семдесятаго года) по силе правительствующаго Сената майя от 23 и 29-го чисел 1762-го года указов, по определению Томской воеводской канцелярии, а по прошению города Яренска Шекомской волости Нестера Яковлева сына Ложкина для собрания зарабо-

танных с хозяев, у которых он работал, и собственно данных им разного чина людем долговых денег, и между тем прокормлении работою в сибирские города в Ыркуцке тако ж и к Яренскова ведомства в разные ж места с вышеписанного числа впредь на три года, токмо далее тово срока никому в работу ево не принимать, а высылать его в город Яренск под опасением задержания… срока по указам штрафа и высылки на коште держателя. А ростом он дву аршин четырех вершков с половиной, волосом рус, лицом гладок, глаза серые, нос прям, двадцати трех лет).

Воевода Николай Капрев. Секретарь… Канцелярист Михайло Лаптин.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 172.

Комментарий (см. № 66)

№ 65. 1772 г. ПРОШЕНИЕ ОТСТАВНОГО КРАСНОЯРСКОГО ДВОРЯНИНА М. ТОЛЩИНА В ТОБОЛЬСКУЮ КОНСИСТОРИЮ О РАЗРЕШЕНИИ ПОЧИНИТЬ КРЕСТ НА КАРАУЛЬНОЙ ГОРЕ И СОХРАНЕНИИ К НЕМУ КРЕСТНОГО ХОДА

В прошлых давных годех… при заведении города Красноярска предками нашими, того города старожилами, на состоящей близ оного над речкой Качей горе, в тогдашнее военное время по опасности чинимых, от живущих тогда в ведомстве Красноярском киргизцов, неприятельских набегов и тем нашим предкам несносных разорениев, а по взятии в плен ругательства, мучения и других бедствиев по обзорности места во-первых, на той горе содержан был отъезжей караул, а потом, как те неприятели совсем разорены и под высокодержавную власть всероссийской империи взяты, и в том городе просвещение и тишина зделалось, то в память всех тех бедственных произшествий по принесении Всевышнему Богу благодарственного молебствия на той горе поставили крест Христа Спасителя, и в каждый год по два раза в самыя дни избавления, то есть после святыя Пасхи в девятую неделю и сентября 14 числа в день воздвижения честного креста господня по церковному чиноположению имели крестное хождение. А ныне тот поставленный на горе крест пришел во обветшание…

ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. 1772 г. Д. 23. Л. 3–4; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1990. С. 144.

Комментарий (см. № 62, 63).

Борец за сохранение исторической памяти красноярцев Матвей Трофимович Толщин (1736–?) происходил из потомственных казаков. В его семье брат Иван продолжал служить рядовым казаком. Тот факт, что помимо жены Татьяны и дочери в его доме жили три родственницы, позволяет считать Толщина добрым, милосердным человеком. Судя по намерению за свой счет починить обветшавший крест и обнести его оградой «по обещанию»-обету, он являлся глубоко религиозным человеком. Средства же на это у Толщина имелись. Ведь у него имелся в работниках крестьянин Григорий Салманов (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 5 об.; Док. № 61).

Важно подчеркнуть, что данные документы неопровержимо свидетельствуют, что крест в память о боевом прошлом города был поставлен давно и в память о двойном чудесном его избавлении от гибели дважды ходили крестным ходом к нему. Показательно, что делали это «казаки и протчие граждане без указу, самопроизвольно, по одному их обещанию». Поэтому в 1769 году Тобольская консистория запретила эту религиозную форму проявления исторической памяти красноярцев. Однако горожане не уступали. Мало того, М. Толщин через три года, в 1772 году, обратился к тобольскому митрополиту Варлааму с просьбой разрешить ему «по обещанию» починку обветшавшего креста, обнести его оградой, а также дать указ местному духовному правлению не препятствовать крестному ходу в память подвига предков. Варлаам отказал, следуя инструкции Синода о жесткой регламентации крестных ходов, поклонения крестам и местным святыням. Но красноярцы не подчинились церковному бюрократизму и продолжали, правда, уже один раз в году, крестным ходом и молебном поминать своих предков, которые от «чинимых… киргизцами неприятельских набегов… терпели… несносные разорения, а по взятии в плен – ругательства, мучения и другие бедствия».

№ 66. 1773 г., сентября 3. – РАПОРТ О СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ЯРЕНСКИХ КРЕСТЬЯН ЛОЖКИНА И ВОРСИНА

В силу присланного Ея Императорского Величества в оной ратуши к цеховым делам указу городу Яринска крестьяне Нестор Яковлев Лошкин, Герасим Петров Ворсин нами свидетельствованы и сподлинно по показанию с плотнишнова ремесла достаточны, также и Красноярского ведомства в селе Подсосенским собственныя свои домы имеют, и мы обще собою их в красноярской цех принять согласны, чего ради с ними в Красноярской ратуше во изъявление и (подали. – *Г.Б.*) рапорт августа дня 1773 году.

К сему репорту Федор Уластьев руку приложил. За цеховых Бориса Улыбина, Семена Дондина, Трифона Воробьевского, Василия Кулижникова, Гура Губина копеист Иван Кулижников руку приложил.

К сему репорту просьбою Егора Белянина, в купечестве Алексей Александра сын Свешников, руку приложил.

К сему репорту Андрей Логинов руку приложил.

К сему репорту Павел Сколков руку приложил.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 176.

Комментарий (см. № 64, 66)

Все прибывавшие в Красноярск, как и в другие сибирские города, обязаны были предъявить подобный паспорт. Этот документ помогал властям контролировать в налоговых целях все территориальные перемещения тружеников. Он выдавался сроком от одного до трех лет за плату от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Покормежный паспорт служил одновременно удостоверением личности и поэтому содержал словесный портрет владельца. До второй половины XVIII века он был рукописным, а затем были отпечатаны специальные бланки паспортов. Отмеченный скобками текст документа как раз представляет собой рукописные вставки в печатном бланке паспорта.

В малонаселенной Сибири не практиковали высылку на родину просрочивших свой паспорт покормежников. Поэтому очень часто покормежный паспорт использовали для ухода

на законных основаниях в Сибирь или для передвижения внутри нее. Осевший на новом месте и записанный в податные списки покормежник сдавал свой паспорт местным властям, которые сообщали об этом на его прежнее место жительства для «выключки», т.е. исключения его в новую ревизию из прежних ревизских книг.

Вот почему паспорта Ложкина и его земляка Ворсина оказались в делах Красноярской городовой ратуши и дошли до нашего времени. Эти поморские крестьяне через 9 лет после ухода из дома, поработав в Томском и Барнаульском уездах, осели в селе Подсосенском Красноярского уезда, где заимели дома и семьи. 1 августа 1773 года они подали прошение в ратушу Красноярска о записи их «по плотничьему мастерству в цех». Два ратмана велели всем красноярским цеховым собраться в земской избе и освидетельствовать Ложкина и Ворсина, «подлинно ль они у себя жен и собственныя свои домы имеют и плотнишное ремесло». На следующий день 13 цеховых подали «за общим рукоприкладством репорт», что у Ложкина и Ворсина «плотнишное ремесло достаточное» и их можно принять в цех (см. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 452–454, 456–458, 467).

Таким образом, оставаясь жить в селе, пришлые крестьяне перешли в состав подчиненного городским властям цехового населения. Такая практика, когда часть городской тяглой общины живет в сельской местности, была широко распространенной в Сибири. Это приближало ремесленников к источникам сырья, к рынкам сбыта или заказчикам, помогало точнее учитывать колебания спроса на количество и номенклатуру ремесленных изделий.

Показательно, что, в отличие от обычных западноевропейских цехов, все цеховые, среди которых были не только плотники, коллективно решали прием в свой сословно-функциональный разряд новых членов. Это говорит о сохранении традиционной круговой поруки.

№ 67. 1771–1773 гг. – ИЗ ЗАПИСОК П.С. ПАЛЛАСА О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРАСНОЯРСКА И ЗАНЯТИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ[1]

Красноярский уезд в длину и ширину почти на 600 верст простирается, но при всем том немногим более 15 000 народу мужеска полу имеет, в коем числе и три тысячи татар и других сибирских народов, никаких полей не имеющих, а одною звериною ловлею питающихся, полагаются. Однако же, что до других уездов касается, далее к востоку лежащих, то Красноярск числом жителей пред ними еще может иметь преимущество. Но если кто вспомнит, что нет почти двухсот лет, что Сибирь столько многолюдна была, как и Северная Америка, и столь же неизвестных степей имела, тот удивится, глядя на нынешнее ея состояние, что русских ныне числогораздо превышает собственных ея уроженцов. И справедливо, что как открытие и скорое приведение в высшее состояние сея пространныя, неизвестныя и вовсе дикия земли, даже самаго восточнаго Океана свойству, безстрашию и постоянству Российской нации приписать должно, так наипаче и безпрестанное заселение…

По прибытии моем в Красноярск[2], чем я заключил вторую часть моего путешествия, погода стояла чрезвычайно тихая и приятная, но сколь в полуденной стороне Сибири она непостоянна бывает, столь почти во всех к востоку лежащих гористых землях обыкновенно ясною осенью наслаждаются. Во всем октябре 1771 года хотя разные пасмурные и холодные, однако по большей части приятные и благоразтворенные дни стояли, но жестокие ночью морозы продолжалися безпрерывно, и потому в средине еще сего месяца река Кача замерзла, а на Енисее 22 дня стал лед появляться. В последней же половине октября по большей части бури случались, которыя даже и до 19 ноября с великою жестокостью безпрестанно стояли. Таковым ненастьям Красноярской уезд из году в год столь часто бывает подвержен, что в Сибири, где обыкновенно по гористому ея состоянию ветры чаще и сильнее держатся, нет почти другого места, где бы воздух так был в безпрестанном движении, как здесь. По 18 число ноября было несколько снежно и дождливо, потом легким морозом так закрепило, что 20 дня Енисей весь льдом покрылся[3]. Обыкновенно за быстрым реки течением, сие не прежде случается, как в последней ноября половине, а вскрытие в апреле бывает.

Петр Симон Паллас (1741–1811). Из собрания Эрмитажа

Сибирская зима еще только в декабре и генваре появилась, какая однако здесь редко столь долго и сильно бывает. Термометр в ночи с седьмаго на осьмое число декабря стоял на 196 градус, 9 д. по утру – 194 гр., 10 д. – 203 гр., 11 д. – 209 гр., а 12 д. – 202 гр.; потом переменилась в оттепель. В начале новаго года опять чрезвычайная стужа настала, так что 5 генваря 201 гр., 6-го – 206 гр., 8-го – 212 гр., а 9-го еще 196 гр. термометр показывал[4]. Ужасной северо-западный ветер 19 числа прекратил сию жестокую погоду, а после настали продолжительныя с западу ненастья, кои снега отчасу умножали. Таким образом, зима стояла умеренно и одинаково, только что в конце февраля несколько сильных было морозов, которые после в солнечные теплые дни переменились, отчего по сторонам песчаных здешних гор снегу много стаяло и верхи довольно оголились.

Город Красноярск почти еще таков же, каков был в бытность профессора Гмелина, или очень мало переменился. Кроме собор-

ной церкви, которую каменную строить начали, однако совершить еще не в состоянии, в публичных строениях совсем не прибавился, так как и число обывателей, несмотря на великое разселение по степи, почти ничем не умножилось, и весьма мало хороших купцов, а рукодельных (ремесленных. – *Г.Б.*), впрочем самонужнейших, почти совсем не находится. Может быть, нерадение простых людей и праздники, которые за чрезвычайною дешевизною хлеба и излишком всего к житию потребнаго, бывают главнаю худому приращению сего места причиною: ибо иначе Красноярск к купечеству способнейшее место: все, что российские купцы зимою на торги к китайцам не отвозят, проходит через оной город. Проезжая же чрез Томск, город недалеко отсюда лежащий, множество тут закупают простых соболей и другой в Китай похожей рухляди. От ноября даже до февраля можно видеть многие тысячи обозов, которые, нимало не останавливаясь, проходят через город, потому что хозяева обыкновенно вперед уезжают, чтобы на чистыя деньги заблаговременно закупить все, что из рухляди им ни попадется. Российские товары в Красноярске обыкновенно дороже продаются, нежели в Иркуцке, а китайские посредственною ценою, однако всегда выше настоящаго, понеже росход оных не велик, и только два купца, которые таковые держать в состоянии, и так сии цену накладывают по их обиходу и, можно сказать, себе без урона[5].

Вокруг Красноярска, чем больше урожаю, тем жить дешевле, да я и совершенно уверен, что хотя в благополучной сей империи нет ни одного уезда, где бы на дороговизну жаловаться можно было, однако ни в которой части сего государства земные продукты так дешевы не находятся, как здесь. Едва можно поверить, если скажу, что, как я туда приехал, в городе ржаной муки пуд по две копейки и по пяти денег, пшеничной же по четыре копейки с деньгою и по пяти продавали; мясо от пятнадцати до двадцати пяти копеек пуд, а целого быка за полтара рубли, корову за рубль, рабочую лошадь за три, за два рубли и меньше достать можно; овцы от тритцати до пятидесяти копеек, свиньи же немного дороже. Но в то же время, поелику многия хлеба отправки по Чулыму и Оби, то на Колывановоскресенские горные заводы, то на пограничныя по Иртышу крепости воспоследовали, также

следующею зимою на Чулым, и в городе винокурни, магазейны на казенный кошт завелися; то и цена на хлеб возвысилась, однако рожь не свыше пяти и шести копеек осталась[6].

Итак, из сего можно заключить, сколь велико изобилие в Красноярском ведомстве в хлебе. И хотя правда, что немногие в самом городе покупают, поелику большая часть обывателей своими собственными полями и скотом довольствуются: однако ж недавно заведенное хлебное отправление в северныя по Енисею и в Иркутской губернии находящиеся безплодные места, как и в Сургут и Нарым, довольно могли бы возвысить настоящую цену, если б изобилие сего уезда не было чрезвычайно.

О всеобщем недороде, кроме обыкновенно хорошей жатвы, здесь, не знают и примеру: ибо от посеву рожь летом сам-десята, озимь сам-осьма, а ячмень самодвенатцатой приходит. Пшеница в худые годы обыкновенно сам-шеста, а овес редко не самодвенатцатой приходит. Простая греча, хотя ее и очень мало сеют, но если случится, то по причине доброты земли, где она, как трава, зарастает, не иначе как на обветшалой сеять должно, да и там в двенатцать и пятнатцать крат больше приносит. Повсюду одинакое состояние полей из легкого чернозему по горам и по долинам запрещает употребление здесь более вредного, нежели полезнаго растениям навозу, как то по опытам известно. Однако большая часть оных, если только чрез два года отдыхать составляются, 10 и 15 лет плодоносны бывают. Но если урожай и уменьшится, то довольно для мужика по степи и по нагорью для заведения новой пашни места найдется, что и делают обыкновенно вскоре после летняго посеву. Вспахивают таковое новое поле или залог в начале июля, коренья заборанивают и, в конце того же месяца еще перепахав, оставляют лежать чрез весь июль под наступающую в августе озимь, которую ныне только что заборонить остается, или оставляют и до следующей весны под пшеницу, в котором случае его еще раз вспахать будет надобно. Зимовалыя же, хотя в Казанском ведомстве и по Каме довольно и с пользою урожается, однако нигде в Сибири не бывает. По снятии первого хлеба, дают ему отдыхать целую зиму без вспахивания, и тогда называют его перелогом, а следующим летом, так как в третей

год, под лишней посев употребляют. На четвертой год, два вспахавши, оставляют под пары до осени или и до весны следующаго года, ибо по большей части невысокий поля сряду по два года и более;высокия, сухия и несколько песчаныя около двух лет всякой хлеб, не выключая коноплей и гороху, приносить могут.

Я несколько распространил свое описание о полях Восточной Сибири, желая показать, сколь благополучен в плодоносной сей стране крестьянин, и сколь нужно бы таковую обнародить… Сверх хлебопашества, хотя в полуденных мес**тах** Сибири и Красноярского ведомства всякие огородные овощи с пользою разводить можно, однако сибиряки о том мало стараются, только что некогда ранние инеи, а более всего часто случающиеся в мае на поздни нежным растениям вредить могут, и для того только, что огурцы да тыквы, а дыни и арбузы совсем не поспевают. Для сильнаго походу табаку в языческие народы начали оной сеять с нарочитою пользою, однако еще несовершенно знают, когда листья снимать и когда лучше приуготовлять оныя, почему красноярской табак, которой по зелености своих листьев зеленчаком и прозывается, много что в 25 копеек фунт продается, а напротив того простой черкасской 40 копеек и свыше, а в Удинске нередко и в двадцать алтын фунт приходит.

Красноярские жители знатную при том получают прибыль с островов, по Енисею лежащих, особливо около Абаканска и выше, где множество растет дикого хмелю, за которым многие осенью туда ездят и, сплавив на плотах в город, продают от пятидесяти копеек до рубля. По большей части с лучшею прибылью отвозят его в Енисейск, Иркуцк и по другим местам по Тунгуске, где хмель не родится. Изобилие сего и дешевизна хлеба подают красноярцам повод к всегдашнему содержанию бражки и быть веселеньку.

Между полезнейшими на Красноярских горах дикими растениями особливо достойно внимания ревень (рапонтик), которой ныне по большой части отсель достается. Оной в случае надобности медицинской коллегии приказывает Красноярская канцелярия нарочным для того собирать за известную цену во особливой ящик, а сии заказывают мужикам под осень рыть по разным местам на горах, особливо вверх по Абакану и по ту сторону Ени-

сея по рекам Сальбе и Сизиму… В 1771 году зимою из Красноярска отправили его в Тобольск для Медицинской коллегии пятьсот одиннатцать пудов и десять фунтов…

Во всяком лесе Красноярск, как и большая часть Сибири, имеет великое изобилие, так что самые изряднейшия на строение дерева не многаго труда стоит с подлежащих гор на Енисей вывести, и так плотами в город сплавить, выключая клен, вяз и липу, коих в Сибири к востоку не находится, прочие все сорты обыкновенных дерев в излишестве, также и кедры растут на Мане реке почти дома. Около Абаканска при Енисее находится весьма много некотораго пахнущего деревца, коего смолистыя почки в зимнее время любезнейшею тетерям служат пищею, от которой все дерева наконец приятнейшим в свете запахом заражаются. Из деревцов особливо находятся черемуха, боярышник и еще другое на боярышник похожее по речке Каче в множестве и до хорошей вышины выростают.

Зимою Красноярск дичиною и разными звериными шкурами весьма доволен. Ловля таковых зверей, коих шкурки в нарочитой цене становятся, собственно, принадлежит сибирским народам, кои ими и оброки свои оплачивают и единственным себе упражнением щитают. Однако многие и русские крестьяне не упускают в праздное время равным образом оною пользоваться. В таких случаях или тайно в близости на горностаев, белок и других, какие попадутся, силки и ловушки поставляют, получа на то позволение или от главнейших татарских князьков или от приказу, иначе в первом случае должны много опасаться, чтобы не быть от татар примечену, пойману и тут же наказану или в приказе отослану, от коего в таких обстоятельствах по Сибирским правам прощения никак надеяться не можно.

Соболи в Красноярском уезде попадаются в нарочитом множестве и суть двоякого сорту: одне никуда не годятся, так как и томские долгохвостые, изсера; приходят по большей части с Июских гор и с Чулыму; другие, которые промышляются лучше, по Саянскому хребту. За Енисеем, особливо около реки Оя и по другим из гор в Тубу текущим речкам, оне имеют ость низкую и обыкновенно нарочито черны, только что очень седы. Большая часть

из сих имеют на шейке под горлом желтоватое пятно, так как у куницы, от коей он однако другими соболями собственными признаками легко отличествует, впрочем все красноярские соболи редко ставятся высоко, и удинские всегда пред ними имеют превосходство, как в оси (ости. – *Г.Б.*), так и в цвете.

Волки как в Красноярске, так и во всей почти Сибири нарочито вытравлены. Лисиц еще таки по некоторым местам довольно, а снизу случается, что привозят в Красноярск высокой цены и черных, и чернобурых лисиц.

Бобры и выдры по ту сторону Енисея на горных речках в множестве водятся, и последние часто по семи рублей покупают на промен на границе с китайцами. Рыси реже случаются и в той же цене приходят, как выдры, только без пестрых передних лапок, кои особливо продаются. Еще многочисленнее находятся росомахи, коих черная шкура около четырех рублей коштует. Барсуков также довольно, но поелику их кожи не в почтении, то и бьют их случайно, или когда они, проявившись, много пакостят, или когда их жир понадобится. Белки около Красноярска водятся очень средственно. Меж Саянским хребтом и Тунгускою рекою временем видают великия стада, коими малое сие животное переходит от полдень на север, чему причиною бывает недостаток древесных грибов или недород кедровых орехов. В степи, на севере от Красноярска и около Абаканска, ловят премножество горностаев, кои нарочито длинны и часто во время походу к китайцам по 25 копеек штука становились, теперь насилу в четвертую или пятую долю сей цены. Колонки пламеннаго цвету могли бы промышляться в множестве по лесистым горам, однако никто об этом не старается, а когда невзначай в ловушку попадается, то от проезжих по 57 копеек и более скупаются, а как сии шкурки китайцам приятны, и оне хорошо за них платят, то для сего они в Иркуцке и гораздо дороже и в Русь совсем не отпущаются. Ласок здесь никто не ловит и никто не покупает, хотя иные шкурки волосом гораздо белее, чище и ровнее, нежели у русских. Наибольшие и выгоднейшие промыслы состоят в сохатых зверях, как-то: лосях, зынях, козулях (роды оленей), кабаргах, кои по горам за Енисеем в великом изобилии водятся. Татары большую часть их ясаков оплачивают сими кожами, которыя в казну

для конницы от 20 до 40 алтын берутся, ибо, хотя ясак и поныне еще по соболям разпределяется, а по новому учреждению не каждой поголовно и поколенно оной выплачивает, и как на Красноярское ведомство поставлено собрать пять тысяч сто шестьдесят два соболя с половиною, то та же самая сумма на число соболей, по рублю соболь, или другими шкурами, или деньгами собирается.

Козулей около Красноярска столь много, что целая с мясом иногда в 15 копеек продается. Кожи, кои по большей части идут для делания обыкновенных дорожных шуб, стоят иногда не более 10 копеек. Кабарги порою, как летом, не менее многочисленны бывают, самчики, или по-тамошнему казачки, для их струек от 30 до 50 копеек покупаются, а самочки и с мясом по гривне продаются. Из Абаканска я получил совсем белую кабаргу, как самую редкость. (Кабарга заслуживает пространнейшая) описания, которое не премину дать в свое время, и для того рисунок ея отсель изключаю, дабы число оных без нужды не умножить (прим. автора. – *Г.Б.*).

Только в одних рыбах Красноярск не так изобилен. Кача, как и многие другие в Сибири речки, зимою мелка и подо льдом замирает и потому рыбы ничего не имеет. У Енисея по сторонам немного заливов, а в нем, то для каменистага дна, то за быстрым течением, рыба не очень держится, а лучше сказать немного, в чем с Обью, Иртышем и Томью немало сравниться не может. Подъемная рыба из ледяного моря по нем мало заходит и для того, кроме тайменей, линьков, харьюсов и сигов, никаких других рыб из лососьяго роду не имеется. Осетры и стерляди, самые вкуснейшие, розницею водятся, однако в таких глубоких местах, что и приступиться к ним не можно. И так для великаго поста надобно ожидать в городе привозу из Томска соленой белой рыбы, которая также из лососьяго роду, однако не так, как лосось, и называется муксунами.

Все Красноярское ведомство, коего воеводская канцелярия состоит под Енисейскою провинциальною, а комендант и воинская команда под Томским комендантом, имеет оброчных мужиков 9228 душ; 807 колонистов (помещичьих крестьян, ссылаемых в зачет рекрутов – *Г.Б.*); 128 к колонистам причисленных ссылошных. 2023 граждан и ремесленных людей, т.е. посадских и цеховых; а из татар разнаго поколения 2994 ясашных, ко-

торые на шесть землиц разделены, как на татар качинских, койбальских, яринских, канских, калачинских (камасинских. – *Г.Б.*) и удинских, из коих каждая землица еще разделена на уделы или колена, а все вместе приносят ясаку на 5161 рубль.

В генваре месяце (1772. – *Г.Б.*) приехал ко мне в Красноярск студент г. Зуев[7], которой прошлаго лета вдоль по реке Оби даже до Ледянаго моря доезжал…

Отъезд из Красноярска и разпределение других поездок

Я теперь опять возвращаюсь на мою зимовку в Красноярск. 28 числа февраля (1772. – *Г.Б.*) приехали ко мне сюда из Томска г. аптекарь Георги[8], бывший в езде помощником г. профессора Фалка[9], с студентами Быковым, Кашкаревым и Лебедевым[10], коих г. профессор Фалк за болезнью своей по соизволению императорской Академии наук, возвращаясь на возвратной путь, мне для продолжения дальнейшего пути по Сибири поверили. Я ж, напротив того, отправил в Томск от себя, находившагося досель при мне студента г. Валтера, и ныне едущаго в Петербург к г. профессору Фалку, с коим 4 дня марта и большую часть собранных прошлым годом натуральных вещей послал. И как по окончании моих зимних поделок[11] ничего более не оставалось, что бы препятствовало предприятию новаго пути далее по Сибири к востоку, и собственное состояние желанием видеть достопамятныя страны подкреплялось, и добрым концом предприятие мое обнадеживало, и отправился я 7 дня марта с помянутым аптекарем Георги, которой особливо просил меня о сей на Байкал поездке, и с двумя студентами до Иркуцка, куда я еще в генваре студента г. Соколова с егерем вперед отправил, дабы он по ту сторону Байкала весны дожидался и собирал надобные известия[12]. А чтоб моим отъездом и на Енисее собрание натуральных вещей не упустить, то оставил я в Красноярске для собрания тутошних и по в близости лежащим горам трав студента г. Кашкарева. А приобыкшему на север студенту г. Зуеву, о коего рачения я свежия имел доказательства, поверил я ехать еще зимним же путем в Енисейск, оттоль по вскрытии вод отправиться в Мангазею и далее к северу для собрания и дальнейшаго известия сибирских продуктов, под холоднейшим поясом находящихся[13].

И так отправился я из Красноярска после обеда по ту сторону Енисея…

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3. Пол. 1. С. 2–19.

Комментарий

1. Петр Симон Паллас (1741–1811) родился в Берлине – крупнейший исследователь Сибири в области естествознания во второй половине XVIII века.

К 1766 году, когда его пригласили на службу в Россию, он уже был известен всей Европе как ученый-натуралист, член многих ученых обществ, Лондонской и Римской академий. Паллас принял приглашение Петербургской Академии наук, правильно рассчитав, что обширная и малоисследованная Россия представляет собой в отношении «натуральной истории» ничуть не меньший интерес, чем Америка, куда он мечтал попасть.

Вскоре после приезда в Петербург в 1768 году новоявленного члена Российской Академии и профессора «натуральной истории» с окладом в 800 руб. в год, как и было намечено ранее, назначают руководителем первой Оренбургской экспедиции.

Отряд Палласа в Оренбургской экспедиции считался основным, а ученый, по существу, являлся ее общим руководителем. После трехлетнего обследования Поволжья и Урала отряд Палласа с 1771 по 1773 год работал на Алтае и в Сибири. В бассейне Енисея Паллас со своими сотрудниками находился в 1771–1773 годах. В Красноярске ученый был трижды – по старому стилю с 10 октября 1771 по 7 марта 1772-го года; с 3 июля 1772-го по 18 августа и с 21 сентября 1772-го по 22 января 1773-го года, прожив в общей сложности в нем почти год (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Рапорты П.С. Палласа в Конференцию Академии. Л. 57–58, 81, 83, 93, 119).

Сообщаемый им объем сведений о Красноярске определен общей академической инструкцией.

Собранные комплексные сведения о Красноярске с уездом П.С. Паллас обработал, осенью 1772 – летом 1773 годов, готовя к печати материалы по Восточной Сибири. Общее описание его путешествия по Сибири было напечатано Академией наук по-

немецки в трех томах в 1773–1788 годах, а затем по-французски в Париже в пяти томах с атласом. Одновременно «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях и пяти книгах выходило на русском языке.

Третья часть, озаглавленная «Путешествие по Сибири, к востоку лежащей, даже и до самой Даурии 1772 года», в первую половину которой вошли публикуемые в данном сборнике материалы, была переведена на русский язык сотрудником Палласа Василием Зуевым и вышла в 1788 году. Во второй половине третьей части тоже имеется, но менее обстоятельный очерк о Красноярске.

2. Речь идет о первом приезде ученого 10 октября 1771 года, куда он прибыл после обследования Хакасско-Минусинской котловины. Паллас намеревался зазимовать в Абаканском остроге (с. Краснотуранское, ныне на дне Красноярского водохранилища), так как флора и фауна тех мест превзошли его самые смелые ожидания. Но в остроге для ученого и его спутников (студенты Антон Вальтер, Николай Соколов, рисовальщик Николай Дмитриев, егерь, охрана из солдат) не нашлось места. Путь от Езагашского железоделательного завода (в совр. Балахтинском районе) до города экспедиции пришлось проделать на плотах (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 3. Л 41–41 об. Рапорт Палласа в Конференцию Академии от 20 октября 1771 года).

3. По старому стилю. Чтобы знать, когда стал на Енисее лед, по современному календарю, следует прибавить 11 дней.

4. Температура воздуха дана по термометру с разделением градусов по Реомюру и Делилю. Такие термометры для ученых изготовляли в академической мастерской русские умельцы Иван Иванович Беляев с сыном. Так, в мае 1771 года Палласу по его просьбе выслали вместо разбившихся два новых термометра с меньшими против обыкновенных, однако крепкими шариками, «дабы в дороге от трясения не могли скоро изломаться» (см. **Ченакал В.Л.** Иван Иванович Беляев – русский оптик XVIII века. 1710–1788 гг. Л.: Наука, 1976. С. 19, 83, 86, 88).

5. Скорее всего, это были братья Петр и Егор Пороховщиковы, самые крупные купцы в тогдашнем городе. Их отец, ссыльный московский посадский Леонтий, присланный в Красноярск

между 1722–1745 годами, начинал с бочарного дела (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 12 об.; РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3, 1782. г. Л. 30). Бочки, баклаги, ушаты расходились хорошо, и он стал заниматься торговлей хлебом, пушниной, рыбой, завел мыловарню. Детям он оставил значительный по тем временам капитал, ибо каждый из них записался в 1775 году в купцы третьей гильдии. После пожара 1773 года они выстроили в городе по две лавки с подвалами, где торговали «немецкими и российскими товарами».

6. Цены на хлеб сильно занижены, судя по ежемесячным ведомостям, которые присылали в Камер-коллегию воеводская канцелярия и ратуша. Так, в 1772 году ржаная мука продавалась зимой не по 2–2,5 коп., а по 4, а летом и осенью до ноября по 6 коп. Цена пуда пшеничной муки колебалась от 7 до 8 коп., т.е. была в два раза выше (см. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 11943. Л. 2–40).

7. Василий Федорович Зуев (1752–1794) учился в гимназии при Санкт-Петербургской Академии наук. С 1768 года зачислен в отряд П.С. Палласа с жалованьем 72 руб. в год. Поездка в 1770 году в низовья Оби была первой самостоятельной работой талантливого начинающего ученого. Его богатые материалы П.С. Паллас включил в свои «Путешествия» с указанием авторства Зуева. Позже он стал академиком, совершил ряд научных путешествий по России и в Турцию. Зуев – автор первого отечественного учебника по естествознанию, выдержавшего пять изданий (см. ЛОА РАН. Ф. Р-1. Оп. 70. Д. 20. Л. 112; **Райков Б.Е.** Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды. М.; Л., 1955. С 15–43; **Кулябко Е.С.** Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 67–77). Время приезда В.Ф. Зуева в Красноярск «в генваре месяце» указано неточно. Сам Паллас в рапорте Академии наук от 22 февраля 1772 года писал, что Зуев прибыл 17 февраля (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Л. 58).

8. Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) родился в Померании (Германия), изучал медицину, слушал лекции К. Линнея в Швеции, где получил докторскую степень. В 1770 году поступил на службу в Петербургскую Академию наук, работал с Фальком в Оренбургском крае, Поволжье, на Урале и в Сибири. После отъезда Палласа

из Сибири Георги до 1774 года изучал различные районы Сибири и Урала. По возвращении в Петербург подготовил и издал записки Фалька и собственные дневники, изданные Академией на немецком языке еще в 1775 году. Он автор многих работ по естественной истории, химии, горному делу и экономике России. По мнению акад. В.А. Обручева, Георги после Палласа наиболее трудолюбивый и плодовитый из иностранных ученых, приглашенных Академией наук в Россию во второй половине XVIII века (см. **Обручев В.А.** Избранные труды. М., 1964. Т. VI. С. 171–172). Красноярск Георги проезжал еще раз (22 января 1773 года), возвращаясь из поездки по Забайкалью (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Л. 119–120).

9. Фальк Иоанн Петр (1727–1774) родился в Швеции, ученик знаменитого К. Линнея, защитил в 1762 году диссертацию по ботанике. По рекомендации К. Линнея был принят на службу в Россию, где получил место смотрителя кабинета естественной истории в Петербурге. Был также профессором ботаники и смотрителем аптекарского сада при Медицинской коллегии. С 1768 по 1774 год возглавлял пятый отряд Оренбургской экспедиции. После работ в Поволжье, Оренбургском крае и на Урале Фальк с 1771 года обследует Алтай и Западную Сибирь (см.: **Обручев В.А.** Избранные труды. М., 1964. Т. VI. С. 171–172).

10. Эти студенты учились вместе с Василием Зуевым и в одно время были определены в экспедицию. Иван Быков, сын ярославского купца, принятый в гимназию «на пробу», был одним из лучших учеников. Впоследствии стал адъюнктом Академии наук, автором трудов по ботанике и естественной истории. Михаил Лебедев, сын переводчика Академии, не обнаружил большой склонности к научной работе, поэтому Паллас нехотя взял его к себе вместо студента Вальтера, у которого сказалась «постылость и несклонность к дальнейшей сибирской езде». После возвращения в Петербург М. Лебедев занимался административно-хозяйственными делами Академии (О Кашкареве – см. № 82 и комментарий.)

11. Зимуя в Красноярске, Паллас приводил в порядок собранные коллекции, отправлял их в Петербург, переписывал путевые записи, дополняя и уточняя их сведениями, полученными в архивах или от знающих лиц. Много времени ученый уделял орга-

низации дальнейшего изучения Сибири – вел переписку с иркутским губернатором и Петербургом, инструктировал студентов, получивших самостоятельные задания.

12. Николай Соколов – сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка, поступил в академическую гимназию в 1760 году. Одним из первых был в 1768 году зачислен в отряд П.С. Палласа с годовым жалованьем в 72 руб. Ученый встретился с Соколовым в Селенгинске. Под руководством Палласа Соколов успешно занимался естествознанием и стал впоследствии академиком Российской Академии наук – (см. ЛОА РАН. Ф. Р-1. Оп. 70. Д. 20. Л. 106 об.; **Муравьев Вл.** Дорогами российских провинций. М., 1977. С. 49, 74).

13. Поездка Зуева в низовья была неудачной из-за проволочек, чинимых Енисейской провинциальной и Мангазейской воеводской канцеляриями. Отсутствие опытных проводников и несвоевременное предоставление транспорта привело к том, что Зуев к осени достиг только Селякина зимовья, где кончается обычная растительность, и повернул обратно (см. **Райков Б.Е.** Академик Василий Зуев… С. 24).

№ 68. 1773 г., июля 2. – РАПОРТ КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ В ГОРОДОВУЮ РАТУШУ О ВЫДАЧЕ ПОКОРМЕЖНОГО ПАСПОРТА ПОСАДСКОМУ ДЬЯКОНОВУ

Сего июля 2-го числа красноярской посадской Григорей Михайлов Дьяконов, пришед в земскую избу, словесно объявил, что имеет он намерение свое отлучится до Иркутска, до Енисейскова города для работы у разнаго чина людей и просил, чтобы ево отпустить для того со сроком впред на один год, чего для он, Дьяконов, на тот срок в сибирския города отсель и уволяетца, а о возвращении ево суда на срок в один год обязан у земских дел с надежными поруками подпискою. Того ради Красноярской ратуше земския дела сим в покорности репортуют и при том просят означенному Дьяконову до Енисейскова города для работы со сроком впред на один год на указанном основании дать из Красноярской ратуши пашпорт июля 2 дня 1773 году.

Староста Яков Терской руку приложил.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 161.

Комментарий

На поездку куда-либо горожанин, входивший в посадскую общину, должен был получить разрешение. При несении платежей и повинностей существовала круговая порука, поэтому посадский мир требовал от отъезжающих гарантии, что за время их отлучки за них исправно будут платить налоги. Такую гарантию давали обычно родственники. Если семья уехавшего своевременно не вносила платежи, то их взыскивали с поручителей, которые давали об этом специальную подписку.

Дьяконов, о котором идет речь в документе, смог представить, по мнению земской избы, надежных поручителей, поэтому староста запросил для него в городской ратуше покормежный паспорт.

№ 69. 1773 г., июля 26. Тобольск. – ОРДЕР ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНАТОРА Д.И. ЧИЧЕРИНА КРАСНОЯРСКОМУ КОМЕНДАНТУ ТАРХОВУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ СЕРЖАНТУ ГЕОДЕЗИИ МОИСЕЕВУ, ПРИБЫВШЕМУ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ НОВОЙ ПЛАНИРОВКИ В КРАСНОЯРСК

Рапортом, ваше высокоблагородие, ко мне доносили, что город Красноярск от учинившегося в минувшем июне месяце пожара весь выгорел; тогда же отправлен ис Тобольска в Красноярск геодезии сержант Моисеев, и данным ему от меня ордером велено по приезде туда учинить нижеследующее: 1-е. Расколотить (разбить. – *Г.Б.*) ему по прожекту, во-первых, улицы и назнача их против вновь прожектированного плана вовсе сходственно, а потом сделать тому особо и план прислать при рапорте ко мне; 2-е. Самому ему, Моисееву, остатца в Красноярске, и кто из обывателей душ будут просить о постройке на погорелых и других местах вновь домов, тем отвод мест делать на гербовой бумаге крепостные планы с фасадами и для подписки присылать ко мне; 3-е. При том же подтверждено ему, чтоб оное обывательских домов строение производило бы неотменно в сходность конфирмованного Ея Императорским Величеством плана велению, и отнюдь бы ни вперед в улицу, ни взад не выдавались ниже вершком; 4-е. До поправления старого строения ни под каким видом никово не допущать, что все поставлено единственно на ево, Моисеева, ответе; 5-е. Состоять ему

в команде увашего высокоблагородия; 6-е. А как имянном Ея Императорскаго Величества высочайшим указом повелено строению в городе быть непременному каменному, то ныне и в Красноярске в силу того имянного Ея Императорскаго Величества указу, вместо згоревших вновь воеводскую канцелярию, воеводской и комендантской домы, винные подвалы и питейные домы надлежит строить непременно каменныя, для чево и велено ему, Моисееву, сочинить всем план с фасадами, и во что они каждый порознь полагают все казенное, коштовать будут по тамошнему обстоятельству сделать сметы и прислать оныя с планом при рапорте ко мне вскорости, о чем и вашему высокоблагородию предлагаю с предписанием сего. Извольте между тем для содержания на первой случаи таким приказать сделать малинкия деревянныя избушки, а ему, Моисееву, подле избушки велено отвесть пристойныя места, только чтоб были потому же длиною.

На подлиннике подписали: Денис Чичерин. В Красноярске августа получено 10-го 1773 года.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Л. 3, 27–28.

Комментарий (см. № 70)

№ 70. 1773 г., сентября 5. – РАПОРТ СТАРОСТЫ КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ ИВАНА ТЕРСКОВА О ЖЕЛАЮЩИХ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В КРАСНОЯРСК ПОСЛЕ ПОЖАРА

Во исполнение присланного из реченной ратуши минувшаго августа 26 числа указанного повеления велено здесь у земских дел наидостоверно справитца: сколько красноярским купцам и цеховым потребно под строение домов мест; о том и учиня обстоятельной имянной список для объявления в комендантскую канцелярию, объявить в Красноярскую ратушу.

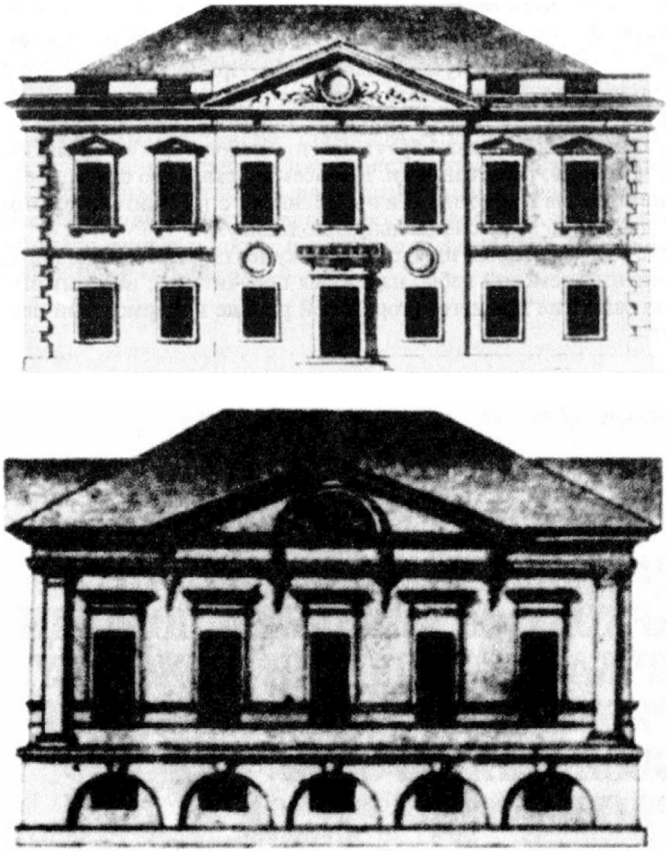
А по справке здесь, у земских дел, из живущих прежде в городе Красноярске, у коих прежде в минувшем июне месяце, 25-м числе, случившемся в городе Красноярске пожаре, домы згорели: купечество и цеховыя по призыве в земскую избу самолично желание свое для постройки себе домов в городе Красноярске объявили 39 чел., да и живущих из деревень два. Итого, 41чел., коим

по требованию их следует каждому по одному месту, а о протчих, желающих к построению себе домов в городе Красноярске купечестве и цеховых, здесь у земских дел неизвестно, а кому имянно потребно под строение домов место, о том при сем приобщается имянной список, которой на разсмотрение Красноярской ратуше при сем репорте и предъявляется сентября 5 дня 1773 году.

К сему рапорту староста Иван Терсков руку приложил.

Земских дел пищик Федор Нашивошников.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Л. 8, 4.

Типовые каменные здания с лавками. 1799 г. Архитектор А.И. Лосев

Комментарий (см. № 69, 70)

Красноярск, будучи долгое время деревянным, часто горел. После страшного пожара 25 июня 1773 года от города осталось всего 30 домов.

Для возрождения города присланный из Тобольска геодезист сержант Моисеев вел застройку по свободной линейной планировке, сохранившейся в старой части города до сих пор. После административно-территориальной реформы 1783 года город застраивался под наблюдением новоучрежденных чиновников – уездных землемеров. Строительство шло по специальным правилам и планам, которые восходили еще ко времени Петра I. Линейная застройка была обязательной. Предписывалось даже ломать те дома, которые более чем на вершок выступали или отходили от установленных лицевых линий улиц. В связи с этим первый в улице угловой дом ставили обязательно на каменном фундаменте. В уездных городах отводили «место под обывательское строение» от 15 до 12 сажен в улицу, а в глубину – до 20 сажен. Высота частных домов не должна была превышать 5,5–6 аршин от уровня мостовой. Фасады домов должны были соответствовать специально утвержденным образцам. Домовладелец волен был лишь в отделке своего дома да в ориентировке его на ту или иную улицу, причем последнее позволялось, если будет сделан «порядочный забор» в противоположной от фасада улице. На строительство частного каменного дома требовалось специальное разрешение губернатора. «Каменное строение производилось в два и в полтора этажа по апробированным фасадам». Дворовые места под него отводили по желанию хозяев, но не менее 20 сажен по улице. Кварталы же, что были шире 40 сажен, следовало делить надвое, а при меньшей их ширине занимались усадьбами целиком. Казенные здания следовало возводить каменными (см. ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 57. Л. 10, 12, 24).

В Красноярске сгорели дотла не только крепостные укрепления, но и воеводская канцелярия, дом коменданта, винные и пороховые подвалы, питейные дома. Их предписано было отстроить обязательно из огнестойкого материала. Комендант-

ская канцелярия 17 августа потребовала от воеводы 100 посельщиков для расчистки пожарища, засыпки «немелких погребов» и разбора оставшихся от печей «каменных груд», а также убрать наносы песка и сравнять неровности тех мест, где раньше было жилье. Воеводская канцелярия отказала под предлогом того, что негде размещать посельщиков, а для выравнивания мест под казенные строения предложила использовать 30 польских конфедератов, находящихся в Красноярске. Они получали от казны по 5 копеек в день и не были заняты. Для подготовки территории под частную застройку выделить людей обязали городскую ратушу, которая выставила по одному человеку с каждого малоимущего двора и по два – с семейных и зажиточных (см. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. Л. 27–28). Незначительно число желающих купцов и цеховых вновь строиться в городе объясняется тем, что каждые 9 из 10 человек жили по деревням, сочетая выгоды жизни на земле с льготным статусом. Казенное каменное строительство надолго затянулось. Зато к середине 80-х годов последний из красноярских воевод, коллежский асессор князь Иван Яковлевич Пелымский, переселился в новый дом из кирпича. Это первое каменное частное строение в городе сдавалось в аренду городу его сыном, а в начале XIX века было продано городскими властями за долги Ивана Пелымского. По описанию начала XIX века, это: «Дом каменный покойного коллежского асессора князя Пелымского, длиннику по улице 8, поперечнику с обеих сторон – по 7-ми сажен: о двух этажах. Во всем том строении вверху 3 горницы с одной прихожей, сени с кладовой, одно крыльцо; в исподе одна стряпчая изба с перебранной казенкой и одна кладовая с амбаром, которое строение крыто тесом (см. ГАКК. Ф 47. Оп 2. Д. 141 Л. 2). Дом снесен в шестидесятые годы XX века, на его месте построили гостиницу на Стрелке (см. ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 27. Л. 4). В целом же город застраивался и после пожара 1773 года деревянными одноэтажными зданиями. Среди таких домов особенно впечатляюще смотрелись нарядные каменные церкви (см. **Ружже В.Л.** Красноярск. Вопросы формирования и развития. Красноярск, 1966. С. 56–58).

№ 71. 1774 г., апрель. – ДОНЕСЕНИЕ В КРАСНОЯРСКУЮ РАТУШУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТРОЙКИ В КРАСНОЯРСКЕ ГОСТИНОГО ДВОРА

Минувшаго февраля от 10-го числа запросом реченная ратуша от Красноярских земских дел требовала о постройке по вновь прожектированному плану в городе Красноярску гостиного двора. Оной положен квадратной, и для выезду и въезду четверы ворота, а кроме кои положена стена тридцати сажень, то какой меры в том гостином дворе будут лавки и будут ли под оными погреба для содержания вин и протчаго, о том достоверно справясь под оным подписав за рукоположением купцов для дачи знания у отводу мест геодезии сержанту Моисееву и начертания к отсылке к его высокопревосходительству господину генерал-порутчику лейб-гвардии премьер-майору сибирскому губернатору и кавалеру Денис Ивановичю Чичерину плана возвратить во оную ратушу того ж числа. Чего для живущия в городе красноярския купцы, а из сел и деревен от каждого станку выборныя в Красноярску, у земских дел, были в собрании, которыя от тех станков выборный, живущим в городе Красноярске купцам, объявили, что они тот гостиной двор лавками из общегражданской суммы по неимению здесь, при городе, ярманок и в торгу довольнаго капитала, а и особливо за скудостию многих жительствующих тех по деревням посацких, застроить не в состоянии и нет желающих. Единственно, чтоб оной застроить лавками и довольствоватца оными тако ж и оброчныя с тех лавок деньги платить те выборный от станков посацкие отдали с охотножелающим купцам своим кочтом. В чем и обязались они у земских дел подпискою.

А по справке у земских дел тех и в строению в гостином дворе лавок с охотножелающих купцов видитца из живущих в городе Красноярске 18, да и деревенских мест, а всего дватцать четыре человека коим… 34 лавки…

…От главной команды во все Красноярскаго ведомства станки к посацким (велено послать. – *Г.Б.*) нарочных для отобрания у них письменных изъяснениев, не имеетца еще кого из живущих по селам и деревням посацких к строению лавок охотножелаюших, тако ж и тех, кои к построению в гостином дворе лавок из обще-

гражданской суммы по изнеможению не в состоянии, особо обязать подписками с тем, чтоб они впредь ни под каким виды по домогательству их на после ж к тому гостиному ряду участниками зделаетца и оным довольствоватца охотно – желающим купцам в том какого подрыву зделать не могли. 2-е. По неимению ныне более здесь к строению из своего кочту лавок с охотножелающих купцов, а особливо по неимению ж ярманок и в торгу довольнаго в капитале купечества, соблаговолено ж было положенныя по плану для строения лавок четыре мерою окроме ворот тритцати саженные стены, из которых из каждой по десяти сажен, чтоб уменьшение зделать, а отставить их каждую стену, кроме ворот по дватцати сажень, кои стены тои по дватцати сажень меры.

Для строения лавок и к торгу купечеству. Естли более к строению тех лавок охотножелающих не явитца крайне со удовольствием будет, которыя стены и имеем мы, нижеписанныя в имянном регистре охочия люди лавками своим кочтом застроить, а естли ж Красноярская ратуша уменшения меры оных стен смелости собою учинить не имеет, то соблаговолило к сочинению на оной гостиной двор плана и к донесению с тем к его высокопревосходительству господину генерал-порутчику лейб-гвардии премьер-майору сибирскому губернатору и кавалеру Денис Ивановичю Чичерину к сержанту Моисееву дать знать. Купецкой староста…

…(Список желающих строить лавки в городе. – *Г.Б.*).

6. Василей Жижин, две лавки, одна с погребом.
7. Матвей Засорин, одну лавку с погребом.
8. Иван Овчинкин, одну лавку с погребом.
9. Омельян Шерохов, одну лавку с погребом.
10. Семен Родионов, одну лавку.
11. Иван Сытин, одну лавку с погребом.
12. Павел Колегов, одну лавку.
13. Матвей Иванов, одну лавку.
14. Иван Ушаков, одну лавку.
15. Григорий Терской, две лавки, одна с погребом.
16. Василей Песегов, две лавки, одна с погребом.
17. Григорей Красиков, одну лавку.
18. Василий Москвитин, две лавки, одна с погребом.

Из живущих из деревень:

19. Михайло Ростовцов, одну лавку.

20. Михайло Замятин, одну лавку с погребом…

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–3.

Комментарий

Из-за скудости посада типовой гостиный двор так и не был построен.

№ 71. 1774 г., ноябрь. – ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ДЕСЯТСКОГО Л. АНЦИФЕРОВА

Образ Парасковьи Пятницы, пяти четвертей,

Образ Спасителев, шти вершков,

Образ Пресвятой Скорбящей Богородицы, шести вершков, Образ Воскресения Христова, той же меры,

Образ св. Николая Чудотворца, той же меры,

Образ Спасителев со всем житием, шести вершков.

Хоромное строение:

Одна изба с горницей с сенями, позади двор, во дворе изба малая.

Один амбар… одна корова красная, одна корова белая, одна корова краснощека, одна корова черная, одна десятина ярицы, одна десятина пшеницы, одна десятина овса, одна десятина паров, два ста копен сена, три сажени дров.

Мерин гнедой, во лбу лысина,
мерин рыжей, во лбу белое пятно,
кобыла сивожелезая,
кобыла бурая,
десять овец черных,
десять овец белых,
пять кадок старых,
две рубашки,
две чарки питейные,
16 с половиной аршин холста-
посконного волоконного,
одна рубашка женская холщевая,
збрямжак (? – *Г.Б.*) поношен,

один красный голевой с презументами, повойник,
один платок 3-х четвертей холщевый,
одна рубашка мужская холщева,
одна юпка вишневой китайки,
одно зеркало обтянуто красной кожей,
один платок шелковый красный, ветхий,
один кушак чистый коломенный, ветхий,
один жаркого голю бастрок, ветх,
одна чашка красна, …
одна рубашка женска поношена холщева,
одна рубашка ребячья женска холщева, ветха,
один часослов побитой,
один безменчик медный, маленький,
два перстня серебряныя,
один замок небольшой, держаный,
одна юпка китайчета, ветха,
один бострок дабыкной, ветхий,
22 аршина холста легкого и згебного,
14 аршин холста посконного и згребного,
одна скатерть брана, ветха,
одна рубашка холщова, женска, ветха,
одна… шева ветха,
три рубашки женски холщевы, ветхи,
одна рубашка мужская холщева, поношена,
одни портки холщевы, ветхи,
$1\,{}^{1}/_{4}$ аршина сукна красного складского,
один повойник красный голевой, ветхий,
одна десть бумаги писчатой,
два серпа железны держаны,
одна коса железна,
один стакан оловянный, ветхий,
одна парка козлиная,
одна пара сошников,
один ис кожи шлей ременной,
одно седло и стремена железны,
одно медведно ветхо,

одна узда ременна,
один сундук деревянный,
один ж сундук небольшой с наугольниками железными,
одна телега с колесами ветха,
одна сума бысто (? – *Г.Б.*) ветхо
Посадской Роман Ошаров.
ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 224–225 об.

Комментарий

Имущество описали для продажи за растраченные деньги его братом Федором, который был целовальником на казенном заводе на реке Весниной. Общая недостача за «каштатные припасы» составила 178 рублей.

Перечень был составлен в два столбца. Цена вещей, скота и инвентаря, к сожалению, не была проставлена.

Судя по описи, посадский Лазарь Анциферов был зажиточным. Показательно, что его хозяйство имело явно сельскохозяйственный уклон (три коровы, четыре лошади, пять десятин пашни, в том числе три в посеве). Это одно из явных доказательств, что даже зажиточные посадские основательно занимались пашней, то есть являлись больше крестьянами.

№ 73. 1775 г., февраля 10. – ПОДПИСКА СУЗДАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН ВАСИЛИЯ ЕЛИЗАРОВА И ОСИПА ИВАНОВА, ДАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В КРАСНОЯРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

1775-го года февраля 10 дня города Суздаля крестьяне Стародубского стану села Татарова деревни Гаврихи Василей Елизаров, деревни Лукины Осип Иванов с нижеподписавшимися по нас поручителями в Красноярску у земских дел дали сию подписку в том, чтоб нам, Елизарову и Иванову, будущаго 1776-го года лета обзавестись здесь, в городе Красноярску, собственными своими домами. Також чтоб нам здесь же внов женитца женами, да есть ли ж во то следует резолюцыя от определении нас в красноярское купечество, в состоянии нас же в платеже подушных и протчих указных податей, також и в отправлении очередных служб, представляем нижеподписавшихся же поручителей в том.

Под сим и подписуемся. К сей подписке прозбою крестьянина Осипа Иванова и за себя крестьянин же Василей Елизаров руку приложил.

К сей подписке прозбою поручителя красноярского купца Анания Давыдова, цеховой Петр Решетников руку приложил.

К сей подписке поручитель купец Роман Ошаров руку приложил.

К сей подписке прозбою поручителя купца Дмитрея Кудрявцова крестьянин Яков Пьянов руку приложил.

ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 216–217.

Комментарий

Прием в посад шел двумя путями: по «указу» властей и по приговору самих посадских обществ, т.е. «по поручным записям». Сами общества принимали новых членов таким образом: поступавший подавал в магистрат, ратушу или земских дел избу челобитье, где описывал свое прошлое, высказывал желание быть в этом посаде и обещал нести все подати и службы. В случае благоприятного исхода проверки сообщенных сведений и наличия у просителя «увольнения» от прежнего общества с него бралась подобная опубликованной «запись» с подписями поручителей. В первую очередь в посадское общество принимали тех, кто уже жил в их городе и занимался торгом или ремеслом (см. **Кизеветтер А.А.** Посадская община в России в XVIII в. М., 1903. С. 26, 38). Если же пришлый был бессемейным и не обжился на новом месте, то от него требовали определенные гарантии, что он не «сойдет» с города. Потому-то суздальские крестьяне Василий Елизаров и Осип Иванов, желая записаться в красноярское купечество, дали эту курьезную «подписку» – обязательство в течение года обзавестись в Красноярске семьями и домами. Поручители же из местных жителей обязывались нести подати и все службы до новой переписи за тех, за кого ручались, если последние почему-то уходили из посада. При записи в сибирские посады социально-сословная принадлежность пришлых значения не имела. Отдельных переселенцев принимали временно. В этом случае они платили подушные и оброчные деньги в «прежние жилища пересылкой», а по новому месту жительства участвовали только в расходах по местному самоуправлению (см. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1624. Л. 934, 939 об.).

Так поступали оба крестьянина до определения в Красноярск. Они до 1771 года были в Томском уезде, затем два года находились в различных «сибирских городах». В Красноярск они прибыли в 1773 году, временно приписались в местное общество, обзавелись домами и занимались, насколько позволяли средства, торговлей.

№ 74. 1777 г. – СЧЕТНАЯ ВЕДОМОСТЬ О ПРИХОДЕ И РАСХОДЕ ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЫ ПРИ СТАРОСТЕ КРАСНОЯРСКОЙ ИЗБЫ ЗЕМСКИХ ДЕЛ ВАСИЛИИ СТАРЦЕВЕ[1]

Приход:

Остаточных по росписному за расходом от 776 года принято от бывшаго старосты Тимофея Заева всего 135 руб. 40 $^{1}/_{2}$ коп.

Взыскано с бывшаго в 776-м году земского старосты Тимофея Заева оказавшихся по щету начетных денег всего 22 руб. 44 коп.

По щету с росписания ис Красноярской ратуши взыскано с приписанных к красноярским мещанам из красноярских Лодейского станку крестьян 33 душ, складочных в 777-м году на рекруцкий набор денег, всего 7 руб. 92 коп.[2]

По приговору мещан взыскано с мещанина Семена Коновалова в зачет сыну ево за рекруцкую очередь складочных денег, всего 70 руб.[3]

Росход:

Мещанину Тихону Гаврилову за покупныя у него свечи сальныя, за пять пуд с половиною, каждой пуд по два рубли – 11 руб.

Выдано священнику Ивану Черкасову в день богоявления господня на святую воду – дватцать пять копеек.

Купцу Ивану Фереферову за покупную у него пищую бумагу, за одну стопу – 3 руб. 25 коп.

Купцу Кирилу Матвееву за покупныя у него железныя двои съемы, каждыя по пятнадцати копеек – 30 коп.

Крестьянину Петру Быкасову за покупныя у него для содержания при ратуше воды две деревянные кади, каждая по двенатцати 24 коп.

Мещанину Тимофею Заеву за покупной у него на мешки для клажи денег холсту за сорок сем аршин с половиною каждой по две копейки с половиною – 1 руб. 18 $^{3}/_{4}$ коп.

Мещанину Ивану Лешукову за покупной у него для клажи при ратуше письменных дел деревянной ящик – 20 коп.

Мещанину Ивану Жеравлеву за покупной у него висячий замок 7 коп.

По приговору мещан взято во образ займа у красноярского купца Ивана Суворова по неимению в зборе во общегражданской сумме для отдачи за умерших, неимущих и взятых в рекруты сумму денег – всего 117 руб.

Находящемуся при городе Красноярску на перевозе перевощику Андрею Перфилеву за чищение в 777 году в зимнее время пролубки половинное число – 60 коп.

Мещанину Василию Дондину для проезду верху Енисея реки да Абаканскаго и Июскаго станку вперед и обратно за переписью вновь рожденных у мещан после бывшей третьей переписи тож и престарелых, и разными случаями выбылых на прогоны – 1 руб. 60 коп.[4]

Купцу Григорию Терскову за покупную у него бумагу за шесть дестей по шестнатцати копеек за каждую – 96 коп.

Купцу Ивану Фереферову за покупное у него для обивки окончин ко вновь строющей ратуше белое железо за сорок листов каждой по десяти копеек – 4 руб.

Мещанину Ивану Ильиных за покупную у него бумагу за одну стопу – 3 руб. 50 коп.

Крестьянину Ивану Старцову за покупныя у него дрова за три с половиною сажени каждая по тритцати копеек – 1 руб. 35 коп.

Выдано за чищение в 777-м году пролубей достальные крестьянину Павлу Бутину – 60 коп.

По приговору мещан собрано со оных по недостатку в общегражданской сумме сверх положенных четырнадцати окладов на необминуемыя расходы денег 285 руб. 38 коп.

Продано мещанину Семену Басерыкову за неупотребления в расход белаго железа восем листов, каждый по 10 коп. – 80 коп.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 35. Л. 5–7.

Комментарий

1. В небольших сибирских городах земская изба была основным органом общеуездной посадской общины. Ее делопроизводство, особенно росписи расходуемых и поступаемых средств, ко-

торые для отчетности составлялись ежегодно земскими старостами, ярко характеризует многие стороны повседневной жизни торгово-ремесленных слоев горожан.

2. Лодейские крестьяне, о которых идет речь, платили только оброчные деньги и мирские раскладки (в данном случае рекрутские расходы горожан) вместе с мещанами, поскольку они перешли в «градское» общество. Однако до новой ревизии они считались по-прежнему крестьянами и несли подушные деньги, все крестьянские повинности и раскладки. Порядок, при котором земледелец, перешедший в посад между ревизиями, должен нести до новой переписи двоякое оброчное обложение, был установлен с 1724 года, отменен при проведении IV переписи в 1782 году, когда крестьян перестали записывать в купеческое или мещанское сословие до завершения ревизии. С 1 июля 1783 года в стране, а в Сибири с 1 января 1784 года практика записи в градское общество возобновилась, но под названием «купечествующих крестьян».

Рекрутские наборы в Сибири проводились по общерусскому образцу. Обычно именной печатный указ, определявший размеры и порядок набора, объявлялся в январе – феврале каждого года. Реализовать его следовало за 1,5–2 месяца. На военную службу брали лиц мужского пола от 18 до 37 лет, ростом не менее 2-х аршин, «здоровые и неувечные». Каждый рекрут должен был иметь «домашнее платье» – в Сибири сермяжный кафтан, шубу, шапку, рукавицы, две рубахи с портами, штаны сермяжные, чулки; из обуви – коты или голицы, а также месячный запас провианта (2 четверика ржаной муки, $^{1}/_{8}$ четверика или гарнец крупы и 1 фунт соли). Очередь на службу определялась по сотням, на которые были разбиты посадские общины и крестьянские миры. Состоятельные люди нанимали за себя бедняков, обеспечивая их всем необходимым. Малоимущих рекрутов снаряжала и несла расходы по их доставке в полк своя община.

4. Родившиеся между переписями выпадали из учета, а платили по налоговым спискам за всех «убылых разными случаями», в том числе беглых, умерших и взятых на солдатскую службу. Поэтому их сами периодически учитывали, чтобы «по семьянинности и прожиточности» справедливее раскладывать по дворам

приходящиеся на общину в целом подушные, оброчные и раскладочные деньги, а также различные натуральные повинности.

После предыдущей третьей ревизии 1762 года в 1777 году прошло 15 лет, этих подростков уже считали в тяглом отношении «полубойцами», то есть они могли нести за себя половину полного оклада ревизской души.

№ 75. 1777 г., августа 20. – ЧЕЛОБИТНАЯ НЕВЕСТКИ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ МАТРЕНЫ ПЕЛЫМСКОЙ О РАЗРЕШЕНИИ НА РАЗВОД

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, Святой Волей государыня всемилостивейшая!

Бьет челом отставнова капитана князь Федора Иванова сына Пелымского жена, Матрена Петрова дочь, а о чем, тому следуют пункты:

1-е. В бытие мое в замужестве чрез 10 лет, по отставке от военной службы означенного мужа моево, с прибытия в дом в одиннадцатый год, будучи я, раба Ваша, в родах и от неразрешения младенцом, приближаясь к концу своей жизни при изпрашивании у Всевышнего облехчения, клялась с клятвенным моим обещанием, дабы по освобождении от столь тяжкаго бремя и мучительнейшей болезни не знать ложа мужня по жизнь мою, а искать случая о уединенной жизни.

2-е. По разрешении ж от бремени для исполнения моево Создателю клятвенного обещания просила о том дозволения у мужа моего, представляя и имеющуюся известную ему внутреннею мою недозволяемую к соитию и к деторождению болезнь, которая препятствует как быть женою, так и несть возложенной законом на жену должности и помогать по общему домостроительству, по которым законным необходимостям и получила я, раба Ваша, от вышереченного мужа моево согласие моему желанию уволнение. И оному мужу моему, как он молодых лет, попущаю другую понять себе в супружницы, и дабы Вашим Императорским Величеством указом поведено было сие мое челобитье принять и на основании святых отцов правил и Вашего Импера-

торского Величества законов учинить мне, рабе Вашей, с мужем моим правильный развод.

Всемилостивая государыня, прошу Ваше Императорское Величество о чем моим челобитьем милостливое решение учинить.

К поданию надлежит в Красноярске духовное правление августа 16 дня 1777 году.

Сие челобитье писал красноярский сын боярский Иван Терентьев.

Капитанской жены Матрены Петровой дочери Пелымской градокрасноярской соборной Воскресения господня церкви священник, а ее духовник Семен Кузнецов руку приложил.

ТФ ГАТО. Ф. 150. 1777 год. Д. 108. Л. 3–3 об.

Комментарий

Если ограничиться этой и поданной днем раньше аналогичной челобитной Матрены заказчику Михайловскому, то можно почувствовать только уважение к сильному религиозному чувству и чувству долга у этой сибирячки. Однако знакомство с другими документами этого дела, хранящегося в фонде Тобольской духовной консистории, обнаруживает истинную подоплеку появления этой челобитной и дальнейший ход событий. Матрена Петровна, во время подачи челобитной ей было 35 лет, была представительницей клана Самойловых, входивших в имущую и должностную верхушку жителей Енисейска.

По различным источникам (ревизским сказкам, церковным документам, городской обывательской книге Енисейска, делам Енисейской городской думы и провинциальной воеводской канцелярии) удалось выявить, что свой род енисейские Самойловы вели от Карпа Самойлова, якобы русского дворянина, прибывшего из Москвы в Сургут в 1649 году с двумя дворовыми на службу стрелецким и казачьим головой. С 1660 года он служит в Енисейске, получив в счет жалованья землю на ближнем от города Подтесовском острове. После него остались сыновья Тимофей, Семен и Василий, все в звании детей боярских. Внук от первого сына, Алексей Тимофеевич, в окладе сибирского дворянина долго был местным казачьим головой и, используя свое положение, превратился в довольно крупного земле- и холоповладельца Средней Сибири. Он округлил свои владе-

ния в окрестностях Енисейска, где, кроме старой Подтесовской деревни (она же Дурнино и Кекурская), завел две новых (Черемениину и Самойлову). Кроме того, в 1736 году А.Т. Самойлов купил у дворян Истопниковых соседнюю со своими землями «на лугу в кулиге» деревню Трескину с двумя семьями крепостных крестьян, всего 10 душ обоего пола. Из содержания купчей на деревню, точнее, заимку видно, что крепостные, кроме своего хозяйства, обрабатывали хозяйскую пашню и пасли хозяйский скот. За 170 рублей были проданы «хоромного и дворового строения изба с клетью, да два амбара деревянные, да крепостных наших людей мужска и женска полу русской породы… ис их собственными пожитками и со всяким скотом». Старшему сыну Ефиму в 1745 году отец передал свою должность казачьего головы и звание сибирского дворянина. Остальных же четырех сыновей (Петра, Степана, Антона и Константина) он, дальновидно учитывая явное снижение престижности казачьего сословного статуса, записал в торгово-ремесленное сословие. Все они, кроме Константина, в 1775 году, когда ввели три гильдии купцов, не вошли в купечество. Движимое имущество, деньги и по третьей ревизии в 1762 году 86 человек дворовых и крестьян раздробились среди многочисленных членов клана Самойловых, а большую часть земли казна в 80-х годах отобрала для помещения ссыльных.

Младший Константин начинал рядовым промышленником, как обычно получая полпая «у промышленной пушнины», или 50 рублей в год, и стал самой крупной фигурой среди жителей Приенисейского края, участвовавших в промысловом освоении Северной Америки. Широко известно и трижды публиковалось (1944, 1948 и 1989) «Наставление»… ему Колумба Российского, Григория Шелихова, данное в заливе Чугацком на Кадьяке 4 мая 1786 года. Однако о самом Самойлове все авторы говорят только в связи с этим документом, что вряд ли оправдано по отношению к первому управителю Северо-Восточной американской компании, предшественнику Е.И. Делярова и А.А. Баранова. По данным Л.А. Ситникова, автора интересной биографии Г.И. Шелихова, К. Самойлов еще в 70-е гг. руководил промысловыми партиями шелеховских компаний совместно с Лебедевым-Ласточкиным (см. **Ситников Л.А.** Григорий Шелехов. Иркутск, 1990. С. 151–152).

В добротной монографии Р.В. Макаровой находим, что он был передовщиком артели, которая в 1777 году из Охотска отправилась к Алеутским островам на судне «Андрей Первозванный» компании курского купца Ивана Голикова и Г.И. Шелехова (см. **Макарова Р.В.** Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1968. С. 76–77, 185). Экспедиция была трудной: первую зиму пришлось провести у Камчатского берега в районе современного города Петропавловска-Камчатского, на обратном пути с о. Атту из-за бури не удалось забрать часть артели, а у о. Беринга судно, шедшее от о. Амчитка, потерпело крушение. Тем не менее компания получила мехов на 133 150 руб. Г.И. Шелихов взял К.А. Самойлова и в свое первое крупное плавание в 1783–1786 годах, предпринятое на трех кораблях: «Три святителя», «Симеон и Анна», «Архистратиг Михаил». Две зимовки на Командорах (1784) и на Кадьяке протекали тяжело. Часть промышленников запьянствовала, другие пытались бунтовать, недовольные строгой дисциплиной, запретом частной торговли, мягким обращением с алеутами и индейцами-«конягами», смертностью от цинги, непрестанной военной угрозы от немирных племен. В преодолении этих всех тягот правой рукой Г.И. Шелихова стал К.А. Самойлов. Из 132 человек команды двух кораблей он оказался самым подходящим, чтобы возглавить начатое дело, когда весной 1786 года Г.И. Шелихов отправился на «Симеоне» обратно в Охотск за подкреплением. В специальном, данном по этому случаю «Наставлении» Константин Алексеевич назван главным управителем, чьи труды, помимо обычного контракта, должны вознаграждаться еще двумя паями. По настоянию Г.И. Шелихова на общем сходе промышенники выбрали его и «передовщиком» вместо проштрафившегося Сакулина, и мореходом, то есть ему подчинялись как промысловые партии, так и судовая команда «Трех святителей». «Наставление» было перспективной программой утверждения русских в Северной Америке. Как доказательство своих государственных планов копии этой инструкции Г.И. Шелихов подавал иркутскому генерал-губернатору И.В. Якоби и самой Екатерине II. С выходом в 1792 году книги Г.И. Шелихова о его странствованиях из Охотска к американ-

ским берегам вся читающая Россия узнала о высоких деловых качествах К.А. Самойлова. «Колумб Роский» называл его человеком, на которого во всем можно было положиться. К.А. Самойлову не суждено было полностью реализовать «Наставление». Годы и напряженная деятельность подорвали его здоровье. Поэтому в 1787 году К.А. Самойлова сменил Е.И. Деляров, однако последнему указывалось, что Константин Алексеевич, если позволит здоровье, остается ему во всем помощником и советчиком. Это явно высокая оценка Самойлову на должности главного управителя. Одно распоряжение ему от Г.И. Шелихова находится в Юдинском собрании документов по истории РАК.

40–60-е годы XVIII века были пиком расцвета клана Самойловых. Степан после иркутского погрома коллежским асессором Крыловым исполнял должность президента Иркутского провинциального магистрата. Енисейцы его выбрали депутатом в Уложенную комиссию 1767 года (см. № 59), в которой он рьяно отстаивал интересы имущей верхушки горожан Сибири.

Три сына Ефима тоже пошли по военной линии, выслужили первые офицерские чины, как и старший сын Степана Михаил. В начале 90-х годов они перешли в гражданское ведомство, став дворянскими заседателями в Ачинском уезде Тобольской губернии и Мологском уезде Ярославской губернии, в Енисейском и Нарымском нижних земских судах. В 60–80-х годах XVIII века у клана Самойловых числилось более 100 чел. дворовых и крепостных крестьян. Несмотря на запретительные указы верховной власти, Самойловы, используя дворянский статус двоих своих членов клана, до 1861 года сохранили значительные земли, всего до 150 тыс. дес. и десятки крепостных (подробнее см. **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. / Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1985. 238–24; **Быконя Г.Ф.** Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 2, гл. 4).

Петр Алексеевич Самойлов породнился с красноярским воеводой И.Я. Пелымским, выдав в 1766 году свою 24-летнюю дочь Матрену за воеводского сына Федора, прапорщика Селенгинского полка. Последний даже не догадался, что его нареченая вышла

за него, будучи беременной, и тайно родила, когда он находился по месту службы. Супруги редко бывали вместе, так как Федор «немалое время по заводам и по разным селениям имел отлучку». Матрена же после смерти свекрови Анны в 1773 году оказалась в воеводском доме полной хозяйкой. По ее собственному признанию, «по попущению судьбы, и по действу дьявольскому, будучи пьяной, впала в прелюбодеяние с домовым свекора управителем Петром Березкиным». Имея с ним «скрытую любовь», тайно родила на заимке девочку, которую с помощью приказчицы Настасьи и ее мужа Михаила Сафьянова подкинула в д. Заледеевской к солдатихе-вдове. Приемная мать крестила девочку, но та вскоре умерла от озноба. Третьи же роды в феврале 1776 года Матрене не удалось скрыть, ибо некстати нагрянувший после отставки муж застал ее с младенцем на руках, «счел месяцы» от последнего своего приезда домой и обнаружил, что жена не доносила три месяца, если бы ребенок был его. Федор, по его словам, «по одному моему любопытству, которое однако было без всякой грубости», допытался обо всех грехах жены. Считая ее «ложью наполненной, потерявшей честь женщиной», он решил развестись. Чтобы избежать огласки и позора, Ф. Пелымский вместе с духовником придумывают подходящую версию. Матрена согласилась «выступиться одержимой» и написать «ложное прошение о разводе» под давлением, по ее словам, «немыслимых угроз, бедности и страха». Однако через полтора месяца, 8 октября тобольский епископ Варлаам отказал в разводе, поскольку «нет таких правил» и велел вернуть взятые 50,5 коп. пошлины с челобитья. Федор Пелымский все же стоял на своем. Он вернул жене часть приданого и выгнал из дома, предварительно заставив ее подать новую челобитную, но уже в Иркутскую консисторию, ибо служил Иркутске. Прошло 2,5 года, прежде чем иркутский епископ Михаил разрешил ему развод и повторный брак. Все это время Матрена жила в Канском остроге у брата, енисейского мещанина Николая Петровича Самойлова. Узнав о готовящемся втором браке Федора, она решает помешать ему. Канские родственники (двоюродная ее сестра была замужем за отставным капитаном Чувачевым, ведавшим казенным хлебным магазином) тоже недоумева-

ли, не зная подлинных мотивов разрыва супругов, как можно при живой жене вновь вступать в брак. Брат даже написал от имени Матрены обращение в суд в Иркутск (февраль 1780) и челобитную тобольскому епископу Варлааму (5 июля). Мешая правду с ложью, они обвинили во всем Пелымского. Мол он, не любя ее, насильно заставил писать ложное челобитье о разводе. Она же об этом даже не помышляла, так как еще молода и здорова. Епископы снеслись друг с другом, и Варлаам велел заказчику Красноярского духовного правления Михайловскому провести расследование. От Федора, который приехал в Красноярск, чтобы получить от отца благословение на второй брак, затребвали письменное объяснение. Он подал его 9 января 1782 года, где истинной причиной развода объявил нелюбовь жены и ее распутство. Он, в частности, писал: «Ныне уже пятый год жену свою не признаю, бещестие и стыд скрыл (и велел. – *Г.Б.*) удалиться для уединения куда только пожелает». Федор утверждал, что отдал даже часть своего имущества, надеясь на ее раскаяние, она же всячески досаждала ему и отцу его, воеводе. Под давлением улик Матрена через месяц, 5 февраля, подает «извинительное доношение», в котором писала, что после обвинений мужа «почувствовала я в совести своей по справедливости страх и суд божий и признание чистосердечно объявляю». В результате Ф. Пелымский 11 марта получил все же разрешение и от Тобольска на второй брак, хотя позже Синод его аннулировал, ссылаясь на то, что брак не расторгают по обету или из-за болезни. Тогда же консистория велела капитаншу Матрену, «чтоб она впредь не могла учинить какого грехопадения, исполнять семилетнюю епитимью в Енисейском девичьем монастыре под присмотром игуменьи и в той церкви священника, а на пропитание свое просить от бывшего мужа». Матрена прибыла в монастырь через 2,5 месяца, «но содержание муж не дал», как доносила игуменья Улита. Сохранилось любопытное «расписание, каким образом Матрене Петровой чрез семь лет епитимью исполнять. Два года плакатися, стоя вне церкви и вне притвора, и каждого входящего в церковь молить со слезами, припадая молиться за нее. Два же года слушать божественных писаний, стоя против царских дверей церковных в притво-

ре, не входя в церковь. Два ж года припадать, стоя внутрь церкви от задния страны амвона до святого евангелия, по святым же евангелии, егда возгласит диакон елицы оглашении изыдите исходить и ей со оглашенными и пребывати вне церкви до скончания божественной службы.

Един же год стоять с верными внутрь церкви до окончания божественной службы, и по совершении стояния с верными сподобить ее святаго причастия.

Между же тем, в случае смертнаго часа а силу Перваго вселенского Собора 13 правила сподоблять ее святаго причастия, а когда уздравляет, то паки до окончания означенных лет до оного не допущать, а велеть исполнять определенную епитимью, и будучи ей под епитимиею, кроме литургии в церковь входить, и где она похощет стоять на утренях и вечернях не возбранять, а во время литургии поступать по предписанному росписанию». Вместе с тем эту несчастную женщину ждали и другие, не менее горшие испытания. 30 сентября 1782 года Матрена просит Красноярское духовное правление отбывать епитимью в Красноярске, так как в Енисейске «находятся родные и двоюродные братья и прочие свойственники, из них некоторые, забыв справедливость честной совести, наносят мне всекрайнейшия преобидности, ругательства и поношения (из-за того. – *Г.Б.*), что я не подаю иск на воеводу Ивана Пелымского о возвращении приданого на 7 тыс. рублей». Через 3,5 месяца, 13 января 1783 года, Тобольская консистория удовлетворила ее просьбу (см. ТФ ГАТО. Ф. 150, 1777 год. Д. 108. Л. 1–48).

Образ жизни Матрены Пелымской был во многом типичен для жен материально обеспеченных офицеров и чиновников в оберофицерских чинах и рангах. Они не ездили с мужьями по их многочисленным назначениям: по нашим подсчетам, каждые 4 года менялось место жительства и каждые 5 лет – должности (см. **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (1985. С. 402; Табл. 17). Наоборот, мужья стремились изо всех сил служить по месту проживания своих семей. Однако в Сибири была хроническая нехватка управленческих кадров и офицеров. Поэтому центральная власть чи-

нила всяческие препятствия для реализации дворянством указа 1762 года о праве самим решать служить им или не служить. Показательны в этом плане службы Федора Ивановича Пелымского. Отец его определил в Якутский пехотный полк солдатом (штаб в Селенгинске); с 1762 года он участвовал в работе Первой ясачной комиссии кн. Щербачева в чине сержанта (Якутск); с 1764 года в чине прапорщика переводят в новообразованный из выведенных из Польши раскольников Селенгинский драгунский полк; с 1769 года полк под командованием И.В. Якоби (см. № 75) выведен в Крым в театр военных действий против Османской империи; в сентябре 1775 года полк вернулся в Сибирь и князь Федор уже в чине капитана побывал дома в Красноярске; в начале следующего года ему удается уйти в отставку и вернуться домой, но семейная трагедия вынуждает его покинуть Красноярск и определиться на гражданскую службу в Иркутск, в местное коммерческое комиссарство комиссаром. В 1782 году в связи с масштабными административными преобразованиями новый иркутский губернатор И.В. Якоби представил Сенату кандидатуру Ф. Пелымского на должность капитан-исправника в глухом Олекминском уезде. Сенат назначает его в 1783 году судьей Олекминской нижней сельской расправы, которой были подсудны все крестьяне уезда, но Якоби самовольно все же определяет Федора в исправники «по его особливой расторопности и знанию тамошних всех обычаев». Через два года князь Федор пытается уйти со службы. 25 декабря 1785 года И.В. Якоби подал рапорт в Сенат о том, что в Иркутск прибыл олекминский земский исправник, капитан князь Пелымский и поданным прошением просится «за болезнями в нем имеющимися для излечения уволить в дом его, в город Красноярск». Как обычно, ему предложили пройти медицинское освидетельствование. Иркутский штаб-лекарь Кратц дал письменное заключение о том, что «Пелымский имеет застарелую головную с шумом болезнь и частое корчение в желудке, и что по сей его болезни не уповательно, чтобы он прежде трех или четырех месяцев совершенно вылечен мог быть». Ссылаясь на медика, И.В. Якоби просит Сенат разрешить четырехмесячный отпуск Ф. Пелымскому. Через 2,5 месяца

Сенат дает согласие и велит выдать паспорт для проезда, но с вычетом жалованья за время отпуска и взятием подписки о возвращении на прежнюю должность (см. **Громыко М.М.** К характеристике сибирского дворянства XVIII века // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 361; **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири… 1985. С. 180–182, 204–205; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 739. Л. 353–354 об.).

В конце концов Ф.И. Пелымскому все же удается вернуться в Красноярск. От второго брака у него родился сын Варфоломей, который, войдя в возраст, сразу пошел служить по гражданскому ведомству и сделал для сибиряка хорошую карьеру (см. № 86; **Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.** Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века. Красноярск: Изд-во КГУ, 1990. С. 59).

№ 76. 1779 г. – ПРИСУШНОЕ «ВОЛШЕБНОЕ ПИСЬМО»

В ночи при частых звездах, при утренной зоре – Марие, при вечерней зоре – Маремьяне, чтобы рабица раба божья (имя) сном бы не засыпала, едой бы не заедала, питьем бы не запивала; как белая рыба на сухом берегу жить не может, так бы рабица без раба божья быть не могла. Во дне прекрасном – солнце, в ноче – при светлом месяце, в ноче – при частых звездах, при утренной зоре – Марие, при вечерней зоре – Маремьяне. Во имя и сына и святого духа аминь 3 (раза. – *Г.Б.*).

Во имя отца, и сына, и святого духа, аминь. Стану я, раб божий, (имя) и, благословлясь, пойду, перекрестясь, из избы – дверьми, из ворот – воротами в чистое поле, в востошную сторону под красное солнце, под светлой месяц, под частые звезды, под утренную зорю – Марию, под вечерную зорю – Маремьяну. Есть в чистом поле в востошной стороне, под красным солнцем, под светлым месяцом, под частыми звездами, под утренной зорей – Марией, под вечерней зорей – Маремьяной, есть свято акиян-море, есть у свята в акияне-море замки и ключи. Я же, раб божий (имя), приду ко святу акиянуморю, возьму замки и ключи, замкну и запру рабицу (имярек) 3 (раза. – *Г.Б.*) в ретивом сердце свои присушные слова, недоговоры и переговоры, чтобы мои слова были лепки и крепки, недого-

воры от старца, от ченца (так в тексте, скорее всего «юнца». – *Г.Б.*), от попа, от бельца, от старова и от малова, от троезубова, от двоезубова, от троеженца, от двоеженца, Чернова от черемнова от бабы белоголовки, от девки простоволоски, снесу ключи в сине море, опущу на дно, отдам киту-рыбе навеки. Не тот кит, который в синем море, тот кит, на котором мать сыра земля основана. Когда кита-рыбу изловят, ретивое сердце выбросят, горячую кровь пропустят, тужно (тут же. – *Г.Б.*) рабице (имярек) попортитца от раба божия (имярек). Во имя и сына, и святого духа аминь 3 (раза. – *Г.Б.*).

ГАКК. Ф. 796 (коллекция Г. В. Юдина). Оп. 1. Д. 4199. Л. 3–3 об.

Комментарий

Такие «волшебные письма», свидетельствующие о наивной полуязыческой вере людей феодальной эпохи в заговоры и сверхъестественную силу, распространялись тайно и скрывались от властей, особенно церковных, ибо «волшебные и богохульные дела», как и семейные, традиционно относились к их компетенции. Поэтому посельщик Алексей Бутыркин, если верить документам, желая за что-то отомстить взявшему его в свой двор «для работ» красноярскому сыну боярскому Герасиму Иконникову, выкрал это писанное рукой хозяина «волшебное письмо» и передал священнику с. Рыбинского Анкидину Ендаурову.

Вполне возможно, что священник сам организовал кражу, ибо 11 января на именинах «своего воспреемника» его обвинили в блуде с женой отставного казака Василия Иконникова, обругали матерной бранью и сильно избили. Кроме Василия, участниками избиения были Герасим Иконников с сыном и женой, которые Ендаурова «называли вором, плутом, сводником и злодеем». Заполучив «письмо», отец Анкидин, явно руководствуясь не только служебным долгом, сразу же переслал его вместе с сопроводительным доношением в Красноярское духовное правление и просил наказать всех Иконниковых.

Трудно сказать, чем закончилось это дело, так как до нашего времени сохранилась лишь промемория духовного заказчика Михайловского в Красноярскую воеводскую канцелярию, в которой он излагал суть конфликта и требовал прислать к нему Иконниковых.

№77. 1782 г., января 1. Енисейск. – КРЕДИТНОЕ ПИСЬМО ЕНИСЕЙСКОГО КУПЦА ЕФИМА ТРЕСКИНА СВОЕМУ ПРИКАЗЧИКУ

1782 года… купец… Трескин сим… я прикащику своему, мещанину Афанасию Федорову сыну Елацеву, вышеописанного числа впредь на три года полную моч даю и верю, в том на мое, Трескина, имя и с тем в сибирский город посланными от меня деньгами и товарами на три тысячи рублей, торговать и продавать и покупать.На вырученные деньги за сделку чинить ему и на мое хозяйское, Трескина, имя в долги на векселя состоятельным людям давать с поруками и с подати с мои с меня верити, а самому на векселя не брать, и что показано моему прикащику учинить и в действо произведеть, то все я, хозяин Трескин, пришлю на себя, в чем я, Трескин, и обязуюсь.

К подлинному кредитному письму Ефим Трескин, енисейский купец, подписалса… дня… Письмо сие в магистрате свидетельствовано, и по свидетельству оказалось, что подлинно подписано рукою означенного Енисейской губернии купца Ефима Трескина, и никакого в нем подлогу нет, и во уверения у подлинного ея императорского величества Енисейского магистрата печать приложена.

К подлинному свидетельству подписали президент Василей Дементьев, пищик Федот Спицын.

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.

Комментарий

В торговле тогдашнего Красноярска, как и всей Сибири, преобладал неэквивалентный обмен, основанный на естественно-географическом разделении труда различных районов Сибири. Чем шире купец организовал скупку изделий ремесла, продуктов земледелия и промыслов в одном районе и продажу их там, где их было недостаточно, тем успешней шли его дела. Большие транспортные расходы в Сибири требовали от него значительного начального капитала. Поэтому нередко приходилось прибегать к кредиту. В Сибири тогда было только две банковских конторы – в Тобольске и Иркутске. Крупные купцы обычно имели в различных уездах Сибири своих торговых представителей – приказчиков,

которые вели торговлю от имени своих патронов. Нередко приказчиков, обладавших некоторыми средствами, брали в долю, чтобы заинтересовать в делах. Красноярские купцы были малосильными, и многие из них выполняли торговые поручения более крупных купцов из Енисейска и Томска. В конце XVIII века и особенно в первой четверти XIX века ряд енисейских купцов, в том числе и Ефим Трескин, перебрались в быстрорастущий губернский Красноярск. С оригинала данного документа в «Книгу для записки объявлений по Красноярску мещан данным для торгу кредитным писем» была в первой четверти XIX века вписана копия. Копиист ошибся, назвав купца Трескина купцом Енисейской губернии, которая, как известно, была учреждена в 1822 году.

№ 78. 1782 г., июня 6. – УКАЗ КРАСНОЯРСКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ СТАРОСТЕ ЗАЛЕДЕЕВСКОГО СТАНКА О СЫСКЕ БЕГЛОГО СРОЧНОГО РАБОТНИКА ИЗ БУЗИМСКИХ КРЕСТЬЯН

Указ Ея Императорского Величества самодержицы всероссийской ис Красноярской воеводской канцелярии Заледеевского станку старосте.

3 числа июня поданной в сию канцелярию красноярской купец Петр Юшков доношением объявил : находящейся де у него по жилой от красноярских крепостных дел записи в годовой срочной работе Бузимского станку крестьянской сын Иван Порываев сего июня с 3 числа дня с пашни ево неведомо куда бежал, которой приметами: лицом смугл, круглолиц, волос темнорусый, глаза карие, ростом невелик, летами менше дватцати, на коем состоит незаработанных денег тритцать пять рублев; и означенным доношением упоминаемой купец Юшков просит, чтоб здешняя канцелярия соблаговолила о сыску и о поимке означенного крестьянского сына Ивана Порываева по вышеописанным приметам в городе Красноярске публиковать и куда принадлежит указами предложить по сыску и по учинения ему за побег подлежащего наказания для зарабатывания вышепоказанных состоящих на нем, его, Юшкове, денег благоволено было оного Порываева отдать ему, Юшкову, по-прежнему. И на оное в Красноярской воеводской канцелярии определено о сыску показанного бежав-

шего от купца Юшкова работника Бузимского станку крестьянина Ивана Порываева со описанием примет его в городе Красноярске публиковать, в подчиненныя селения и старостам послать указы с тем, где и кем упоминаемой Порываев сыскан будет, то его в тот час городовым жителям представить, а ис подчиненных мест прислать в сию канцелярию за караулом и Заледеевского станку старосте учинить о том по сему ея императорского величества указу, а протчия места, куда надлежало, о том же указы посланы и в городе Красноярске публиковано июня 6 дня 1782 году.

Воевода князь Иван Яковлевич Пелымской, секунд-майор Петр Борисов, секретарь Яков Половодов, канцелярист Иван Карамышев.

ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

Комментарий

Положение неимущих людей было крайне тяжелым. Местные богатеи стремились и в Сибири установить крепостнические порядки, которые в европейской части России во второй половине XVIII века, по выражению В.И. Ленина, «…ничем не отличались от рабства» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 70). Найм обычно сочетался с займом, что приводило к кабальным отношениям, произволу работодателя. Широко практиковали отдачу несостоятельных должников или налогоплательщиков в принудительную работу. Не исключено, что это был уже внук Ивана Порываева, который в 1741 году в том же Бузиме пытался избавиться от кабалы (см. № 51).

№ 79. 1783 г., августа 1. Иркутск. – РАПОРТ В ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА» ИРКУТСКОЙ И КОЛЫВАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА ИВАНА ВАРФАЛОМЕЕВИЧА ЯКОБИ ЕКАТЕРИНЕ II О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОСТАВИТЬ КРАСНОЯРСК УЕЗДНЫМ ЦЕНТРОМ[1]

Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской. Государыне всемилостливейшей от генерал-поручика, правящего должность Иркутского и Калыванского генерала-губернатора, и кавалера Якоби всеподданнейший рапорт.

В именном В.И.в. высочайшем указе, данном правительствующему Сенату во 12 день прошедшего майя о переименовании Калыванской области в губернию того же имени, и о составлении ее из пяти уездов и именно: Калыванского, Селиманалатенского (Семипалатинского. – *Г.Б.*), Бийского, Кузнецкого и Абаканского, между прочим в 3-м пункте изображено: пригороды и остроги, «по коим называются уезды, учредить уездными городами», но притом, что касается до Абаканска, то правящему должность генерала-губернатора, разсмотреть самолично, удобно ли сие место для бытия в нем городу, или же учредить оный способнее в Красноярске. И во исполнение сего Высочайшего Вашего И.в. указа, не оставил я в нынешнее мое в Иркутск следование проехать в тот Абаканской острог и, осмотревши как оного так и близ ево лежащих пределов местоположение, имею щастие донести В.И.в. о встретившихся мне неудобностях к заведению там или в ином месте уездного города.

1-е. Хотя Абаканск и подлинно заведение свое имеет на лутшем и на ровном месте, и будто бы сама натура, приготовляя сие местоположение, особенно старалась отличить ево всем пред прочими урочищами, так как и предместий ево, представляясь взору, умножают более красу ево, но, к сожалению, река Енисей, протекая течением своим с правой стороны мимо ево и подмывая в разлитие свое берег, не только наводит всегда безспокойствие, но и совершенное раззорение, а жители удостоверяют, что от начала заведения тут острога более ста сажен отмыло берега, и год от году сильняя устремляя свое течение к тому берегу, опаснее становится. Остаток разрушенных зданий, гибельное состояние берега и быстрота Енисея, – все те подтверждают удостоверение[2].

2-е. Против самого острога и вниз по течению с правой стороны, миновав несколько жила, река Енисей разделилась на разные большие протоки, которые ничем почти не уступают настоящему Енисею, и при всем том с левой стороны каменистой с утесом берег, примерно более 15 сажен в вышину, все отнимает способы к зделанию на нем взвоза или хотя тишаго спуска, а потому самому на заречной стороне принуждено содержать перевозы гораздо нижее, и оттуда более 5 верст с большим трудом и с опас-

ностью должно вверх к жилу подниматся, а особливо с тягостями следуя. И так по заведении там города, один перевоз и с одной стороны обывателям послужит в совершенное отягощение, тем более, что тогда и приезд должен умножится, а с другой, и приезжающие принуждены будут терпеть остановку и чрез промедление терять свободное время.

3-е. Поселяне большею частию жительством своим прилегают к городу Красноярску, а хотя около Абаканска и далее к границе довольно умножилось жила, но оные составляют одно толко число селений, потому что самое болшое их селение не более как из 10 домов составляет жилище, а инде два и по одному двору заведено, и первоначальные переходцев намерения по слабому прежнему здесь надзиранию не в том состояло, чтоб умножить тот край селением или воспользоваться на новом месте преимущественным земледелием, но чтоб другие захватить выгоды, какия на один раз им блеснули, и по миновании которых не оставляли они переходить из места в место и на другие урочища до нынешнего времени, пока не пресечена к тому им вольност[3]. Из сего следует, что большая часть жителей, исключая кочующих иноверцев, отдалится от города, естли оной в Абаканске учрежден будет.

4-е. Острог Караульный, который прежде по В.И.в. указу, данному пр. Сенату в 20-й день октября прошлого 782 году повелено было обозреть, по смотру моему оказался неудобным для города, потому что разположение свое имеет в каменистых горах и окружен болотами, а жители, не имея никакой выгодности к своему прожитью, все почти разошлись в другия селении.

5-е. Красноярск, по претерпевший в 773 году от пожару разорения, начал ныне мало помалу приходить в состояние, и город сколко можно по здешнему месту выстроен по плану довольно изрядно; но по заведении в Абаканске или в другом каком месте города, должен уже остатся пригородком. И купечество, лишившись многих выгодностей, или туда должно переселится для предудержания своей торговли, оставив свое домостроительство и все заведении, или остатся на месте при неболших преимуществах[4]. Правда, что сие для купечества и не может служить причиною по уменшении коммерции, тем более, что торгующие обя-

заны по своему долгу отправлять ее во всех местах, где есть способ, но здешнее однако ж купечество в разсуждении претерпенного прежде раззорения несколко может быть извинительно.

6-е. Иркутская дорога по частослучающимся здесь наводнениям особливого требует о себе попечения, какового по уничтожении в Красноярске правления и по отдаленности Абаканска и других мест, естьлиб которое нибудь учрежденно было вместо Красноярска городом, потребность совсем почти невозможно, или по крайней мере весма трудно. Наконец, и того не скрою от прозорливости В.И.в., что Красноярск гораздо ближе отстоять будет от губернского города, нежели Абаканск и все те места, где бы можно было устроить город. А сверх того ни малейшей нет и возможности устроить от мест их способно и особливо для коммерции попутствующей дороги в разсуждении степного гористаго местоположения. Я хотя и окольными дорогами туда пробирался, но с великою нуждою и трудом мог туда проехать, и следование свое туда обратил уже с Иркутской дороги от деревни Кии в 300 верстах от Красноярска состоящей.

По всем таковым встретившимся мне обстоятельствам должен я был приказать на теперешней случай открыть судебные места в Красноярске, исключая нижней расправы, которую по способности или, лутче сказать, по необходимости велел учредить в Караульном остроге, приписав все коронныя (то есть казенные. – *Г.Б.*) селении равным образом и иноверцев, согласно В И. в. учреждению в ведомство сего суда, но чтоб в разсуждении збора ясака и других податей не могло быть по отдаленности затруднения или злоупотреблений, в том не оставлю я зделать особливаго разпоряжения и предложить ево казенной палате[5]. Впрочем повергая сие мое донесение в прозорливое В.И.в. благоразеуждение, всеподданнейше прошу во утверждение высочайшаго повеления. Якоби.

РГАДА. Ф. 248. Д. 6500. Ч. III. Л. 113–114 об.

Комментарий

1. Иван Варфоломеевич Якоби (1740–1803) был дедом по материнской линии видного декабриста Ивана Александровича Ан-

ненкова (см. Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 5). Его отец, В.В. Якоби (1693–1769), выходец из Германии, при Анне Иоанновне отправен служить в Восточную Сибирь, где пробыл около 50 лет. Из них не менее 30 был комендантом приграничного Селенгинского уезда, то есть фактически полным хозяином Западного Забайкалья. Кадровый военный и умелый администратор, умный и расчетливый, инициативный и в то же время осторожный, В.В. Якоби был замечен Екатериной II, которая назначила его в 1763 году начальником Селенгинской секретной пограничной комиссии.

Якоби-сын с помощью отца сделал блестящую карьеру, невиданную для обычного офицера-сибиряка. В 1764 году он уже полковник и участвует с полком, сформированным им в Восточной Сибири в первой русско-турецкой войне 1768–1774 годов. Он служил под началом блестящих генералов П.А. Румянцева и А.В. Суворова, но в основном отвечал за тылы. Посланный с донесением в столицу, он сумел понравиться императрице и получил должность астраханского губернатора. Спустя три года, в 1781 году его отрешили от должности. Дожидаясь нового назначения, он, чтобы выслужиться перед Екатериной II, низко и пошло оклеветал А.В. Суворова, который находился в Астрахани, устраивая Кубанскую военную линию для обеспечения безопасности новой юго-западной российской границы. Императрица, падкая на различные сплетни, приблизила И. Якоби, выдала за него замуж одну из своих фрейлин и, как шутили придворные, дала за невестой в приданое всю Восточную Сибирь, назначив ее мужа в 1782 году генерал-губернатором новоучрежденных Иркутской и Колыванской губерний, вошедших через два года в Иркутское наместничество. Через 4 года по многочисленным жалобам и обвинениям в злоупотреблении И.В. Якоби был «отрешен» от должности. Разбор «Якобиева дела» затянулся на многие годы (см. **Вигель Ф.Ф.** Записки. М., 1891. Ч. II. С. 164). Сам ответчик умер под следствием, хотя его вина так и не была полностью доказана. Единственной своей дочери Анне Якоби оставил огромное состояние (см. **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 203–207).

2. Вопрос о переносе уездного центра из Красноярска был поднят, вероятно, для того, чтобы приблизить его к Колывании (совр. г. Бердск), новому губернскому центру на Алтае.

3. И.В. Якоби не сгущал краски. В начале XIX века, как отмечал очевидец, «Енисей… подмывая правый берег свой, принудил жителей Абаканского острога перенести домы свои на другое место. И там, где было прежде селение, течет теперь река. Одна только крепость остается на старом месте, но и она недолго устоит против нападения грозного Енисея, ибо берег под сею крепостью в большую воду ежегодно обваливается» (см. **Спасский Г.** Примечания, служащия к пояснению наставления профессора Палласа, данного студенту Кашкарову // Сибирский вестник. М., 1819. Ч. 6. С. 117–118).

4. Автор имеет в виду различные промыслы, которые, как настойчиво твердила центру сибирская администрация XVIII века, мешали распространению землепашества. Однако не «природная ленность и беспечность» определяли отношение сибиряков к пашне, а естественное желание полнее распоряжаться продуктами своего труда. В условиях усиливавшегося налогового гнета, несмотря на административный нажим властей, сибирские крестьяне нередко сознательно ограничивали запашку, переводя трудовые ресурсы своего двора в другие, труднее поддающиеся фискальному учету и обложению отрасли хозяйства. При равной экономической отдаче от земледелия, скотоводства и промыслов предпочтение обычно отдавалось неземледельческому труду, ибо он расширял возможности сибиряка по присвоению себе производимых им самим материальных благ, обеспечивал более широкую свободу хозяйственной деятельности и территориальных перемещений.

5. Для такого небольшого города, как Красноярск, присутствие уездных учреждений и чиновников являлось заметным экономическим стимулом. По штатам 1763 и губернской реформе 1775 года, введенной в Сибири в 1783–1784 годах, в каждом уездном городе находились до 40 назначенных и выборных чиновников и гарнизонная команда из 34 солдат во главе с подпоручиком (см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 6500. Ч. III. Л. 26–26 об., 169–210). С чле-

нами семей общая численность всех лиц с административно-налоговым и полицейско-военными функциями могла достигать нескольких сот человек. В Красноярске перед приездом Якоби их насчитывалось 224 души муж. пола, а с женским полом – около 500 человек (см. **Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. … 1981. С. 204. Табл. 37).

Из учреждений, которые ведали сельским населением Красноярского уезда, кроме судебного органа – нижней сельской расправы, в городе находился нижний земский суд как основной, заменивший воеводскую канцелярию исполнительный орган местной власти и управления, уездное казначейство и стряпчий, осуществлявший прокурорский надзор. После решения оставить Красноярск по-прежнему центром уезда нижнюю расправу тоже перевели в город, а красноярцы в январе 1784 года стали свидетелями торжественной церемонии официального открытия уезда и его учреждений.

.

№ 80. 1783–1786 гг. – СПИСКИ КУПЦОВ И МЕЩАН КРАСНОЯРСКА С УКАЗАНИЕМ РОДА ЗАНЯТИЙ, ЗВАНИЯ И ВРЕМЕНИ ЗАПИСИ В СОСЛОВИЕ

Василей Иванов сын Старцов. Родился в городе Красноярске, а поступил в 748 году из казачьих детей в посад (в 775 году поступил в мещане и проходил службу: в 767, 777 годе – городским старостою; в 783 году – в бывшей ратуше у денежной казны щетчиком (пропитание имеет от хлебопашества).

Олексей Семенов сын Кудрявцев, природной посадской, родился в городе Красноярске, был у службе в 726 году у приему и отдаче ясашной соболиной казны в городе Тобольске (и Иркуцке… Сын Дмитрий пашет на порозших землях. С 1771 г. – в услугах у откупщика Лобанова).

Михаил Петров сын Петлишной, родился в городе Красноярске, поступил в прошедшей третьей ревизии (с. 1764) г. ис крестьян в посад, а в 775 году переименован в мещане и проходил службу: в 765 году – в словесном суде судьей; в 773 году – редовым старостою. (Пропитание имеет от мелочного торгу… Долгов за собой не имеетца.)

Степан Федотов сын Кулаков, ис цеховых, и в службе был в 763 году в бывшей ратуше в сторожах; сын его Емельян в 777 году в пожарной машине машинщиком (…Имеет небольшое хлебопашество… Долгов нет.)

Иван Степанов сын Ильиных, родился в городе Красноярске, ис цеховых, в службе был: в 776 году по городу Таре в Тюкалинской слободе у продажи казенной соли целовальником; а сего 1786 году – у роскладки подушных и мирских денег роскладчиком. (…Долгов нет.)

Иван Семенов сын Овчннкин, поступивший в прошедшей третьей ревизии ис крестьян в посад, и проходил службу: в 765 г. – по выбору общества у земских дел старостою; в 777 году – в словесном суде судьею; в 786 году – от сиротского суда по командам стряпчим.

Леонтей Васильев сын Москвитин, родился в городе Красноярске, природной посадской и проходил службу: в 770 году – в Канском остроге у соли целовальником; в 783 году – при полицыи в разсыльщиках. (Обращаетца в землепашестве на порожних землях.)

Степан Васильев сын Чихачев, родился в городе Красноярске, поступил в прошедшей второй ревизии по определению Красноярской воеводской канцелярии ис казачих детей в цех и проходил службу: в 766 г. – у роскладки подушных денег роскладчиком; в 767 и 768 годах – при городе у продажи казенного вина целовальником; в 768 году – у оценки есашной казны оценщиком. (Пропитание имеет по найму у разного чина людей.)

Павел Михайлов сын Сколков, родился в городе, ис цеховых, службу проходил: в 780 году – в словесном суде судьею; в 783 году – у роскладки подушных мирских денег роскладчиком. (Пропитание имеет от портного ремесла.)

Петр Михайлов сын Сколков, родился в городе, ис цеховых, службу проходил: в 780 году – в словесном суде: в 786 году – у роскладки подушных и мирских денег роскладчиком. (Пропитание имеет от портного ремесла.)

Семен Лаврентьев сын Дондин, вошел в бывшей второй ревизии в цех, а сын ево Василей проходил службу: в 776 году – по на-

ставлению бывшей ратуши у смотрения… винного кормчества; в 780 году – по наставлению от земских дел за переписью живущих по уезду мещан; в том же году по приказу земских дел – за збором оброчных данных денег. А сего 1786 года по выбору обществ – у городовых дел старостою. (Обращается в хлебопашество, а сын ево производит мелочный торг по городу Красноярску)

Алексей Алексеев сын Кудрявцев, родился в городе Красноярске, природной посадской, проходил службу: в 760 году – за переписью по уезду посадских к житию в городе Нерчинске; в 766 году – в Канском и Удинском острогах у винных целовальников; в 768 году – в словесном суде судьею; в 771 году – у приему и отпуску казенного вина; в 778 году – в словесном суде судьею; в 780 году – за переписью мещан в заведывание к городу Енисейску; в 782 году – у переписки ревизских сказок; в 785 году – у роскладки подушных и мирских денег роскладчиком. (Пропитание имеет пашней и мелочным торгом.)

Василей Васильев сын Москвитин, родился в городе Красноярске, природной посадской, проходил службу: в 765 году – у збору подушных денег зборщиком; в 767 году – в словесном суде судьею; в 772 году – в бывшей ратуше щетчиком; в 765 году – у приему и отдаче денежной казны в магистрате щетчиком. (В мещанство поступил в 775 году. К продовольствию своему по известности ратуше производил медное мастерство.)

Матвей Иванов сын Чистяков, поступил в прошедшей третьей переписи по указу Тобольской губернской канцелярии в цех и проходил по Красноярску службу: в 778 году – у осмотрения неуказанных товаров; в 782 году – у сбору подушных денег зборщиком. (Обращение имеет своему продовольствию в городе Красноярске, а равно в Енисейске и Томске мелочным торгом).

Егор Григорьев сын Воронов, природной посадской, родился в деревне Шилинской. Написан в купечество в 3 гильдию и проходил службу : в 766 году – в городе Мангазее у казенного вина головою; в 772 году – по городу Красноярску у приему и отпуску казенной соли головою; в 782 году – городским старостою.

Михайло Иванов сын Тюрепин, родился в городе, ис купечества и проходил службы: в 764 и 765, 777 годех – в словесном суде

судьею. (Пропитание имеет по доверенности от разных купцов и от продаж разных мелочных сумм.)

Илья Васильев сын Пивоваров, родился в городе, ис посадских (в 775 году переименован в мещанство) и проходил службы: в 773 году – у збору общегражданских денег зборщиком; в 782 году – у пожарной машины машинщиком. (Пропитание имеет от плотнишного мастерства.)

Андреян Прокопьев сын Терской, родился в городе Красноярске, а поступил в прошедшей третьей ревизии ис крестьян в посад и был в службах: в 779 году – в городе по збору общегражданских денег зборщиком; в 785 году – в словесном суде судьею. (Долг 2090 руб. 39 коп. выше капитала. У купца Пороховщикова служил в зачет долга по 12 рублей в год.)

Иван Тимофеев сын Ушаков, родился в городе, ис посадских и был у службы: в 764 году – при питейных зборах при кружечном дворе ларешным; в 768 году, в 776- м году – в бывшей ратуше у денежной казны щетчиком; в 784 году – городским старостою.

Иван Леонтьев сын Сытин, города Москвы ис купечества, а в Красноярском – с прошедшей третьей ревизии проходил службы : в 766-м году – по городу Красноярску у приему и отпуску казенной соли головою; с 771 года с августа месяца до 1783 года по декабрь находился в бывшей ратуше ратманом и в той же бытности был городским главою два года. (Комерцыю производит в городе Красноярске при домовой лавке мелочным товаром…)

Василей Никифоров сын Песегов, родился в городе Красноярске, ис посадских, и был в службах: 745-м – у продажи казенной соли в селе Новоселово целовальником; в 749-м у роскладки общественных денег роскладчиком; в 753 году – бывшей ратуше щетчиком; в 745-м – в Канском и Удинском острогах у перемерки вина; в 759-м – у приему и отпуску казенной соли головою; в 760-м – за отвозом в Тобольское соляное комисарство соляной денежной казны; в 767-м – по балатированию общества городским головою 6 лет; в 750-м году – в Абаканском остроге у збору таможенных денег; сын его Иван в 55 году – у смотрения неуказных товаров старостою. (Комерцыи, кроме мелочного торгу, не имеет, а имеет на порожних землях хлебопашество и сверх оного разной промысел.)

Федор Иванов сын Нашивошников, родился в городе Красноярске, ис посадских, и проходил службы: в 769 году – у записки во время постившихся бывших и не бывших у исповеди и святаго причастия; в 776-м году – в селе Арейском у Троецкой церкви старостою; в 777 году – у приему и отпуску казенной соли головою; с 782 по 785 год – городским головою.

Федор Алексеев сын Вальнев, родился в городе Красноярске ис посадских (в 1775 году вступил в мещанство), в службах был: в 771-м году – в бывшей ратуше за квартермейстера; в 781 году – у оценки казенных питейных домов оценщиком. (К продовольствию своему имеет кожевенный промысел и чеботное мастерство.)

Федор Романов сын Ошаров, родился в городе Красноярске, а поступил в прошедшей третьей ревизии ис крестьян в посад и был у служеб: в 777 году – у записки во время постов бывших и не бывших у исповедей и святаго причастия; в 776 году – у смотрения над обывателями винного корчемства; а сего, 786 года, – в словесном суде судьею. (Пропитание имеет от мелочного торгу. Капиталу у себя имеет 150 руб…)

Григорей Иванов сын Тюрепин, родился в городе Красноярске, ис купечества, у служеб был: в 770-м году – редовым старостою; в 780 году – у оценки ясашной казны оценщиком. (Пропитание имеет от крашенинного ремесла и от малого количества хлебопашества.)

Григорей Иванов сын Красиков, родился в городе Красноярске, а поступил в прошедшей третьей ревизии иск крестьян в посад и проходил службы: в 763 году – в Абаканском остроге у продажи вина целовальником; в 775 году – у записи конских пошлин и в словесном суде пищиком; в 768 году – в словесном суде судьею; в 780 году у смотрения неуказных товаров старостой; в 774 году – в словесном суде судьею. (Пропитание имеет от хлебопашества. В состоянии своем добропорядочен и отягощением в долгах несоразмерно своего капитала.)

Павел Тимофеев сын Колегов, родился в городе Красноярске, а поступил в прошедшей третьей ревизии ис крестьян в цех и был в службах: в 766 году – в багажном завозе у соли целоваль-

ником; в 773 году – бывшей ратуше щетчиком; в 780-м году – редовым старостой. (К продовольствию своему имеет кожевенное и чеботное ремесла.)

Трифон Яковлев сын Воробьевской, родился в городе Красноярске и поступил в бывшей третьей ревизии ис крестьян, в 775 году переименован в мещане в цех и был в службах: в 764 году – у роскладки общегражданских денег роскладчиком; в 772 году – у смотрении неуказных товаров старостою, в 780-м году – у оценки ясашной казны оценщиком. (Пропитание имеет от кожевенного ремесла и небольшаго хлебопашества.)

Тихан Иванов сын Гаврилов, поступил в бывшей третьей ревизии по указу Тобольской губернской канцелярии города ис купечества в цех, в 775 году переименован в мещане и был у службы в 778 году редовым старостою. (Продовольствие имеет в городе Красноярске разной мелочной торг.)

Прокопей Иванов сын Бородулин, родился в городе Красноярске, ис цеховых, в мещанство поступил в 775 году, у службы был: в 776 году – при полиции; в 779 году – в разсыльщиках, у оценки ясашной казны оценщиком; в 786 году – у призрения нищих маклером. (Обращается в иконописном мастерстве и пропитание от чего имеет.)

Бывшего мещанина Тимофея Кирилова жена Парасковья Иванова. Оной Кирилов родился в городе, ис посадских, и по некоторому делу послан в поселение города Туруханска в деревню Сергееву, а дети ево остались в мещанах.

Александр Васильев сын Свешников, родился в городе Красноярске, ис цеховых, в 775 году переименован в мещане, а службу продолжает с 757 года пищиком, с 763 года по указу Тобольского губернского магистрата и поныне – при исправлении письменных дел в магистрате копеистом. (Поныне находитца на содержании купцов и мещан.)

Илья Иванов сын Агапитов. Оной Агапитов ис купцов, родился в городе Енисейске, а в Красноярске вошел в мещане в 782-м году по указу Енисейскаго магистрата. (Пропитание себе имеет от иконописного мастерства.)

Василей Тимофеев сын Толщин. Оной Толщин з братом Тимофеем определен в 783 году из отставных солдатских детей в мещанство. Пропитание имеет от хлебопашества.

Никон Осипов сын Лубнин, родился в городе Красноярске, ис посадских, в мещанство вступил в 1775, у служеб был : при полицыи – в 766-м году; во время пожару – у багров; в 773 году – у пожарной машины машинщиком. (К продовольствию своему имеет промысел – работа деревянной посуды. Долгов не имеет.)

Иван Иванов сын Черепанов, родился в городе Красноярске, ис казачьих детей, прежде записан был в подушной оклад в прошедшей третьей ревизии – за купцом Леонтьем Пороховщиковым, ныне ж жительство имеет собою; у службы был в 784 году у винного магазина присяжным.

Федор Федоров сын Власьев. Оной Власьев поступил в бывшей третьей ревизии ис посадских в цех по указу Енисейскаго магистрата; ныне в 786-м году – у службы у оценки ясашной и протчей казны оценщиком. (Пропитание имеет от мелочного торгу по доверенности от красноярского мещанина Ивана Фереферова.)

Иван Иванов сын Фереферов. Оной Фереферов вошел в 762-м году по поданному доношению города Соли Вычегодской ис крестьян в цех и у служеб был: в 770-м году – в словесном суде судьею; в 783-м году – у призрения нищих маклером. (Пропитание имеет от мелочного торгу.)

Григорей Никитин сын Мукосеев, природной купец, родился в городе Великих Луках, взошел в красноярское купечество в 1782-м году с объявлением своего собственного капитала 1100 руб. во 2-ю гильдию, но в 784-м и в 1785-м годех при подании сказок преждеобъявленной капитал свой по случаю неполучения долгов умалил; ныне ж, получив подкрепление своего доходу, объявил по совести 1050 руб., в чем и уверил представленнаго в подлиннике обнадеживающей капитал. (По короткости и вступлению в купечество и за неокончанием возложенной на него от коронноповеренных повереннической должности ращетов, торгов не начинал, а поныне провизиею довольствуетца ис получаемой от коронново повереного платы. В звании своем не сумнителен, долгов кредиторам никому не имеет.)

Петр Леонтьев сын Пороховщиков, родился в городе Красноярске, ис цеховых, и в службе был : в 768 году – бывшей ратуше ратманом; в 771-м году за некоторое подозрение отрешен, а ныне по объявленному капиталу состоит во 2-й гильдии, лишаясь объявленнаго им собственнаго капиталу, уверил по торгу обращения своего с иногородними ярмонками равново обязанности с казенными винными и партикулярными винокуренными заводами в поставке правианта ращетными квитанциями, а по таковым представлениям ево доказательствам без сумнения и запискам. (Торг производит немецкими, китайским, российскими, сибирскими пушными товарами и рогатым скотом в Ирбицкой, Енисейской, Иркуцкой и Мангазейской (ярмарках. – *Г.Б.*) и при Кяхтинском форте, а равно и ведомства Красноярскаго в разных селениях мелочных торгов, да сверх онаго торгу находитца комиссионером от томскаго купца и солянаго подрядчика Петра Шумилова…)

Егор Леонтьев сын Пороховщиков, родился в городе Красноярске, ис цеховых, и был в службе при городе Красноярске: в 780 году – у приему и отпуску казенной соли головою; а ныне по объявленному капиталу вошел во 2-ю гильдию (о подлинности объявленнаго им собственнаго капитала 5025 руб. и по торгу обращения своего с иногородними ярмонками, равно ж обязанности с казенными винными партикулярными заводами в поставке провианта ращетными квитанциями и с казною во исправной поставке соли, а по таковым представлением доказательством без сумнения и записан пожеланием ево в части 2- й гильдии. (Комерцыю производит немецкими, китайскими, российскими, сибирскими и разными пушными товарами, также лошадми и рогатым скотом в Ирбицкой, Енисейской, Иркуцкой и Мангазейской в протчих местах; комерцыи, кроме мелочного торгу, не имеет, а имеет на порожних землях хлебопашеством и сверх оного разной промысел.)

Федор Павлов сын Пьянов, родился в городе Красноярске, а поступил в 777 году по промемории Красноярской воеводской канцелярии ис крестьян в купечества, а ныне о подлинности объявленнаго им капитала уверил в наличности представленными ассигнациями денежными и наличными товарами, всего на 1029 руб., чего и оказалось действительно, и записан в часть 3-й гиль-

дии. (Торг по Енисейску, Иркуцку, Томску и Красноярску, гостиные ряды уезда.)

Иванов Евстратов сын Новиков, родился в городе Красноярске, ис цеховых, в службе находится с 783-го года сентября 9 числа и поныне в городовом магистрате бургомистром. Вошел по объявленному капиталу в 3-ю гильдию. С подлинным объявленнаго им капитала представил доказательство известного, состоящего при доме ево мыловаренного завода наличными покупными припасами и выделанными из оного товарами, чего и оказалось весьма достаточно ко внесению в часть 3-й гильдии. (И продовольствие своему имеет в варении мыла, также в городе Красноярску производил мелочной торг, а сверх того находится комиссионером от томскаго купца и соляного подрядчика Петра Шумилова…)

Семен Иванов сын Худоногов, родился в селе Есаулове, ис цеховых, в службах был: в 773 году – в Бирюсинском селе у продажи соли целовальником, а с 783 года сентября с 9-го числа и поныне находитца в городовом магистрате бургомистром; вошел по объявленному обще з братом ево капиталом в 3-ю гильдию; о подлинности объявленнаго капитала уверил представленными в наличности денежными ассигнациями и регистрами долговыми и наличными товарами, зачем и вписан в часть 3 гильдии. (Деньги, товары в долг дает.)

Василий Андреев сын Жижин. Оной Жижин поступил в 769-м году города Соли Вычегодской ис крестьян в посад по поданному доношению, в службе градской был : с 775 года по 781 год – городским главою, а ныне по объявленному капиталу вошел в 3-ю гильдию. О подлинности объявленнаго им капитала уверил в наличности представленными ассигнациями денежными и наличными товарами на (? – *Г.Б.*) руб., чего и оказалось действительным, почему и записать ево в часть 3-й гильдии. (По свидетельству Красноярской ратуши комерцыю производит разными товарами во время ярмонок в Енисейске, Ирбите, Томске, Иркуцке, тож и в городе Красноярске.)

Иван Иванов сын Суворов, родился в городе Красноярске, а поступил в прошедшей третьей ревизии ис крестьян в посад и был в службах: в 769 году – в словесном суде выборным; в 776

году – у приему и отпуску казеной соли головою; а ныне вошел в купечество в 3-ю гильдию. (Комерцыю производит разными товарами по городу Енисейску, Мангазее, Иркуцку, Томску и при Кяхтинском форпосте, тож и в городе Красноярске. В звании своем не сумнителен и долгов кредиторам не имеет.)

Иван Иванов сын Коростелев. Оной Коростелев родился в деревне Коростелевой (Канского комиссарства. – *Г.Б.*), ис посадских, а ныне поселился в городе. У службы был: в 778-м году – по городу Красноярску у приему и отпуску казенной соли головою, а ныне с 783 года сентября с 9 ч(исла) находитца в городовом магистрате ратманом; по объявленному же общественному семейства их капиталу 1015 руб. вошел в 3-ю гильдию. 22 мая капитал 1015 руб. и товары – налицо.

Матвей Софонов сын Засорин, родился в городе Красноярске, ис цеховых, и проходил службу: в 765-м году – в Канском остроге у продажи казенной соли целовальником; в 776 году – у приему и отпуску казенной соли ларешным, а ныне по объявлению же скаскою 1015 руб. своего собственнаго капитала вошел в 3-ю гильдию; о подлинности же онаго уверил в наличности деньгами 200 руб., товара наличнаго на 150 руб., в покупке провианта на 500 руб., в долгах на разных людях по векселям и письмам на 165 руб., а всего на (1005. – *Г.Б.*) руб., котораго и должно записать в часть 3-й гильдии. (Комерцыю производит по городу Енисейску, Иркуцку и Томску, тоже и в городе Красноярске в гостином ряду… а сверх тово и хлебопашество для продовольствия своего небольшее количество имеет на порожних землях…)

Иван Иванов сын Белозеров. Оной Белозеров родился в селе Лодейском и в 777 году определен по промемории Красноярской воеводской канцелярии ис крестьян в 3- ю гильдию, в службе был в 785-м году в словесном суде судьею. По сведению Красноярской ратуши торговлю производил мелочным торгом, а особливо по большей части упражняетца в иконописном мастерстве.

Осип Андреев сын Одношевин. Оной Одношевин поступил в (? – *Г.Б.*) году по предложению его высокопревосходительства бывшего в Тобольске (губернатором. – *Г.Б.*) господина генерал-порутчика Дениса Ивановича Чичерина из отставных военнослужа-

щих в купечество в 3-ю гильдию, а ныне о подлинности объявленнаго уверил, что у него в наличности имеетца: покупного разного провианта на 972 руб. 46 коп., товару наличнаго – волков и соболей – на 50 руб., а всего 1022 руб. 46 коп., почему и следует записать в городовую обывательскую книгу в часть 3- ю. (К продовольствию своему комерцыю распространяет во время Ирбицкой и Енисейской ярмонок, тоже и в городе Красноярске разными товарами.)

Дмитрий Яковлев сын Коробицын. Оной Коробицын города Иркуцка, ис цеховых, поступил по нынешней четвертой ревизии в Красноярске по объявленному капиталу в 3-ю гильдию, в службу выбран обществом на три года для сочинения городового обывательскаго списка старостою. (Капитал 1015 руб. Деньги и товары в наличности.)

Иван Андреев сын Душин. Оной Душин города Архангельска, ис купцов, поступил по нынешней четвертой ревизии по объявленному капиталу в 3-ю гильдию. В службах еще не бывал. О подлинности объявленнаго капитала уверил наличным в покупке провианта 20 900 пуд на 1010 руб., чего же оказалось действительно. Почему и следует ево записать в часть 3-й гильдии. (… Хлеб поставляет на казенные заводы. Расчет – квитанциями.)

Иван Кирилов сын Матвеев, родился в городе Красноярске, ис цеховых, ныне ж по объявленному капиталу состоит в 3-й гильдии, а по несовершенным его летам у служеб еще не бывал. О подлинности объявленнаго им капитала уверил: наличным покупным провиантом – на 810 руб., в наличности товаров и в долгах – на 205 руб., а всего 1115 руб., вследствие чего он и записан в часть 3-й гильдии. (Комерцыю производит в Енисейске во время ярмонок, и тож и в городе Красноярске в гостином ряду разным товаром.)

Иван Иванов сын Попов. Оной Попов родился в городе Красноярске, а ныне при забрании от магистрата сказок вошел по объявленному капиталу 1025 руб. ис крестьян в 3-ю гильдию; жительство имеет в городе, а в службе еще не бывал. О подлинности же капитала уверил, что он ныне в наличности имеет покупного рогатого скота 204 (голов. – *Г.Б.*) да сверх онаго юфтевых кож и товаров до 500 руб., вследствии чего и записан в 3-ю гильдию. (С скупкой скота и протчей торговлей.)

Федор Андреев сын Тропин. Оной Тропин родился в городе Красноярске, а поступил ныне при забрании от магистрата сказок по объявленному капиталу ис крестьян в 3-ю гильдию, и о подлинности своего капитала уверил, что у нево имеетца в наличности покупного рогатого скота, на 250 руб. лошадей, на 120 руб. баранов, 30 руб. товара наличнаго, на 300 руб. денег наличных 230 руб. в долгах, по записанной книге 80 руб., а всего 1010, для чего он, Тропин, и записан в часть третью. (Торг производит по городам во время ярмонок в Енисейске, частью в Иркуцке и Томске разным товаром; по короткости времени вступления в купечество службы никакой не было.)

Иван Федоров сын Нашивошников, поступил ис староплатежных красноярских посадских в купечество с 1775 года… К продовольствию своему комерцыю распространяет мелочным торгом, для коего имеет отъезд в города Томск, Енисейск. Находился у должностей: в 750 – по городу Красноярску и выделу таможенных пошлин головою; в 756-м году – словесным судьею и у збору конских и пивоявочных пошлин, кой должности исправлен без всякого проступку и замешательства. Дети ево, Федор и Василей, в состоянии своем не сумнителны, долгу за собою почитают разным кредиторам по векселям триста рублев; службы по их капиталу были на них возложены не отяготительны и с их состоянием свойственны.

Степан Кузмин сын Иванов, вступил в купечество по нынешней переписи из санктпитербургских купцов. Капитал свой по короткости времени вступления в купечество приумножил ли, за отлучкой ево для торгу познать не можно. У служеб ни у каких еще не бывал, в звании своем не сумнителен, долги кредиторам имеет или нет, познать не можно.

Иван Кузмин сын Юрьевцев, вступил в купечество по нынешней переписи из санктпитербургских мещан. У службы ни у каких еще не бывал. А какого состояния, по небытию ево в городе Красноярске одобрения Красноярская ратуша не полагает. (Поверенной в Вороновском винокуренном заводе.)

Алексей Иванов сын Парфентьев. Из крестьян, вступил в посад по бывшей пред сею ревизии. В мещанство переименован

в 775 году. У службы не бывал. Отослан для зарабатывания состоящаго на умершем отце ево разным кредиторам долгов в Боготол (на. – *Г.Б.*) винный завод.

Гаврило Хохряков. По бывшей III ревизии поступил из ссыльных в 775 году в мещане. Пропитание имеет от ремесла столярнаго и резнаго. По выбору гражданства находилса в 782 году при полицейских делах у пожарной машины. Долгов никому и нисколко не имеет.

Ефтифей Романов сын Кузнецов. В красноярское мещанство поступил из староплатежных красноярских посадских по имянному ея императорскаго величества манифесту, состоявшемуся марта 17 дня 1775 года. К про- доволствию своему никакого промыслу он, Ефтифей, по старости лет не имеет, а доволствуетца пропитанием при сыне своем Якове. Сын ево, Яков, продоволствие себе имеет от мелочного торга во время ярмонок в городе Енисейску и Красноярску. По общегражданскому выбору он, Ефтифей, находился у должности: в 1752 – в бывшем Лугажском заводе у соли целовалником; в 1755 году – у збору красноярских посадских подушных денег…

Сергей Матвеев сын Литвинов, вступил в купечество по нынешней переписи города Соли Вычегодской из мещан. У служеб ни у каких не бывал. Состояние ево красноярское общество одобряет. (В отлучке по паспорту Красноярской ратуши.)

Трофим Ефимов сын Нелюбин, вступил в купечество по нынешней переписи в 783 году города Соли Вычегодской ис крестьян. Торг производил по городам – Енисейску и Красноярску – мелочной. По короткости вступления времени в купечество у службы еще не бывал. По небытию у должностей никаких замешательств и сомнений непотчему, и состояние ево одобряетца, долгов он на себе никому не имеет.

Андрей Михайлов. В красноярское мещанство поступил в 771 году по промемории Красноярской воеводской канцелярии… Находится в услугах у красноярского купца Петра Пороховщикова. У служеб никогда не бывал.

Епифан Васильев сын Москвитин. В мещанство вступил из посадских в 1775 году. Обращается в медном мастерстве, отче-

го пропитание имеет. Должности на его возлагаемы были от общества по выбору не отяготительны и в очереди…

Емельян Андреев сын Шорохов. Из старейших посадских, поступил в мещанство в 1775 году, пропитание имеет от земледелия, скотоводства, чеботного мастерства.

Иван Прокофьев сын Козлов. В красноярское мещанство поступил из города Енисейска из мещан сего 1783 года. Пропитание имеет от чеботного мастерства. У службы еще не бывал…

ГАКК. Ф. 122. Оп. 1 Д. 5. Л. 1–50; Ф. 173. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–24.

Комментарий

В основу публикации положен беловой от 1786 года «Список настоящих городовых жителей», которых следовало вписать в городовую обывательскую книгу. В скобках даны сведения о хозяйственных занятиях по плохо сохранившемуся списку городового магистрата 1783 года. Документы появились в связи с учреждением гильдейского купечества и введением «Жалованной грамотой городам» 1785 года чисто сословного городского самоуправления.

Специально выбранные лица должны были обследовать положение каждого податного жителя города и составить список полноправных «настоящих городовых жителей», которыми в маленьком уездном городе считались гильдейские купцы, мещане и цеховые. В Красноярске эта работа, судя по документу, продолжалась весь 1786 год. Прочие городские жители были очень пестрого сословно-социального происхождения и могли остаться горожанами, записавшись в один из сословных разрядов, либо переселиться в сельскую местность.

Список составлялся по особой форме. В вертикальных графах развернутого листа отмечали фамилию, имя и отчество горожанина, его происхождение, время вхождения в посадскую общину, все виды его казенных и общественных служб. Перечень лиц приводится выборочно и без граф, но при соблюдении порядка записей в них, а подсчеты проведены полностью по обоим документам.

Оба документа появились в связи с реоганизацией городского управления по манифесту 1775 года и Жалованной грамоте городам 1785 года. Манифест 1775 года ввел четкое разделение

посадского населения по имущественному признаку. Все, объявившие за собой свыше 500 руб. капитала, записывались в купеческие гильдии: в первую – свыше 10 тыс. руб., вторую – свыше 1000 руб., и в третью – прочие. Торгующих посадских, показавших капитал от 300 до 500 руб., включали в мещанское сословие.

В него же особым слоем вошли ремесленники, объединенные по профессиям в особые цеха. Вместо обычного тягла гильдейцы обязаны были платить ежегодно по 1 % от объявленного капитала, причем за детей и других членов своих семей подати сначала не вносили. В 1807 году ценз подняли: для I гильдии – 50 тыс. руб., II – 20 тыс. руб. и III – 8 тыс. руб. По закону 1863 г. осталось две гильдии, величина капитала формально не имела особого значения. Купец I гильдии должен был приобрести гильдейское (купеческое) свидетельство за 565 руб., II – от 40 до 120 руб. В зависимости от того, в каком из пяти классов местности он проживал. Содержание и объем деятельности определялись гильдией. Первогильдейцы имели право:

а) вести оптовую торговлю российскими и иностранными товарами по всей Российской империи и за рубежом;

б) розничную торговлю через лавки и магазины в своей губернии, содержать фабрики, заводы и ремесленные заведения;

в) брать повсеместно казенные подряды (см. Терминологический словарь) и поставки. Купцы II гильдии могли рознично торговать и брать подряды только в своей губернии, а также заниматься экспортом и импортом, но без права содержать конторы и склады для оптовой торговли. Они получили целый ряд сословных преимуществ и привилегий: освобождались от телесных наказаний (по Жалованной грамоте городам 1785 года), имели свободу передвижения, получая бессрочные паспорта. Купцы I гильдии, состоящие в гильдии 12 лет подряд, могли получить звание коммерц-советника и мануфактур-советника и переходить в разряд потомственных почетных граждан. Их потомки в третьем колене, если постоянно участвовали в городском самоуправлении, получали право просить потомственное дворянство.

Жалованная грамота городам 1785 года несколько усложнила сословное деление горожан и их самоуправление. Официаль-

но впервые лица всех сословий, жившие в городе, получали статус горожан. Разделенные на 6 разрядов, они раз в три года выбирали «общую градскую думу», которая, в свою очередь, созывалась главным образом для выбора членов шестигласной думы. Этот орган был постоянно действующим и занимался благоустройством города. Суд над горожанами осуществлял городовой магистрат. В его ведении находились выборные словесный и сиротский суды. Первый являлся низшей судебной инстанцией, разбиравшей мелкие споры между гражданами, а второй разрешал вопросы, связанные с опекой над малолетними, наследованием имущества, усыновлением. Ведущую роль в управлении городом играли купцы и экономически самостоятельные мещане. Живших в городах крестьян не считали горожанами и не допускали к работе в органах самоуправления (см. Дворянская империя XVIII века. Основные законодательные акты / сост. **М.Т. Белявский**. М.: МГУ, 1960. С 17; **Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А.** Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 54).

В сибирских небольших городах, каким был Красноярск, все эти нововведения приживались с трудом. Крестьяне составляли значительную прослойку, а прочие городские жители были очень пестрого сословно-социального происхождения. Специально выбранные лица должны были обследовать положение каждого податного жителя города и составить список полноправных «настоящих городовых жителей». В Красноярске эта работа, судя по документу, продолжалась весь 1786 год.

Список составлялся по особой форме. В вертикальных графах развернутого листа отмечали фамилию, имя и отчество горожанина, его происхождение, время вхождения в посадскую общину, все виды его казенных и общественных служб. Из-за ограниченного объема сборника документ приводится выборочно и без граф, но при соблюдении порядка записей в них. Приводимый в источнике материал охватывает более чем 40-летний отрезок времени. Хорошо прослеживаются, например, этапы формирования красноярского посада. По данным первой 1720 и второй 1747 годов ревизий, городское ремесло развивалось преимущественно за счет пришлых из сибирских и российских городов и ссыл-

ки (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 2–47; Д. 945. Л. 318 об.). Судьбу двух из них в XVIII веке можно проследить на семье Москвитиных и Пороховщиковых.

Еще до первой ревизии пришел «вольным путем» из далекой Москвы ее родоначальник Василий Москвитин. В 1725 году его как «прописного» вместе с четырьмя сыновьями внесли в подушные списки посадских. К 1769 году хозяином двора уже числился младший сын Василий, а старшие Епифан, Иван и Леонтий жили своими домами. Все братья, как и отец, занимались «медным ремеслом». За Леонтием же в 1783 году магистрат показал еще и хлебопашество. Но через три года в списке мещан Красноярска Епифан и Иван уже не числились. Вероятно, они переселились.

Москвитины были состоятельными ремесленниками и делали попытки шире заняться торговлей. Так, в 1775 году Василий объявил за собой 505 руб. и записался в купцы III гильдии, но на следующий же год выписался вновь в мещане (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 7 об.; Ф. 122. Оп. 1. Л. 21, 3 об.).

Пороховщиковы Петр (1742–? и Егор (?–?) – самые крупные купцы Красноярска XVIII века. Пошли от ссыльного московского посадского Леонтия Сидоровича, записавшегося в красноярский цех во вторую ревизию в 1747 году, а в 1762-м – в посад. Занятия торговлей пушниной и кожей сочетал с бочарным ремеслом. В доме было 4 работных человека. После смерти отца женатые братья разделились и каждый в 1775 году записался купцом 3-й гильдии, объявив по 525 руб. капитала. Они торговали «немецкими, китайскими и российскими товарами, пушниной, лошадьми и рогатым скотом на Ирбитской ярмарке (Урал), в Енисейске, Иркутске, Мангазее и при Кяхте». Контролировали мелочный торг по селам и деревням Красноярского уезда. В гостином дворе – владельцы четырех лавок и двух подвалов. Петр – один из комиссионеров по продаже казенной соли по уезду: арендовал самую крупную рыбную ловлю за 4 руб. 15 коп. в год, владелец мыловарни, скупщики с братом хлеба для отправки в низовья Енисея, Чулыма и Оби; поставщики «провианта» для выкурки вина на казенных Каменском, Боготольском и Краснореченском заводах. На «порожних землях» Егор организовал хлебопашество. В 1786 году они

стали первыми и единственными в XVIII веке в Красноярске купцами второй гильдии, объявив за собой 5100 и 5025 руб. капитала. Дети Петра к 1815 году не смогли удержаться в купечестве: Евграф (1772–1840) и Александр (1780–1835), но внук, Петр Евграфович (1808 – ?), в 1841 году смог вернуться в купеческое сословие и продержался в нем до начала 60-х годов XIX века.

С 60-х годов XVIII века внутренние источники пополнения городского посада явно превалируют над внешними. Подсчеты по списку 1786 года показали, что из 20 купеческих семей 11 были старожильческими. Еще больше было старожилов среди мещан (48 из 64). При этом выходцы из других сословных групп горожан играли уже видную роль в складывании местных торговцев и ремесленников. К 1786 году 5 купцов и 11 мещан были крестьянского происхождения. Ряды посада постоянно пополнялись и за счет городских разночинцев-бывших казаков. В этом плане показательны истории И.Ф. Нашивошникова и И.Е. Новикова.

Потомственный сын и внук детей боярских из рода Суриковых, разночинец Иван Федорович Нашивошников 19-летним записался в городские посадские во время второй ревизии. Занимался главным образом скупкой хлеба, пушнины, скота, постоянно держал лавку в городе и с 1775 года записался в купцы III гильдии, показав за собой 510 руб. капитала. Его пять взрослых сыновей уже были отделены и вошли в мещанское сословие. Из-за долга в 300 руб. дела его выглядели в начале 80-х годов пошатнувшимися. В обывательском списке 1786 году среди купцов он уже не показан. Один из его сыновей – Федор – по-прежнему находился в мещанах. Нашивошников занимал видные посты в местном городском управлении, что, вероятно, помогало в делах. Он был словесным судьей, таможенным головой, и три года, с 1761 по 1763, – бургомистром. Желание подольше остаться во главе общеуездного судебного органа посадской общины толкнуло его на подлог. За сочинение «фальшивого выбора» он был по просьбе посада отрешен от должности (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Л. 38; ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 37; Ф. 122. Оп. 1. Д. 6. Л. 74; Д. 53. Л. 5).

Другой красноярец, Евстрат Михайлович Новиков, по второй ревизии, 27-летним разночинцем записался в городские це-

ховые (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Л. 41об.). В следующую перепись он перешел в посад. К 1769 году Новиков был одним из двух ратманов. Семья состояла из 19-летнего сына Ивана, дочери и вскормленницы.

Начинал Новиков с мыловарения. Он был первым крупным городским мыловаром. В 1770 году Евстрат, судя по оброчной сумме, получил с мыльни доход в 7–10 руб. Не без успеха велся им и «мелочной» торг в городе. Умер до составления городовой книги. Его сын Иван Евстратович, объявив с 1775 года минимальный капитал в 505 руб., записывается в третьегильдейское купечество. В начале 80-х годов И. Новиков вместе с купцом Петром Пороховщиковым становится комиссионером по продаже соли в уезде у соляного подрядчика купца Томилова из Томска. Но основой его деятельности оставалось мыловарение. Судя по цене его заведения, это предприятие было близко к мануфактуре. Дела И.Е. Новикова процветали. В 1783 году его выбрали бургомистром, в должности которого он пробыл до десяти лет (см.: ГАКК. Ф. 173. Оп. 1.Д. 2. Л. 7, 16).

Пришлых извне среди учтенных в 1786 году насчитывалось 25 человек. Из них из сельских мест уезда пришло 5 человек, в том числе 3 купца; из сибирских городов – 6, в том числе 2 купца; из Поморья – 3, в том числе 2 купца; из российских городов (Петербурга, Нижнего Новгорода и Тулы) – 5, в том числе 1 купец, и 6 ссыльных. Важно отметить, что город не поглощал всех приходивших в Красноярский уезд ремесленников. Многие оседали в сельской местности.

В целом городская часть всей общеуездной посадской общины, хотя и поступательно росла, но оставалась незначительной: 1747 год – 18,4 %; 1769 – 8 %; 1782 – 7,6 %; 1795 – 21,6% (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Л. 9–47 об.; Д. 1659. Л. 1–430; ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–31).

О хозяйственной деятельности городской части посада можно судить по сохранившимся листам магистратской ведомости 1783 года. В городе находилось около трети всего общеуездного торгово-ремесленного взрослого населения (95 из 272). Из них 24 человека занимались торговлей, в том числе внутри уезда – 7, по Енисей-

ской провинции – 5 и по всей Сибири –11. Насчитывалось 15 видов ремесел, что было минимумом для средневекового города. Из них мыловарением занималась семья Новикова, сочетая его с торговлей; иконописанием – 3 (И.И. Агапитов, П.И. Бородулин, И.И. Белозеров), портновским делом – 2 (братья Петр и Павел Михайловичи Сколковы); изготовлением деревянной посуды – 1 (Н.О. Лубнин), чеботным и кожевенным делом – 3 (В.А. Вальнев, Т.Я. Воробьевский, Е.А. Шорохов). По одной семье было занято плотничьим ремеслом (И.В. Пивоваров), деланием медной посуды (отец и сын Москвитины), изготовлением мягкой обуви и чулок (Г.И. Тюрепин). Работой по найму жило 7 человек, из которых двое занимались еще и земледелием. Каждый пятый, в том числе из ремесленников, городской мещанин был связан с земледелием, хотя только 8 человек жили исключительно пашней. По числу самостоятельных ремесленников город превосходил село только в обработке цветных металлов и иконописании. Сельские ремесленники явно преобладали в деревообработке, переработке растительного и животного сырья, изготовлении обуви и одежды (см. РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1337. Л. 1–12). Город того времени ярче всего выступал как товарораспределительный центр. Это видно из того, что 42,3 % взрослых домохозяев – горожан с учетом 19 «сидельцев и находящихся в услугах у купцов» были связаны в 1783 году с торговлей.

Вместе с тем торговые обороты красноярцев были невелики. Даже братья Пороховщиковы не могли конкурировать с иногородними купцами первой и второй гильдии. Они выступали их агентами в наиболее доходных отраслях торговли и промыслов. В 1775 году все красноярское купечество (всего 25 человек) объявило лишь 12 445 руб. капитала (см. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–5 об.).

Подробно представлены в публикуемом документе различные казенные и общественные службы горожан – членов посадской общины. Они ложились главным образом на плечи среднезажиточных посадских и ремесленников. Наиболее почетные должности в городском самоуправлении нередко захватывали купцы, видя в них дополнительное средство к наживе. Часть неимущих горожан нанималась посадской общиной (сторожа, рассыльщики и т.д.).

№ 81. 1786 г., января 20. – ПОДПИСКА КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА СТЕПАНА ХУДОНОГОВА И ЕГО ЖЕНЫ ВЕРЫ О ИСПРАВНОМ ВПРЕДЬ ВЫПОЛНЕНИИ СВОИХ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В Красноярском духовном правлении красноярский купец Степан Семенов сын Худоногов дал сию подписку в том, чтоб мне, Худоногову, свою жену, Веру Петрову, без всяких ее вин понапрасну не бить и не увечить, и до смертного убойства оную не довесть, и другими злыми тиранствами оную не умучить, а паче что ножем и другим злом же до смерти не употреблять; и любить оную свою жену, Веру Петрову, как закон велит. Напротив же тово и ей, Вере Петровой, оного своего мужа, Степана Худоногова, любить и во всем послушание ее чинить, а не бранить и в домостроительстве быть неленостной. В чем для утверждения сию подписку дали с нижеподписавшимися по нас порукам.

К сей подписке прозьбою купца Степана Худоногова мещанин Иван Чихачев руку приложил. К сей подписке по вышеписанном Степане Худоногове ручаюсь мещанин Емельян Шорохов. В том ево прозьбою посельщик Иван Немолотов руку приложил.

К сей подписке Вера Худоногова руку приложила. По вышеписанной Вере Худоноговой ручаюсь крестьянин Самсон Кручинкин. Прозьбою ево поповский сын Алексей Ефтягин руку приложил.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 92. Л. 11–11об.

Комментарий

Семейные дела, взаимоотношения между родственниками, вся личная жизнь людей тогдашней Сибири, как и всей страны, была в ведении церковных властей. Если для урегулирования конфликта авторитета приходского священника было недостаточно, то обращались к местному духовному заказчику или даже в консисторию. По «Домострою», этому старинному нравственно-бытовому кодексу феодальной эпохи, женщина и все домашние были почти в полной власти супруга и отца как главы дома. Поэтому церковники обычно ограничивались увещеваниями. Значительно реже с нарушивших нормы христианской морали и этики взимали письменные обязательства и обязывали к церковному покаянию.

Составление публикуемой подписки было вызвано острым семейным конфликтом, возникшим между купцом Худоноговым и его женой. Семейный конфликт начался из-за того, что жена Худоногова не смогла быстро открыть четвертину «вина, принесенную работником по случаю в рождественские праздники приезда родственников». На брань раздраженного мужа, Вера, по ее словам, отвечала: «Ты боишься ли Бога? Когда у нас гости, а ты без содому быть не можешь». Подвыпивший Степан, выведенный из себя открытым «прекословием», стал жестоко избивать жену. Ухватив за волосы, он бил ее, таскал по полу и даже «на шею наступил». Родные два брата, озверевшего хозяина, Яков и Михаил, с трудом отняли у него жену, которая убежала ночевать к деверю – «среднему Степану». На другой день купец пришел к нему и стал выяснять: «нет ли у вас беглого кого». Обманувшись в своих ожиданиях и посчитав себя оскорбленной, Вера стала выговаривать мужу, что «я не беглая, а не хочу к тебе в дом… ты меня увечишь насмерть». В ответ вновь последовали побои, пока родственники не уняли распоясавшегося супруга. Несчастная женщина не вернулась домой и через несколько дней, 11 января, подала священнику с. Ясаулова Григорию Коновалову жалобу на мужа. Там она, в частности, написала, что Степан и раньше летом загонял ее в речку, так что «от страху едва она ко утоплению не дошла».

Увещевания священника не подействовали на купца-самодура, поэтому Коновалов прибегнул к помощи красноярского духовного заказчика Алексея Михайловского. Протопоп вызвал из с. Ясаулово в Красноярск чету Худоноговых и совместно с бургомистром города долго урезонивали супругов (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 92. Л. 3–12). В конце концов их помирили, и они дали взаимное обязательство жить, «как закон велит».

№ 82. 1784 г., апреля 2. – ПИСЬМО КРАСНОЯРСКОГО ЗАУРЯД-КАПИТАН-ИСПРАВНИКА КОЛЛЕЖСКОГО СЕКРЕАРЯ С.М. КАШКАРЕВА ГОРОДОВОМУ МАГИСТРАТУ О ПЕРЕДАЧЕ ИМ КНИГ ДЛЯ БУДУЩЕГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА[1]

Нужно есть прилагати всякое тщание об отрочестве, о юношестве, яко о времени сеяния, производящаго гражданскую жатву. Я отделяю из числа своего имущества книжного двадцать книг для заведения в городе Красноярске народного училища, в котором учителем будет доброхотной датель как скоро учреждение последует[2]. На подлинном подпись: секретарь Кашкарев.

Роспись книгам, коими пользоваться городу Красноярску под призрением магистрата[3]:

3 книги Академических известий,
1 книга Путешествия Гмелинова,
1 – Иосиф Флавий,
1 – Лепехино путешествие,
1 – Китайская война,
1 – Ода на день рождения премудрыя императрицы всероссийския Екатерины Вторыя,
1 – Сугубое блаженство,
1 – Слово Ломоносова,
1 – Плутарх о воспитании детей,
1 – Сочинение о распространении знаний,
1 – Датская история,
1 – Примечания китайския,
1 – Политическая география,
1 – Известие Ваводах коравьих,
1 книга… трудов общественных…

ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 34. Л. 68–68 об.

Комментарий

Здесь и в ряде документов XVIII века Кашкарева ошибочно называют «Кашкаров» или «Кошкарев». В биографии этого ранее неизвестного науке представителя российского просветительства много неясного. Что же удалось выяснить в архивах и библиотеках страны?

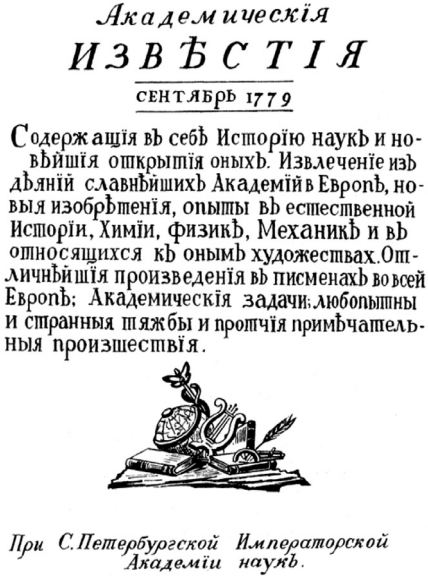
Степан Михайлович Кашкарев родился в 1753 г. в Петербурге, в семье сержанта гвардии, то есть родом он был из дворян. Желая лучшей доли для своих детей, родители отдали одиннадцатилетнего Степана с младшим его братом в гимназию при

Академии наук. Это учебное заведение стараниями М.В. Ломоносова еще было межсословным. Братья сидели за одной партой с детьми родовитых дворян и простых мещан, профессоров Академии и солдат. Многие питомцы гимназии стали крупными деятелями науки. Вместе с Кашкаревым, например, учились будущий академик солдатский сын Василий Зуев, племянник М.В. Ломоносова талантливый математик Михаил Головин, сын С.П. Крашенинникова и др.

ДНЕВНЫЯ
ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕХИНА
ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ,
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.
1768 И 1769 ГОДУ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

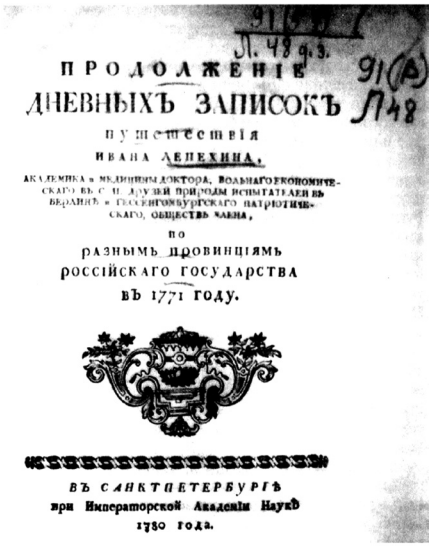
Обложка книги «Дневные записки путешествия Лепехина»

Академическія
ИЗВѢСТІЯ
СЕНТЯБРЬ 1779
Содержащія въ себѣ Исторію наукъ и новѣйшія открытія оныхъ. Извлеченіе изъ дѣяній славнѣйшихъ Академій в Европѣ, новыя изобрѣтенія, опыты въ естественной Исторіи, Химіи, физикѣ, Механикѣ и въ относящихся къ онымъ художествах. Отличнѣйшія произведенія въ писменахъ во всей Европѣ; Академическія задачи; любопытны и странныя тяжбы и протчія примѣчательныя произшествія.

При С. Петербургской Императорской Академіи наукъ.

Академический журнал из первой публичной библиотеки города

Учение легко давалось способному подростку. За четыре года пребывания в гимназии его не раз называли в числе лучших. В 1767 году за успешно сданные экзамены, «хорошее поведение и прилежание» Кашкарев получил книгу в хорошем «французском» переплете (см. ЛОА РАН. Ф. Р. Оп. 70. Д. 20. Л. 113; Д. 308. Л. 363).

ПРОДОЛЖЕНІЕ
ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ИВАНА ЛЕПЕХИНА,
АКАДЕМИКА и МЕДИЦИНЫ ДОКТОРА, ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ВЪ С. П. ДРУЗЕЙ ПРИРОДЫ ИСПЫТАТЕЛЯ ВЪ БЕРЛИНѢ и ГЕССЕНГОМБУРГСКАГО ПАТРІОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ ЧЛЕНА,
ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ 1771 ГОДУ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

Одна из книг Красноярской публичной библиотеки. Хранится в ККНБ

В Сибирь он попал в составе одного из отрядов пятой Оренбургской экспедиции, который возглавлял естествоиспытатель академии Фальк. Экспедиция была сформирована Российской Академией наук для изучения явлений, вызванных прохождением Венеры над диском Солнца. Затем отряд Фалька занялся физическим описанием различных провинций Российской империи. Три года работы с Фальком в Оренбургском крае, Южном Урале и на Алтае были хорошей школой для молодого Кашкарева. В архиве Академии наук в Ленинграде хранится его «Тетрадь записей» путевых, которая свидетельствует об интересе ее автора к народной медицине, флоре, фауне (см. ЛОА РАН. Ф. Р. Оп. 70. Д. 20. Л. 113). Когда экспедицию расформировали, то вместе с двумя студентами Кашкарева передали академику П.С. Палласу, который зимовал в Красноярске. В город они прибыли 28 февраля 1772 года. Познакомившись с новыми подчиненными, знаменитый естествоиспытатель 6 марта писал в Конференцию Российской Академии наук: «В Красноярске останется Степан Кашкарев, ибо как господин профессор Фальк мне довольно вы-

хвалил прилежание и понятие сего студента, то я смогу надеяться, что он немало соберет редких при Енисее растущих трав и других натуральных вещей, также опишет редкие примечания и достойные, мною ему показанные места» (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Л. 58, 81). Руководствуясь устными наставлениями и письменной инструкцией ученого, Кашкарев весной и летом 1772 года со всем пылом молодости отдался сбору и описанию флоры и фауны окрестностей Красноярска. Позже Паллас запишет, что «студент Кашкарев собрал травы и хороший гербарий составил» (см. **Паллас П.С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3. Пол. 1. С. 431–432; также: ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Л. 83).

19 августа того же года Кашкарев покинул Красноярск, сопровождая вернувшегося ученого в поездке по Хакасско-Минусинскому краю. Во время этой экспедиции, судя по изменившемуся суховатому тону писем Палласа к Кашкареву, между ними произошла какая-то размолвка. Но это не повлияло на их деловые отношения. С начала сентября любознательный и исполнительный помощник ученого выполняет новое самостоятельное задание: найти и описать прямую дорогу от Аскиза до Колыванских Барнаульских заводов. Зимой 1773 года Паллас намеревался встретиться с Кашкаревым в Бердске и продолжить исследования Алтая. Однако планы ученого изменились, и он навсегда уехал из Сибири. Кашкарев же успешно доставил багаж экспедиции в Астрахань, а затем до октября 1774 года продолжал работать под руководством аптекаря Георги, совершенствуясь в познании лечебных свойств трав (см. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 13. Л. 93–95, 108, 119–120, 140. Рапорты Палласа в Академию наук. № 39, 40, 41). После возвращения в Петербург он работал при Академии наук переводчиком, а позже одновременно корректором академической типографии. В 1783 году, не поладив с властной Е.Р. Дашковой, новым президентом Российской Академии, Кашкарев уезжает вместе с семьей опять в Сибирь, где в ходе проводимой административной реформы требовалось много чиновников. В 1784 году его назначают исполняющим обязанности капитан-исправника Красноярского уезда. Указ об этом губернатора Якоби от 30 мая

1784 года застал Кашкарева уже в Красноярске (см.: ГАКК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 8. Л. 235–237). Судя по исповедной росписи горожан за 1784 год, новый глава уездной администрации не замедлил с перевозом семьи. В сентябрьской ведомости среди прихожан Воскресенского собора уже отмечены его 26-летняя жена Варвара Ивановна и три дочери, старшей из которых было 6 лет. Через год в семье первого в истории Красноярска капитан-исправника появился сын Иван (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 84. Л. 127).

Три проведенных в Красноярске года свидетельствуют, что время не превратило Кашкарева в заурядного благонамеренного чиновника. Воспитанник крупных ученых того времени Л. Эйлера, Л.И. Бакмейстера и Я.Я. Штелина, сотрудник Фалька, Палласа и Георги, Степан Михайлович по-прежнему верен своему увлечению «3-мя царствами природы». Ботаника, народная медицина, животный мир, этнография коренных обитателей Енисея – вот каким предстает круг его научных занятий даже по скупым отрывочным сведениям источников. Известно, что в 1785 году он дважды требовал от Красноярского духовного правления сведения о жизни, быте и ходе христианизации «красноярских туземцев» (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 106. Л. 15; Д. 107. Л. 17 об.). Следует отметить и его успешное врачевание жителей города и уезда.

Благотворное влияние оказал Кашкарев на культурную жизнь города. Уже в первые недели повторного пребывания в Красноярске капитан-исправник пытается ускорить открытие малого народного училища или школы для детей горожан, учредить которые по всей стране не раз обещалась Екатерина II в манифестах и указах второй половины 70 – начале 80-х годов XVIII века. Красноярцы в 1781 году в два приема заказали в типографии Академии наук для будущих учеников 100 экземпляров гражданской азбуки и 50 апофегмат – сборников изречений и нравоучительных историй (см. ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 33. Записи от 1 и 22 декабря 1781 г.). Но на этом дело и стало. Кашкарев же, во-первых, из своей личной библиотеки безвозмездно дарит будущей школе 20 печатных книг; во-вторых, соглашается, оставив прежнюю должность, быть в школе учителем. Его тщательно продуманный дар положил начало одной из первых в провинциальной России

публичных библиотек, так как до официального открытия школы горожане постановили выдавать представляющие собой большой познавательный интерес подаренные книги всем желающим под роспись (см. ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 28. Л. 3; Д. 34. Л. 68, 69).

Этим, а также, вероятно, личным участием Кашкарев оживил и частное домашнее обучение в городе. Поэтому-то открытое в 1790 году Красноярское малое народное училище было самым большим в Сибири. По данным советского историка А.Н. Копылова, в первый год его посещало 100 учеников (см. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 89. Табл. 1).

К сожалению, пока нет сведений, почему Кашкарев в 1787 году покинул Красноярск. Скорей всего, образованный и гуманный капитан-исправник пришелся не по нраву связанной родственными узами военно-бюрократической верхушке тогдашнего красноярского общества. Ее составляли семейный клан князя Ивана Яковлевича Пелымского, бывшего почти 30 лет воеводой – хозяином уезда, военный комендант города поручик Иван Федорович Журавлев, уездный казначей Ермолаев, расправный судья Яков Половодов и др.

Однако никакие превратности судьбы не сломили скромного подвижника науки. Об этом мы узнаем от Григория Ивановича Спасского, известного исследователя Сибири первой четверти XIX века. В 1806 году, во время своего путешествия по Хакасско-Минусинскому краю он встретил Кашкарева в ветхой одежде, с травником, ботаническим описанием классов, родов и видов трав по системе Линнея и связками лекарственных трав, которыми тот пользовал от болезней «тамошних жителей». «Везде и всякому, – пишет Спасский в своем «Известии о странствующем ботанике Кашкареве», – служил он своими знаниями из одного гостеприимства и любви к ближнему, почитал удовольствием быть полезным человечеству и в самой своей бедности, которую он умел сделать столь почтенной». Бедность Кашкарева доходила до того, что письма и наставления Фалька и Палласа, которыми он так дорожил, использовались для раскладки собираемых растений. Вместе с тем Спасский уважительно отмечает, что Кашкарев

не оставил научных изысканий. Лечебная практика – «сие благодетельное занятие доставляло ему случай переезжать из одного места в другое для удовлетворения достойного уважения любопытства своего в исследовании Царства растений». О причинах же столь бедственного положения одного из спутников знаменитых ученых-путешественников второй половины XVIII века Спасский лишь глухо упоминает: «Обязанности службы и собственное любопытство завлекли его в сей отдаленный край, а бедность и семейные обстоятельства навсегда там оставили. При изспытании случайных неприятностей от первой и тягости от последней сделался он странствующем ботаником и врачом» (см. **Спасский Г.И.**Известие о странствующем ботанике г. Кашкарове // Сибирский вестник. Спб., 1819. Ч. VI. С. 149–152). В этой же работе на с. 153–206 опубликованы наставления Кашкареву и письма к нему Палласа и Фалька.

В 1823 году Московское общество испытателей природы поручило своему почетному члену Беру собрать сведения о Кашкареве и оказать ему необходимую помощь. Сведения о том, кто такой Бер и что он предпринял в связи с этим, пока не обнаружены.

2. По губернской реформе от 7 ноября 1775 года на основании статьи 384 разрешалось в городах открывать общеобразовательного типа школы. Расходы по ним возлагались на городские общества. Книги С.М. Кашкарева положили начало первой в уездах и третьей в провинциях Российского государства публичной библиотеки (см. **Корейша Я.** Исторический очерк Иркутской губернской гимназии. Иркутск, 1910. Вып. 1. С. 25–26; **Абрамов К.И.** История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 42). Тогдашние «отцы города» – бургомистр Иван Новиков и ратман Иван Журавлев – приняли столь необычный дар и сообщили о благородном поступке Кашкарева в Тобольское губернское правление. Через месяц, а именно 3 мая, по «общему приговору» выборных «лучших людей» из купцов и мещан Красноярска земский староста Ушаков выдал Кашкареву за присылку «нравоучительных и протчих 20 печатных книг десять рублей». Поскольку училища еще не существовало, а книгами заинтересовались многие, то городовой магистрат решил выдавать их всем желаю-

щим под роспись. Для лучшей же сохранности книг и имеющихся в магистрате печатных манифестов и законов было решено сделать в присутственной комнате «нужной препорции шкаф». К началу июля отец городового старосты мещанин Тимофей Ушаков сделал, судя по довольно высокой в 3 руб. оплате, большой затейливый шкаф, а Василий Петухов (кузнец из отставных казаков) выковал и приделал к нему крючки и накладки для замка (см. ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 28. Л. 10, 62). Приемом и выдачей книг из этой небольшой библиотеки, скорей всего, ведал отставной сын боярский Иван Терентьев, который отвечал за письменные магистратские дела.

3. Эта частично сохранившаяся роспись подаренным книгам (нижняя часть обгорела) дает представление о книжном фонде библиотеки, а значит, и о круге чтения красноярцев 80-х годов XVIII столетия. Названия двух книг установить не удалось. Особняком помечен эстамп. Судя по названию, это одно из первых по сибирской тематике произведений изобразительного искусства официального направления: «Так в России в сей счастливейший век, в нем врачеванием исправлен человек; се книги монумент, Екатерина веках из недр небытия изшедши ради человека, во весь простерлися земель ея предел, блаженный жребий егда к Иркутску долетел, где прежде царствовал Сибирский приказ, все видать на земном пространстве в первый раз тогда, как вся империя узрела свое перерождение, как каждый пол и взор вещали и просвещение. В согласии узря и тишине приятной. Сибирь, казалася, давала плод стократный и представляла всем обильной вертоград (сад. – *Г.Б.*), изшедших из сей утробы мирных чад, народов кроткости и нраву подражая, прелютые звери подобились овцам, не разстравляя их ко злобе злодт (люд, род. – *Г.Б.*) людской, насилие уже теперь не утесняло…» (далее низ листа обгорел, утрачены две строчки. – *Г.Б.*).

Подаренные Кашкаревым книги представляли все отрасли тогдашних знаний и носили ярко выраженный познавательный характер. Этим он натолкнул горожан на мысль сделать их общедоступными. Из 16 сохранившихся названий книг четыре представляли историческую тематику; по три сочинения приходи-

лось на естественно-научную и художественную тематику, а также на научно-художественную периодику; наконец, две книги относились к периодической литературе. Собственно учебником была лишь «Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе для употребления учащегося в оном корпусе шляхетства». Этот первый оригинальный русский учебник по географии состоял из четырех отдельных частей. Скорей всего, Красноярску была подарена последняя, четвертая книга, вышедшая после первых частей спустя почти 20 лет – в 1772 году. Из естественно-научных работ выделяется труд М.В. Ломоносова, а также «Путешествие Гмелина» и «Лепехино путешествие». Красноярцы получили возможность читать «Слова в публичных собраниях Санкт-Петербургской имп. Академии наук говоренныя», помещенные в третьей книге второго посмертного издания трудов М.В. Ломоносова. В целом оно называлось «Покойного статского советника и профессора Михайлы Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе». Издание вышло в трех книгах в 1778 году под редакцией ректора Славяно-греко-латинской академии Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева). Педагогические работы в библиотечке представлены Плутархом. Научно-художественную периодику представляли три выпуска «Академических известий». Этот журнал издавали тиражом до 1775 экземпляров в 1779–1781 годах. Впервые в России каждый его номер (всего было 8 частей книг) выходил в издательской обложке, на титульной стороне которой указывались заглавие, месяц, год и место издания, а на задней – печаталось оглавление и списки книг, имеющихся в академической книжной лавке. Журнал имел несколько разделов. Отдельным разделом давалась информация о научной жизни за границей и переводы рефератов западно-европейских академий. В основных разделах читатели могли познакомиться с работами таких видных ученых того времени, как академик С.Г. Гмелин, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, И. Георги, С.Я. Румовский, историк князь М.М. Щербатов и др. Литературный отдел был представлен произведениями Г.Р. Державина, Ф.О. Туманского, В.П. Петрова, анонимными стихами И.Ф. Богдановича, Я.Б. Княжнина, М.И. Муравьева, М.В. Храпо-

вицкого. Помещались переводы из сочинений Ф.М. Вольтера, О. Гольдсмита, К. Линнея, Плутарха, У. Робертсона, Ж.Ж. Руссо и др. Среди переводчиков были Д.И. Фонвизин, И.Я. Озерцковский, И.Ф. Богданович (см. Сводный каталог русской книги XVIII века. М., 1968. IV. С. 117–118).

Среди художественной литературы привлекает внимание поэма «Сугубое блаженство», написанная в 1765 году одним из популярных русских писателей второй половины XVIII века Ипполитом Федоровичем Богдановичем. Он был представителем дворянского классицизма, учеником и последователем Сумарокова и Хераскова. Поэма создана Богдановичем в первый вольнодумный период творчества. Тогда он разделял буржуазные по своей сути идеи Просвещения и выступал против «трутней-дворян». В «Сугубом блаженстве» проводится теория естественного права и договора, наиболее полно разработанная знаменитым гуманистом Жан-Жаком Руссо. В ней осуждается феодальная сословность и божественная предопределенность места человека в обществе, утверждается право каждого на свободу и счастье.

В целом книжный фонд первой Красноярской библиотеки характеризуется почти полным отсутствием книг церковного и официозного содержания, преобладанием работ естественнонаучного и исторического профиля, а среди художественных книг – написанных с передовых гуманистических позиций. Подаренные книги широко представляли потенциальные читательские интересы красноярцев. Следует также отметить, что, по имеющимся источникам, С.М. Кашкарев был первым, кто в Красноярске имел довольно крупную частную библиотеку. Он ее называл «свое имущество книжное». Библиотека сложилась главным образом за 10-летнее пребывание в Петербурге, когда он работал переводчиком и одновременно корректором в академической типографии. Вместе с тем состав библиотеки и сам факт передачи части ее горожанам свидетельствует о том, что С.М. Кашкарев был высокообразованным и прогрессивно мыслящим человеком. В истории Красноярска, пожалуй, это первый администратор, который в общественных интересах поступался частью своего имущества, а не преумножал его.

№ 83. 1785 г., января 22 – декабрь. – ВЫПИСКИ ИЗ «ЖУРНАЛОВ ЗАПИСИ ВХОДЯЩИХ УКАЗОВ И ПРОМЕМОРИЙ ЗА 1785 г.». КРАСНОЯРСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАМЕННОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ

№ 30. Число 22. Месяц генварь…

Приказ строителю церковному отставному дворянину Михаилу Юшкову и старосте Данилу Черкасову о приеме от коменданта Бригкаузена под строение вновь каменной церкви, где состоит народская съезжая изба, места и о протчем…

№ 71. Число 2. Месяц апрель

Доношение градокрасноярской приходской Покровской церкви от церковного старосты Данилы Черкасова и строителя Юшкова, и от прихожан в том, што хоша они построить прежнея церковь Богоявления Господня желали, под которую и место отведено, однако ныне все прихожане присогласовали на том же отведенном месте, где состоит народская съезжая изба, поставить (церковь. – *Г.Б.*) Покрову Богоматере з двумя пределами и о протчем…

№ ? Число 9. Месяц декабрь…

Дан ящик города Красноярска крестьянину Андрею Истомину для собрания от доброхотных дателей ко вновь строящейся в городе Красноярске на созидание приходской трехпрестольной церкви во именование: первого – Покрова Пресвятой Богородицы, второго – Первоверховных апостолов Петра и Павла, третьяго – Святителя и Чудотворца Николая, в одном Красноярском заказе.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 107. Л. 3об., 22об.; Д. 106. Л. 8.

Комментарий

Документы о возведении ныне старейшего в городе каменного здания – Покровской церкви (угол пр. Мира и ул. Сурикова) почти не сохранились, но, судя по приводимым и косвенным материалам, ее сооружение, начатое через 13 лет после строительства собора на Стрелке, шло по давно заведенному порядку.

Что же известно из истории строительства каменной Покровской церкви?

Ее деревянная предшественница, как отмечалось выше, была поставлена еще в середине XVII века. Не раз после пожаров она

отстраивалась вновь. Судьба выстроенной после пожара 1773 года деревянной Покровской церкви сложилась необычно. В течение последней четверти XVIII века она трижды сменила название и была перенесена на другое место. Когда началось строительство каменной церкви, деревянную переименовали в 1785 году в Благовещенскую, а в 1797 году, когда сгорела кладбищенская церковь и решено было строить каменную Благовещенскую, ее переименовали уже во Всехсвятскую и перенесли на место сгоревшей, за город, на кладбище, на опушку соснового бора, в район современного сквера им. Сурикова (см. ГАКК Ф. 592. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–40, 47; **Гурьев И.** Старинные могилы на сибирских кладбищах // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 566–568).

Место для каменной Покровской церкви было выбрано северо-западнее деревянной, на месте старой «народской съезжей избы», где церковь стоит и по сей день. Члены Покровского прихода во главе с церковным старостой Данилой Черкасовым и престарелым священником Михаилом Терским, с согласия красноярского духовного заказчика протопопа Алексея Михайловского, обратились в 1784 году в Тобольскую духовную консисторию за разрешением построить каменную церковь вместо деревянной. Как обычно делалось в таких случаях, они уверяли, что средств и материалов для строительства в приходе достаточно. Получив так называемую «благословенную грамоту», прихожане 322 дворов (в приход входили жители ряда подгородных деревень) выбрали для строительства церкви отставного сибирского дворянина Михаила Ивановича Юшкова (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–1об.; Д. 107. Л. 2–4, 22 об.).

К сожалению, пока не удалось разыскать подробных сведений об этом «церковном строителе», как он стал называться после заключения официального договора. Судя по фамилии и исповедным росписям горожан, Юшков происходил из старинного казачьего рода Красноярска (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 3). По списку бывших у причастия и исповеди горожан присуда Покровской церкви в 1769 году в семье Михаила Юшкова показаны жена Федосья, три дочери, его отец, отставной казак Иван Алексеевич Юшков и работница. Старший брат Константин жил рядом. Без сомнения, Юшков был незаурядный человек. Дело, конечно, не в том, что

он из простых казаков дослужился до почетного в Сибири казачьего звания. Это сословное отличие «сибирский дворянин» не означало принадлежности к господствующему сословию российского дворянства и не давало прав владения землей и крепостными людьми. Это в XVIII веке не раз подчеркивали казна и семейство Романовых, не желая делиться с новоиспеченными местными и российскими дворянами своими колоссальными сибирскими доходами. Этот 57-летний, немало повидавший на своем веку человек как церковный строитель отвечал за все виды работ по сооружению церкви. На его плечи легли все хозяйственно-организационные хлопоты по финансированию и обеспечению нанятых подрядчиков всем необходимым для постройки и отделки здания.

Строительство Покровской церкви затянулось на 10 лет и шло с 1785 по 1795 год. Из текущей переписки Красноярского духовного правления удалось узнать следующее: площадка для строительства была расчищена местной воинской командой и принята от военного коменданта Юшковым и церковным старостой 23 февраля 1785 года. Первоначально церковь должна была называться Богоявленской, но 2 апреля 1785 года прихожане решили оставить прежнее название. Сбор добровольных пожертвований в самом городе на сооружение храма доверили 55-летнему крестьянину Михаилу Григорьевичу Петухову, для чего ему 9 декабря 1785 года вручили шнуровую с сургучной печатью книгу (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 26. Л. 43). За пределами города этим делом поручили заниматься крестьянину Андрею Истомину. Таким образом, в финансировании строительства церкви принимали участие все жители города и Красноярского уезда. В сооружении церкви участвовали и ее прихожане. Они по очереди выполняли все вспомогательные работы – подвозили кирпич, песок, воду, бутовый камень и плитняк для пола, известь, охраняли строительные материалы.

К середине 1789 года церковь в основном была выстроена, о чем 13 июля Красноярское духовное правление направило рапорт в Тобольск. Чтобы быстрее сделать храм действующим, в него многое перенесли из внутреннего убранства бывшей Покровской церкви. В холодную часть каменной церкви переставили новые слюдяные оконницы старой деревянной церкви. На но-

вой колокольне оказались и все ее колокола. В боковые приделы перенесли престол о четырех ножках, жертвенник, главный «престольный образ Покровский и 4 местных образа (Святой Троицы, Успенья, Всех Святых и Семи отроков), для которых срочно «столярной и резной работой» делался иконостас.

Благодаря принятым мерам, в январе и августе 1790 года были освящены и стали функционировать боковые теплые приделы церкви (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 148. Л. 44–46; Д. 138. Л. 3об.). Однако внутренние работы по «строению и церковному благолепию» в соответствии с тогдашними требованиями были далеки от завершения. Они растянулись еще на 5 лет. Тобольский митрополит, чтобы ускорить дело, даже запрещал службы в старой деревянной церкви. Наконец, 30 июня 1795 года был освящен главный холодный придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и церковь стала считаться полностью действующей (см. **Быконя Г.Ф., Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю.** Покровская церковь в Красноярске – памятник архитектуры XVIII века // Памятники истории и культуры Красноярского края. Предварительные материалы. Красноярск, 1989. Вып. 1. С. 314–321).

При советской власти церковь долго не действовала, а в ее здании размещались мастерские местных скульпторов и городской выставочный зал.

В настоящее время в связи с открытием Красноярско-Енисейской епархии, церковь стала называться Покровским собором, в котором учреждена кафедра епископа (ныне архиепископа) Пантелеймона.

№ 84. 1788 г., января 1. – ОБЪЯВЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОГО НИЖНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА ПО ВСЕМ ВОЛОСТЯМ УЕЗДА О КРАЖЕ ИМУЩЕСТВА У БЫВШЕГО КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ ПЕЛЫМСКОГО

Указ Ея Императорского Величества самодержицы всероссийской ис Красноярскаго нижняго земскаго суда Подгородной, Заледеевской, Частоостровской, Есоулской, Рыбинской и Канской (волостям. – Г. Б.) в земския избы.

Поданным в сей суд колежской асессор князь Иван Пелымской объявлением объявил: минувшаго декабря с 16-го на 17-е числа

в ночное время в ветреную с метелицею погоду неведомыми ворами у двоих кладовых каменных ево, Пелымского, палат изломаны замки, коих де и не отыскан(ы) и второй полате хранящиеся сундуки и ящики все разбиты и замки нутренныя переломаны, все из них лежащия вещи и платье разбросаны из оных, из одного крепкого сундука прутье железное отодрано и спицы из нутренного замка из деревом отломаны, и хранящияся во оном сундуке устюжской работы резная коробка ис лежащими в оной золотыми империалами семью тысечами и з государственными сторублевыми тритцатью ассигнациями, коих было на три тысячи, всего на десять тысяч рублев, да из другаго сундука двенатцатифунтовая голова сахару, всего со оною и з замками не найденными ис коробью устюжской работы резною по цене и з денгами покрадено – на десять тысяч на петнатцать рублев, а более де ничего как ис платья, так и из других вещей не унесено; и просит оное ево, Пелымского, объявление впредь для ведома принять, а в случае обнаружившихся (в тексте: «от нарушившихся». – *Г.Б.*) воров по другим делам и всей, ево, Пелымского, покраже благоволено б было их спрашивать с приувещеванием, кто ли нет паче чаяния изобличаться будут, и кто же сию ево, Пелымского, покражу докажет, и воры с покраденною вышеизъявленною суммою найдены будут, тому он, Пелымской, обещает дать в награждение триста рублев. О чем де и благоволено б было от сего суда во все окружныя волостныя суды для сведения всем уездным жителям письменно предложить, в Красноярском нижнем земском суде (к) приказам поданное от князя Пелымского объявление приобщить к прочим, а в случае когда-либо в каком воровстве причитаться, то таковых о воровстве у князя Пелымского спрашивать… О вышеписанной у колежского асессора покраже для объявления жителем во все сей округи земские избы послать сей указ генваря дня 1788-го года; а с сего указу списывать точную копию, а подлинной отсылать до последней Канской земской избы. На подлинном подписано тако:

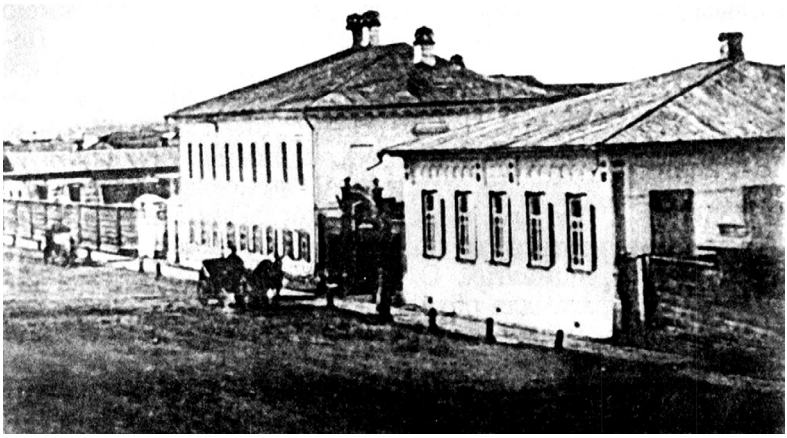
Капитан-исправник Алексей Поспелов. Подлинной писан на гербовой бумаге.

Копиист Петр Козмин.

ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

Комментарий

Последний в истории Красноярска воевода князь Иван Яковлевич и его брат Василий Пелымские были родом из обрусевших обдорских князцов. В 1753 году братья добились от Сената пожалования им со службы дедов и отцов прав потомственных дворян, а значит, и присвоения офицерских чинов (поручика и подпоручика). Несколько лет Иван служил в Западной Сибири, в том числе воеводой в Березовском уезде. После смещения с должности за злоупотребления он возвращается в Тобольск и женится на дочери влиятельного местного дворянина Андрея Ивановича Карамышева – Анне. В 1755 году он был переведен в Красноярск «товарищем», то есть помощником воеводы. С 1758-го стал воеводой, занимая должность до ее упразднения в 1784 году. При отставке Иван Яковлевич Пелымский получил ранг коллежского асессора VIII класса, дававшего в России права потомственного дворянства, то есть освобождение самого и членов семьи от уплаты всех налогов и повинностей, права владения землей, людьми и суда равными, исключительные льготы при поступлении и прохождении службы по военному и гражданскому ведомствам. У личных дворян эти привилегии не распространялись на членов их семей, кроме того, они не могли быть земле- и душевладельцами.

Первый частный каменный двухэтажный дом в Красноярске (принадлежал И.Я. Пелымскому)

За время казенной службы Иван Пелымский нажил значительное состояние, которое, судя по объявленным капиталам красноярских купцов, было самым крупным в городе. По исповедной росписи 1769 года он имел 12 дворовых трудоспособного возраста, а с членами их семей – 32 души обоего пола (см. № 60). Надсмотр за ними воевода поручил тоже дворовым людям. Их трудом обслуживалась заимка в семи верстах от города под началом «приказчицы Настасьи и ее мужа Михаила Сафьянова». Кроме сельскохозяйственного производства, И.Я. Пелымский с братом занимался винными откупами. Не исключено, что через своих родственников, енисейских купцов и мещан Самойловых, он участвовал и в торговых операциях. По крайней мере, средства у него для этого были. Судя по украденной сумме, Пелымский, находясь на государственной службе, нажил значительное по тем временам состояние. По всей видимости, это самая крупная кража в Красноярске за XVIII век. Кроме того, за три года до кражи И.Я. Пелымский въехал в новый, первый в городе частный каменный двухэтажный дом из девяти покоев с каменным же подвалом, оцененный в 1804 году в 700 руб. (ныне на его месте здание гостиницы на Стрелке, пр. Мира, 2 (см. ГАКК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 592. Л. 8; **Быконя Г.Ф.** Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Изд-во Красн. гос. ун-та, 1985. С. 88–89, 240– 241).

После отставки Иван Яковлевич остался жить в Красноярске. Его сын Федор служил в сибирских регулярных частях капитаном, перешел в гражданское ведомство, занимал должность судьи и исправника в уездах за Байкалом, затем вернулся в Красноярск. Женив сына Федора на дочери члена крупного военноторгового клана Самойловых, он породнился с престижной верхушкой жителей Енисейска (см. № 74). Внук же последнего красноярского воеводы Варфоломей Федорович Пелымский сразу пошел по чиновничьей дорожке и сравнительно быстро, через 6 лет после вступления в службу копиистом Красноярского земского суда получил там должность секретаря и ранг коллежского регистратора XIV класса, а с ним – права личного дворянина.

№ 85. 1790 г., июня 7. Барнаул. – ПИСЬМО КОЛЫВАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. МЕЛЛЕРА ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ О РАССМОТРЕНИИ ЕГО РАПОРТА ОБ ОТКРЫТИИ В КРАСНОЯРСКЕ НАРОДНОГО УЧИЛИЩА

Благородный и почтенный господин красноярской градской Власьев.

Разсмотря рапорт ваш, касательно до приготовления дому для заводимаго в городе Красноярске народнаго училища, изъявляемое тамошними купцами и мещанами к построению оного усердие, и желание составить добровольным даянием для приказа общественнаго призрения некоторую сумму приемлю я со удовольствием. Что ж принадлежит до отпуску следующей в выгоду города питейнаго доходу от прибыльной суммы одного процента, то оная неминуемо отпустится в то ж самое время, как окончится вычет по указу правительствующаго Сената от 13 декабря 1787 года, во общий и государственный доход из городских сумм, за перебранную с 1786-м и 1787-м годах городовыми магистратами на жалованье сумму. Не надеюсь я, чтобы общество красноярское, толико благомыслющее, по сей причине удержалось принять Ея Императорскаго Величества матернее попечение о воспитании детей с благоговением и благодарностию. А по самому сему на первой случай для открытия народнаго училища приискать один или два дома, в которых бы поместится, хотя и с нуждою, было можно ученикам до ста пятидесяти человек и больше, буде же того не найдется, то хотя б училищу поместится вообще с хозяевами в отделенных покоях, стараяся соблюсти по местоположению города, чтоб таковые дома были на выгодном, пристойном и удобном месте, один от другаго, как возможно, по близости, и сколько можно ж против прочих в чистоте исправнее, а не в тесных улицах, не на сыром месте. И каковые приисканы будут, имею ожидать незадолжительнаго уведомления.

Борис Меллер.

ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

Комментарий

Этот документ, как и № 86, предоставлен М.П. Малышевой.

После опубликования в 1786 году Устава двухступенчатой народной школы в уездных городах Сибири стали открываться двухклассные малые народные училища. На их содержание казна специально средств не выделяла. Разрешалось использовать общегородские суммы, которые складывались из различных сборов и местного обложения.

Трапезная Воскресенского собора, где размещалась первая общеобразовательная школа в Красноярске (не сохранилась)

Доходы для Красноярска по Городовому положению 1785 года составлялись из того, что дозволялось: 1) «где удобно на городских землях завести, построить и содержать мучные или пильные, или пиловодяные, или ветряные мельницы; 2) на городской земле по дорогам построить и содержать, и в наем отдавать харчевни, корчмы или герберги, или трактиры; 3) в городе, где питейная продажа в казну 1 % с прибыльной суммы питейного дохода (получать. – *Г.Б.*); 4) выморочные имения горожанина; 5) если в дачах городских находятся места, удобные для заведения мельниц или рыбной ловли, или перевоза, то с них доходы принадле-

жат городу; 6) штрафные деньги, взысканные с купцов и мещан, причислять к городскому доходу и именно на предметы, назначенные попечению Приказа общественного призрения».

Учитывая сравнительно большое количество желающих обучать своих детей, горожане решили выстроить для училища двухэтажное здание. Но, как видно из документа, город в это время испытывал материальные затруднения, ибо городские власти перерасходовали суммы, предназначенные на жалованье. Добровольных же пожертвований не хватало. Красноярский голова Власьев обратился к губернатору Колыванского наместничества, куда входил с 1782 по 1797 год Красноярский уезд, с просьбой не взыскивать в казну перерасходованные деньги из городских доходов, а передать их для строительства школьных зданий. Губернатор отказал, посоветовав временно занять под школу какое-нибудь здание.

Так первая общеобразовательная школа Красноярска оказалась в трапезной каменного Рождественского собора на Стрелке (см. **Бакай Н.Н.** Страничка из истории народного образования в Восточной Сибири в конце XVIII в. // Сибирский сборник. Иркутск, 1894. Вып. 4. С. 22–29). Как выяснил А.Н. Копылов, «очень скоро красноярская дума охладела к училищу, так как оно требовало постоянного внимания и расходов. Средства, на пожертвования которых купцы дали расписки, вносились нерегулярно, денег не хватало на оплату учителя… Плохо было с обеспечением школы самым необходимым – бумагой, свечами, дровами. Дети и учитель часто простывали и болели» (см. **Копылов А.Н.** Указ. соч. … С. 94–95; **Быконя Г.Ф.** История народного образования в Центральной Сибири. XVII – середина XIX века. Красноярск, 2015. С. 59–84.

№ 86. 1792 г., июня 20. Барнаул. – РАПОРТ В КОМИССИЮ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ УЧИЛИЩ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ КОЛЫВАНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ИВАНА ЛОМАЧЕВСКОГО О СМЕРТИ ПЕРВОГО УЧИТЕЛЯ КРАСНОЯРСКОГО МАЛОГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА

По отбытии из Барнаула попечителя здешних народных училищ артиллерии… генерал-порутчика Колыванского наместничества правителя… Бориса Ивановича Меллера собрания

(т.е. заседаний. – *Г.Б.*) в приказе нет, почему и осталось мне донесть оному правительству о случившейся нужде, что при самом отправлении от Приказа общественнаго призрения в Санктпетербург нарочного за пособиями для народных училищ, получил я из города Красноярска от смотрителя тамошняго народнаго училища (Петра Пороховщикова. – *Г.Б.*) рапорт о кончине находящегося в оном училище учителя Никиты Звонникова, который прикомандирован был в оное с самаго открытия того училища. Его же должность в главном народном училище при отправлении своей отправлял учитель Василий Красин с прилежанием и довольно хорошим успехом. Для чего по смерти помянутого учителя и помещен он на его место, а его теперь остается праздно…

(Директор, ссылаясь на Пороховщикова, сообщает. – *Г.Б.*), что… не токмо жители здешние, но и кочующие вблизи татары познали уже цену новаго образа учения и для умершаго учителя, любимаго всеми, соорудили в благодарных своих сердцах памятник…

ГАТО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 48. Л. 17–19.

Комментарий (см. № 92)

№ 87. 1792 г., июня 21; октября 27. – ПИСЬМА КРАСНОЯРСКОГО ОТСТАВНОГО ДВОРЯНИНА К ДОЧЕРИ, ЕКАТЕРИНЕ ЛАРИОНОВОЙ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ИРКУТСКЕ

1. Катинька, сама, просьба, читай, людям не давай! Любезной нашей дочере, Екатерине Михайловне! Желаем тебе и с Петром Федоровичем на многие лета здравствовати, и при сем посылаем заочное мир и благословение.

При сем, вас Катинька, любезная, уведомляю: письмо ваше, писанное майя от 27, а мною полученное июня 20 числа исправно, за которое вас весьма благодарим. А что ж Петр Федорович первое намерение имел до Якуцка к ярмонге съездити и на осень в дом прибыть, да и на зиму к нам обещался побывать, а ныне уже удалился в далечайшую страну в Охотцк, да не вздумает ли и до Камчатки, и в евтом я не прекословлю, ибо им и подлежит комерческия свои дела исправлять, только в том сожалею себя, жену свою, а наиболея Вас, любезную нашу Катиньку, что мы все будем до ево обратне-

ва приезду скорбеть – все ли он благополучно съездит; да, и рассуждаю я, ете его разъезды за чужим товаром не очень полезны, но все его состояние приводит перед хозяином быть подлым, а лучшея бы ему жить с небольшими денежками, хотя и до ста рублев, да свои, да к тому мог бы я на росторжку дать, вот бы и расторговался, поелику как и прочие наши купцы и мещане. А теперво за несколько тысяч уехал, так что от него неможно писем об уведомлении получить, да и от нас не с кем ему переслать, да неуповательно идуття. Да, не очень я похваляю, ета обида доходит до меня, ибо Петр Федорович обещание свое при сватанье клал, то бы ему и подлежит исполнить. И удивляюсь, неужели и он также, как и братец ево Степан, понял себе жену, Прасковью Васильевну, и, немного живши, оставил странствовати: равно завезши вас на чужую сторону, и оставил на долгое время. Однако я о себе думаю, докуда еще в живых находится буду, никогда детей своих без призрения не оставлю. И вы, любезная наша Катинька, не будешь мною тунно оставлена, и помешкаю до зимы, и что тогда окажется, я тогда еще к тебе, Катинька, хотя с чем ни есть приеду и поговорю. Да, еще удивляюсь, неужели он так сделает как Готфин, дав по себе поручителей Гурия, Саммона, и Авида, да и не стоял противо правды. И вы, Катинька, не тоскуй, а молися Богу. Он тебя создал и по всему направил на путь мира. Да еще не забывай молиться Ивану Лественнику, и он ото всех печалей и скорбей избавит, равно и отец Николай, а более – Божия Матерь. И я разумею, тебе, Катинька, ко мне письма писать – все будешь наимывать и деньги держать (тратить. – *Г.Б.*), то ты не иначе, хотя и худенько, да лутчея рубешков толко сама и пиши, хотя на маленькой цидулке, свое имя, мы и тем довольны будем, видя твою ручку. А ты себя бедной сиротой не называйся, мы тебя отдали не в слуги, а быть по себе, и госпожею слыть. Да, пожалуй, надежно меня уведомь, что Петр Федорович с согласия ли твоего, или с какой ссоры уехал в даль, или его крайняя надобность до туда влечет, и как скоро обещался обратно возвратиться. И тебе и мать сим пишет, чтобы отнюдь не тосковать ни об нас, ни об муже. Да и я наиболее подтверждаю тебе, Катинька, не крушиться ни о чем, ни тосковать. И оставил ли тебе Петр Федорович на домашнюю держ денег, а буде ничего не оставил, то ты очень имеешь скудность – не тужи,

я могу тебе, Катинька, и денег сколько тебе потребно на твои надобности прислать. А не будь ты, моя любезна, скудна и подла, и что мы тебе в приданое дали, то напрасно не продавай для своей надобности, а лутчея на надобность возьми, когда будет у вас Иван Иванович Попов или Семена Худоногова сын Данило, а я им здесь могу отдать. А напрасно не бери и славы не произноси. А о себе: мы теперво находимся, слава Богу, в живых, а здоровье наше, сама ты знаешь, то как преждея были и жили, и ныне также и находимся. А только при нас одна Устинья находится, коя тебе большое челобитье посылает. А работники у меня с Христова дни ни единога нет, вешну и паров десятины наймом спахать. И дорогих, и худых не наимываю, а хочу уже так и жить, и ото всех забот отстать, и старые денежки с краю держать. Еще ваша Гнедуха принесла конька коуринькова, коя и с лоншаком к моему бурому жеребцу и отпущены. Еще для тебя, Катинька, посеял я льну и поскони. Еще мы со старухой при доме, и у Качи в огороде насадили. И по счастию нашему у нас всю весну и доныне стоят дожди, то и не поливаем. Однако от холоду огурцы повызебли, а капусту червь вредила, только не нагло. Сказ еще будет, и затем более теперво, Катинька, писать не нахожу. И остаемся при послании тебе заочного мира благословения, отец твой, Михайло Елисеев.

(На обороте. – *Г.Б.*):

В городе Иркутске прошу покорно отдать в приходе чудотворцев Прокопия праведного, в дом господина купца Петра Федоровича Ларионова, жене ево Екатерине Михайловне почтенно из Красноярска.

Помета: получено августа 23.

2. Любезной нашей дочери, Екатерине Михайловне, желаем здравствовать и с Петром Федоровичем на многая лета и посылаем заочное мир и благословение.

При сем имеем вас, Екатерина Михайловна, поздравить с новорожденным сыном Андреем Петровичем, коего, даруй Боже, вам кормить и поить и велика взростить. О коем мы первую весть услышали, что зиму у Емельяна Григорьевича был прикащик Иван, а ныне он по лету, сентября 8 числа, через здешний город проехал в Москву, и он сказал поутру; а после обеда того же дня

по почте от Емельяна Григорьевича ко уведомлению нас получили письмо, а вашей руки, Катинька, письмо же через купца Кузнецова получили того же сентября 10 числа, за которого письма весьма благодарим. А наиболее мы радуемся, что Бог даровал нам наследника, мать же ваша, а Андрея Петровича бабушка, желает, яко (поедет. – *Г.Б.*) на источники водныя (Тункинские. – *Г.Б.*), так на него посмотреть, что ей Бог даровал внука и поводиться с ним. И просим вас, когда Бог принесет Петра Федоровича, то общекупно собравшися и привести к нам своего сына. А матери твоей никак немодно к вам, по ее болезни ехать, как вы сами знаете удушье ее замучило, иногда едва в сутки поест и лежит оттого в болезни. Да и я не сряжаюся, потому что ехати не с чем. Масло дорогое, по три рубля просят за пуд, еще за провоз что возьмут. Да и не по-прежнему я нахожусь: весьма стал слаб здоровьем своим.

Сего лета чрезвычайно я собою одряб, так как старик, и замены нет никакой. А попустить дом жаль, почему и стараюсь, как можно, хотя и копны сена не ставлено, но 40 копен купил за Заледеевой и дал дешево – 3 руб. 15 коп. Ныне ж я нанял работника, то посмотрю, может я и к вам побываю. А ты об матери не тоскуй. Хотя я и написал ее болезнь, но она так, как и прежде была, а ты сумневаться станешь, якобы и в великой болезни находится. Но не тоскуй, да сами поторопитесь к нам приехать, и как приедете, то лично увидимся. Сего ж году Бог мне с двух десятин даровал хлеба довольно: в дальнем остожье наклал 4 клади, да у избушки кладь: лен и посконь сняли: поскони было 120 снопов. А ленку бы к вам и послали в гостинцы, да не с кем: трудна пересылка. И ты уведоми, пожалуйста, почем у вас в ряду масло продают пуд и безмен. А у нас в продаже безмен в 25 коп. и не менее 20 коп. Еще уведомляю, у нас посадских из деревень всех гонят в город неотменно многие места приняли, а Петр Костыгин купил дом Данила Терентьева, где Оська Кабанов женат, за 115 руб. У нас же в Красноярске медных денег весьма скудно, так что ассигнации обменивать негде. И дают промену на ассигнацию замены за рубль по 5 коп. промену. Еще уведомляю, снег у нас выпал на Здвиженьев день, на степях – в колено, а в тайге – в пояс. И погода сделалась, и набило ночью во дворах, на улицах забои

в пояс. И лежал тот снег недели две, многие из-под снегу хлеб клали, а невыжатого много, и скот съел. А в деревнях много ж хлеба потратилось оттого. Я до Госпожина дня зачал жать и убрался заблаговременно. Еще вам объявляю: родственники наши все находятся в добром здоровье. Кяхтинские товары у нас еще дорого весьма продают: китайки 2 руб. 30 коп. и дабы, и нам хотя надобность состоит, но мы ожидаем, как будут продавать дешевле, то тогда и купим. По рекоставу наши казаки к вам в Иркутск поедут, в том числе Тимофей Шахматов и Семен Стародубцов. Оные требуются к следствию в показании на бывшего коменданта Пирожкова во взятках. И с ними, что ни на есть, к вам, ежели возьмут, пошлем. И затем более до вас писать не нахожу. И остаемся все в добром здравии, так как и прежде жили. Отец ваш, Михайло Елисеев, и мать посылаем великое челобитье и благословение. Да при сем же и Устинья посылает челобитье и низкий свой поклон.

ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 469. Л. 1–4, 9–10.

Комментарий

Елисеевы относились к старинной казачьей фамилии Красноярска. Так, в 50-е годы дядя Михаила Петр Елисеев был казачьим командиром (см. ТФ ГАТО. Ф. 156, 1754 год. Д. 185. Л. 2). Михаил Егорович в 80-е годы уже числился в отставке. Одним из пяти отставных дворян он участвовал в выборах городского головы в 1784 году, так как имел должное имущественное и семейное положение, а также домовладение (см. ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. Л. 1). Как видно из писем, он, будучи крепким хозяином, вел комплексное хозяйство: имел пашню, занимался посреднической торговлей. Хозяйственная жилка М. Елисеева проявлялась даже в письмах к дочери, где забота о близком человеке все время перемежалась с чисто деловыми вопросами и информацией. Будучи верующим человеком, он активно участвовал в религиозной жизни города. Жители 203 дворов, входящих в приход городского собора, например, доверили ему быть церковным старостой в 1784–1798 годах. При нем собор получил новый колокол весом в 126,5 пуда. Деньги на него собирали «в ящик по городу» и по деревням у церквей по четырем праздникам – на Вознесение, в День Прокопия Правед-

ника, пророка Ильи и Воздвижения креста Господня. Он нанимал за 60 рублей каменщика Бутакова для побелки соборной церкви и «правки ее». Правда, частный интерес у него иногда оказывался выше общественного. Так, в 1799 году Красноярское духовное правление «уволило его от должности» церковного старосты, ибо за 1788–1798 годы от покупки и продажи свеч собор не получал, как предполагалось, ежегодно по 50 руб. свечного дохода, а, наоборот, оказывался почти в убытке, так как Елисеев тайно продавал свои, а не церковные свечи и доход клал в свой карман (см. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 247. Л. 243 об.– 244, 257).

Не имея наследников, он настойчиво добивался, чтобы его зять, иркутский купец Петр Федорович Ларионов, переехал в Красноярск. Это было непросто, так как он с тремя братьями в конце 80-х годов XVIII века был в доходной компании Н.П. Мыльникова, а позже, привлекая средства тестя, – в Российско-Американской объединенной компании Г.И. Шелихова. С начала XIX века красноярский купец третьей гильдии П.Ф. Ларионов, а затем его сын Иван, о котором речь шла в письме, были держателями акций Российско-Американской компании. Довольно подробно об Иване писал в «Воспоминаниях» старожил И.Ф. Парфентьев. Со страниц этой уникальной, своего рода последней городской летописи Сибири конца XIX века Иван Петрович предстает как купец-предприниматель старой закваски. Он вкладывал средства в различные отрасли, во все вникая сам: дела вел, больше уповая на личное доверие компаньонам и контрагентам, нежели на официальные бумаги, деньги делал с оглядкой на Бога, например, считал зазорным наживаться во время голода. Он занимался, кроме торговли хлебом и разными товарами, «кирпичеделанием», один из первых в крае стал разводить пчел, «завел делание церковных свеч, а под горой у себя (у Качи. – *Г.Б.*) устроил мыловаренный завод». Около казенной палаты в переулке по своему плану выстроил каменный дом и «самоучкой так знал архитектуру, что мог поучить ученого техника» (ныне Ленина, 3). Горожане выбирали его городовым судьей (1850–1851) и дважды – городским головой. Ларионов не чуждался просвещения. Он аккуратно хранил все экземпляры «Московских ведомо-

стей», которые выписывал со дня из издания в 1812 году. Сын его закончил Петербургский университет с золотой медалью и стал стряпчим сначала в Томске, а потом в Красноярске.

(Публикацию корпуса писем Ларионова см. **Комлева Е.В.** Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Новосибирск, 2016. Вып. 1: Письма XVIII – первой трети XIX в.).

№ 88. 1795 г., январь. – ИЗ РАПОРТА ГОЛОВЫ КУГАЕВСКОГО О СЛУЖБАХ СТАРШИН И КАЗАКОВ КРАСНОЯРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ КОМАНДЫ НА 1794 год

В дальних отлучках 311 человек из 506 человек, в том числе:

По Нижнеудинской границе – 69 человек. Самые ранние прибыли в 1763 г., поздние – в 1794 г.

По Абаканской границе:

В Саянском остроге – 36 человек в 1775 г., в 1794 г.

В Кебежском карауле – 28 человек в 1772 г., в 1791 г.

В Шедацком карауле – 23 человека в 1778 г., в 1793 г.

Таштыпском – 20 человек в 1769 г., в 1792 г.

Абаканском – 42 человека в 1765 г., в 1794 г.

На Боровых северных озерах – 13 человек в 1793 г.

При самосадном озере – 10 человек в 1762 г., в 1790 г.

При Каралаевском варчем озере – 11 человек в 1772 г., в 1790 г.

При Тагарском – 3 человека в 1780 г., в 1789 г.

При Иртюпском – 3 человека в 1789 г., в 1794 г.

При Бийском – 5 человек в 1789 г., в 1797 г.

При Ирбинском заводе в караулах – 6 человек, в 1780 г., в 1792 г.

При Лугажском – 3 человека в 1770 г., в 1789 г.

При Абаканском остроге, при артиллерии – 7 человек в 1772 г., в 1794 г.

В Колыванском губ. в казенной палате счетчиком – 1 человек в 1785 г.

При Иртышской линии, при разных меновых дворах – 35 человек в 1788 г., 1792 г., 1794 г.

В ближних отлучках:

В Красноярской почтовой экспедиции – 2 человека с 1794 г.

В Красноярской комендантской канцелярии – 1 человек с 1.11.1783 г.

В Красноярске при артиллерии смотритель – 1 человек с 1.5.79 г.
У казенного провианта вахтерами – 2 человека с 1793 г. и 1794 г.
Частным приставом – 1 человек с 29.9.1794 г.
РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3734. Л. 13–19 об.

Комментарий (см. № 57)

№ 89. 1795 г., января 24. – ПРОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА В ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ О ВЫДЕЛЕНИИ ИЗ СТАРОГО ПОКРОВСКОГО ПРИХОДА НОВОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И ОБНОВЛЕНИИ БЫВШИЙ ДЕРЕВЯННОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ

Многия сего города Красноярска разного звания люди возимели усердное желание соорудить нам иную двухэтажную церковь и украсить ее подобающим благолепием, в нижнем – во имя Благовещания Пресвятыя Богородица, а в верхнем – святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, на отведенном прежде по плану очень хорошем и пристойном месте, огражденном деревянною оградою, в длину и ширину по тридцати по семи сажен, где ныне без службы состоит деревянная Покрова Богородицы, вместо которой на другом месте в то ж именование создана и украшена церковным благолепием каменная с приделами церковь, в коей и служба происходит. На означенныя святыя церкви созидание усердием многих горожан вписано во учиненную сего генваря 18-го дня Красноярским духовным правлением шнуровую книгу деньгами две тысячи сто сорок рублей, сосуды серебряные с позолотою и евангелие сребряное с позолотою с прибавою в триста рублей, которые уже готовы и хранятся, да сверх того сто тысяч кирпича. Подобное сему усердие и многие оказать желают, но за краткостью времени, а другие – из-за случаю, вписать не успели; в приход же сей внов имеющей быть построенной церкви можно соделить со состоящих здесь, в городе, одной – соборныя, а другой – приходской церкви потребное количество домов, ибо при означенных сих двух церквах имеются до десяти сот приходских домов, да сверх сего живущих в здешней округе купцов и мещан указом правительствующего Сената поведено для жительства переселить в город Красноярск, которые и переселяются, число же оных по переписи состоит тысяча четыре-

ста душ, следовательно, и приходы умножаются. К созиданию помянутой церкви изобрали купца Егора Пороховщикова, коему во всем потребно наивозможно помогать старосте будем, для чего и данную со духовного правления шнуровую книгу ему вручили.

О чем Красноярское духовное правление покорнейше просим сие наше прошение принять его высокопреосвященству архиепископу Варлааму Тобольскому и Сибирскому со испрошением благословенной грамоты, и снятого прежнего деревянного здания для построения вновь каменного здания церкви представить, на что мы имеем ожидать о сем его архиепископа резолюции.

Майор Петр Тархов.

Городской глава Петр Нашивошников.

Уволенный со службы дворянин Степан Нашивошников.

Дворянин Егор Замятин.

Мещанин Егор Воронов – подписуются.

ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 208. Л. 15.

Комментарий

Документ отражает первый этап строительства третьей по счету каменной церкви в городе. Интенсивное строительство каменных церквей не только дань моде, но и свидетельство роста населения города и оживления его экономической жизни. Частично положительно сказалась и узкосословная политика центральной власти, настойчиво требовавшая переселения в город сельских купцов и мещан. Прошение было удовлетворено, и храм был построен. При советской власти здание было превращено в пушной склад. В настоящее время реставрированный храм вновь действует.

№ 90. 1796 г., марта 28. – ДОГОВОР О ПОДВОДНОЙ ГОНЬБЕ КРЕСТЬЯН ПОДГОРОДНОЙ БЕРЕЗОВСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ

Красноярского окружного ведения Березовской земской избы Кускунской станции крестьяне Леон Сыромятников, Семен Иноземцев, Василий Остафьев, Сергей Скобелин, Ефим Полунин, Степан Васильев, Андрей Оксенов с их де подписавшими но нам поручителям дали сей договор Березовской земской избы старосте Ивану Потылицыну, выборным и всему обществу в том, что

договорились мы при собрание в оной земской избе и при приглашении причисленного во оную гоньбу Курагинской земской избы старосты Петра Худоногова содержать нам в Кускунской станции почтовых шестнадцать лошадей во весь нынешний 796 год, то есть с1 января по 1 число иметь нам тех лошадей самых исправных со всею конской упряшкою иметь нам телеги и зимние сани з болками (балками. – *Г.Б.*) и с тех лошадей содержать нам для курьеров наивсегда в наличие четыре лошади, остальные двенадцать лошадей завсегда б были под следующие по подорожным проезжающих разного звания чину людей употреблены проезжавшим подорожным курьеров и протчих чиновников, хотя они будут то требовать и продолжение себя и сохранению безопасности и конвой не удерживать. Дак по билетам, по коим показаны будут, почтовые так же возить нам беспрепятственно, и во все сходно прошлогодному нашему договору, за что и рядили мы общество и причисляемыми платы с каждой лошади по сту по десяти рублей, а всего тысяча семьсот шестьдесят рублей ис числа коего ныне наперед получить нам с общества половинное число, то есть 880 руб., а остальное половинное число 880 руб. получить нам сего ж года июня на 29 число в исправностном платеже!

От лошадей представляем по себе ниже подписавшиеся поручителями.

В чем под сим подписуем: к подлинному договору просьбой Леона Сыромятникова, Семена Иноземцева, Василия Остафьева, Сергея Скобелина, Степана Васильева, Андрея Оксенова руку приложил мещанин Захаров.

К подлинному договору просьбой поручителя Ивана Сыромятникова, Лаврентия Оксенова, Матвея Оксенова, Матвея Стародубцева, Николая Пушкарева мещанин Андрей Лопатин руку приложил.

К подлинному договору поручитель Иван Потылицын подписал.

ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 493–494.

Комментарий

Податное население Красноярска тоже заключало подобные договоры. В отличие от Западной Сибири, за Енисеем обязанно-

сти возить почту и следующих по казенной надобности с подорожными чиновников, а также доставлять различные казенные грузы были возложены на все местное и трудовое русское население. До 70-х гг. крестьяне, разночинцы и посадские по очереди дежурили на почтовых станциях и станках со своими лошадьми и фуражом. С окончательным устройством Московско-Сибирского тракта и его заселением для почтовой гоньбы стали нанимать специальных лиц. Расходы раскладывались исходя из числа душ в каждом дворе и его зажиточности. Старосты и выборные от местных обществ нередко допускали злоупотребления с мирскими деньгами, вступая в сговор с подводчиками (см. ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 499, 482; **Ватин В.А.** Село Минусинское. Минусинск, 1914. С. 60–62).

Для разъезда местных чиновников население поставляло так называемые обывательские подводы. Из-за огромной площади тогдашнего Красноярского уезда жители города должны были содержать подводы в очень отдаленных местах. Так, в 1792 году по расписанию Красноярского нижнего земского суда купцы и мещане города шесть лошадей поставляли на Бирюсинский станок в 325 верстах от города и 15 лошадей – в Канск, где на них ездили до села Иланского (см. ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 275).

№ 91. 1796 г., августа 21. Барнаул. – УКАЗ О ПЛАТЕ ЗА ПЕРЕВОЗ ГРУЗОВ ЧЕРЕЗ ЕНИСЕЙ И О ЗАВЕДЕНИИ В КРАСНОЯРСКЕ ПАРОМА

Указ Ея Императорского Величества самодержицы Всероссийской, из Колыванскаго наместническаго правления красноярскому градскому главе Худоногову.

Рапортами красноярские господин секунд-майор Кугаевской и земский исправник Родюков изъясняет, что прошедшаго июня месяца, когда были наряжены для поправления на большой столбовой дороге мостов и прочаго крестьяне, коим надлежало переправлятся через реку Енисей на учрежденном перевозе, содержимом тамошним купецким и мещанским обществом, то Вы, градской глава, приказывали старосте Зыкову собирать с них, а также казаков и прочих по службе, а не по собственным нуждам про-

езжающих чинов за перевоз с каждаго по 20 коп. и хотя ими, господином комендантом Кугаевским и исправником Родюковым, о несобирании таковаго побора с означенных людей по прописанным обстоятельствам вам, градскому главе, делано было надпоминание; но Вы, не уважая того, остались по-прежнему, в разсуждении чего и просят таковые незаконныя поборы с проезжающих чрез реку Енисей на учрежденном в Красноярске перевозе вам, главе, чинить запретить. А по делу в правлении значит: в рапорт Красноярской городовой магистрат от 4-го марта 795 года, изъясняя таковой же красноярских городовых дел касательно прибавления, по согласованию всего тамошняго купеческаго общества платы сверх прежней на содержимой оным в городе чрез реку Енисей пором для перевозу разнаго звания людей, по случаю зделавшейся дороговизны на все припасы, и что, хотя указом из сего правления от 30-го июля 786 года, тому магистрату и велено содержать оной перевоз до тех пор, покуда ис казенной палаты резолюция не последует… вследствие чего при рапорте Красноярской городовой магистрат представил с вышеписаннаго указа, последовавшаго из сего правления во оной магистрат в 1786 году, копию, в котором написано, что по рапорту управляющаго в городе Красноярске должность городничаго господина советника Васильева от 15-го майя 786 года изъясняющему о ветхости бывшаго в городе Красноярске чрез реку Енисей на четырех лотках парома, и что Красноярской городовой магистрат в силу Городоваго положения 149-й статьи хотя содержанием и не отказывается посредством общественной суммы, но чтоб с положением за перевоз кроме чиновных и служащих других нижних чинов, а имянно: во время разлития вешной воды с иногородних купцов купецкой клади с каждой телеги по 25 коп. с лошади по 15 коп., с обывателей городских с телеги с кладью и лошади по 15 коп., с мешков с хлебом по 1 $^{1}/_{2}$ коп., с простой верховой лошади по 10 коп., с пешова человека 2 коп., в малую воду с купецкой клади с каждой телеги по 20 коп., с лошади по 10 коп. с обывателей городских с телеги ж с возом и лошадью по 10 коп., с хлебных мешков по 1 коп., с простой верховой лошади по 5 коп., с пешова человека по 1 коп. В осеннее ж время полагается против вешняго,

почему по совершенной негодности прежняго порома, на показанном основании и позволено оному магистрату содержать для чего магистрату по 167-й статье Городоваго положения 6-го отделения и предписано завести перевозное судно и перевоз до тех пор, покуль ис казенной палаты резолюция не последует, о чем во оную палату писано и требовано, чтоб благоволила о заведении в городе Красноярске перевоза учинить разсмотрение и ассигновать на содержание онаго надлежащее число денег ежегодно… учинить свое разсмотрение и определения, на которое Колыванская казенная палата в сообщении своем прописывая справку содержащую… 2-е: что палата Правительствующему Сенату в 1791 году донесла, что оной нет возможности зделать в следствие его предписании исчисления сколько потребно в год на исправление мостов и перевозов в здешней губернии, состоящих по случаю неутверждения губернскаго города, и уезднаго Красноярска и что еще на то ничего не получено, и потому казенная палата уведомляет, что оной до воспоследования о вышеписанном от верховнаго правительства разрешения и разпоряжения о красноярском перевозе приступить не можно, тем более, что город Красноярск останется ль уездным городом, не известно, а также палата и сумму на постройку мостов и перевозов в ассигновании не имеет и при том требовала, дабы правление благоволило изыскать о том перевозе свои меры…

Приказали: поелику из рапорта управляющего в городе Красноярске должность городничаго г-на советника Васильева от 15 мая 786 года прописаннаго в указе сего правления, посланнаго в Красноярской городовой магистрат, видно, что когда помянутой г-н советник Васильев, представляя в правление, испрашивал в резолюцию указа о зборе с проезжающих на пороме чрез реку Енисей платежа денег по означенному в том рапорте количеству, на содержание того перевоза, то городовой магистрат сей збор с проезжающих на пороме чрез реку Енисей чиновных и служащих других нижних чинов имянно исключал, следовательно, и ныне таковаго платежа с проезжающих чрез реку Енисей на пороме по нарядам крестьян за исправлением дорог и мостов также и заводских работ, равно казаков и протчих по службе, а не по собственным нуж-

дам проезжающих требовать не должно, по исполнению чего красноярским вам, градскому главе и городовому магистрату, предписать указами, о чем и господину коменданту и красноярскому земскому суду исправнику Родюкову дать знать таковыми ж предписанием земскому суду, чтоб крестьянам, идущим в казенныя или общественныя работы, даваны были письменныя виды.

Августа 21 дня 1796 года.

Иван Быков.

подканцелярист Дмитрий Смирнов

ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 4. Л. 24–26.

Комментарий

Проблема сообщения между правым и левым берегом издавна была острой для горожан. Все расходы по устройству и обслуживанию перевоза нес город. Официальные лица и казенные грузы перевозились бесплатно, а с частных лиц взималась плата. Чтобы как-то уменьшить хронический дефицит городского бюджета, возросший после «Жалованной грамоты городам» 1785 года, город периодически пытался повышать плату за перевоз, особенно с иногородних лиц, не входящих в посадскую общину. Поэтому спорным оказался вопрос о взимании перевозных денег с крестьян, выполнявших казенные работы.

№ 92. 1797 г., марта 27. Барнаул. – РАПОРТ КОЛЫВАНСКОГО ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В КОМИССИЮ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ УЧИЛИЩ О ЗАКРЫТИИ ШКОЛ В КОЛЫВАНСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ И УВОЛЬНЕНИИ УЧИТЕЛЯ В. КРАСИНА

С начала учреждения в здешней губернии народных училищ с 789-го года по сие время поступало в здешней приказ по временам подлежащей на содержание тех училищ суммы, как то приложенных доброхотнодателями, взысканных с разных людей штрафных и прочих, всего двадцать три тысячи восемьсот семнатцать рублей тритцать три копейки с половиною, которые как на содержание главного, так и двух малых народных училищ (Красноярскаго и Кузнецкаго) в жалованье учителям и сторожам, не только все

в расходы употреблены, но по недостатку той суммы принужден был приказ на содержание тех училищ заимствовать из других состоящих в приказе сумм… всего тысячу шестьсот рублей… и так настоящей училищной суммы нисколько налицо не состоит. На требование же здешняго приказа тех городов, где малые народные училища состоят, купеческие и мещанские общества, за неимением по силе высочайшаго Городоваго положения назначенных доходов от содержания тех училищ отказались. А как имянным высочайшим Ея Императорскаго Величества указом, состоявшемся 12 числа декабря 796-го года, повелено Колыванскую губернию упразднить, то по сим обстоятельствам, а паче по причине неимения к содержанию училищ суммы, яко по сущей невозможности к содержанию состоящия в зависимости здешняго приказа два малыя народные училища уже и упразднены, да и главное существовать не далее будет, как по 10 майя сего года, из числа коих по упразднении Красноярскаго малаго народнаго училища учитель Василей Красин… приехав в Барнаул, подал в здешней приказ доношение, прописывая, что как он был откомандирован на время в город Красноярск для приведения тамошняго училища в надлежащей порядок и обучения в оном детей, находился до самого времяни упразднения того училища сего года февраля месяца, а по упразднению онаго должен был вступать в отправление должности определеннаго ему класса, но господин правитель здешней губернии ему объявил, что и он должен также быть упразднен, несмотря на то, что Колыванское главное народное училище существует. По упразднении же Красноярскаго народнаго училища, в кое был он откомандирован, будучи главнаго народнаго училища и рисовальнаво класса учитель, почему должен упразднен быть прежде упразднения главнаго народнаго училища резону не видит, о чем донеся просил, учинив справку, показать, по какой статье Высочайшаго устава о народных училищах должен он упразднен быть прежде упразднения главнаго народнаго училища, а потому зделать постановление, ему объявить и с засвидетельством онаго дать копию.

На что определено: хотя учитель Красин и просит о перемещении ево попрежнему в Колыванское главное народное училище, но… как училищу принадлежащей суммы, кроме занятой,

нисколько не состоит, да не далее существовать будет, как до 1-го майя сего года, то посему означеннаго учителя Красина в училище помещать и надобности не состоит, ибо и прочие его сотоварищи по прописанным обстоятельствам находиться будут при должности, только что по 1-е майя сего года. Почему и остается Красину свободным, а потом объявить (и объявлено), чтобы он, как определен Комиссиею об учреждении училищ, то б и явился паки во оную: а буде желает, то в Тобольскую губернию, поелику здешние города поступят в оную, для чего, как об отправлении им, будучи в зависимости здешняго приказа, учительской должности с показанием добропорядочных ево поступков и успехов дан аттестат, так и для свободнаго проезду до Санкт-Петербурга и явки в сию комиссию паспорт 19 числа сего месяца. Означенной учитель Красин паки поданным прошением просил о выдаче ему за генварскую сего года треть жалованья о прогонных денег, как употребленных им в проезд из Красноярска до Барнаула девяти рублей семидесяти одной копейки, так от Барнаула до Санкт-Петербурга что причтется, но как он после выдачи ему за сентябрьскую 796-го года треть жалованья находился еще при должности по день упразднения Красноярскаго народнаго училища по 19-е число февраля сего года, один месяц и осмнадцать дней, и так по сему ему, Красину, выдано жалованья за показанное время, пока он в должности находился, за вычетом на гошпиталь – 46 руб. 19 коп. с половиною. Что же касается прогонных денег, то издержанные им, Красиным, в проезд от Красноярска до Барнаула 9 руб. 71 коп. также выданы, от Барнаула до Санкт-Петербурга не выдано, а только до Тобольска на две лошади – 14 руб. 37 коп.

ГАТО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 124. Л. 40–41.

Комментарий (см. № 85, 91)

Малое народное училище открылось 18 августа 1790 года. Никита Звонников, первый учитель, был из семинаристов Киевской академии. Он окончил в 1787 году в Петербурге Главную учительскую семинарию по «математическим наукам» и уже имел опыт преподавания в Колыванском главном народном училище (см. ГАТО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 699). Звонников показал себя знаю-

щим и творчески мыслящим педагогом. Красноярцы искренне жалели о его преждевременной смерти, последовавшей 5 июня 1792 года. Его похоронили на Всехсвятском кладбище, а на могильном холме положили чугунную плиту с надписью: «Здесь покоится тот, которого и малые дети знают». Красноярцы-старожилы, как писал И.Ф. Парфентьев, даже в конце XIX века помнили, что это могила, где лежит «всеобщий красноярский учитель, звание его неизвестно, но человек был безукоризненной нравственности и религиозный» (см. ККМ. О/Ф. № 7886/231. Л. 388–389). Звонникову помогал Матвей Тюменцев, подготовленный для учительства в Колыванском главном народном училище. Он был родом из Красноярска (см. ГАТО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 48. Л. 169).

Красноярское малое народное училище было самым крупным в Сибири. В первый год его посещало 100 человек, а в 1792-м – 91 человек, в том числе 11 девочек. По социальному происхождению это были: дети солдат и казаков – 40, мещан – 17, обер-офицеров – 14, купцов – 13, приказных – 4, церковнослужителей – 2 и крестьян – 1 (см. **Копылов А.Н.** Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 88–89).

Звонникова заменил Василий Красин, сравнительно неудачливый красноярский учитель, который стал довольно успешным чиновником. Василий Ефимович Красин (1769 – позже 1807), уроженец Орловского наместничества, бывший черниговский семинарист, в столице окончил годом раньше Звонникова Главную учительскую семинарию по историческим наукам. Его аттестовали учителем «по всем предметам первого класса и рисованию во всех классах». Он 7 лет преподавал в Колыванском главном и Кузнецком малом училищах. Красин приезжал в Красноярск временно, до прибытия туда нового учителя. Однако присланный в Барнаул из Главной учительской семинарии Трофим Мартынов заболел и в начале 1793 года был переведен в Витебск. Поэтому Красин проработал с января 1793 года до закрытия Красноярского малого народного училища в 1795 году, произведенный в учителя 2-го класса. Он уехал в Барнаул, но поскольку его должность была уже занята, а Колыванское наместничество ликвидировали, а значит, и главное училище, Василий Ефимович

оказался не у дел. Мало того, ему долго не выплачивали жалованье и прогоны до Барнаула. Поэтому временно его «причислили к письменным делам оной школы», то есть оформлять всю отчетность губернского училища.

Во время пребывания в Красноярске молодой двадцатилетний учитель женился на дочери самого крупного красноярского купца Петра Пороховщикова, который, кстати, был не очень заботливым смотрителем училища. Проживал Красин у тестя, имея двух дворовых, очевидно, полученных за женой. Только 29 августа 1797 года, то есть через 3 года казённой волокиты, он получил деньги. Очевидно, в виде компенсации за проволочку 31 декабря его производят в «ранг 14 класса», что делало его личным дворянином. Затем он служит в Тобольске, получив через два года сразу IX класс – ранг титулярного советника. С апреля 1801 года Василий Ефимович уже в Иркутской губернии в штате Тельминской «казенной суконной фабрики комиссионером».

Скорее всего, под влиянием жены 18 сентября 1804 года, спустя ровно 7 лет, он возвращается в Красноярск, определившись уездным стряпчим, то есть юристом и казенным нотариусом. Через три года, 27 августа 1807 года, его назначают в захолустный, но доходный Туруханск городничим. В его формулярном служебном списке отмечено, что за всю службу не был судим, достоин повышения, женат, детей нет.

Таким образом, судьба учителя Красина показывает, что учительская стезя первых педагогов со специальным образованием была очень ненадежна из-за отсутствия постоянного казенного материального обеспечения школы, хотя и уважаема в обществе и позволяла сделать карьеру в другом ведомстве. Важно также отметить, что учительская стезя мало привлекала дворянскую образованную молодежь, так как она была недоходной и не давала перспектив для карьерного роста из-за отсутствия в Табели о рангах учительских должностей-рангов. По Жалованной грамоте дворянству 1785 года учительские должности в училищах приравнивались к обер-офицерским чинам-рангам от XIV до IX класса, но их носители считались «зауряд-дворянами», что не давало общий статус личного и тем более потомственного дворянства. Извест-

ным утешением для таких образованных выходцев из недворян и тяглых сословий было жалованье, которое, в отличие от Петра I, с 1763 года стали выдавать по должности, а не по классу рангачина (см. **Быконя Г.Ф.** История народного образования Центральной Сибири. XVII – середина XIX века. Красноярск, 2015. С. 75–84).

Материальное положение первых народных учителей было сложным. Выпускники Главной учительской семинарии, находящейся в ведении Комиссии об учреждении училищ, получали жалованье из Петербурга. Его часто задерживали. В случае болезни или административных изменений учителей нередко сразу увольняли. Так случилось и с Красиным, который остался без жалованья с сентября 1796 по май 1797 года и был уволен после возвращения из длительной командировки. Младшие учителя, подготовленные в губернских главных народных училищах, получали жалованье из местных сумм, собираемых городскими обществами. Их экономическое положение было еще неустойчивей. Малые народные училища казна напрямую не финансировала. Разрешалось лишь использовать внутригородские суммы, которые складывались из различных хозяйственных сборов, местного обложения и «доброхотных даяний». Так, красноярцы, воодушевленные первыми успехами школы, приняли решение к осени 1792 года выстроить для школы двухэтажное здание и обратились к правителю наместничества Борису Меллеру с просьбой разрешить использовать на нужды училища 1 % прибылей от питейных сборов. Однако городские власти якобы перерасходовали суммы, предназначенные на жалованье, а добровольных пожертвований не хватало. Красноярский голова Власьев обратился к генерал-губернатору Колыванского наместничества, куда входил с 1782 по 1797 год Красноярский уезд, с просьбой не взыскивать в казну перерасходованные деньги из городских доходов, а передать их для строительства школьных зданий. Сановник регионального масштаба отказал, посоветовав временно занять под школу какое-нибудь здание. После этого красноярская дума охладела к училищу, так как оно требовало дополнительных расходов и постоянного внимания. Средства, на пожертвование которых купцы дали расписки, вносились нерегулярно, денег не хватало на оплату учителя с помошником и на содержание

помещения. Школа не ремонтировалась и плохо снабжалась даже самым необходимым – бумагой, свечами, дровами. Попечитель Пороховщиков не раз жаловался, что на это он расходовал свои деньги. Учебные классы зимой по 2–3 недели стояли нетопленными, отчего дети и учителя простывали и болели. В таких условиях многие родители не отпускали в школу детей, особенно девочек.

В октябре 1793 года учитель В. Красин обратился к тестю – купцу Пороховщикову, смотрителю училища, с просьбой исправить в школе окна и двери, заменить негодного сторожа, выдать бумагу, свечи и дрова. Дрова, свечи и бумагу выдали, а в ремонте и замене сторожа отказали. В ответ на одну из подобных просьб в 1794 году городская дума постановила: «Содержание училища и доставление оному потребного, за неимением здешнему обществу по силе Городового положения, кроме содержания перевозу, никаких доходов, продолжить лишь до конца 1795 года». Однако даже это тот срок не выдержали и школу закрыли. На это решение повлияло начало очередной пятой подушной переписи, когда вносились в налоговые списки родившиеся между переписями, с которых подати не платились и их труд был важным подспорьем в семейном бюджете.

Список сокращений

ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАКК ЕФ	Государственный архив Красноярского края. Енисейский филиал
ГИМ РО	Государственный исторический музей. Рукописный отдел (Москва)
ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина	Государственная публичная библиотека (Санкт-Петербург)
ДАИ	Дополнения к актам историческим. Спб., 1847–1878
ИРГО СО	Известия Русского географического общества. Сибирский отдел.
ККМ РО	Красноярский краеведческий музей. Рукописный отдел
ЛОА РАН	Ленинградское отделение архива Российской академии наук
ПД	Пушкинский дом (Санкт-Петербург)
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1832
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РИБ	Русская историческая библиотека
РГБ РО	Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (Москва)
СП	Сибирский приказ (ф. 214)
ТФ ГАТО	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦНБ АНУ РО	Центральная научная библиотека Академии наук Украины. Рукописный отдел (Киев)

Перечень документов

Часть I

№ 1. 1587/88 г. Владимир. – ДАННАЯ ВАСИЛИЯ, ИВАНА И ВОЛОДА АФАНАСЬЕВЫХ ДЕТЕЙ ДУБЕНСКОГО И АННЫ НИКИТИНОЙ ДОЧЕРИ МАРТЮШОВА ВДОВЫ ОНУФРИЯ ПИМИНОВА СЫНА ДУБЕНСКОГО, С ДЕТЬМИ ИВАНОМ БОЛЬШИМ И ИВАНОМ МЕНЬШИМ АРХИМАНДРИТУ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОНЕ С БРАТЬЕЮ НА Д. РОМАНОВУ В КОЛПСКОМ СТАНЕ ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА.

№ 2. 1624–1625 гг. Курмыш. – ВЫПИСКА ПИСЦОВОЙ КНИГИ КУРМЫШСКОГО УЕЗДА ПОДГОРОДНОГО СТАНА О ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЛЯХ ИВАНА ОНДРЕЕВА ДУБЕНСКОГО.

№ 3. 1625 г., ранее марта 6. Енисейск. – ОТПИСКА ЕНИСЕЙСКОГО ВОЕВОДЫ ЯКОВА ХРИПУНОВА ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ ЮРИЮ СУЛЕШОВУ О ПОСЫЛКЕ АТАМАНА ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВА В ТЮЛЬКИНУ И ТУБИНСКУЮ ЗЕМЛИЦЫ.

№ 4. 1626 г., марта 4–8. – ОТПИСКА ТУРИНСКОГО ВОЕВОДЫ ИВАНА БАКЛАНОВСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ АНДРЕЮ ХОВАНСКОМУ О ПРИБОРЕ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КАЧИНСКОЙ ЗЕМЛИЦЕ.

№ 5. 1627 г., июня 1. Тобольск. – НАКАЗ ТОБОЛЬСКИХ ВОЕВОД КНЯЗЯ АНДРЕЯ ХОВАНСКОГО С ТОВАРИЩАМИ АНДРЕЮ ДУБЕНСКОМУ, ОТПРАВЛЕННОМУ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ОСТРОГА НА КРАСНОМ ЯРУ

№ 6. 1628 г., октября 15. – ОТПИСКА АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО В ТОБОЛЬСК О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ КАЧИНЦЕВ И АРИНЦЕВ.

№ 7. 1628–1629 гг. – ОТПИСКИ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО ТОБОЛЬСКИМ ВОЕВОДАМ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ ТРУБЕЦКОМУ С ТОВАРИЩАМИ ОБ АРИНСКОМ КНЯЗЦЕ ТАТУШЕ И О ПОКОРНОСТИ КАЧИНЦЕВ.

№ 8. 1629 г., не ранее марта. – ОТПИСКА АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ ТРУБЕЦКОМУ С ТОВАРИЩАМИ О НЕУДАЧНОМ ПОСОЛЬСТВЕ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В БРАТСКУЮ ЗЕМЛЮ.

№ 9. 1633 г., июня 21. Москва. – ВЫПИСКА ИЗ РАЗРЯДНОЙ КНИГИ О НАЗНАЧЕНИИ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО К ОХРАНЕ ПЕРВОЙ БАШНИ НА

ГОРОДСКОЙ СТЕНЕ МОСКВЫ МЕЖДУ ЯУЗСКИМИ И ПОКРОВСКИМИ ВОРОТАМИ В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ НАБЕГА КРЫМСКИХ ТАТАР.

№ 10. 1634 г., не ранее октября. – ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ О ВЫДАЧЕ ИМ ЖАЛОВАНЬЯ ВПЕРЕД ВВИДУ ИХ РАЗОРЕНИЯ КИРГИЗАМИ И О ПРИБОРЕ НОВЫХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА «УПАЛЫЕ» МЕСТА.

№ 11. 1636–1643 гг. Владимир. – ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЦОВЫХ КНИГ ПО ВЛАДИМИРСКОМУ УЕЗДУ О ВОТЧИННОЙ ЗЕМЛЕ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО.

№ 12. 1638 г . Москва. – ПИСЬМО КРАСНОЯРСКОМУ ВОЕВОДЕ ФЕДОРУ МЯКИНИНУ ИВАНА СТАРИНСКОГО.

№ 13. 1641 г., июля 18. г. Курмыш. – ЧЕЛОБИТНАЯ ГРУППЫ КУРМЫШСКИХ ДВОРЯН ВО ГЛАВЕ С АНДРЕЕМ ДУБЕНСКИМ ЦАРЮ МИХАИЛУ РОМАНОВУ О БЕСЧИНСТВАХ МЕСТНЫХ СОЛДАТ ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ.

№ 14. 1644 г., мая 17. – ДАННАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ БАСКАКОВА СЛУЖИЛОМУ РОДИОНУ КОЛЬЦОВУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ ПОД ДВОР И ПАШНЮ В УСТЬЕ р. БЕРЕЗОВКИ.

№ 15. 1649 г. апреля 15. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В. АКСЕНОВА О ПРИСЫЛКЕ ЕГО ЖЕНЫ ИЗ ТОМСКА.

№ 16. 1653 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ ССЫЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ОБ ИХ ТЯЖЕЛОМ ПОЛОЖЕНИИ И С ПРОСЬБОЙ О ВЫСЫЛКЕ ИХ НА РОДИНУ.

№ 17. 1654 г., октябрь. – СКАЗКА КРАСНОЯРСКОГО СЫНА БОЯРСКОГО СЕВАСТЬЯНА САМСОНОВА, ПОДАННАЯ ВОЕВОДЕ Д.Х. МОТОВИЛОВУ О СЛУЖБЕ.

№ 18. 1666 г., декабря 5. – ПОКАЗАНИЯ КРАСНОЯРЦЕВ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПОДЬЯЧЕГО В. ЕРЕМЕЕВА.

№ 19. 1667 г., март – август. Енисейск. – ЧЕЛОБИТНЫЕ ЕНИСЕЙСКОГО ВОЕВОДЫ К. ЯКОВЛЕВА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ О НАБЕГЕ КАЛМЫКОВ (ДЖУНГАРОВ) И КИРГИЗОВ НА КРАСНОЯРСКИЙ УЕЗД И ОБ ОСАДЕ ИМИ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА.

№ 20. 1667 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СВЯЩЕННИКОВ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ О ПРИБАВЛЕНИИ ИМ ЖАЛОВАНЬЯ.

№ 21. 1671 г., сентября 30. – СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА НА 1671 г.

№ 22. 1672 г., августа 24. – ИЗ ДЕЛА О ПОЖАЛОВАНИИ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ ЗНАМЕНЕМ.

№ 23. 1680 г. – ДОНЕСЕНИЕ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ О НАБЕГЕ КИРГИЗОВ И ОСАДЕ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА.

№ 24. 1681 г. – ЖАЛОБА КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЦАРЮ НА КРАСНОЯРСКОГО СЛУЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА К. АКАРАКОВА О ЕГО ПЕРЕХОДЕ НА СТОРОНУ КИРГИЗОВ.

№ 25. 1689 г., позднее 4 июля. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ ИГНАТИЯ БАШКОВСКОГО ЦАРЯМ ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ О КАЛМЫЦКИХ И БУХАРСКИХ ПОСЛАНЦАХ.

№ 26. 1690 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ ЛЬВА ПОСКОЧИНА ЦАРЯМ ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ, ПЕРЕСТРОЙКЕ И УКРЕПЛЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА.

№ 27. 1690 г., сентября 15. Москва. – ГРАМОТА ЦАРЕЙ ИОАННА АЛЕКСЕЕВИЧА И ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРАСНОЯРСКОМУ ВОЕВОДЕ ПОШЛИНУ О ПОМЕЩЕНИИ ССЫЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ НА ДЕСЯТИННУЮ ПАШНЮ.

№ 28. 1690 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ СЛУЖИЛЫХ, ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ И ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТРОИТЬ ОСТРОГ НА р. АБАКАНЕ.

№ 29. 1694 г., до февраля 1. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ О ЧАСОВОМ МАСТЕРЕ.

№ 30. 1695–1700 гг. – ВЫДЕРЖКИ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О «КРАСНОЯРСКОМ БУНТЕ».

№ 31. 1699 г. – РОСПИСНОЙ СПИСОК КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА С УЕЗДОМ СО СВЕДЕНИЯМИ О ЕГО КРЕПОСТНЫХ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ, ВООРУЖЕНИИ, ХЛЕБНЫХ ЗАПАСАХ И ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДАХ.

№ 32. НАЧАЛА XVIII в. КРАСНОЯРСКИЙ ОСТРОГ ПО ЧЕРТЕЖУ С.У. РЕМЕЗОВА.

№ 33. 1701 г. – СВЕДЕНИЯ О СБОРЕ ЯСАКА, НАЛОГОВ В КРАСНОЯРСКЕ, О ПРИХОДЕ И РАСХОДЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

№ 34. 1702 г. – ЧЕЛОБИТНАЯ КРАСНОЯРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ С ЖАЛОБОЙ НА РОЗЫСК СЫЩИКА ДУМНОГО ДЬЯКА Д.Л. ПОЛЯНСКОГО.

№ 35. 1717 г., марта 16. Тобольск. – ДОНОШЕНИЕ СИБИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА М.П. ГАГАРИНА ЦАРЮ ПЕТРУ I О ПОСТРОЙКЕ ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ.

№ 36. 1718 г., мая 11. – ОТПИСКА КРАСНОЯРСКОГО КОМЕНДАНТА ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА ЗУБОВА СИБИРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ М.П. ГАГАРИНУ ОБ ОТКАЗЕ ЕМУ ВОЕВОДСТВА И НАЧАЛЕ «ВОРОВСКОЙ ШАТОСТИ».

№ 37. 1718 г., июня 12. Тобольск. – ДОПРОС РУКОВОДИТЕЛЯ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО ДВОРЯНИНА ИЛЬИ НАШИВОШНИКОВА СИБИРСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ М. ПГАГАРИНЫМ.

№ 38. 1718 г., ноября 26. – ДОПРОС КРАСНОЯРСКОГО КОННОГО КАЗАКА ИВАНА ГРИГОРЬЕВА ВОЛЧЕНКОВА ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ.

№ 39. 1718 г., ноября 28. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ ГРУППЫ УЧАСТНИКОВ «ШАТОСТИ» ВО ГЛАВЕ С КРАСНОЯРСКИМ ПЯТИДЕСЯТНИКОМ ЕФТИФЕЕМ СТАРЦЕВЫМ ОБ ИХ УЧАСТИИ В «ШАТОСТИ».

№ 40. 1718 г., декабря 3. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ КРАСНОЯРСКОГО ПЕШЕГО КАЗАКА АНДРЕЯ ПУШКАРЕВА О ПОПЫТКЕ ПРИВЛЕЧЬ К НАРОДНОМУ ДВИЖЕНИЮ ГАРНИЗОН АБАКАНСКОГО ОСТРОГА И МЕСТНЫХ ЯСАЧНЫХ.

№ 41. 1718 г., декабря 6. – ДОПРОС ЕНИСЕЙСКИМ КОМЕНДАНТОМ В.М. БЕКЛЕМИШЕВЫМ КАЧИНСКИХ ЯСАЧНЫХ ОБ ИХ УЧАСТИИ В «ШАТОСТИ».

№ 42. 1721 г., февраля 14. – ЗАРУЧНОЕ ЧЕЛОБИТЬЕ КРАСНОЯРСКИХ КАЗАКОВ И ЯСАЧНЫХ, УЧАСТНИКОВ «ШАТОСТЕЙ», О НАЗНАЧЕНИИ В КРАСНОЯРСК ВМЕСТО Д.Б. ЗУБОВА БЫВШЕГО У НИХ КОМЕНДАНТОМ В.Е. КОЗЛОВА

№ 43. 1720 г. – СКАЗКА КРАСНОЯРСКОГО ПЕШЕГО КАЗАКА ИВАНА ДРОКИНА О СОСТАВЕ СЕМЬИ.

№ 44. 1722 г., февраля 25 – 1723 г., октября 9. – ИЗ ДНЕВНИКОВ РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРВОЙ В СИБИРИ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА О КРАСНОЯРСКЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ.

Часть II

№ 45. 1735 г., января 3. Енисейск. – АНКЕТА Г.Ф. МИЛЛЕРА, ОТПРАВЛЕННАЯ СО СТУДЕНТОМ ТРЕТЬЯКОВЫМ В КРАСНОЯРСК.

№ 46. 1735 г., января 18. – февраля 18. – ИЗ ДОРОЖНОГО ЖУРНАЛА С.П. КРАШЕНИННИКОВА О ЕГО ПРЕБЫВАНИИ В КРАСНОЯРСКЕ.

№ 47. 1735–1738 гг. – СОБЩЕНИЯ О КРАСНОЯРСКЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ ПО АНКЕТАМ Г.Ф. МИЛЛЕРА И В.Н. ТАТИЩЕВА.

№ 48. 1735, 1739–1741 гг. – ИЗ ЗАПИСОК И.Г. ГМЕЛИНА О ПРЕБЫВАНИИ В КРАСНОЯРСКЕ.

№ 49. ПАНОРАМА КРАСНОЯРСКА.

№ 50. 1741 г., апрель. – РОСПИСНОЙ СПИСОК СДАЧИ ВОЕВОДСТВА В КРАСНОЯРСКЕ ИСПРАВЛЯЮЩЕГО ДОЛЖНОСТЬ ВОЕВОДЫ ДВОРЯНИНА ГРИГОРИЯ КАРТАШЕВА КАПИТАНУ АЛЕКСЕЮ ТЕМИРЯЗЕВУ.

№ 51. 1741 г. сентября 16. – ИЗ ЧЕЛОБИТНОЙ КРАСНОЯРСКОГО СЫНА БОЯРСКОГО ПРОКОПИЯ МНОГОГРЕШНОГО О БЕГСТВЕ ЕГО КРЕПОСТНЫХ ЛЮДЕЙ.

№ 52. 1759–1760 гг. – ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО И «ПОПОЛНЕНИЕ» К НЕМУ ЕНИСЕЙСКОГО РАЗНОЧИНЦА ПЕТРА СОКОЛЬНИКОВА ПРИХОЖАНАМ КРАСНОЯРСКОЙ СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАМЕННОГО СОБОРА НА СТРЕЛКЕ ЗА ТРИ ГОДА.

№ 53. 1760 г., ноября 2. Тобольск. – ПРОШЕНИЕ ДЬЯКОНА Г. СКРЯБИНА О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО УЧИТЕЛЕМ ЛАТИНСКОЙ ШКОЛЫ В КРАСНОЯРСКЕ.

№ 54. 1762 г. – САТИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ НА КРАСНОЯРСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА КРИСТЕНСОНА, НАПИСАННОЕ УСИТЕЛЕМ ЛАТИНСКОЙ ШКОЛЫ Г. СКРЯБИНЫМ.

№ 55. 1762 г. – ЕПИГРАММЫ О ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ Г. СКРЯБИНА.

№ 56. 1761–1762 гг., октября 8. – ОТВЕТЫ КРАСНОЯРСКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ О СОСТОЯНИИ КРАСНОЯРСК а И УЕЗДА НА АНКЕТУ ШЛЯХЕТСКОГО КОРПУСА.

№ 57. 1763 г., первая половина. – ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ СИБИРСКИХ ДВОРЯН И ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ КРАСНОЯРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

№ 58. 1763 г., марта 10. – ПРОМЕМОРИЯ ИЗ КРАСНОЯРСКОГО ВВЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В КРАСНОЯРСКОЕ ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ О НЕПОТРЕБНЫХ ПОСТУПКАХ КРАСНОЯРСКИХ СВЯЩЕННИКОВ.

№ 59. 1763 г., июля 19. – РАПОРТ КРАСНОЯРСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ В ТОБОЛЬСКУЮ КОНСИСТОРИЮ С ПРОСЬБОЙ ОСТАВИТЬ ЛАТИНСКУЮ ШКОЛУ В КРАСНОЯРСКЕ.

№ 60. 1767 г., марта 30. – НАКАЗ ОТ КУПЕЧЕСТВА КРАСНОЯРСКА В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ.

№ 61. 1769 г. – ИЗ ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА.

№ 62. 1769 г., октября 20. – ИЗВЕСТИЕ КРАСНОЯРСКОГО ЗАКАЗЧИКА МИХАЙЛОВСКОГО ТОБОЛЬСКОМУ ЕПИСКОПУ О ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОГО СОБОРА НА СТРЕЛКЕ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ СТРОИТЕЛЯ СОКОЛЬНИКОВА.

№ 63. 1769 г., декабря 5. Тобольск. – ОТВЕТ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ НА ПРОСЬБУ КРАСНОЯРЦЕВ О СООРУЖЕНИИ ЧАСОВНИ НА «СОПКЕ» – КАРАУЛЬНОЙ ГОРЕ.

№ 64. 1770 г., сентября 13. Томск. – ПОКОРМЕЖНЫЙ ПАСПОРТ ЯРЕНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА ЛОЖКИНА.

№ 65. 1772 г. – ПРОШЕНИЕ ОТСТАВНОГО КРАСНОЯРСКОГО ДВОРЯНИНА М. ТОЛЩИНА В ТОБОЛЬСКУЮ КОНСИСТОРИЮ О РАЗРЕШЕНИИ ПОЧИНИТЬ КРЕСТ НА КАРАУЛЬНОЙ ГОРЕ И СОХРАНЕНИИ К НЕМУ КРЕСТНОГО ХОДА.

№ 66. 1773 г., сентября 3. – РАПОРТ О СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ЯРЕНСКИХ КРЕСТЬЯН ЛОЖКИНА И ВОРСИНА.

№ 67. 1771–1773 гг. – ИЗ ЗАПИСОК П.С. ПАЛЛАСА О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРАСНОЯРСКА И ЗАНЯТИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ.

№ 68. 1773 г., июля 2. – РАПОРТ КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ В ГОРОДОВУЮ РАТУШУ О ВЫДАЧЕ ПОКОРМЕЖН0Г0 ПАСПОРТА ПОСАДСКОМУ г. ДЬЯКОНОВУ.

№ 69. 1773 г., июля 26. Тобольск. – ОРДЕР ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНАТОРА Д.И. ЧИЧЕРИНА КРАСНОЯРСКОМУ КОМЕНДАНТУ ТАРХОВУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ СЕРЖАНТУ ГЕОДЕЗИИ МОИСЕЕВУ, ПРИБЫВШЕМУ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ НОВОЙ ПЛАНИРОВКИ В КРАСНОЯРСК.

№ 70. 1773 г., сентября 5. – РАПОРТ СТАРОСТЫ КРАСНОЯРСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ ИВАНА ТЕРСКОВА О ЖЕЛАЮЩИХ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В КРАСНОЯРСК ПОСЛЕ ПОЖАРА.

№ 71. 1774 г., апрель. – ДОНЕСЕНИЕ В КРАСНОЯРСКУЮ РАТУШУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТРОЙКИ В КРАСНОЯРСКЕ ГОСТИНОГО ДВОРА.

№ 72. 1774 г., ноябрь. – ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ДЕСЯТСКОГО Л. АНЦИФЕРОВА.

№ 73. 1775 г., февраля 10. – ПОДПИСКА СУЗДАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН ВАСИЛИЯ ЕЛИЗАРОВА И ОСИПА ИВАНОВА, ДАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В КРАСНОЯРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО.

№ 74. 1777 г. – СЧЕТНАЯ ВЕДОМОСТЬ О ПРИХОДЕ И РАСХОДЕ ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЫ ПРИ СТАРОСТЕ КРАСНОЯРСКОЙ ИЗБЫ ЗЕМСКИХ ДЕЛ ВАСИЛИИ СТАРЦЕВЕ.

№ 75. 1777 г., августа 20. – ЧЕЛОБИТНАЯ НЕВЕСТКИ КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ МАТРЕНЫ ПЕЛЫМСКОЙ О РАЗРЕШЕНИИ НА РАЗВОД.

№ 76. 1779 г. – ПРИСУШНОЕ «ВОЛШЕБНОЕ ПИСЬМО».

№77. 1782 г., января 1. Енисейск. – КРЕДИТНОЕ ПИСЬМО ЕНИСЕЙСКОГО КУПЦА ЕФИМА ТРЕСКИНА СВОЕМУ ПРИКАЗЧИКУ.

№ 78. 1782 г., июня 6. – УКАЗ КРАСНОЯРСКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ СТАРОСТЕ ЗАЛЕДЕЕВСКОГО СТАНКА О СЫСКЕ БЕГЛОГО СРОЧНОГО РАБОТНИКА ИЗ БУЗИМСКИХ КРЕСТЬЯН.

№ 79. 1783 г., августа 1. Иркутск. – РАПОРТ «В ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА» ИРКУТСКОЙ И КОЛЫВАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА ИВАНА ВАРФАЛОМЕЕВИЧА ЯКОБИ ЕКАТЕРИНЕ II О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОСТАВИТЬ КРАСНОЯРСК УЕЗДНЫМ ЦЕНТРОМ.

№ 80. 1783–1786 гг. – СПИСКИ КУПЦОВ И МЕЩАН КРАСНОЯРСКА С УКАЗАНИЕМ РОДА ЗАНЯТИЙ, ЗВАНИЯ И ВРЕМЕНИ ЗАПИСИ В СОСЛОВИЕ.

№ 81. 1786 г., января 20. – ПОДПИСКА КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА СТЕПАНА ХУДОНОГОВА И ЕГО ЖЕНЫ ВЕРЫ ОБ ИСПРАВНОМ ВПРЕДЬ ВЫПОЛНЕНИИ СВОИХ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

№ 82. 1784 г., апреля 2. – ПИСЬМО КРАСНОЯРСКОГО ЗАУРЯД-КАПИТАНИСПРАВНИКА КОЛЛЕЖСКОГО СЕКРЕАРЯ С.М. КАШКАРЕВА ГОРОДОВОМУ МАГИСТРАТУ О ПЕРЕДАЧЕ ИМ КНИГ ДЛЯ БУДУЩЕГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА.

№ 83. 1785 г., января 22 – декабрь. – ВЫПИСКИ ИЗ «ЖУРНАЛОВ ЗАПИСИ ВХОДЯЩИХ УКАЗОВ И ПРОМЕМОРИЙ ЗА 1785 г.». КРАСНОЯРСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАМЕННОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

№ 84. 1788 г., января 1. – ОБЪЯВЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОГО НИЖНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА ПО ВСЕМ ВОЛОСТЯМ УЕЗДА О КРАЖЕ ИМУЩЕСТВА У БЫВШЕГО КРАСНОЯРСКОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ ПЕЛЫМСКОГО.

№ 85. 1790 г., июня 7. Барнаул. – ПИСЬМО КОЛЫВАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. МЕЛЛЕРА ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ О РАССМОТРЕНИИ ЕГО РАПОРТА ОБ ОТКРЫТИИ В КРАСНОЯРСКЕ НАРОДНОГО УЧИЛИЩА.

№ 86. 1792 г., июня 20. Барнаул. – РАПОРТ В КОМИССИЮ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ УЧИЛИЩ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ КОЛЫВАНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ИВАНА ЛОМАЧЕВСКОГО О СМЕРТИ ПЕРВОГО УЧИТЕЛЯ КРАСНОЯРСКОГО МАЛОГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА.

№ 87. 1792 г., июня 21, октября 27. – ПИСЬМА КРАСНОЯРСКОГО ОТСТАВНОГО ДВОРЯНИНА К ДОЧЕРИ, ЕКАТЕРИНЕ ЛАРИОНОВОЙ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ИРКУТСКЕ.

№ 88. 1795 г., январь. – ИЗ РАПОРТА ГОЛОВЫ КУГАЕВСКОГО О СЛУЖБАХ СТАРШИН И КАЗАКОВ КРАСНОЯРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ КОМАНДЫ НА 1794 год.

№ 89. 1795 г., января 24. – ПРОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА В ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ О ВЫДЕЛЕНИИ ИЗ СТАРОГО ПОКРОВСКОГО ПРИХОДА НОВОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И ОБНОВЛЕНИИ БЫВШИЙ ДЕРЕВЯННОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

№ 90. 1796 г., марта 28. – ДОГОВОР О ПОДВОДНОЙ ГОНЬБЕ КРЕСТЬЯН ПОДГОРОДНОЙ БЕРЕЗОВСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ.

№ 91. 1796 г., августа 21. Барнаул. – УКАЗ О ПЛАТЕ ЗА ПЕРЕВОЗ ГРУЗОВ ЧЕРЕЗ ЕНИСЕЙ И О ЗАВЕДЕНИИ В КРАСНОЯРСКЕ ПАРОМА.

№ 92. 1797 г., марта 27. Барнаул. – РАПОРТ КОЛЫВАНСКОГО ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В КОМИССИЮ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ УЧИЛИЩ, О ЗАКРЫТИИ ШКОЛ В КОЛЫВАНСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ И УВОЛЬНЕНИИ УЧИТЕЛЯ В. КРАСИНА.

Терминологический словарь

Абалацкое подворье – двор, хозяйство в городе Енисейске, принадлежавшее Туруханскому Троицкому монастырю.

Адонис – бог плодородия в древней финикийской мифологии. Соответствует вавилонскому Таммузу. С V века до н.э. культ Адониса распространился в Греции, позднее в Риме.

Азям (армяк, зипун) – верхняя одежда халатного покроя из домотканной материи.

Аллегрия (итальян. «аллегри») – надпись, делавшаяся на пустом билете лотереи; лотерея, в которой розыгрыш производился сразу после покупки билета.

Алтын – старинная русская медная монета в 3 коп.

Алтын-хан (золотой царь) – так были прозваны сибиряками монгольские князья, владевшие соседней землей в областях Западного Енисея. Сношения с ними были только в XVII веке, а затем их самостоятельные владения вошли в состав Цинской империи маньчжурской династии.

Алтысары – киргизы, обитавшие по Верхнему Чулыму.

Алтарь (лат. «alia ага» – «высокий жертвенник») – жертвенное место или жертвенный очаг. В христианской церкви – часть храма, в которой священнодействует духовенство и находится престол. Он всегда ориентирован на Восток.

Аманат – заложник, обычно из племенной знати, которого держали под караулом в уездных городах, чтобы его сородичи исправно платили ясак и признавали воеводскую власть.

Амвон – в православных храмах площадка перед так называемыми царскими вратами, с которой читается Евангелие и произносятся проповеди.

Амур (лат. «любовь») – в римской мифологии божество любви. Соответствует греческому Эросу.

Ара – 1. Жертвенник. 2. Созвездие.

Аргали (монг.) – дикие овцы, которые встречаются в верхнем течении Иртыша.

Аринцы – аринские татары, обитавшие в окрестностях Красноярска.

Архивариус – хранитель архивных документов.

Асессор (лат. «заседатель») – в Древнем Риме и средневековой Европе должностное лицо, облеченное судебной властью; в России должность, соответствующая VIII классу, или рангу (коллежский асессор), в центральных государственных учреждениях (XVIII в.) при губернских правлениях (XIX – нач. XX в.). Дослужившийся до VIII ранга получал потомственное дворянство.

Ассигнация – бумажные деньги, которые стали печатать в России во второй половине XVIII века.

Атаман – начальник, командир казацкого отряда, в том числе отряда, состоящего на государственной службе.

Архиепископ – епископ более обширной и богатой епархии; в христианской церкви лица высшей степени священства: папа, патриарх, митрополит, архиепископ, епископ.

Архиерей (греч. «первосвященник») – в греческой и русской православной церкви архиереями именуются лица высшей иерархии – митрополиты, архиепископы, епископы – как первосвященники, в отличие от подчиненных им иереев, священников.

Архимандрит – высшее духовное звание у монахов православной церкви. Почетный титул настоятеля выдающегося по своему значению или по древности мужского монастыря.

Аршин – старинная русская мера длины, вошедшая в употребление с XVI века; 1 аршин равен 71,12 см.

Баллотировать – голосовать.

Бареж – редкая прозрачная ткань сетчатого рисунка, вырабатываемая из крученой х/б, шелковой и шерстяной пряжи.

Бахта – набивная бязь, обычно мутно-красная, с черными мухами, хлопчатобумажная грубая среднеазиатская выбойка, которую носят по всей оренбургской и уральской границам. Большая фата, покрывало из выбойки, крашенины, нанки.

Бахус – латинская форма имени Вакх (одного из имени бога виноградарства Диониса).

Безмен – 1. Ручные весы в виде металлического стержня с грузом на одном конце и крючком и чашкой для товара на другом. На стержне нанесена шкала веса, который определяют, передвигая по стержню металлический крючок, служащий точкой опоры, до равновесия товара с грузом на стержне. Иногда безменом называют пружинные весы. 2. Мера веса, равна 1/16 пуда, т.е. 1 кг.

Бережение – охрана, защита от нападения.

Бечевник – 1. Веревка, канат, которыми тянут суда против течения. 2. Узкая полоса земли, отведенная по берегам рек и других водяных сообщений для бечевой тяги судов и плотов.

Благовещение – один из религиозных двунадесятых праздников, связан с христианским мифом об архангеле Гаврииле, возвестившем о рождении девой Марией Иисуса Христа. Отмечается верующими 25 марта (7 апреля).

Благорастворенные дни – приятные дни.

Благословенная грамота – благословение на какое-нибудь духовное или церковное учреждение.

Божница – доска, на которую ставят икону.

Болок – крытый кузов.

Бороток – металлический пробойник, применяющийся в кузнечном деле.

Бохтинцы – племя тубинских кыштымов.

Бояре – высшее русское феодальное сословие, высший разряд служилых людей. Боярство жаловалось по царскому указу.

Брандмауэр – противопожарная стена.

Братские люди – так в XVII веке русские называли бурятские племена.

Бродни – сапоги с высокими голенищами, которые подвязываются над щиколотками и под коленями.

Бугровать – добывать золото или серебро из старинных курганов.

Бумажник – стеганый кафтан военного покроя.

Бургомистр (нем.) – в России выборное лицо, возглавлявшее орган городского самоуправления.

Бус – пыль от помола на мельнице.

Бутовый камень – строительный камень неправильной формы, получаемый при разработке залежей сплошных пород: песчаника, гранита и др. Применяется для кладки фундаментов, стен холодных зданий.

Бык выводной – промежуточная опора.

Вап – минерал.

Варница – предприятие, на котором из соляного раствора вываривалась соль.

Варчее озеро – водоем с соленой водой, которую выпаривают для получения соли. В XVIII веке использовалось озеро около современного села Соленоозерского в Хакасии.

Вахтер – смотритель и хранитель складированного казенного имущества (соль, мука, зерно, пушнина и т.д.) с правом принимать, выдавать или продавать его.

Введенский монастырь – Красноярский Введенский мужской монастырь, основан в 1639 году, находился в 10 км от Красноярска при впадении реки Березовки в Енисей.

Вексель – долговой документ строго установленной формы, выражающий безусловное обязательство уплаты определенной суммы денег в указанный срок.

Вервить – мерить версты.

Верста – русская мера длины, употребляющаяся до введения метрической системы и равная 500 саженям, более древняя верста – 760–1000 саженям.

Верстать (верстанье) – зачислять, определять на военную службу с назначением денежного и поместного (или земельного) оклада.

Вертоград – сад.

Вершок – русская мера длины, равна 4,4 см.

Верющее письмо – 1. Доверенность. 2. В XVIII веке документ, удостоверяющий личность и служебные функции предъявителя.

Веси – села.

Вестовая – документ, содержащий сведения (вести) о неприятеле или событиях в соседних странах.

Вестовщик – гонец, передающий донесения о неприятеле.

Вице-губернатор – должность, появилась в России с первым учреждением губернии в 1708 году. Вице-губернаторы были обычно помощниками губернаторов и заведовали теми или другими вопросами общего губернского управления; но они управляли иногда и второстепенными областными единицами, и тогда при них находились учреждения, подобные губернским.

Воевода – славянский термин, обозначавший «военачальник», «правитель». С середины XVI века воевода – должностное лицо, возглавлявшее военное и гражданское управление городом и уездом. Должность ликвидирована в Сибири в 1782 году.

Вож – лоцман.

Волок – место наибольшего сближения двух судоходных рек, где кратчайшим путем перетаскивались (переволакивались) по суше суда и грузы с одной реки на другую.

Всенощная – христианская церковная служба с вечера до окончания ночи. Состоит из вечерни, повечерия, полунощницы и утрени. Служат по специально установленным дням.

Втуне – без результата, без внимания.

Выемочное вино – произведенное без особого разрешения и конфискованное у владельца.

Вызяб – вымерз.

Выморочная варница – предприятие, в данном случае солеварня, оказавшаяся без наследников.

Выморочное имение – движимое и недвижимое имущество, оказавшееся без наследников.

Вымостки – часть пространства перед каким-либо входом, выложенная камнем-плитняком.

Галиот – морское парусное судно в Средние века.

Геральдика – раздел исторической науки, занимающийся изучением гербов.

Герольдия – департамент Сената, который ведал делами о дворянстве и дворянских родословных книгах, о перемене фамилий, сочинении гербов, списках дворян и т.д.

Гильдия – в дореволюционной России один из разрядов, на которые делилось купечество в зависимости от имущественного положения.

Гласис (франц.) – пологая земельная насыпь впереди наружного рва крепости, долговременного сооружения или полевого укрепления. Возводилось для улучшения обстрела местности, маскировки и защиты укрепления.

Говеть – у верующих: поститься и ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию.

Годовальщик – 1. Служилый человек, состоящий на годовой отъезжей службе. 2. Работник в промысловой артели на договорном найме.

Голова – военное звание. Был командиром служилых людей, чинил над ними суд и расправу. Подчинялся воеводе.

Городничий – один из представителей местной администрации, ведавший внутренним распорядком жизни города.

Городовые магистраты – органы сословного управления в России (с 1721 г.) и низшая инстанция сословного суда (с 1775 г.) для городских жителей. Просуществовали до судебной реформы 1864 г.

Городской голова – председатель городской думы, главного органа городского самоуправления.

Гостиные и суконные сотни – купеческие союзы.

Градская дума – выборный орган городского самоуправления в царской России.

Грамота – распоряжение верховной власти или центрального учреждения (приказа) местным учреждениям и должностным лицам (XV–XVII вв.).

Гривенник – монета достоинством в 10 коп.

Гривна – денежная и весовая единица в Древней Руси, слиток серебра в 1/2 фунта (XII в.). В XV веке вытеснена рублем. К XVI веку – денежно-счетная единица, равная 10 коп. (отсюда гривенник). В Сибири так называли гривенник.

Губернатор – начальник вверенной ему губернии или области. Должность утверждена Петром I в первой четверти XVIII в.

Губернское правление – центральное в регионах административное учреждение в губернии.

Губернский секретарь – в Российской империи гражданский чин 12 класса.

Гулящие люди – люди вольные; в XVII веке – не записанные в крестьяне или холопы, а также городские люди, не прикрепленные к тяглу.

Даба – род китайской хлопчатобумажной ткани.

Данная – документ, оформлявший передачу во владение монастырям и частным лицам сел, земель, промысловых угодий и др.

Дворяне – часть господствующего класса феодалов, привилегированное сословие землевладельцев на условном праве.

Дворяне московского списка – представители казачьей верхушки Сибири, которые единственные имели до 1724 года права российских дворян.

Дворяне сибирского списка – представители казачьей старшины, не имевшие, как и дети боярские, статуса и прав российских дворян.

Демосфен (ок. 384–322 до н.э.) – афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки. Призывал греков к борьбе против захватнической политики македонского царя Филиппа II (речи Демосфена против него – филиппики). Добился создания антимакедонской коалиции греческих полисов. После подчинения Греции Македонией отравился.

Денга – половина копейки.

Десятник – 1. Представитель командного состава после атамана и пятидесятника. 2. Выборное лицо в крестьянском самоуправлении.

Десятина – старая русская мера земельных площадей, получившая распространение с XV века. Название «десятина», по-видимому, оттого, что первоначально представляла квадрат, сторона которого равнялась десятой доле версты, или 50 саженям. Наиболее распространенной была десятина, равная 2400 квадратным саженям (1,0925 га), реже употреблялась «хозяйственная» десятина (3200 кв. саженей).

Десятинная пашня – специфическая форма натуральной повинности значительной группы сибирских крестьян в XVII – первой половине XVIII века. Главная форма налога – ренты, размеры которой определялись собственной запашкой крестьянина и соотносились как 1:4.

Дети боярские – нижний разряд дворян в XV–XVII веках. В Сибири сохранялись до начала XIX века, но не имели прав российских дворян.

Дехен – блюдо, состоящее из кислого молока и сушеного ячменя.

Диоген (синопский ок. 400 – ок. 325 до н.э.) – древнегреческий философ. Ученик Антисфена (др. греч. философ, вел аскетический образ жизни, проповедовал отказ от каких-либо потребностей); практиковал крайний аскетизм, доходящий до эксцентричного юродства; герой многочисленных анекдотов. Называл себя гражданином мира (космополитом). По преданию, жил в бочке.

Дионис (Вакх) – в греч. мифологии бог виноградарства и виноделия, сын Зевса и фиванской царевны Семелы. В честь Диониса справлялись празднества Дионисии и Вакханалии.

Дистрикт – административно-территориальная единица, введенная Петром I для сбора подушных денег. Термин стал выходить из употребления в 40-е годы XVIII века.

Доброхотные датели – добровольные дарители.

Доезд (доезжая память) – отчет должностного лица, посылавшегося властям с каким-либо поручением.

Доимочный – не внесенный в срок.

Дощаник – речное плоскодонное судно.

Драгуны – вид конницы, способной вести бой в смешанном строю (пехота, посаженная на лошадей), позднее – тяжелая конница.

Дранье (дранка, драньё, драница) – колотые прямоугольные узкие деревянные доски, изготовляемые из отборной древесины хвойных пород, в основном из лиственницы, а также осины, для покрытия строений.

Дрема – род трав семейство гвоздичных.

Дресва – крупный песок, мелкий щебень.

Дрок – род кустарников и полукустарников семейства бобовых, свыше 70 видов, и главным образом Средиземноморья; в СССР было ок. 20 видов, некоторые – декоративные растения.

Дубель-шлюп – средних размеров военно-морское судно XVIII века.

Дьяк – начальник и письмоводитель канцелярии в учреждениях России. До XVIII века высшая приказная должность. Дьяки сидели также в воеводских и съезжих избах больших городов.

Дьякон – в христианской церкви третий низший чин священнослужителей, посвященных в таинство; помогает епископу (священнику) при богослужении, но самостоятельно совершать его не может.

Дьячок – церковнослужитель в православной церкви, псаломщик.

Евангелие – часть Библии, всего 4 отдельных, связанных общей темой религиозных произведения, составляющих основную часть Нового Завета. Содержат жизнеописание Иисуса Христа и основные положения христианского вероучения. Авторство Евангелий приписывается ученикам Христа в I веке, составлены в действительности во II–III веках.

Егерь – 1. Солдат особых стрелковых егерских полков в некоторых странах. В России введены при Екатерине II. 2. – Охотник.

Еланные места – небольшие открытые места в лесной зоне.

Епанечка – верхняя женская одежда, носимая в доме. Шилась из камки, китайки, оторочку делали обычно из лисьего меха.

Епархия – крупная церковно-административная область (округ) во главе с епископом, архиепископом, митрополитом.

Ертаульные струги – передовые суда, несущие разведочную службу.

Есаул – в царской армии казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте. В XVII века – помощник атамана в походе.

Желоб (зарядный) – стальной лоток, вставляющийся в казенную часть орудия.

Жеребей – старорусское выражение, означавшее долю, часть.

Жертвенник – возвышение, на котором приносились жертвы специально ближе к небу как обиталищу божества.

Живот – имущество.

Жилецкие люди – люди, давшие обязательство служить у кого-либо определенный срок.

Житница – холодное строение для склада хозяйственных вещей, в особенности же для хранения хлеба и муки.

Заводные люди – зачинщики.

Завры – кожа с обеих сторон седла, употребляемая в Сибири, чтобы не запачкать сапоги.

Заемная кабала – сделка, по которой должник отрабатывал свой долг у заимодавца.

Займище – лес, рядом с которым есть река.

Заказ – средняя церковно-административная единица XVIII века, возглавляемая духовным заказчиком.

Залежь – оставленная земледельцем для восстановления естественного плодородия пашня.

Залог – отдача имущества в обеспечение обязательств под ссуду.

Занец – весло, руль, используемые на дощаниках.

Записной казак – вооруженный крестьянин, записанный в запасную воинскую часть.

Заплешной (заплечный) мастер – палач.

Заплот – забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

Затинщик – крепостной стрелок у затинной пушки.

Заутреня – церковная служба в утреннее время.

Захватное право – форма владения и хозяйственного использования незанятых земель, которые принадлежали тем, кто первым смог их занять, захватить. Широко было распространено в Сибири.

Заштатный город – не имел в своем подчинении сельской округи, уезда, очень небольшой по размеру.

Зелье – порох.

Зелейный погреб – пороховое хранилище, обычно заглубленное в землю, с каменными (кирпичными) выводами и железной дверью.

Зеленица – корыто.

Земская изба – сословно-выборное учреждение посадских людей, образованное в городах Петром I в 1699 году. Главная задача земской избы заключалась в сборе всякого рода государственных доходов с торгово-промышленного населения, по отношению к которому на земскую избу были возложены и судебные функции. В 1721 году в крупных городах они заменены были городовыми магистратами.

Земский исправник (ранее капитан-исправник) – глава исполнительной власти в уезде. Должность введена по губернской реформе 1775 года, а в Сибири – в 1782/83 году.

Земские комиссары – должностные лица, введенные в Сибири в 30-е годы XVIII века для административного управления частями уездов. См. комиссарство.

Зернь – небольшие косточки с белой и черной сторонами, служившие предметами игры, особенно распространенной в XVI–XVII веках.

Зимовье – деревянная избушка для отдыха охотников. Зимовьями называли места ночевок и остановок путников на незаселенных участках Московского тракта.

Зоеты (соеты) – тувинцы.

Золотник – старинная мера веса, равная 4,27 г., $^{1}/_{96}$ фунта.

Иконостас – особая перегородка из икон, отделяющая алтарную часть от основного объема храма.

Ильин день – отмечаемый церковным календарем праздник Ильи-пророка 20 июля старого стиля.

Империал – золотая русская монета весом в 2 зол. 69,36 долей. Империалы чеканились в 1755–1817 годах, а затем в небольшом количестве ежегодно с 1886 года.

Имянные окладные книги – книги выдачи жалованья служилым людям.

Инголоцкая землица – территория на реке Кан, населенная бурятскими кыштымами.

Инородцы – так называли в дореволюционной России нерусское население.

Ирбитская ярмарка – ярмарка в уездном городе Ирбите Пермской губернии, продолжалась с 1 февраля по 1 марта. Учреждена в Ирбитской слободе в 1643 году. С XVII века имела статус всероссийской, на которую съезжали и все крупные сибирские купцы.

Истери – утраты.

Кабала – личная зависимость из-за экономической несостоятельности. Юридически могла оформляться одноименным документом. Заживная сопровождалась проживанием и отработкой долга у кредитора. Заемная выражалась в получении определенной суммы или имущества с обязательным письменным оформлением. Полетная включала в себя обязанность жить у кредитора в течение одного года.

Кабарга – небольшой мускусный олень.

Кавалер – лицо, награжденное орденом или другим знаком отличия.

Кавалькада – группа всадников или всадниц на прогулке.

Каган – верховный правитель у тюркских народов, в том числе в Древнехакасском каганате.

Кадка (кадь) – распространенная деревянная емкость для жидкости и сыпучих тел емкостью в 8–10 ведер. Восходит объемом к римскому пифосу.

Казанский дворец (приказ) – учреждение, ведавшее Сибирью до создания в 1637 году Сибирского приказа.

Казенная палата – орган в составе губернского правления, учрежденный в 1775 году. В ведении палаты находились губернские и уездные казначейства, на них был возложен учет государственных расходов и отчетность по ним. Казенная палата также производила торги на казенные подряды и поставки. Казенная палата – одно из бюрократических учреждений местного управления монархической России, где процветали казнокрадство и взяточничество.

Казна – 1. Ценности, имущество, принадлежащие государству, князю, царю. В феодальной Руси всякого рода движимое и недвижимое имущество, а также место для хранения ценностей. 2. Совокупность правительственных учреждений, распоряжающихся государственными средствами, имуществом.

Камасинская земля – территория, расположенная в верховьях Кана, где обитало племя камасинцев.

Камасы – сапоги из оленьей или лосиной шкуры.

Камергер – высокий придворный чин.

Камзол – мужская одежда верхнеплечевого типа. Получила распространение с XVIII века у привилегированных сословий.

Камка – цветная шелковая ткань с рисунком, разводами. Привозилась из Китая и Средней Азии. В зависимости от места выработки и сорта имела разные названия: камка смирная – черная; камка таусинная – темно-синяя; камка-соломянка – один из дешевых сортов.

Кантонисты – призванные на военную службу солдатские сыновья, со дня рождения числившиеся за военным ведомством.

Канцелярист – канцелярский служитель или писец без классного чина.

Капитан – военное звание. По Табели о рангах 1722 года Петра I старший обер-офицерский чин IX класса-ранга.

Караблик – 1. Женский головной убор. 2. Золотая монета.

Карбас – большая лодка.

Карлык – дикая гречиха (в XVII в. называлась кырлык).

Качинцы – племенная отюреченная к XVII веку самодийско-язычная группа, вошла в ядро современных хакасов.

Каштак – винокуренное предприятие.

Киот с затворами – поставец, специальный ларец для икон.

Китайка – род китайской хлопчатобумажной ткани.

Кичим – кожа, которая кладется между седлом и войлоком.

Кичка – старинный женский головной убор русских.

Киштымы – данники из коренного населения Сибири.

Клепцы – ловушки давящего типа для промысла песца.

Клир – 1. Состав священно- и церковнослужителей при определенном церковном учреждении, приходской церкви. 2. Собирательное название белого духовенства.

Князец – русское название членов родоплеменной знати у енисейских киргизов.

Князь – глава племени, вождь военной дружины, превратившийся с развитием феодальных отношений и образованием государства в высшего представителя господствующего класса феодалов-землевладельцев, в руках которого была сосредоточена государственная власть.

Кокошник – 1. Русский национальный головной убор замужней женщины. Состоит из широкого обруча с высокой передней частью (очельник) и донца с лентами, спускающимися сзади. Украшался жемчугом или самоцветными камнями. Был популярен среди крестьян и мещан в XIX веке. 2. В архитектуре полукруглая или килевидная фальшивая, имеющая чисто декоративное значение. Типичная для русского храмового зодчества XVII века.

Коллежский регистратор – в России самый младший гражданский чин XIV класса. До 1845 года давал личное дворянство, затем только почетное гражданство.

Коллежский секретарь – в России гражданский чин IX класса. Лица, его имевшие, занимали средние руководящие должности (нач. отделения, делопроизводителя в центральных учреждениях).

Коллежский советник – в России гражданский чин VI класса. К. с. могли занимать руководящие должности.

Командор – морской чин, который предшествовал контр-адмиралу и относился к V классу Табели о рангах 1722 года.

Кондиция – условия, норма.

Конец – мера длины ткани, примерно равна 7,5 аршина.

Консистория – коллегиальный орган церковного управления епархии.

Контарь – ручные весы.

Контрагент (от лат. «contrahens» – «договаривающийся») – одна из сторон договора.

Конфедерат – 1. Участник конфедерации. 2. Организация или государство, входящее в состав конфедерации.

Конфирмация – 1. Решение, утверждение, резолюция монарха. 2. Обряд совершеннолетия у лиц католического вероисповедания.

Корпорация – группа лиц с одинаковыми правами и обязанностями.

Корт – найм.

Кортома (кортом) – 1. Аренда, наем, оброк, откуп. 2. Срочная продажа или купля, купля по найму.

Корчемство – нарушение винной монополии государства, тайная торговля водкой.

Корчма – в дореволюционной России (главным образом на Украине, в Белоруссии, Польше) постоялый двор, трактир, харчевня.

Косяк – 1. Мера веревки, равная 12 саженям. 2. Мера длины ткани.

Котовцы – коренное население бассейна реки Кан.

Коч – старинные парусные морские суда, распространенные на русском Севере.

Кошева – широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожами.

Кошлок – молодой бобер.

Коштовать – 1. Содержать. 2. Стоить, цениться. 3. Знать, смыслить. 4. Угощать, потчевать.

Крепость – 1. Документ на владение недвижимым имуществом, людьми. 2. Укрепление.

Кружало – кабак, кружечный двор.

Кулага – тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с фруктами и ягодами).

Курлык – сорт дикой гречихи в Восточной Сибири.

Куртина – отдельная часть сада, участок; здесь куртина – часть города между двумя поперечными улицами.

Купчая – документ, оформлявшийся при покупке недвижимого имущества.

Кушак – мужской пояс из длинной узкой материи. В Сибири обычно шелковый или витой из бичевы.

Кыштымы – данники-инопеменники с рабским статусом.

Лабаз – приспособление для подкарауливания во время охоты зверя, широко практикующееся в таежных районах Сибири, также приспособление в тайге для хранения запасов, устраиваемых охотниками, лесорубами и пр.

Лага, лега – шуба с меховым подкладом.

Лан – китайская мера веса, равная 37,3 г, кусок серебра этого веса, выступал монетой.

Лейб-гвардия – российская гвардия в начале царствования Петра I из полков Преображенского и Семеновского. До 1722 года гвардия не имела в чинах никаких преимуществ, но 24 января этого года утверждены были Табель о рангах, закон о порядке госслужбы в Российской империи, по которому офицеры гвардейских полков получили старшинство двух чинов против армейских.

Литургия – 1. Обедня, вид торжественного священнослужения. 2. В Древней Греции и Византии некоторые виды государственных повинностей.

Лихоимец – корыстолюбивый человек, взяточник.

Лопот – одежда.

Лубок – подкорье.

Лядунка – сумка для ружейных зарядов или пороха. Изготовлялась из холста или кожи.

Макарьевская ярмарка – ярмарка в уездном городе Нижегородской губернии около Макарьевского монастыря, известная еще до 1641 года. Считается началом всероссийской в XVII веке Нижегородской ярмарки, т.к. в 1814 году пожар уничтожил ярмарочные постройки в Макарьеве и она была переведена в Нижний Новгород.

Маклер – биржевой посредник при торговых сделках. Сделки, заключенные при их посредстве с занесением в маклерскую книгу, носят нотариальный характер.

Малахай – 1. Меховая шапка-ушанка. 2. Кафтан внакидку или с рукавами, но без пояса.

Мантилья – короткая, не доходящая до колен женская накидка без рукавов.

Масленица – Масленая неделя; неделя, предшествующая Великому посту; весенний праздник дохристианского происхождения у славянских народов. Символика обряда связана с древнеславянскими традициями проводов зимы и встречи весны.

Матка – 1. Компас. 2. Главная несущая балка перекрытия.

Медведно – выделанная шкура медведя, используемая как полог в зимнее время при езде на санях.

Межень – 1. Середина лета. 2. Вода, входящая в берега после половодья.

Мера тасмяная – особая мерка из ткани, подобие портновского метра.

Мерин – выхолощенный конь.

Миля – русская миля – мера длины, равная 7,6 версты, или 7468 м. Морская миля равна 1853 м.

Мир (община) – местное территориально-административное и налоговое объединение у крестьян и посадских, использовалось и для защиты последними своих интересов.

Миткаль (от перс. «меткал») – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань. Полуфабрикат в производстве клеенки, дерматина и т.п. Из миткаля в результате красительно-отделочных операций получают ситец и бельевые ткани – мадаполам, муслин и др.

Митрополит – в России до конца XVI века, когда было учреждено патриаршество, – глава русской православной церкви и феодальной церковной иерархии.

Мичман – младший офицерский чин в русском военно-морском флоте.

Моторцы – саянское племя тубинских киштымов.

Мугальский ясырь (мунгальский) – монгольский пленник.

Муравленая печь – выложенная изразцами.

Мушкеты – ручное огнестрельное оружие XVI–XVIII веков.

Мясоед – период, когда по уставу православной церкви разрешается мясная пища.

На войную сторону – наизнанку.

Надолбы – вкопанные в землю обрубки дерева, иногда соединенные между собой связью. В XIII–XVIII веках они употреблялись в русских фортификационных постройках.

Нанковый халат – из хлопчатобумажной ткани толстой пряжи.

Напарье – большой бурав в виде желоба, оба края которого заострены и расширяются кверху.

Нарочный торг – специальный.

Наряд – 1. Группа военнослужащих, выполняющих служебные обязанности по приказу командира, начальника. 2. Приказ, извещение.

Натруска – пороховница для насыпки пороха, а также ремень для ношения охотничьих принадлежностей (лядунки и др.).

Начет – денежное взыскание в возмещение неутвержденного расхода.

Неокладные сборы – платежи в казну в размере 1/10 дохода с различных малодоходных ремесленно-промысловых занятий.

Новокрещеные – представители нерусского населения, обращенные в православную веру.

Обедня (литургия) – христианское богослужение, во время которого совершается причащение.

Оброть – недоуздок без удила с одним поводом для привязи лошадей.

Обруб – деревянная обшивка из бревен для закрепления обрывистого берега реки.

Обсервация (от лат.) – астрономическое наблюдение.

Обыватель – горожанин, постоянный житель.

Одекуй – вид бисера.

Однорядка – верхний однобортный длинный кафтан без воротника с длинными рукавами.

Окладные сборы – собираемые в пользу казны.

Околоток – 1. Подразделение полиции городского участка в дореволюционной России. 2. Окружающая местность.

Опала – царский гнев, сопровождавшийся различного рода репрессиями (конфискацией имущества, арестом и ссылкой, посылкой на службу в дальние города и т.д.).

Опричь – кроме.

Орел железный – клеймо с изображением герба Российской империи.

Клеймом удостоверяли правильность инструментов по измерению веса (безменов, весов), объема и мер (сажень и аршин орленные).

Остальцы – оставшиеся после 1703 г. на прежних местах енисейские киргизы и их киштымы.

Острог – 1. Частокол или палисадник из заостренных вверху бревен. 2. Деревянная крепость. 3. Тюрьма, арестантская, где содержались узники, заключенные.

Острожный воротник – сторож у крепостных ворот.

Осьмина – 4-я часть десятины, половина четверти (чети).

Охоботье – при вейке хлеба легкое зерно, мякина, сор.

Пазник – 1. Род тесла или кирки, которой выбивают пазы. 2. Широкое прямое долото на шесте, которым пазят или сбивают бересту.

Панева – верхняя женская одежда XVIII века.

Паперть – крытое крыльцо, ведущее в храм.

Парка – зимняя верхняя одежда из оленьих или собачьих шкур, распашная или глухая. Распространена у народов Севера.

Парки – русские кожаные ботинки, которые обычно носят мужчины.

Партикулярный – частный.

Пасть – ловушка давящего типа на соболя и других пушных зверей.

Патриарх – глава русской православной церкви с конца XVI века.

Паузок – речное судно от 12 до 16 м длиной и грузоподъемностью 700–1000 пудов.

Пашенные люди (пашенные крестьяне) – категория феодально-зависимого населения.

Пеня – штраф, денежный начет.

Перелог – система земледелия, при которой не использовались удобрения.

Пестрядь – пеньковая полосатая ткань.

Пимики – сапоги, свалянные особым образом из шерсти.

Пищаль – старинное огнестрельное оружие. Пищаль затинная – крепостная пушка малого калибра.

Плакат – в данном случае официальная расценка заводских работ.

Плоить – делать на чем-либо ряд параллельных волнообразных складок (белье, одежда).

Плотбище – пристань и верфь, где делали речные суда.

Повалешные – сбор за завалинки, налог введен при Петре I.

Поверенные – представители винных откупщиков по уездам и округам.

Поверстание в казаки – принятие на государственную службу, за которую шло соляное, хлебное и денежное жалованье.

Поверстные деньги – уплачиваемые едущим по подорожной за каждую версту и лошадей.

Повойник – 1. Русский головной убор замужних крестьянок. 2. Обвитый вокруг головы платок.

Повытчик – заведующий отделением приказного стола, где сохранялись и распределялись по отделам списки дел, протоколы.

Подбрусок (подубрусок – подбрусник) – женский головной убор, повойник.

Подворное обложение – налог, взимаемый с каждого двора с 1671/78 года XVII века до введения подушного обложения в первой четверти XVIII века.

Подголовник (подголовок) – ларец для хранения ценных вещей, денег и документов, помещаемый обычно в изголовье постели. Выполнялся обычно в виде сундучка со скошенной крышкой.

Подканцелярист – низший вне Табели о рангах чин в государственных учреждениях России XVIII века.

Подклет – нижний этаж жилого здания, обыкновенно предназначавшийся для прислуги и для исправления домашних служб, а также для кладовых. В купеческих домах в подклете обычно складировались товары. Стоящий на подклети второй этаж всегда почти служил жильем хозяевам.

Подорожный лист (подорожная) – документ, разрешающий проезд на казенных подводах.

Подьячий – делопроизводитель бюрократических учреждений в России XVII века. Помощник дьяка в приказе, приказной воеводской избе.

Пожаловать – одарить кого-либо по царскому указу недвижимым имуществом.

Покормежный паспорт (покормежная) – особый документ типа свидетельства личности, выдаваемый с последней трети XVII века при длительной отлучке для «зарабатывания» средств.

Покров Пресвятой Богородицы – христианский праздник, отмечается верующими 1(14) октября.

Покрученик – от слова «покрута», человек, заключивший кабальный договор о найме-займе. В пушном промысле отдавал до 2/3 своего пая из общей добычи за хозяйское содержание.

Покрыльки – передовые гонцы.

Полицмейстер – начальник полиции в городах царской России. Должность введена с 1762 года.

Полтина – монета, достоинством в 50 коп.

Польники (полюшки) – тетерева.

Поминки – 1. Дарственное приношение воеводам, гостинец. 2. Угощение в память умершего.

Пономарь – низший церковнослужитель в православной церкви, в обязанности которого входило звонить в колокола, участвовать в клиросном пении и прислуживать при богослужении.

Порты – мужская поясная одежда в виде свободно скроенных штанов. Обычно шили из холста, а также выбойки, китайки, дабы, нанки, набойки, коломянки, пестряди, тика и шелка.

Поруха – гибель, уничтожение.

Поручная – документ, содержащий поручительство частных лиц перед властью друг за друга.

Поршни – ботинки из невыделанной кожи в форме лыковых лаптей.

Порядное – старинная торговая пошлина, служившая дополнением к тамге и взимавшаяся при покупке товара в лавке с цены товара, притом только с некоторых товаров (медь, соль, рыба, хмель). Обыкновенная величина порядного от 1/2 до двух денег с рубля.

Посад – в Древней Руси: 1. Торгово-промышленная часть города вне городской стены. 2. Пригород, предместье, а также поселок городского типа. 3. Собирательное название податных в городе.

Послуга – дар, привилегия.

Посконь – конопля.

Послужной список – формуляр, в который записывается все прохождение службы служилыми людьми с обозначением их происхождения, религии, семейства, недвижимого имущества и аттестации начальства.

Посулы – взятки.

Почтовая экспедиция – учреждение по отправке и получению казенной и частной корреспонденции в уездных городах. Введена губернской реформой 1775 года.

Пошлина – сбор, взимаемый с частных лиц, когда входят в соприкосновение с государственными учреждениями из-за своих выгод или когда они вступают в определенные законом письменные деловые отношения друг с другом.

Прапорщик – воинское звание, младший обер-офицерский чин до конца XVIII века XIV класса по Табели о рангах 1722 года. Давал потомственное дворянство до 1797 года.

Престол – в церкви: высокий стол, стоящий посреди церковного алтаря.

Придел – добавочный, боковой алтарь в церкви.

Приказ – центральный орган государственного аппарата России в XVI–XVII веках.

Присуд – мелкая административно-территориальная единица до конца XVIII века в Сибири.

Притвор – помещение в храме перед основным его объемом.

Притча – повествование, часто аллегорическое произведение поучительного характера с ярко выраженной моралью, близкой к басне.

Приходской дом, или приход, – в христианской церкви низшая церковно-административная организация, объединяющая прихожан одного храма.

Причастие – в православной церкви обряд «приобщения верующих к Христу». При причастии употребляется красное вино (обычно кагор) с кусочками просфоры (специально выпеченные маленькие круглые хлебцы).

Причетник – младший чин церковного причта (пономарь, дьячок).

Причт (церковный) – персонал священнослужителей (священники, дьяконы) и церковнослужителей (пономари, дьячки) при православном храме.

Проварные деньги – полученные от продажи пива и браги.

Провинциальный город – центр провинции, введены Петром I в 1718–1719 годах и присутствовали до 1782 года. С XIX века – это маленький, отдаленный от столицы городок.

Пролубной откуп – подряд на содержание в порядке зимой прорубей.

Пролубка – прорубь.

Промемория (лат.) – в XVIII веке распоряжение, поступающее в низшее учреждение из вышестоящей инстанции.

Прописной – пропущенный при подушных переписях человек мужского пола.

Просвирница – женщина, занимающаяся выпечкой просвир, маленьких церковных хлебцев, символизирующих «тело Христово».

Просека – 1. Освобожденная от деревьев полоса леса, прорубаемая по границам земельных участков. 2. Плотницкий инструмент.

Протопоп – старинное название протоиерея в качестве настоятеля. Протопопы в уездах и губерниях занимали должность председателя духовных правлений, благочинных и т.д. Они пользовались особым доверием епархиального начальства, и им делались особые поручения по исполнению общих правительственных распоряжений.

Пуд – русская мера веса, равная 16,3 кг.

Пустоозерец – выходец из г. Пустоозерска.

Пятидесятники – командный состав после атамана и сотника у конных и пеших казаков.

Пятинный хлеб (пятый сноп) – пятая часть урожая, которую оброчные крестьяне в качестве натурального оброка вносили в казну.

Работные люди – лица средневековой России, добывающие средства к существованию вольным наймом.

Раввин – священник у лиц иудейского вероисповедания.

Разночинцы – 1. С введением подушного обложения с 1724 по 1787 год ими оказались не вошедшие в штат казаки Сибири. Здесь разночинцы – «люди разного чина и звания», занимавшиеся торговлей и земледелием. 2. Прослойка русского общества в XIX веке. Разночинцы – люди, получившие образование и оторвавшиеся от своей прежней социальной среды, выходцы из разных сословий – казачества, купечества, мещанства, духовенства, крестьянства, деклассированного дворянства.

Ратман – член магистрата.

Ратные люди, или ратники, – 1. В Древней Руси – воины. 2. В дореволюционной России – члены народного ополчения.

Ратуша – учреждена в 1699 году Петром I. Она ведала торговыми, промышленными и посадскими людьми всего государства в «расправных челобитных и купецких делах», а также в сборе государевых доходов, поборов и пошлин. Члены ратуши были выборными, их главы назывались бургомистрами. В 1728 году в городах были учреждены городовые ратуши вместо упраздненных магистратов.

Рачение – старание.

Ревизские сказки – списки лиц, подлежащих обложению подушной податью и отбыванию рекрутской повинности в России XVIII–XIX веков. В ревизские сказки вносились лица, относившиеся к податным сословиям, – крестьяне, посадские люди, однодворцы, бобыли, бродячее духовенство, работные люди, вольные, гулящие люди и др. Ревизские сказки были основным документом для подушной подати. Они содержали сведения о численности податного населения, его географическом размещении, составе по возрасту, полу, национальности, общественному и семейному положению.

Регистр – список, указатель чего-нибудь, книга для записей.

Рекруты – лица, поступившие на военную службу по повинности или найму. В России название «рекрут» установлено в 1705 году при Петре I с введением обязательной для тяглого населения рекрутской повинности. В 1874 году заменено словом «новобранец». В современном русском языке употребляется редко.

Ретирада – 1. Отступление. 2. Отхожее место, туалет.
3. Решетина – горбыль, брусок, лежащий поперек

Рогатки – 1. Военное укрепление, представленное продольным брусом со вдолбленными накрест палисадниками (брусками) для преграды пути. 2. Околица, ограда вокруг города с проездами.

Рогульки – 1. Развалины. 2. Ватрушка, защемленная с краев рожками. 3. Основа вышелушенной кедровой шишки.

Рождество Христово – один из главных церковных праздников, установленный согласно церковному вероучению в честь рождения Христа.

Ротонда (итал. «круглая») – 1. Круглая в плане постройка (храм, мавзолей, павильон, зал), обычно увенчанная куполом. 2. Длинная женская накидка без рукавов.

Роклер – распространенный в XVII – первой половине XVIII века фасон парадного платья.

Руга – денежные и натуральные выдачи церквям и монастырям от правительства или от прихожан.

Ружники – получающие ругу.

Рухлядь (рухо, рухло) – 1. Разное движимое имущество, пожитки, а также нужные вещи, запас. 2. Пушнина.

Сабур (турец.) – выпаренный досуха сок из листьев различных видов алоэ. В медицинской практике применяют в качестве слабительного средства (действующие вещества – антрагликозид), эффект через 8–10 часов после приема.

Сандал – краситель, извлекамый из древесины сандалового дерева, а также некоторых других деревьев.

Самосадная соль – соль, которая выпаривается естественным путем.

Сажень – старая русская единица измерения длины до введения в СССР метрической системы мер. 1 сажень = 3 аршинам = 48 вершкам = 7 футам = 84 дюймам = 2,13360 м.

Сайдачное лубье (саадак, сагайдак, сайдак) – налучник, чехол на лук, обычно кожаный, тисненый, нередко убранный серебром, золотом, каменьями, иногда шитый, бархатный.

Сандрик – небольшой карниз над окном или дверью.

Сарана (саранка) – съедобное растение, употреблявшееся в пищу коренными народами Сибири.

Сбитень – горячий напиток. Изготовлялся кипячением воды или слабого пива с медом (реже патокой) и пряностями (лавровый лист, перец, гвоздика, имбирь и др). К готовому сбитню иногда добавлялся спирт. Сбитень был широко распространен в средних и малоимущих слоях населения дореволюционной России. В народной медицине считался средством для предупреждения цинги.

Свайка – распространенная игра типа лапты в XVII веке.

Святая неделя – пасхальная неделя.

Седмичные торги – воскресная торговля.

Семик – Седмь, семв, шесть с одним седьмой, идущий после шестого.

Семинария – учебное заведение для подготовки духовных лиц и учителей преимущественно народных школ.

Сенат – высшее судебно-административное учреждение в царской России.

Серп-трава – серпий, серпуха, идет на желтую краску.

Сибарит – праздный, изнеженный роскошью человек.

Синодальной команды крестьяне – крестьяне духовного ведомства.

Сиповщики – трубачи.

Сиротский суд – орган городского самоуправления, введенный в 1775 году по опеке несовершеннолетних горожан.

Скобель – нож с двумя поперечными ручками по концам для ошкуривания бревен и строгания вчерне, в грубом виде.

Слобода – один из видов поселений в феодальной России в XI–XVIII веках на государственной или частновладельческой земле, пользующейся временным освобождением от уплаты налогов и других повинностей, отсюда название – «слобода».

Словесный суд – учрежден в XVIII столетии для разбора торговых, в особенности ярмарочных, вексельных и т.п. дел. Словесные суды были учреждены при магистратах, ратушах.

Смотритель – служащий, осуществляющий надзор, наблюдение за чем-либо, заведующий чем-либо или инспектирующий что-либо.

Служилые люди – общее название лиц, состоящих на службе государства в XV–XVII веках.

Снасть – 1. Канат (веревка), служащий для управления парусом или для других целей. 2. Оснастки мачт и прочего рангоута или орудий лова.

Соболиная казна – пушнина.

Солодовка (от солод) – продукт, получаемый от прорастания злаковых.

Сонмица (сонм, сонмище) – сход, съезд, собрание.

Сорок – набор собольего меха из 40 шкурок.

Сословия – ими называли группы и разряды населения, имеющие определенные законодательно оформленные права и обязанности. Членство в нем обычно наследственное.Таксономический ряд – суперсословие, сословие, сословный разряд.

Сотник – 1. Древнерусское воинское звание начальника сотни воинов; 2. В дореволюционных казачьих войсках – офицерский чин, соответствовал чину поручика в пехотных частях.

Сочельник – канун дня Рождества Иисуса Христа. Название от «сочень» (лепешка на конопляном масле), которым должны, по предписанию церкви, питаться в этот день верующие.

Сошник – рабочая часть сохи для вспашки земли. Изготавливалась из железа. Глубина вспашки 10–12 см.

Станки – мелкая сельская административно-территориальная единица, объединявшая посадских, живущих в деревнях. Она подчинялась городским властям.

Староста – ранее термин служил общим названием всех тысяцких, сотских и десятских, представляющих собою городовое ополчение, впоследствии появились староста городовой, земский, губной и др.

Статский советник (нем.) – гражданский чин V класса, равняющийся на военной службе бригадиру.

Статус – правовое положение.

Стольник – придворный чин на Руси XIII – начала XVIII века. Первоначально застольные слуги князя во время торжественных трапез. Большинство стольников несло государственную службу. Звание это давалось лицам знатного происхождения.

Страдовать – собирать урожай и косить сено.

Страстная неделя – последняя перед Пасхой неделя Великого поста.

Стрельцы – род пехоты, созданный при Иване IV, совмещали военную службу с гражданскими занятиями. Для них характерно отсутствие систематического строевого обучения и навыков «регулярного боя».

Стремена – принадлежность седла для верховой езды. Изготавливались из железа в виде 2-х овальных колец, прикрепленных к седлу ремнями.

Строшной (строчной) – работник, нанятый на время.

Струг – речное гребное и парусное судно.

Сулема – хлорная ртуть (HgCl2), белый порошок, очень ядовита. Обладает сильным дезинфицирующим свойством. Применяется в слабых растворах для мытья посуды не из металла, мебели, полов.

Сырник – сырая древесина.

Сыта – вода, подслащенная медом, или медовый отвар на воде.

Сыщик – расследователь по делам о беглых, об утайке дворов и т.д.

Съезжая изба – канцелярия. 1. Воеводы в городах XVII–XVIII веков. 2. Городского самоуправления небольших городов. 3. С 1782 года административно-полицейской части города, возглавляемой частным приставом.

Тайша – у монголов и калмыков племенной вождь.

Таможня – государственное учреждение, осуществляющее контроль над провозом грузов (в том числе и почтовых отправлений) и взимающее установленные пошлины и иные сборы с этих товаров.

Татьба – кража.

Тересы – весы.

Телогрея (телогрейка) – распространенная, обычно женская, верхняя одежда для дома без рукавов. Шилась из ткани (гранитура, китайки, гризета или меха).

Тесло – род топора с лезвием, направленным перпендикулярно к топорищу, как носок обыкновенного молотка.

Тесник – плотничье орудие, у которого лезвие поставлено не вдоль топорища, как у топора, а поперек, как у кирки.

Тисчины – удила уздечки.

Толмач – переводчик.

Толокно – мука из поджаренного очищенного овса.

Торжище – рынок, базар, место купли и продажи.

Трапеза – общий стол для приема пищи в монастыре, а также прием пищи.

Троица (пятидесятница) – один из «двунадесятых» православных церковных праздников, отмечается верующими на 50-й день от Пасхи.

Тубинцы – угорско-тюркские племена.

Тумак – меховая шапка с отворотами во все стороны.

Тунгусы – так называли современных эвенков и эвенов дореволюционной Сибири.

Тупица – затупленный топор, дровокольный, ледорубный или для рубки костей.

Тыновая стена – часть внешней линии укрепления крепости, состоящая из вертикально вкопанных и приостренных сверху бревен.

Тюлькина земля – под таким названием первоначально была известна русским та местность, где впоследствии возник Красноярск, называлась она по имени местного князька.

Тягло – совокупность денежных платежей и натуральных повинностей в пользу государства.

Узда (уздечка) – часть кожаной сбруи. Надевается на голову лошади, имеет повод и кольца для вожжей, предназначенных для управления при езде в упряжке.

Указ – 1. Распоряжение вышестоящего учреждения нижестоящему учреждению или должностному лицу (XVIII в.). 2. Вид судебного решения (XVIII–XIX вв.).

Улус – у древних монголов родоплеменное объединение, занимающее определенную территорию, подвластную хану или вождю.

Управа – в дореволюционной России учреждение, ведавшее общественными, сословными или административными делами.

Ураз – удар, ушиб, рана.

Урочище – естественная граница, природная межа (река, овраг).

Успеньев день – в православной церкви праздник культа Богородицы, отмечается 15 (28) августа.

Утреня – утренняя церковная служба, заутреня.

Ушканина – шкура зайца.

Фемида – в греч. мифологии богиня правосудия, дочь Урана и Геи.

Филе (филейный) – вышивка на сетке из ниток или сетчатая вязка.

Финифть – древнее название эмали.

Флюсы – добавки, необходимые для выплавки металлов.

Фолианты (фолиант) – 1. Книга форматом в половину бумажного листа. 2. объемистая книга большого формата.

Форпост – передовой пост, укрепленный пункт.

Форстмейстер – лесничий, смотритель за лесами.

Фунт – единица веса, равная 409,512 г.

Хан – название правителя у тюрских и монгольских народов.

Хартия – 1. Старинная рукопись, а также материал, на котором она написана. 2. Название некоторых документов важного общественно-политического значения.

Хмелевать – идти собирать хмель.

Холоп – несвободный, близкий к рабу человек на Руси IX–XVII веков. Подчеркивая свое зависимое положение в XVI–XVII веков, холопами называли себя бояре и дворяне при обращении к царю. Простолюдины же именовали себя в челобитных сиротами.

Хорунжий (польск.) – первоначально – знаменосец полка, позднее первый офицерский чин в казачьих войсках русской армии.

Хрящ – крупный песок, образовавшийся из обломков твердых горных пород.

Целовальник – в XVIII веке продавец в питейном заведении, кабаке, в соляном или хлебном амбарах.

Царские двери (врата) – вход через иконостас, отделявший основной объем храма от его алтарной части. Через них священник выходил к верующим.

Црен – изготовленный кузнецами большой железный поддон для выпарки соли.

Цеховой – член ремесленного общества.

Часовня – христианская культовая постройка небольших размеров без специального помещения для алтаря. По необходимости могла использоваться как церковь.

Часослов – православная церковная книга, содержащая тексты богослужений и молитв – так называемых часов (утрени, вечерни и т.д.). По нему нередко обучали грамоте.

Частный пристав – полицейская офицерская должность, введенная Полицейским уставом 1782 года. Частный пристав ведал «благочинием и порядком части города. Ему подчинялись квартальные надзиратели унтер-офицерских рангов. Уездные сибирские города обычно состояли из одной-двух частей территориально-полицейских единиц, которые делились на кварталы.

Чеботные ремесла – ремесла по изготовлению обуви.

Челобитная – прошение, заявление, жалоба (XV–XVIII вв.).

Черевеси – неполноценная пушнина.

Четверик – старинная мера сыпучих тел, равная 1 пуду, или 16 кг.

Четь (четверть) – 1. Основная единица хлебной меры на Руси в XVII веке, которая составляла в первой половине XVII века 4 или 6 пудов. В конце XVII–XVIII века утвердилась восьмипудная четверть. 2. Единица площади, равная в XVI–XVIII веках 0,5 десятины.

Черкасы – украинцы XVII–XVIII веков.

Чуни (кочи) – ботинки, к которым пришиты чулки.

Шасоту – сейчас.

Шерть, шертованье – присяга у сибирских народов, сопровождаемая символическими обрядами.

Шлея – часть конской сбруи, охватывающяя туловище лошади, прикрепляется к хомуту.

Шляхетство – наименование русского дворянства, введенное в России со времен Петра I. Употреблялось обычно с прибавлением слова «благородное», что должно было подчеркивать положение дворянства как господствующего сословия. Привилегии дворянства (шляхетства) окончательно были закреплены в XVIII веке. В 1731 году был учрежден Шляхетский корпус, выпускавший детей сразу с офицерским чином. Однако в России название «шляхетство» не привилось и с середины XVIII века было вытеснено русским словом «дворянство».

Шнява – легкий парусный корабль для разведывательной или посыльной службы.

Эклектика (греч.) – от «свободы выбора». В архитектуре зданий – сочетание разнородных стилевых элементов.

Экстракт – в судопроизводстве. Извлечение из всего дела, содержащее все нужные сведения для решения. Иначе – записка.

Эстафета – почта, донесение, посылаемое с нарочным, обычно конным.

Юфть – сорт мягкой кожи.

Явчие – деньги, взятые с предъявленных к продаже товаров.

Яринцы – племя киргизских киштымов.

Ярица (яровое) – 1. Однолетняя зерновая культура, высеваемая по весне и снимаемая по осени. 2. До XIX века так в Сибири называли яровую рожь.

Ясак – подать (преимущественно пушниной), взимаемая с нерусского населения.

Ясашные – плательщики натуральной подати – ясака.

Ясырь – пленники из числа коренных сибирских жителей, захваченные во время военных действий.

Ящичный сбор – в том случае, когда таможенные сборы были слишком малы (несколько копеек или доли копеек), то сведения о пошлине в таможенные книги не вносились, а деньги опускались в специальный ящик. Через определенный срок ящик вскрывался, деньги подсчитывались и сведения о сумме собранного вносились в таможенные книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Часть I. ОСТРОГ У КРАСНОГО ЯРА 6
Документы 13

Часть II. ГОРОД УЕЗДНЫЙ 185
Документы 191

Список сокращений 431

Перечень документов 432

Терминологический словарь 440

Научное издание

Геннадий Федорович Быконя

Избранные труды

Том 6

ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКА
Документы и материалы
XVII–XVIII веков

Издание 3-е, дополненное и переработанное

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *Ж.В. Козупица*
Верстка *Н.С. Хасаншина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 05.07.18. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 29,6. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 05-РИО-001

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40